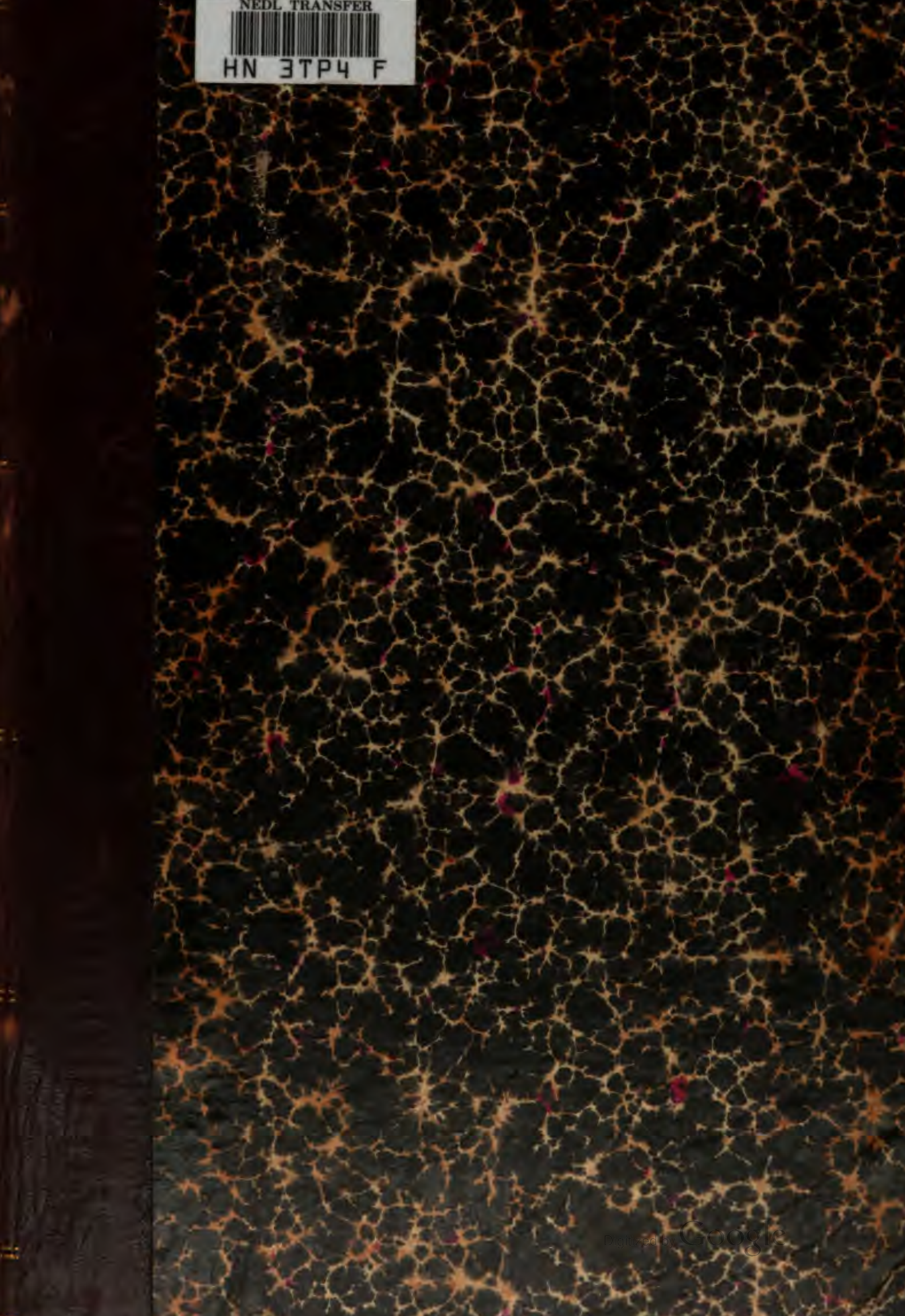

Русскій дворъ сто лѣтъ тому назадъ.

(La cour de la Russie il y a cent ans)

1725—1783.

По донесеніямъ англійскихъ и французскихъ посланниковъ.

Первый русскій переводъ съ берлинскаго изданія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „Освобожденіе“ 6-я Рождественская, 22.
1907.

Измѣнившіяся цензурныя условія дали возможность русскому обществу ознакомиться съ цѣлыми новыми областями литературы и науки. Къ числу такихъ областей, и при томъ наиболѣе гонимыхъ прежде, принадлежала несомнѣнно русская исторія. Все, что выходило за предѣлы писаній господъ Иловайскихъ, все, что бросало настоящій свѣтъ на тѣ эпохи „могущества и силы", на которыя такъ любятъ ссылаться, какъ на примѣръ достойный подражанія, господа доморощенные политики — все это ревниво оберегалось недреманнымъ окомъ цензуры. Нельзя, конечно, сказать, что времена этой опеки миновали безвозвратно, и что безпристрастная исторія вполнѣ свободно можетъ сказать свое слово, но все же явилась возможность обсуждать хотя бы нѣкоторыя эпохи русской жизни, и цѣлый рядъ произведеній какъ то: „Записки Императрицы Екатерины", „Записки Дашковой", „Смерть Павла I", „Цареубійство II марта" и др. открыли русскому обществу такія подробности, о которыхъ всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ можно было говорить лишь на ухо и шопотомъ. Предлагаемая вниманію читателей книга по справедливости можетъ занять почетное мѣсто въ ряду такихъ изданій. Цѣлый рядъ новыхъ и интимныхъ подробностей о той эпохѣ „царствованія юбокъ", когда было „царей не слишкомъ много, а болѣе царицъ", представляетъ несомнѣнный и выдающійся интересъ, тѣмъ болѣе, что историческія данныя, изложенныя въ книгѣ, основаны на офиціальныхъ донесеніяхъ иностранныхъ пословъ и едва ли могутъ быть оспариваемы. Книга эта пользуется громадной популярностью заграницей, произвела тамъ сенсацію при своемъ появленіи и послужила богатымъ матеріаломъ для ознакомленія съ настоящей, а не офиціальной исторіей Россіи. Книга эта появляется въ Россіи первый разъ и представляетъ собой полный переводъ съ берлинскаго изданія.

Издатель.

Май, 1907.

Русскій дворъ сто лѣтъ тому назадъ.

1725—1783 гг.

I.

Петръ I умеръ 25-го января (8-го февраля) [1]) 1725 года; ему наслѣдовала императрица Екатерина безъ всякихъ къ тому препятствій благодаря мѣрамъ, принятымъ Меньшиковымъ. Бояре и дворяне, съ трудомъ переносившіе желѣзное ярмо Петра Великаго, надѣясь вновь пріобрѣсти послѣ его смерти ту власть и авторитетъ, которыми они пользовались при царяхъ, его предшественникахъ, хотѣли возвести на тронъ сына царевича Алексѣя, въ то время 9 лѣтняго мальчика. Но мало сплоченные другъ съ другомъ, безъ заранѣе обдуманнаго плана, они были застигнуты врасплохъ и совершенно неожиданно рѣшеніемъ Меньшикова и его ставленниковъ, которые теряли бы все, если бы ихъ планъ не удался. Солдаты, начальники которыхъ были большею частью на сторонѣ Меньшикова или были запуганы, исполнили безъ размышленія данныя имъ приказанія. Меньшиковъ, впрочемъ, не забылъ ничего, что могло ослабить и разъединить его враговъ. Нѣкоторые продались за хорошую цѣну, другіе были удалены отъ двора подъ разными предлогами.

Большія милости были даны войскамъ гвардіи, а остальная армія была довольна ужъ тѣмъ, что получила просроченное жалованье. Прошло нѣсколько недѣль, и, казалось, ничего не перемѣнилось въ государствѣ. Однакоже полное послушаніе не исключало неудовольствія и даже презрѣнія. Екатерина была недостойна того высокаго положенія, на какое ее вознесъ капризъ судьбы. Отмѣнныя качества ума и характера, которыя ей приписывали, чтобы

---

[1]) Цифры въ скобкахъ означаютъ числа по новому стилю.

Ред.

объяснить и оправдать довѣріе и расположеніе, выказываемыя ей Петромъ I-ымъ ни въ чемъ не обнаружились въ ея поведеніи ни до ея восшествія на престолъ, ни тѣмъ менѣе послѣ. На тронѣ она только показала свои низкіе и грубые пороки. Къ счастію Россіи, ея царствованіе не было продолжительно—она умерла 6-го (17-го) мая 1727 года. Собственно говоря, подъ именемъ Екатерины государствомъ управлялъ Меньшиковъ. Большія полномочія, которыя были ему предоставлены, баснословныя богатства, собранныя имъ, свободу, даже жизнь, все это онъ могъ потерять въ одно мгновенье. Его гордость, жестокость, воспоминанія о низкомъ его происхожденіи дѣлали его предметомъ ненависти малыхъ и великихъ. Во всякой другой странѣ, смерть Екатерины была бы сигналомъ паденія ея фаворита. Но русскіе давно привыкли слѣпо слушаться ихъ повелителя, каковъ бы онъ не былъ. Изданный Петромъ Первымъ законъ позволялъ Екатеринѣ выбрать себѣ наслѣдника. Въ своемъ завѣщаніи она назначила преемникомъ ребенка одинадцати лѣтъ, сына несчастнаго царевича Алексѣя, на сторонѣ котораго было общественное мнѣніе и желаніе народа, но въ то же время она назначила его опекуномъ Меньшикова, до достиженія имъ семнадцати лѣтъ [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ она предписала Высшему Совѣту, который былъ присоединенъ къ опекѣ, женить молодого царя на дочери Меньшикова и выдать замужъ ея любимицу сестру Наталію за сына Меньшикова.

Такимъ образомъ, счастливый фаворитъ думалъ обезпечить свое счастье со всѣхъ сторонъ. Почти какъ разъ четыре мѣсяца спустя, 8 (19) сентября, царь Петръ II подписалъ указъ, по которому Меньшиковъ былъ высланъ и лишенъ всего его имущества. Этотъ вельможа, передъ которымъ все трепетало, даже самъ царь, былъ арестованъ и безъ судебнаго слѣдствія отправленъ со всей своей семьей на далекій сѣверъ, и ни войска, которыя онъ повидимому расположилъ къ себѣ, и ни одинъ изъ его знатныхъ приверженцевъ не пошевелились, чтобы его защитить или охранить. Очень трудно въ настоящее время найти нити заговора, который привелъ къ этому глубокому паденію. Всѣ тамъ участвовали, все было пущено въ ходъ. Многіе сановники, нѣсколько членовъ знатныхъ фамилій принимали главное участіе, такъ какъ

---

[1]) Если вѣрить саксонскому посланнику Лефорту, это завѣщаніе было твореніемъ Меньшикова, потому что онъ писалъ 27 сентября 1727 г. «какъ принцесса Елисавета подписывала все именемъ царицы, такъ князь Гольштейнъ и Меньшиковъ заставили ее подписать завѣщаніе, о которомъ бѣдная усопшая никогда ничего не знала».

всѣ надѣялись выиграть отъ этого и больше не зависѣть отъ всесильнаго временщика и каждый, въ частности, думалъ наслѣдовать его власть. Между товарищами, назначенными молодому царю Меньшиковымъ, былъ одинъ, любимый царемъ больше другихъ—это былъ Иванъ Долгорукій. Онъ принадлежалъ къ семьѣ, которая занимала первое мѣсто между самыми знатными и важными фамиліями Имперіи. Основатель царствующей династіи, Михаилъ Романовъ былъ женатъ на одной изъ Долгорукихъ. Во время царствованія Петра Перваго они занимали самыя важныя должности—гражданскія и военныя. Болѣе чѣмъ кому-либо другому семьѣ Долгорукихъ было невыносимо ярмо правленія Меньшикова, ярмо давившее всю аристократію, и такъ какъ они больше другихъ старались о его низверженіи, то и надѣялись занять его мѣсто. Это было не легко, такъ какъ хотя царь по своимъ лѣтамъ и не могъ управлять самъ, но число конкурентовъ было велико, и ставка была настолько заманчива, что каждый хотѣлъ ее получить. Иванъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы служить съ успѣхомъ желаніямъ и честолюбію своей семьи и онъ былъ не настолько уменъ чтобы слѣдовать всегда совѣтамъ своего отца и дядей. Главнымъ препятствіемъ къ достиженію цѣли, по мнѣнію Долгорукихъ, являлась сначала принцесса Наталія. Она была нѣсколькими годами старше царя и она была хорошо направлена. Ея вліяніе длилось не долго. Донесеніе англійскаго резидента Рондо отъ 9 августа 1728 года описываетъ въ немногихъ словахъ и эту принцессу, и лицъ, имѣвшихъ у нея довѣріе.

„Графъ Лютоль, очень красивый мальчикъ, былъ большимъ фаворитомъ покойной царицы. Анна Крамеръ тоже имѣла большое вліяніе на нее, и участвовала во всѣхъ удовольствіяхъ принцессы, въ которыхъ графъ Лютоль былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ. Меньшиковъ приблизилъ того и другого къ принцессѣ Наталіи. Но вскорѣ они поссорились съ нимъ и, получивъ уже расположеніе ихъ повелительницы, присоединились съ ней и къ принцессѣ Елисаветѣ, къ Апраксину, Головкину, къ Остерману и другимъ, что бы свергнуть Меньшикова. Теперь Лютоль и Крамеръ единственные фавориты принцессы Наталіи и они ей управляютъ, какъ имъ вздумается. Эта принцесса, въ началѣ царствованія своего брата пользовалась большимъ вліяніемъ при дворѣ, потому что царь любилъ ее больше всего на свѣтѣ. Но она злоупотребляла своимъ вліяніемъ, и, желая убѣдить своего брата бросить безпорядочную жизнь, которую онъ велъ, она своими выговорами сдѣлалась ему непріятной и потеряла большую часть своего вліянія на него“.

Принцесса Елизавета, дочь Петра I-го и Екатерины, но родившаяся до ихъ брака, заняла мѣсто принцессы Наталіи. Рондо знакомитъ насъ съ ней въ этомъ же донесеніи, гдѣ онъ пишетъ:

„Принцесса Елизавета теперь въ большомъ фаворѣ. Она очень красива, и любитъ все то, что любитъ царь, танцы, охоту, которая ея главная страсть; о другихъ вкусахъ, въ которыхъ они солидарны, я не нахожу удобнымъ говорить. Эта принцесса пока не вмѣшивается въ дѣла государства, такъ какъ всецѣло отдается удовольствіямъ, она сопровождаетъ молодого царя всюду, гдѣ бы онъ ни показался“.

Про Ивана Долгорукаго Рондо говоритъ немного:

„Большой фоворитъ Его Величества въ данную минуту молодой князь Долгорукій; ему около двадцати лѣтъ. Они неразлучны день и ночь; и онъ участвуетъ во всѣхъ распутствахъ, которыя очень часты“.

Послѣ этого замѣчанія Рондо былъ вполнѣ правъ, прибавивъ:

„Великіе замыслы Петра Перваго будутъ скоро обращены въ ничто“.

Однако принцесса Наталія, съ помощью вице-канцлера Остермана достигла возвращенія своего вліянія, а они оба вмѣстѣ, пишетъ Рондо 23 ноября 1728 года, достигли удаленія Ивана Долгорукаго. Нѣсколько дней спустя 3-го декабря принцесса Наталія умерла отъ недолгой болѣзни, Иванъ Долгорукій, призванный сейчасъ же обратно, получилъ еще болѣе вліянія чѣмъ когда либо раньше. Съ этой минуты его семья, казалось, достигла апогея счастья. Въ слѣдующемъ году царь былъ торжественно объявленъ женихомъ сестры своего фаворита Екатерины Долгорукой. Рондо пишетъ 20 ноября 1729 года:

„Несмотря на противодѣйствія Остермана и другихъ, помолвка царя съ сестрой Долгорукаго объявлена. Ей около 18 лѣтъ, она очень хороша и обладаетъ множествомъ прекрасныхъ качествъ“ [1]).

Свадьба должна была состоятся черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ одно время съ коронаціей. Къ несчастію для Долгорукихъ, царь умеръ довольно внезапно 19 (30) января 1730 года.

---

[1]) Саксонскій посланникъ Лефортъ писалъ 17-го апрѣля 1730 года «Невинная невѣста покойнаго царя благополучно разрѣшилась отъ бремени прошлый вторникъ дѣвочкой — достойное произведеніе кавалергарда по имени Миктеревъ».

II.

Лишь только царь закрылъ глаза, въ пять часовъ утра высшій совѣтъ, генералы и сановники имперіи собрались, чтобы рѣшить, кому наслѣдовать корону. Своимъ завѣщаніемъ Екатерина назначала наслѣдовать ей, вмѣсто Петра II-го или при его безплодіи, старшую свою дочь, Анну, бывшую замужемъ за герцогомъ Гольштейнъ-Готторпъ или же вмѣсто нея другую дочь Елизавету. Принцесса Анна умерла въ 1728 году и оставила ребенка, котораго отецъ увезъ съ собой въ Германію, того самаго который царствовалъ впослѣдствіи подъ именемъ Петра III-го и окончилъ свою жизнь такъ печально. Въ этомъ собраніи не было даже вопроса объ этомъ завѣщаніи, такъ какъ всѣ знали его ничтожное значеніе, и законность его никто не защищалъ. Отецъ и братъ Екатерины Долгорукой предложили дать корону ей, такъ какъ она была невѣстой покойнаго царя; по словамъ Лефорта, Остерманъ, который уже помѣшалъ Петру II жениться на ней за нѣсколько дней до его смерти, принялъ предосторожности по этому поводу и заручился поддержкой не только Голицына и другихъ сановниковъ, но и фельдмаршала Долгорукаго, ея внучатаго дяди. Нѣкоторые склонялись къ тому, что бы возвести на тронъ сына принцессы Анны, несмотря на то, что ему было только три года, но князь Гольштейнъ, во время своего пребыванія въ Россіи, былъ такъ ненавидимъ всѣми, что это предложеніе было сейчасъ же отклонено. Едва лишь упомянуто было о принцессѣ Елизаветѣ. Вотъ что пишетъ по этому поводу Маньянъ, французскій посланникъ, два мѣсяца спустя, 3-го апрѣля:

„Принцесса Елизавета въ этомъ случаѣ не выказала себя ни съ какой стороны. Она тогда развлекалась въ деревнѣ, и было даже невозможно тѣмъ, которые старались здѣсь въ ея пользу, упросить ее, чтобы она явилась въ виду такихъ обстоятельствъ въ Москву, нѣсколько эстафетъ, посланныхъ ей, не могли попасть къ ней во время, и она пріѣхала въ Москву уже послѣ избранія герцогини Курляндской. Но если бы даже она пріѣхала туда раньше, ея присутствіе ничему бы не помогло по тремъ причинамъ, одинаково важнымъ, которыя мѣшаютъ ей имѣть друзей въ главныхъ русскихъ фамиліяхъ. Первая—это безпорядочность ея поведенія, къ которому русскіе, не смотря на то, что [1]) они мало разборчивы, чувствуютъ большое презрѣніе; вторая—у

[1]) Лефортъ пишетъ 10-го октября 1729 года: «Эта принцесса живетъ въ невѣроятной неизвѣстности, мало уважаема и очень безпокойна»

всѣхъ сохранились ужасныя воспоминанія о царствованіи ея матери; третья причина, наконецъ, та, что по правиламъ греческой православной церкви, каждый ребенокъ, рожденный до брака отца и матери, не считается законнымъ, не смотря на то, что бракъ былъ совершонъ впослѣдствіи. Русскіе считаютъ этотъ законъ неприкосновеннымъ; вотъ почему они увѣряютъ, что принцесса Елизавета, такъ же какъ и сынъ княгини Гольштейнской, не могутъ имѣть никакихъ законныхъ правъ на русскую корону. Конечно, опираясь на этотъ законъ, князь Голицынъ въ рѣчи, сказанной имъ въ совѣтѣ послѣ смерти царя, упомянулъ, что съ этой смертью фамилія царя Петра Перваго угасла. Эта рѣчь не встрѣтила никакихъ возраженій въ совѣтѣ и фельдмаршалъ Долгорукій, отвѣчавшій на нее, подтвердилъ эту мысль, по его словамъ, внушенную самимъ Богомъ".

Тогда князь Голицынъ предложилъ дать корону герцогинѣ Курляндской; этотъ выборъ былъ принятъ единогласно, но всѣ такъ же согласились, какъ бы заранѣе условившись, что корона ей будетъ предложена при нѣкоторыхъ условіяхъ, которыя она предварительно согласится принять и исполнить. Сейчасъ же послѣ этого, генералы превозгласили герцогиню Курляндскую—царицею, и заставили принять присягу войска, собранныя тогда въ Москвѣ, и въ тотъ же вечеръ поѣхали въ Митаву, резиденцію этой принцессы, три посла: Василій Долгорукій отъ имени Высшаго совѣта, князь Дмитрій Голицынъ отъ имени сената и тайнаго совѣта и генералъ майоръ Леонтьевъ, какъ представитель, генералитета. Эта принцесса призванная на царство, такъ же неожиданно для нея, какъ и для всѣхъ, была младшею дочерью старшаго брата Петра I-го, правившаго нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ съ нимъ. Она осталась бездѣтной вдовой послѣдняго князя Курляндіи, и жила уже давно внѣ Россіи. Она принадлежала, безспорно, къ старшей вѣтви царствующаго дома, но у ней была и другая младшая сестра, замужемъ за княземъ Мекленбургскимъ, она была тогда въ Россіи и никогда изъ нея не уѣзжала.

Въ совѣщаніи, по словамъ Лефорта, когда поднялся вопросъ объ этой принцессѣ, было сказано противъ нея, что если она взойдетъ на престолъ, всѣ опять попадутъ подъ ярмо чужестраннаго вліянія, отъ котораго такъ страдали, потому что ея мужъ, съ которымъ она не жила 9 лѣтъ, не замедлитъ вернуться въ Россію, чтобы раздѣлить съ нею власть. Настоящая же причина ея исключенія была боязнь ея твердаго характера и ея рѣшительнаго ума. Это была, впрочемъ, особа мало достойная уваже-

нія: она умерла нѣсколько лѣтъ спустя, какъ пишетъ Рондо, жертвой своей любви къ водкѣ.

Стоитъ открыть лѣтописи Россіи, чтобы убѣдиться, что царь тамъ не всегда проявляетъ абсолютную власть и произволъ. Онъ тогда властелинъ, когда онъ сильнѣе всѣхъ, но таковымъ онъ былъ не всегда и часто ему приходилось считаться съ сильнѣйшими изъ своихъ подданныхъ. Это было самовластіе, ограниченное, не общественнымъ мнѣніемъ, какъ говорятъ про королей Франціи, но возмущеніями и убійствами. Цари Россіи рѣдко умирали своей смертью. Петръ первый утвердилъ верховную власть на основаніяхъ болѣе прочныхъ, и онъ пріучилъ свой народъ къ послушанію и кротости, не знаемымъ раньше. Все-таки воспоминаніе о духѣ независимости, оживлявшемъ когда то русскую аристократію, не угасло: оно сохранилось у нѣкоторыхъ въ памяти.

Въ числѣ этомъ было большинство членовъ высшаго совѣта—этого созданія Меньшикова. Сильный фаворитъ основалъ его для укрѣпленія своей власти. Но, если вѣрить одному французскому посланнику, большинство русскихъ сановниковъ видѣли въ этомъ новомъ учрежденіи зарю лучшаго времени для нихъ. Де-Кампредонъ писалъ 23 февраля 1726 года:

„Я имѣю честь дать Вамъ сегодня отчетъ о событіи тѣмъ болѣе важномъ, что подъ видомъ укрѣпленія власти царицы, кажется, закладывается первый камень зданія, которое главари Москвитянъ мечтаютъ создать незамѣтнымъ образомъ, чтобы такъ сказать расширить свою власть и имѣть въ настоящемъ и будущемъ очень существенное участіе въ управленіи государственными дѣлами. Дѣло идетъ объ основаніи высшаго совѣта, царица будетъ его главой, а главные сановники—члены, съ властью совершенно равной. Ничего не будетъ рѣшаться безъ единодушнаго согласія совѣта, который подъ именемъ царицы, будетъ собственно говоря хозяиномъ всѣхъ дѣлъ. Основаніе этого совѣта разрушаетъ всякую власть, которую имѣлъ до этого сенатъ.

Интересно будетъ видѣть, каково будетъ продолженіе дѣятельности этого учрежденія, оно ужасно льститъ гордости и власти царицы. Она сказала, что весь свѣтъ увидитъ, что она умѣетъ заставить слушаться себя и поддержитъ доброе имя правительства. Можно думать, что въ общемъ царица поддержитъ свои дѣла учрежденіемъ этого совѣта, до тѣхъ поръ пока члены совѣта будутъ въ единеніи и сведутъ свои счеты; но, вообще, въ этомъ нужно видѣть первый шагъ къ измѣненію формы правленія; и что русскіе желая его сдѣлать менѣе произвольнымъ, чѣмъ оно было, сдерживались лишь благодаря малолѣтству великаго

князя, такъ какъ они были бы потомъ отвѣтственными за событія, если бы оказались безъ правителя, могущаго ихъ поддержать, но они окажутся внѣ опасности, если это случится, конечно, благодаря ихъ стараніямъ въ то же время усилить довѣріе и завладѣть незамѣтно царскою властью, оставляя за собою права, которые они найдутъ нужными для того, чтобы основать и поддерживать правительство подобное Англійскому. Вѣроятно даже, что ихъ заставило принять участіе въ этомъ событіи это по меньшей мѣрѣ то, что болѣе умные предвидятъ послѣдствія этого учрежденія, и это мнѣніе вполнѣ согласно съ тѣмъ, что мнѣ приходилось слышать отъ наиболѣе видныхъ дѣятелей этого народа".

Догадкамъ Кампредона не суждено было скоро осуществиться. Меньшиковъ, учрежденіемъ высшаго совѣта, который онъ заполнилъ наиболѣе надежными изъ своихъ приверженцевъ, отсрочилъ только надежды сторонниковъ аристократическаго правленія. Но эти надежды должны были сбыться,—такъ по крайней мѣрѣ думали члены высшаго совѣта и немного было нужно, какъ это увидятъ дальше, что бы они были правы, питая эту надежду. Именно съ этой цѣлью выборъ ихъ палъ на герцогиню Курляндскую, не имѣвшую никакого права на корону, жившую вдали отъ Россіи въ теченіи 18 лѣтъ; она должна была, не колеблясь, принять всѣ условія, предложенныя ей. Каковы были, на самомъ дѣлѣ, условія предложенныя ей тремя послами, трудно сказать, точный текстъ ихъ до насъ не дошелъ. Записки Лефорта даютъ нѣкоторыя выдержки, опубликованныя Германомъ. Мы находимъ другой текстъ, почти тождественный, въ замѣткахъ французскаго резидента Маньяна; вотъ онъ:

„1. Она никогда не выйдетъ замужъ во второй разъ, ни за русскаго, ни за иностранца.

2. Она не можетъ, ни при жизни, ни въ духовномъ завѣщаніи, назначить себѣ наслѣдника; право избранія наслѣдника принадлежитъ верховному совѣту.

3. Она никогда не будетъ стараться войти въ совѣтъ, и не дастъ никакой милости кому бы то ни было, и не можетъ пожаловать другихъ чиновъ, кромѣ полковника.

4. Когда явится необходимость участія принцессы въ совѣтѣ, она будетъ имѣть только два голоса въ уваженіе къ ея высокому сану и чтобы рѣшать, если мнѣнія въ совѣтѣ будутъ различны или ровны.

5. Она никогда не можетъ перемѣнить членовъ совѣта, ни выбрать новыхъ на вакантныя мѣста.

6. Она никогда не будетъ провѣрять отчеты и другія дѣла совѣта, а если она и будетъ ихъ знать, она не можетъ ни уничтожить, ни помѣшать имъ, ни пресѣчь.

7. Она не должна дѣлать ничего другого какъ утверждать то, что ей предложитъ совѣтъ".

„Это были условія, пишетъ Маньянъ, при которыхъ герцогиня Курляндская была выбрана царицей. Но въ одной изъ его записокъ есть другія „условія", которыя князь Василій Долгорукій, князь Михаилъ Голицынъ и генералъ Леонтьевъ повезли въ Митаву и которыя царица, принимая корону, подписала. Это условія тѣ же самыя, что и первыя, но изложенныя иначе; тѣмъ не менѣе они заслуживаютъ быть опубликованными; они еще болѣе показываютъ намѣренія, волновавшія членовъ верховнаго совѣта и разъясняютъ, въ какомъ смыслѣ они хотѣли устроить управленіе Россіею; вотъ они:

„1. Она будетъ совѣтоваться съ высшимъ совѣтомъ о всѣхъ государственныхъ дѣлахъ.

2. Безъ согласія выше упомянутаго совѣта, она не заключитъ мира и не объявитъ войны.

3. Безъ его согласія не назначитъ новыхъ податей и налоговъ.

4. Она не пожалуетъ никого особенно безъ согласія верховнаго совѣта.

5. Не осудитъ и не казнитъ никого изъ дворянства, исключая тѣхъ, которые явно заслужили смерть.

6. Владѣнія никого изъ дворянъ не будутъ конфискованы безъ того, чтобы его преступленіе будетъ ясно ему доказано.

7. Она не отдастъ никакихъ земель, принадлежащихъ казнѣ, безъ разрѣшенія совѣта.

8. Она не выйдетъ замужъ, не выберетъ себѣ наслѣдника безъ рѣшенія совѣта, и т. д."

Ничего не можетъ быть болѣе яснаго, чѣмъ эти условія, ихъ смыслъ очевиденъ. Члены высшаго совѣта не дѣлали, впрочемъ, тайны изъ ихъ плановъ и намѣреній. На другой день послѣ смерти Петра II-го Маньянъ пишетъ:

„Иностранные министры и политики были очень удивлены этимъ выборамъ, ихъ догадки не доходили до дочерей Ивана; они ограничивались сыномъ герцога Гольштейнскаго, принцессою Елизаветою и принцессой Екатериною Долгорукою. Но, узнавши условія, предложенныя герцогинѣ Курляндской вмѣстѣ съ царской короной, они видятъ явно тайную причину такого предпочтенія. Первое изъ этихъ условій то, что новая царица не выйдетъ за-

мужъ и второе, что она подчинена совѣту выбранному народомъ. Это ограниченіе внушаетъ сомнѣніе, приметъ ли герцогиня Курляндская выборъ, но очевидно, что большая приманка царствовать и надежда стряхнуть когда нибудь ярмо, на нее наложенное, не позволятъ отказаться отъ трона, явившагося къ ней совершенно случайно. Что касается русскихъ, то ихъ намѣренія при этихъ условіяхъ не двусмысленны. Недавній опытъ фавора Долгорукихъ заставлялъ ихъ боятся власти фаворитовъ, которые всегда могутъ ими управлять, пока русскіе монархи будутъ неограничены, они хотятъ или уничтожить монархію или уменьшить по возможности ея власть, смѣшавъ ее съ аристократіей.

Съ этой точки зрѣнія, разные образы правленія ихъ держатъ въ нерѣшимости относительно судьбы Россіи: одни хотятъ уменьшить права короны авторитетомъ парламента, какъ въ Англіи, другіе какъ въ Швеціи, другіе хотятъ сдѣлать ее избирательной по примѣру Польши, другіе, наконецъ, хотятъ ее раздѣлить между сановниками государства, образуя аристократическую республику; такимъ образомъ ихъ намѣреніе, передавая наслѣдованіе Россіей герцогинѣ Курляндской, дать ей корону какъ бы въ долгъ, и дать тронъ ей въ руки какъ бы въ залогъ, пока они рѣшатъ между собой о новой формѣ, которую они дадутъ правленію. Изъ всего этого видно, что намѣреніе народа, это путь къ возвращенію къ прежнему состоянію и къ старымъ обычаямъ".

Два дня спустя, 2-го февраля (новаго стиля) возвѣстивъ объ отъѣздѣ пословъ и перечисливъ условія, которыя они должны представить герцогинѣ Курляндской, Маньянъ продолжетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

Утверждаютъ, что знаютъ навѣрное, что этой депутаціи поручено объявить герцогинѣ, что, приходя предложить ей корону отъ имени государства, это дѣлаютъ при ясномъ условіи, а не иначе, что она должна подтверждать и соглашаться съ правилами, которыя будутъ даны новому правительству, и ихъ утверждать самымъ достовѣрнымъ образомъ.

Этой важной работой заняты теперь всѣ, но въ данную минуту нельзя сказать, какая будетъ новая форма правленія, будетъ ли она похожа на Англійскую или Шведскую. Однако думаютъ, что намѣренія старинныхъ русскихъ фамилій воспользоваться этимъ удачнымъ обстоятельствомъ и вырваться изъ ужаснаго рабства въ которомъ они находились до сихъ поръ, что бы положить границы деспотической власти, которой располагали цари Россіи, и которая позволяла имъ распоряжаться, какъ имъ заблагоразсудится, жизнью и имуществомъ ихъ подданныхъ безъ

суда и слѣдствія, знатные люди государства не имѣли, какъ и простолюдины, никакой возможности избавиться отъ тиранніи кнута и отъ разжалованія въ чинахъ и должностяхъ. Это все даетъ право думать что русскіе обратятъ на это первое вниманіе и что если они не теперь воспользуются моментомъ, то у нихъ нѣтъ храбрости.

Въ этомъ и было главное, и въ высшемъ совѣтѣ болѣе рѣшительные, болѣе способные приложить руку къ дѣлу, старались каждый со своей стороны приготовить то, что имъ нравилось назвать конституціей, всѣ были одного мнѣнія о главной цѣли, но расходились въ средствахь къ ея достиженію Эти проекты конституціи состояли изъ малаго числа параграфовъ. Многіе были напечатаны [1]).

Они отличаются мало одинъ отъ другого. Вотъ одинъ проэктъ, находящійся въ донесеніи отъ 2 февраля англійскаго резидента Рондо. „Я говорю, что самыя значительныя лица аристократіи заняты перемѣной формы правленія и увѣряютъ, что были составлены условія, сокращающія власть государыни. Она ихъ должна подписать, или выберутъ другую.

Вотъ, говорятъ, предложенныя условія:

1. Императрица будетъ имѣть опредѣленныя суммы на расходы ея дома и она будетъ распоряжаться только стражей, дежурной во дворцѣ;

2. Учреждается высшій совѣтъ изъ 12 самыхъ уважаемыхъ лицъ аристократіи, онъ будетъ вершать важныя дѣла какъ то: миръ, войну и союзы. Назначатъ казначея, который будетъ давать отчетъ высшему совѣту о употребленіи государственныхъ суммъ;

3. Учреждается сенатъ изъ 36 членовъ, который разбираетъ дѣла до поступленія ихъ въ верховный совѣтъ;

4. Учреждается собраніе изъ двухсотъ лицъ отъ мелкаго дворянства для охраненія правъ этого сословія въ томъ случаѣ, если бы верховный совѣтъ пожелалъ ихъ нарушить;.

5. Учреждается собраніе изъ дворянъ и купцовъ, которое заботилось бы о томъ, чтобы народъ не былъ угнетаемъ.

Вотъ вкратцѣ планъ, надъ которымъ работаютъ. До сихъ поръ они не могутъ прійти къ соглашенію между собой относительно формы его осуществленія; но они зашли слишкомъ далеко, чтобы пойти назадъ; это заставляетъ многихъ думать, что будутъ сдѣланы существенныя перемѣны. Испанскій посланникъ,

---

[1]. Матеріалы Шмидта и т. д. Исторія Русскаго государства Германа Б. IV 690.

герцогъ де Лиріа, донося о томъ же проектѣ конституціи, заканчиваетъ свое донесеніе отъ 6 февраля (н. с.) слѣдующими словами.

„Вотъ планъ, который до сихъ поръ проектировался, Богъ знаетъ, будетъ ли онъ выполненъ или будетъ нѣсколько измѣненъ—несомнѣнно лишь то, что они не хотятъ, чтобы царица имѣла какой-либо авторитетъ“.

Посланникъ французскій Маньянъ писалъ отъ того же числа:

„Еще тѣмъ болѣе трудно было бы дать абсолютно вѣрное понятіе о формѣ, какую приметъ это царствованіе, что, по моему мнѣнію, министры [1]), которые здѣсь работаютъ и собираются ради этого утромъ и вечеромъ, не пришли еще къ окончательному соглашенію между собой. Такимъ образомь я подожду сообщить вамъ, пока дѣла не разъяснятся немного лучше, чѣмъ сейчасъ, такъ какъ каждое лицо, съ которымъ объ этомъ говоришь, выражаетъ различное мнѣніе. По мнѣнію однихъ новая царица должна имѣть только титулъ, вся же правительственная власть сосредоточивается въ собраніи Верховнаго Совѣта, который одинъ только будетъ имѣть право распредѣлять повинности и располагать войсками; по мнѣнію же другихъ учрежденіе такого правительства, не можетъ нравиться мелкому дворянству, которое является очень многочисленнымъ сословіемъ въ этой странѣ; оно должно заключать въ себѣ нѣкоторыя условія, которыя защитили бы это послѣднее отъ могущаго послѣдовать для него вреда“.

Однако ни одинъ изъ проэктовъ, предлагаемыхъ различными партіями, на которыя рязделились члены Верховнаго Совѣта, не проходилъ при голосованіи единогласно.

Маньянъ очень хорошо рисуетъ состояніе умовъ и общее положеніе въ своемъ донесеніи отъ 13 февраля (н. с.):

„Прошло уже около 15 дней со смерти царя, а здѣсь еще совершенно неизвѣстно, какова будетъ форма правленія вслѣдствіе неувѣренности въ томъ, приметъ или нѣтъ герцогиня Курляндская корону на предложенныхъ ей условіяхъ; но третьяго дня вернулся сюда гонецъ отъ пословъ, отправленныхъ государствомъ къ этой принцессѣ, съ извѣстіемъ, что она приняла свое избраніе и предложенныя условія, по случаю чего она предполагала выѣхать изъ Митавы 9 числа сего мѣсяца, чтобы вступить на престолъ. По крайней мѣрѣ такой слухъ распространился

---

[1]) Такъ какъ въ Россіи въ отписываемое время не было еще министровъ, то здѣсь, равно какъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи, подъ этимъ названіемъ нужно очевидно понимать высшихъ сановниковъ имперіи. *Ред.*

послѣ прибытія этого гонца. Но если и предположить, что главное затрудненіе, которое боялись встрѣтить въ этомъ случаѣ, будетъ устранено,—все же нельзя быть увѣреннымъ, что также легко могутъ быть устранены, какъ утверждаютъ, и всѣ подобныя затрудненія, которыя встрѣчаются относительно различныхъ пунктовъ учрежденія новой формы правленія; по крайней мѣрѣ происходящіе по этому поводу разговоры не даютъ такого убѣжденія. Остерманъ постоянно сказывается больнымъ, чтобы отказаться отъ участія въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ и, какъ говорятъ, это возложено на стараго князя Голицына, члена Верховнаго Совѣта.

Утверждаютъ, что предположенія этого сановника сводятся къ слѣдующему: 1) ограничить компетенцію царицы предѣлами дворцоваго управленія, всю же правительственную власть предоставить собранію Верховнаго Совѣта, составленнаго изъ 10 лицъ, которые одни распредѣляли бы налоги и распоряжались бы войсками; 2) образовать, кромѣ этого Совѣта 3 другихъ учрежденія а именно: сенатъ изъ 36 членовъ, палату дворянства изъ 200 лицъ и, наконецъ, третью палату представителей городовъ, отъ каждаго по 2.

Но многіе изъ мелкаго дворянства, которыхъ нововведеніе въ старые порядки управленія раззорило бы безвозвратно, стали, какъ говорятъ, тайно распускать слухи о томъ, что, какъ только возникнетъ вопросъ о присягѣ новой царицѣ, по долгу русскихъ подданныхъ при наступленіи новаго царствованія,—весьма возможны затрудненія, которыхъ, быть можетъ, и не ожидаютъ. Благодаря этому обстоятельству первый проэктъ князя Голицына долженъ разстроится въ связи съ возникновеніемъ множества различныхъ партій, образующихся ежедневно; къ нимъ несомнѣнно примкнутъ и наименѣе покорные изъ духовенства вслѣдствіе недовольства, по поводу выраженнаго княземъ Голицынымъ крайняго презрѣнія къ этому сословію. Онъ противодѣйствовалъ тому, что бы кто-либо изъ представителей духовенства былъ допущенъ въ собраніе, предшествовавшее выбору новой царицы подъ тѣмъ предлогомъ, что это сословіе запятнало себя позоромъ, способствовавъ изъ низкаго разсчета возведенію на русскій престолъ послѣ смерти царя Петра I-го, въ ущербъ законному наслѣднику, женщины, которая должна была бы быть совершенно чуждой.

Всѣ эти соображенія, кажется, причиняютъ здѣсь довольно сильное безпокойство за послѣдствія смерти царя, и поэтому можно заключить, что или проэктъ новой формы правленія будетъ оставленъ, и власть новой царицы сохранится на томъ же основаніи, какъ и власть ея предшественника, или предполагаемыя нововведенія будутъ съ трудомъ осуществлены не безъ внутрен-

нихъ волненій въ странѣ. Это все сильно увеличиваетъ нетерпѣніе, съ которымъ ждутъ, не успокоитъ ли будущій пріѣздъ царицы всеобщую тревогу".

А вотъ что пишетъ Маньянъ, 5 дней спустя, 18 февраля (н. с.):

„Ожидали, что вчера или сегодня появится положеніе о новомъ управленіи, но еще ничего нѣтъ. Это заставляетъ думать, что обнародованіе будетъ отложено до пріѣзда новой царицы, которая теперь уже ѣдетъ, чтобы вступить на престолъ.

Весьма вѣроятно, что принцесса согласилась на всѣ условія, предписанныя ей, а также и на форму правленія, которую правительство предполагаетъ установить. Генералъ-маіоръ Леонтьевъ, одинъ изъ представителей правительства, который прибылъ три дня назадъ съ выраженіемъ согласія, переданнымъ черезъ него принцессой правительству, прежде всего былъ возведенъ этимъ послѣднимъ въ чинъ генералъ-лейтенанта".

Герцогиня курляндская была въ пути. „Она уже подъѣзжала къ Москвѣ, а Верховный Совѣтъ еще не принялъ никакого окончательнаго рѣшенія относительно формы правленія, которое будетъ установлено. Ежедневно выставлялись новыя предложенія, съ которыми нельзя было согласиться не только потому, что они были почти невыполнимы, но и потому, что они были слишкомъ радикальны, такъ какъ они нарушали интересы однихъ и самолюбіе другихъ. Рондо очень ясно объясняетъ въ своемъ донесеніи отъ 26 февраля, почему нельзя было придти къ соглашенію:

„Такъ какъ въ этой странѣ привыкли постоянно слѣпо повиноваться абсолютному владыкѣ, то никто не имѣетъ точнаго представленія объ ограниченномъ правленіи. Высшее дворянство хотѣло бы сосредоточить всю власть въ своихъ рукахъ, а остальная знать и простые дворяне этого не желаютъ. Они предпочитаютъ имѣть лучше одного повелителя, чѣмъ многихъ, если только нельзя найти какого-либо средства, которое ихъ успокоило бы и защитило бы отъ тиранія знатныхъ фамилій. Все это заставляетъ говорить однихъ, что будутъ большія перемѣны, а другихъ, съ такой же вѣроятностью, что ничего подобнаго не будетъ".

Но препятствіе и несогласіе шли не только извнѣ. Въ самой средѣ Верховнаго Совѣта былъ кругъ лицъ, которые теряли бы все при установленіи аристократическаго правленія или скорѣе олигархіи. Это были, прежде всего, канцлеръ Головкинъ и вице-канцлеръ Остерманъ. Этотъ послѣдній, хотя его и старались щадить члены различныхъ аристократическихъ партій, особенно

хорошо чувствовалъ, что все для него кончено, если правленіе деспотіи и произвола, при которомъ онъ достигъ такой удивительной удачи, будетъ уничтожено.

Этотъ человѣкъ, управлявшій Россіей въ теченіе почти четверти вѣка, былъ вторымъ сыномъ бѣднаго лютеранскаго пастора въ маленькомъ городкѣ Вестфаліи. Получивъ образованіе въ университетѣ въ Іенѣ, онъ въ 1704 году поступилъ на службу къ голландскому адмиралу Круссу, которому Петръ I поручилъ командованіе своимъ флотомъ. Такъ какъ онъ быстро изучилъ русскій языкъ, то сталъ полезнымъ своему начальнику, который, желая устроить его судьбу, рекомендовалъ его вице-канцлеру Шапирову, чтобы помѣстить его въ вѣдомство иностранныхъ дѣлъ. Его знаніе языковъ восточной Европы, что было тогда рѣдкостью въ Россіи, выдвинуло его; остальное сдѣлалъ его природный умъ, и онъ быстро, шагая со ступеньки на ступеньку, поднялся до первыхъ мѣстъ. Петръ I скоро отличилъ его и довѣрялъ ему очень важныя дѣла. Сдѣланный въ 1722 году барономъ, онъ былъ призванъ завѣдывать при канцлерѣ Головкинѣ иностранными дѣлами. Екатерина при своемъ вступленіи на престолъ назначила его гувернеромъ къ великому князю, впослѣдствіи Петру II. Въ царствованіе своего воспитанника, воспитаніе котораго не дѣлаетъ ему чести, Остерманъ не имѣлъ большого довѣрія, но укрѣпилъ свое положеніе. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ описывалъ Остермана англійскій агентъ въ 1730 году:

„Съ его способностями и умственнымъ развитіемъ нельзя не считаться, но онъ полонъ хитрости и притворства, лживъ, способенъ на измѣну, подвиженъ и вкрадчивъ въ манерахъ и разговорѣ, всегда расшаркивающійся и раскланивающійся, что среди русскихъ считается за лучшую политику,—и подобнаго рода заслугами онъ превосходитъ даже самихъ русскихъ. Онъ жизнерадостенъ и эпикуреецъ; иногда онъ бываетъ щедръ, но совершенно не способенъ на благодарность. Такъ, когда Меньшиковъ и Головкинъ составили заговоръ противъ Шапирова, онъ присоединился къ нимъ противъ своего покровителя и благодѣтеля. Послѣ того, какъ Шапировъ попалъ въ немилость и былъ сосланъ въ Архангельскъ и не осталось никого, хорошо знающаго иностранные языки, Остерманъ, немного спустя, былъ назначенъ вице-канцлеромъ по представленію князя Меньшикова, что не помѣшало ему быть, какъ всѣмъ извѣстно, однимъ изъ самыхъ ярыхъ заговорщиковъ противъ этого послѣдняго“.

Именно въ царствованіе Петра II Остерманъ сдѣлался выдающимся лицомъ. Рондо писалъ 22 сентября 1728 г.:

„Остерманъ одинъ завѣдуетъ всѣми дѣлами. Онъ сумѣлъ сдѣлаться до того необходимымъ, что его товарищи не могутъ безъ него обходиться, когда онъ, чѣмъ-нибудь недовольный, говоритъ, что боленъ и не можетъ ѣхать въ совѣтъ. Когда оба Долгорукихъ, Апраксинъ, Головкинъ и Голицынъ собираются вмѣстѣ, а Остермана съ ними не бываетъ, они пьютъ водку, а затѣмъ должны ѣхать ухаживать за Остерманомъ, чтобы привести его въ хорошее расположеніе духа. Такими средствами онъ заставляетъ ихъ соглашаться со всѣмъ, что ему желательно".

Подобный человѣкъ долженъ былъ быть противъ всякихъ перемѣнъ въ управленіи и въ особенности противъ перемѣны, которая отдавала бы власть въ руки аристократіи, въ рядахъ которой онъ никогда не могъ бы занять мѣста. Когда ему представили проэкты реформы, онъ тотчасъ же понялъ, что, если этотъ планъ осуществится, онъ долженъ будетъ подчиниться верховному совѣту, вмѣсто того, чтобы быть его главой. Онъ захотѣлъ, подъ предлогомъ болѣзни, избѣжать подписи посланныхъ въ Митаву условій, что сдѣлали всѣ остальные члены, и по своей привычкѣ легъ въ постель. Голицынъ и оба Долгорукихъ, хорошо его знавшіе, пріѣхали къ нему и, такъ сказать, вырвали его согласіе. Но какъ бы сильна ни была враждебность Остермана къ аристократической шайкѣ, онъ былъ слишкомъ уменъ и ловокъ, чтобы показать это и дѣйствовать открыто.

Великій канцлеръ Головкинъ раздѣлялъ всѣ мнѣнія Остермана относительно проектовъ реформы, которая должна была бы уничтожить и его. Онъ былъ низкаго происхожденія: его отецъ служилъ смотрителемъ охоты у князя Хованскаго.

Въ молодости онъ былъ приближенъ къ царю Петру I своимъ начальникомъ княземъ Алексѣемъ Голицинымъ. Онъ сумѣлъ снискать довѣріе своего патрона всякого рода услугами и мало-по-малу сдѣлался со временемъ главнымъ камергеромъ, а послѣ смерти канцлера Головина занялъ его мѣсто. Его невѣжество и неспособность устроили судьбу Шапирова, а затѣмъ Остермана, такъ какъ онъ не имѣлъ никакихъ другихъ качествъ, кромѣ непоколебимаго низкопоклонства и рабски—почтительныхъ манеръ. Его набожность стяжала ему большое довѣріе среди духовенства, которому, впрочемъ, онъ оказывалъ всякія услуги, насколько могъ. Характеристика написанная англійскимъ агентомъ, изъ которой мы заимствовали все предыдущее, прибавляетъ: „Онъ въ высшей степени жаденъ и старается всѣми возможными способами увеличить свое огромное состояніе, что ему очень удается, такъ что сейчасъ онъ самый богатый изъ всей русской знати".

Такой человѣкъ, равно какъ и Остерманъ, былъ слишкомъ благоразуменъ, чтобы скомпрометировать себя открытымъ несогласіемъ. Однако, слѣдовало дѣйствовать, не теряя времени.

Тотъ и другой поняли, что всякая попытка въ Москвѣ была безполезна и даже опасна, и они обратили свои удары на Митаву. Но тамъ имъ нужно было имѣть если не соучастника, то, по крайней мѣрѣ, орудіе. Головкинъ, несомнѣнно съ согласія Остермана, скоро нашелъ таковое: это былъ его собственный зять.

Вотъ что пишетъ Маньянъ отъ 18 февраля (н. с.):

„Тревоги за послѣдствія отъ возникновенія различныхъ партій, возстающихъ противъ нововведеній, ежеминутно возрастаютъ. Ягужинскій, который являлся въ первыхъ засѣданіяхъ правительства однимъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ свободы родины, какъ выражаются теперь въ Россіи, въ послѣдній понедѣльникъ былъ арестованъ въ томъ же самомъ засѣданіи, какъ изобличенный въ страшной измѣнѣ письмомъ, которое онъ имѣлъ неосторожность написать царицѣ; онъ приглашалъ ее не подписывать условій, которыя ей должны предложить представители правительства и не принимать корону иначе, какъ съ тѣми же правами, съ какими ее носили ея предшественники, увѣряя, что она можетъ разсчитывать на поддержку оружіемъ со стороны его самого и многихъ другихъ, о которыхъ она узнаетъ словесно отъ посланнаго имъ нарочнаго. Таково было содержаніе этого письма.

Одни хотѣли, чтобы новая царица прежде всего передала его представителямъ съ цѣлью показать искренность своихъ намѣреній приноровляться во всемъ ко мнѣніямъ и рѣшеніямъ правительства, которое выбрало ее Другіе хотѣли, чтобы князь Долгорукій былъ посланъ къ этой принцессѣ, который первый открылъ этотъ заговоръ, схвативъ на митавской дорогѣ и нарочного, и письмо.

Какъ бы то ни было, но достовѣрно, что Леонтьевъ, одинъ изъ представителей, передалъ его правительству по своемъ возвращеніи, и нарочный Ягужинскаго, который былъ арестованъ, теперь отвезенъ въ оковахъ въ Москву.

Его зовутъ Сумароковъ; онъ былъ придворнымъ умершей герцогини Гольштинской въ Килѣ.

Вчера правительство засѣдало цѣлый день, чтобы разобрать дѣло Ягужинскаго, который прежде всего былъ лишенъ голубой ленты [1]), и открыть его соучастниковъ. Поэтому все время арестовываютъ людей всякаго званія и уже насчитываютъ 30 заключен-

[1]) Лента ордена св. Андрея Первозваннаго. *Ред.*

ныхъ. Обратило на себя вниманіе то, что великій канцлеръ Головкинъ, тесть Ягужинскаго, присутствовалъ въ засѣданіи и, когда этотъ послѣдній былъ арестованъ, онъ сейчасъ же вышелъ, не произнеся ни слова и уѣхалъ къ себѣ домой; но не говорятъ однако, что можно подозрѣвать его въ томъ, что онъ зналъ о поступкѣ своего зятя".

Ягужинскій не оставилъ слѣдовъ въ исторіи своего времени, но при жизни онъ былъ своего рода особой. Въ этомъ случаѣ онъ игралъ важную роль. Донесеніе англійскаго посла рисуетъ его портретъ, который представляетъ его достаточно ясно. Вотъ онъ:

„Генералъ Ягужинскій—сынъ органиста лютеранской церкви въ Москвѣ. Всей своей карьерой онъ обязанъ своей красивой внѣшности. Въ молодости онъ, въ качествѣ пажа, поступилъ на службу съ великому канцлеру Головину, извращенные вкусы котораго ни для кого не были тайной. Въ концѣ второго года онъ былъ повышенъ покойнымъ царемъ Петромъ I, который пожаловалъ ему званіе придворнаго пажа. Его личныя заслуги, въ связи съ дѣятельнымъ, живымъ и веселымъ характеромъ, снискали ему большую милость царя, и онъ назначилъ его капитаномъ гвардейскаго Преображенскаго полка, а вскорѣ затѣмъ и главнымъ адъютантомъ. Это повышеніе и знаки вниманія, неоднократно выказываемые ему царемъ, возбудили большое неудовольствіе и ревность въ князѣ Меньшиковѣ. Царь, который далеко уже не такъ хорошо относился къ этому своему фавориту, замѣтивъ это, каждый день дѣлалъ ему новыя оскорбленія, возвышая Ягужинскаго, который сдѣлался, наконецъ, явнымъ его фаворитомъ. Онъ не обладалъ выдающимися дарованіями, но привычка постоянно жить при дворѣ дала ему изысканныя манеры, а его добрая натура заставляла бы его любить, если бы не его вспыльчивый характеръ и невозможная склонность къ пьянству не лишали его разсудка, и не заставляли часто оскорблять лучшихъ своихъ друзей самымъ беззастѣнчивымъ образомъ, и разбалтывать самые важные секреты, а сверхъ всего этого,—безграничная подлость и безудержная расточительность, благодаря которой онъ промоталъ все огромное женино состояніе, а также всѣ тѣ подарки, которые онъ получилъ при русскомъ и иностранныхъ дворахъ".

Петръ I послѣдовательно сдѣлалъ Ягужинскаго генералъ-майоромъ, полковникомъ гвардіи и, наконецъ, въ 1722 г. генералъ-лейтенантомъ и генералъ-прокуроромъ Сената.

Въ качествѣ этого послѣдняго, Ягужинскій много содѣйствовалъ вступленію на престолъ Екатеринѣ и укрѣпленію власти

Меньшикова. Въ вознагражденіе за эти услуги онъ получилъ титулъ графа. Но скоро послѣ того, поссорившись съ Меньшиковымъ, онъ потерялъ свое мѣсто въ Сенатѣ. Все же онъ остался тамъ вліятельнымъ лицомъ, какъ благодаря себѣ самому, такъ и благодаря родству съ канцлеромъ Головкинымъ. На этомъ основаніи онъ былъ призванъ въ Верховный Совѣтъ послѣ смерти Петра II, когда нужно было выбирать ему наслѣдника. Тѣмъ не менѣе представители знатныхъ фамилій—Долгорукіе, Голицыны, Черкасскіе и другіе, раздѣлявшіе ихъ взгляды, не поколебались нанести ему ударъ, вѣроятно, съ цѣлью дать примѣръ и устрашить тѣхъ, которые попытались бы отдѣлиться отъ нихъ. Французскій резидентъ Маньянъ, сообщивъ объ арестѣ Ягужинскаго, прибавляетъ въ томъ же донесеніи отъ 18 февраля:

„Этотъ поступокъ правительства, въ связи съ назначеніемъ Леонтьева генералъ-лейтенантомъ, не внушаетъ сомнѣнія, что они твердо рѣшили поддерживать свой проэктъ новой формы правленія.

Нѣкоторые утверждаютъ, что въ составленный планъ будутъ введены слѣдующія статьи: всякій иностранецъ будетъ исключенъ изъ Верховнаго Совѣта; однако Остерманъ, во вниманіе къ его прежнимъ заслугамъ, будетъ оставленъ, но это не можетъ служить примѣромъ для другихъ; царица не будетъ имѣть права объявлять войну и заключать миръ иначе, какъ съ согласія Верховнаго Совѣта, въ которомъ она будетъ имѣть два голоса; ей будетъ ассигновано 500 тысячъ рублей на содержаніе двора; она не будетъ имѣть права распоряжаться войсками, за исключеніемъ отряда, который ей будетъ данъ для личной и дворцовой охраны; армія, въ которую войдутъ и четыре гвардейскихъ полка, будетъ получать приказанія, исходящія лишь отъ Верховнаго Совѣта; государственная казна будетъ ввѣрена назначаемому Совѣтомъ государственному казначею, къ которому будутъ препровождаться денежныя требованія; если кто-либо изъ знатной фамиліи будетъ изобличенъ въ преступленіи, онъ понесетъ наказаніе по закону, но его вина считается личною и его опала не отразится на остальной семьѣ, какъ это практиковалось раньше и, наконецъ, всѣ налоги и повинности будутъ опредѣляться Совѣтомъ. Но этотъ Совѣтъ еще не сформированъ и, какъ говорятъ, наиболѣе сильныя затрудненія заключаются теперь въ выборѣ 12 членовъ, которые должны его составить.

Главарями, пользующимися наибольшимъ вліяніемъ въ собраніи правительства и имѣющими тамъ голосъ, являются князь Дмитрій Голицынъ, его братъ, фельдъмаршалъ Долгорукій, близкій

къ нимъ и князь Черкасскій, котораго считаютъ свѣдущимъ юристомъ".

Еще ничего не было рѣшено, когда новая царица прибыла 21 февраля (н. с.) во Всесвятское, маленькое село въ восьми верстахъ отъ Москвы, гдѣ она должна была ожидать, пока не будутъ закончены приготовленія для торжественнаго ея въѣзда въ столицу Имперіи. На слѣдующій день къ ней были посланы баталіонъ гвардейскаго Преображенскаго полка и отрядъ кавалергардовъ. Она тотчасъ-же произвела имъ смотръ, убѣждала ихъ быть вѣрными ей и приняла званіе командира Преображенскаго полка и капитана кавалергардовъ и, прибавляетъ англійскій посланникъ въ своемъ донесеніи 16—27 февраля, собственноручно всѣмъ офицерамъ и солдатамъ поднесла по стакану вина или водки, что всѣхъ къ ней расположило.

Маньянъ писалъ 27 февраля (н. с.):

„Члены Верховнаго Совѣта, члены Сената и фельдъмаршалы' представляя собою генералитетъ, отправились третьяго дня, въ субботу къ этой принцессѣ, чтобы благодарить ее за то, что она приняла корону на условіяхъ, изложенныхъ въ статьяхъ, которыя ей представили представители различныхъ сословій русской Имперіи, и въ тоже время поздравить ее съ вступленіемъ на престолъ.

Прибавляютъ, что, такъ какъ гросмейстерство ордена Св. Андрея Первозваннаго принадлежитъ русскимъ монархамъ, они сочли нужнымъ поднести ей ленту этого ордена. Сверхъ того, они увѣдомили, что приготовленія къ ея въѣзду въ столицу Москву закончены, и что теперь зависитъ отъ ея желанія назначить день. Царица прежде всего отвѣтила, что дѣйствительно она подписала вышеупомянутыя условія, чтобы сдѣлать имъ удовольствіе и увѣряла, что будетъ ихъ сохранять всю жизнь, надѣясь, что они помогутъ ей своими мудрыми совѣтами сдѣлать ея царствованіе счастливымъ. Затѣмъ она взяла голубую ленту изъ рукъ великаго канцлера Головкина, самаго стараго кавалера этого ордена, и объявила, что она расположена въѣхать въ Москву завтра, въ воскресенье.

Это произошло вчера въ полдень, и трауръ по этому случаю былъ отмѣненъ на три дня".

Прибытіе царицы особенно запутало безчисленныя затрудненія, которыя уже тяготили членовъ Верховнаго Совѣта. Ихъ противники, до сихъ поръ сдерживаемые страхомъ, осмѣлились поднять головы. Съ того времени, какъ стало всѣмъ извѣстно, что всѣ планы, предлагаемые и разсматриваемые въ этомъ собраніи не имѣютъ иной цѣли, какъ только сосредоточить всю

власть правительства въ рукахъ небольшого числа фамилій, которыя его уже составили,—вся знать, не участвовавшая въ этомъ, все мелкое дворянство и, между прочимъ, офицеры арміи возстали противъ самой идеи реформы правленія. Невозможно выразить болѣе ясно, чѣмъ это дѣлаетъ Маньянъ въ своемъ донесеніи отъ 3 апрѣля, почему аристократическая партія Верховнаго Совѣта распалась, потому, что онъ какъ бы осязалъ, что немногого недоставало, что бы конституція въ Россіи была осуществлена. Вотъ что писалъ Маньянъ:

„Русскіе упустили благопріятный случай избавиться отъ ихъ древняго рабства, какъ по ихъ собственной винѣ, такъ и по неумѣнію взяться за дѣло, потому что, разъ царица приняла и подписала условія, предложенныя ей представителями правительства, чтобы удержать эти условія навсегда, нужно было согласиться между собой на такую новую форму правленія, которая пришлась бы по вкусу мелкому дворянству. Для нихъ это было невозможно по двумъ главнымъ причинамъ: во-первыхъ, по недостатку единенія и согласія, который въ то время существовалъ среди главныхъ фамилій; вторая-же причин а являлась неизбѣжнымъ слѣдствіемъ первой—это ихъ упорное желаніе, чтобы Верховный Совѣтъ, собранію котораго должна была быть предоставлена вся правительственная власть, былъ составленъ только изъ 8 или 10 членовъ, тогда какъ дворянство, которое основательно предвидѣло, что не будетъ недостатка для него въ угнетеніи всякими способами, если власть сосредоточится въ рукахъ двухъ, трехъ главныхъ фамилій, требовало, чтобы число членовъ Совѣта доходило до 21, и что бы отъ каждой фамиліи было выбрано одно или два лица.

Остерманъ, который считалъ себя уже совершенно устраненнымъ отъ дѣлъ, былъ слишкомъ смышленъ, чтобы не воспользоваться безпорядкомъ, вызваннымъ тогда этими противорѣчіями среди правительства.

Опираясь на важное соображеніе, что ни Голицины, ни Долгорукіе не могутъ попытаться употребить свое вліяніе на войска, почти исключительно состоявшіе изъ этого самого дворянства, онъ присоединился къ Ягужинскому и князю Черкасскому, чтобы внушить царицѣ, что для нея, взошедшей на тронъ по праву рожденія, должно быть невыносимо то, что ей осмѣливаются предлагать условія, еще болѣе суровыя, чѣмъ тѣ, которыя были по отношенію къ царицѣ Екатеринѣ, принимая во вниманіе ея постыдное возвышеніе.

Въ то время, какъ дѣлались эти внушенія царицѣ, нѣкоторые, наиболѣе пронырливые изъ духовенства, оскорбленные исключеніемъ ихъ изъ собранія правительства, пустили съ своей стороны въ ходъ все, чтобы возбудить мелкое дворянство противъ Верховнаго Совѣта, главныхъ членовъ котораго выставляли такими тиранами, которые не пожелали бы новой формы правленія иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы захватить безнаказанно всю правительственную власть въ свои руки; благодаря этому рабство дворянства станетъ несравненно болѣе невыносимымъ, чего никогда не можетъ произойти при сохраненіи абсолютной монархіи".

Если вѣрить англійскому резиденту, князья Трубецкой и Чернышевъ и князь Семенъ Салтыковъ, двоюродный братъ новой царицы, составили заговоръ и стали во главѣ крупнаго и мелкаго дворянства.

Нѣкоторые генералы, наиболѣе пользующіеся довѣріемъ среди войска, присоединились къ нимъ.

Канцлеръ Головкинъ сдѣлался тогда смѣлѣе и обѣщалъ свое содѣйствіе.

Ягужинскій, бывшій руководитель въ дѣлѣ интриги, дѣятельно агитировалъ изъ глубины своей тюрьмы, на которую началъ смотрѣть, какъ на ступень къ будущему благополучію. Саксонскій посолъ Лефортъ сообщаетъ, что члены Верховнаго Совѣта предложили возвратить ему свободу въ надеждѣ, безъ сомнѣнія, привлечь его къ себѣ, такъ какъ всѣ его знали, какъ говоритъ Маньянъ, за самого мстительнаго человѣка, но онъ отвѣтилъ, что обида была нанесена публично и удовлетвореніе должно быть блестяще.

Остерманъ, который держался въ строгомъ уединеніи подъ предлогомъ болѣзни, видя, что Верховный Совѣтъ теряетъ почву, рѣшилъ показаться и, если вѣрить донесенію Маньяна отъ 9 марта (н. с.), въ его рѣшимости играли, быть можетъ, большую роль страхъ и жажда мести, чѣмъ разсчетъ и честолюбіе.

„Разсказываютъ, что нѣсколько дней тому назадъ фельдмаршалъ Голицынъ отправился отдать визитъ Остерману, который сказывался очень больнымъ, и пришелъ въ негодованіе найдя противное; онъ сталъ строго осуждать его, дѣлая ему кровные упреки по поводу его притворства, чтобы не присутствовать въ засѣданіяхъ Совѣта въ то время, когда больше всего нуждались въ его познаніяхъ.

Строгость фельдмаршала по этому поводу была такъ чувствительна для Остермана, что онъ думалъ умереть съ горя; это

было то, что заставило этого министра рѣшиться рискнуть всѣмъ, чтобы разрушить проектъ новой формы правленія".

Но самой значительной поддержкой, которую получила оппозиціонная партія въ Верховномъ Совѣтѣ, было просоединеніе князя Черкасскаго.

Всѣ видѣли, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ ярыхъ зачинщиковъ проектовъ реформы; всѣ видѣли также, что онъ отдѣлился среди Совѣта отъ Долгорукихъ и Голицыныхъ, съ которыми онъ не могъ согласиться ни по существу, ни по обширности измѣненій, вносимыхъ въ управленіе; недовольство бросило его въ объятія враговъ всякой реформы, и онъ сдѣлался вѣрнѣе шкворнемъ, чѣмъ осью заговора.

Долгорукіе и Голицыны, хотя надѣялись на собственныя силы, однако не презирали своихъ противниковъ.

Они имѣли большое преимущество быть хозяевами положенія и, по мѣрѣ того, какъ они чувствовали, что почва ускользаетъ изъ подъ ихъ ногъ, они удвоили предосторожности, чтобы не поддаваться.

Они держали царицу, какъ нанятую по частному договору.

Князь Василій Долгорукій, который привезъ ее изъ Курляндіи, рѣшеніемъ Верховнаго Совѣта былъ поставленъ начальникомъ ея дворца. Въ качествѣ таковаго онъ имѣлъ помѣщеніе рядомъ съ царицей и препятствовалъ кому бы то ни было проникнуть къ ней частнымъ образомъ.

Предосторожность была не безполезна. Но онъ не могъ учредить такой хорошей охраны, которая устраняла бы дамъ, призванныхъ къ царицѣ или по званію, или по родственнымъ причинамъ.

При ихъ посредничествѣ заговорщики могли сноситься съ царицей и увѣдомлять ее о своемъ положеніи и о мѣрахъ, которыя они рѣшили принять.

Княжны Чернышева и Салтыкова, жена князя Черкасскаго и ея belle-soeur, жена генерала Матюшкина, служили посредницами.

Герцогиня Мекленбургская, которая не могла простить Верховному Совѣту того, что не ей отдали корону, не отказывала себѣ въ подстрекательствѣ сестры къ сопротивленію.

Легко себѣ представить съ какою быстротою царица получила выгоды, которыя были для нея сдѣланы. Увѣренная также въ томъ, что рано или поздно она возвратитъ тѣ уступки, которыя сдѣлала въ Митавѣ, она презирала компромиссы, предложенные Верховнымъ Совѣтомъ, такъ какъ, съ тѣхъ поръ, какъ ихъ

положеніе сдѣлалось такимъ критическимъ для нихъ, требованія Долгорукихъ и Голицыныхъ съ каждымъ днемъ уменьшались. Она упорно отказывалась явиться въ Верховный Совѣтъ, чтобы закрѣпить предложенія, которыя она подписала, принимая корону и, когда пришли къ ней съ предложеніемъ исполнить эту формальность, „она отвѣтила, писалъ Лефортъ 13 марта (н. с.), что для нея было бы слишкомъ ничтожно быть превозглашенной царицей восемью лицами“. Подобное положеніе не могло болѣе продолжаться.

Верховный Совѣтъ принужденъ былъ защищаться: ихъ противники рѣшительно взяли инициативу дѣйствій, какъ будетъ видно.

25 февраля (8 марта н. с.) около 800 человѣкъ рано утромъ явились въ Кремль.

Князь Черкасскій, знавшій, что его товарищи въ Верховномъ Совѣтѣ рѣшили, говоритъ Маньянъ, схватить его, если онъ будетъ тамъ, предостерегъ всѣхъ своихъ друзей, чтобы идти въ переднія, каждому отдѣльно, и соединиться всѣмъ вмѣстѣ, какъ только онъ прибудетъ.

Князь Юсуповъ, генералъ-лейтенантъ и командиръ Преображенскаго полка сдѣлалъ тоже самое съ гвардейскими офицерами.

Князь Черкасскій прибылъ въ 10 часовъ и тотчасъ же просилъ аудіенціи у царицы, которая послала князя Василія Долгорукаго искать Верховный Совѣтъ, чтобы въ немъ присутствовать.

Когда царица сѣла на тронъ, князь Черкасскій поднесъ ей просьбу, подписанную многими дворянами, а князь Юсуповъ другую такого же содержанія съ подписями офицеровъ гвардіи. Только первая дошла до насъ, т. е. переводъ, прилагаемый въ донесеніяхъ Маньяна; резидентъ англійскій удовлетворяется лишь краткимъ пересказомъ. Вотъ этотъ документъ:

„Превысокая и всемилостивѣйшая государыня и императрица! Хотя, волею Божьею и при рукоплесканіяхъ народа, Ваше Величество вступили на престолъ Россійскій и по своей добротѣ подписали условія, предложенныя Вамъ частью Верховнаго Совѣта, чѣмъ Вы показали невыразимую доброту, свои чистыя желанія блага имперіи, за что мы приносимъ Вамъ самыя смиренныя выраженія благодарности, не только за насъ самихъ, но также и нашихъ потомковъ, которые никогда не будутъ въ состояніи воздерживаться отъ восхваленія и благословенія имени Вашего Величества; однако, всемилостивѣйшая императрица, мы считаемъ себя обязанными сообщить Вашему Величеству, что въ этихъ условіяхъ заключаются обстоятельства, заставляющія опа-

саться, не случились бы происшествія непріятныя для Вашего народа, изъ которыхъ враги нашей родины могутъ извлечь выгоду. Послѣ зрѣлыхъ размышленій объ этихъ условіяхъ, мы письменно изложили наше мнѣніе и сдѣлали предложенія Верховному Совѣту со всѣмъ уваженіемъ, какое ему подобаетъ, дабы онъ разсмотрѣлъ ихъ; и мы просимъ, чтобы для блага и спокойствія имперіи была установлена по большинству голосовъ истинная и хорошая форма правленія.

Но, всемилостивѣйшая императрица, оставляя безъ вниманія различныя предложенія, которыя мы сдѣлали, намъ отвѣтили, что ничего не можетъ быть безъ желанія Вашего Величества; и такъ какъ мы знаемъ обычную милость и Вашу склонность показывать это, мы имѣемъ смѣлость, униженно просить приказать чтобы всѣ различные проекты, предложенные нами были бы разсмотрѣны большинствомъ, призывая одного или двухъ членовъ каждой семьи, чтобы послѣ совѣщанія о всѣхъ непріятныхъ обстоятельствахъ, поставленныхъ тамъ, основать форму правленія по вкусу всему народу. Эту форму опредѣлятъ большинствомъ голосовъ и представятъ потомъ Вашему Величеству, чтобы Вы дали Ваше одобреніе. Мы обѣщаемъ Вашему Величеству преданность, и ищемъ только Вашей славы и выгоды; несмотря на то, что это прошеніе подписано немногими лицами, такъ какъ мы боимся дѣлать сборища, мы ручаемся, что вся аристократія насъ поддерживаетъ и не нужно другихъ доказательствъ, что все здѣсь написаное является общимъ желаніемъ“.

Князь Черкасскій окончивъ чтеніе прошенія, таково было названіе этой бумаги, хотѣлъ было начать говорить, какъ вдругъ былъ прерванъ княземъ Василіемъ Долгорукимъ, просившимъ царицу возвратиться въ кабинетъ, чтобы обсудить съ членами высшаго совѣта, отвѣтъ заслуживаемый этимъ прошеніемъ. Это заявленіе, нѣсколько смѣлое, породило живѣйшій споръ.

По словамъ Маньяна писавшаго на другой день, то-есть 9 (новаго стиля):

„Раздались по поводу этого разные голоса, доказывавшіе, что вся аристократія собралась просить поддержки царской власти; все это не обошлось безъ большихъ споровъ въ собраніи; они были сначала успокоены главными дежурными офицерами гвардіи, замѣтившими, что царица начинаетъ колебаться, умоляли ее рѣшить по желанію аристократіи. Генералъ-майоръ Салтыковъ, дошелъ даже до того, что предложилъ исполнить сейчасъ-же приказанія ея Царскаго Величества относительно тѣхъ, которые выразятъ противоположныя мнѣнія“.

Описаніе, приложенное къ письму другого французскаго агента, де Бюсси, отъ 9 марта (новаго стиля), передаетъ тѣ же подробности въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Офицеры гвардіи и другіе, бывшіе въ большомъ количествѣ около царицы, начали бунтоваться и кричать, что они не желаютъ, чтобы предъявляли законы ихъ повелительницѣ, она должна быть такой же неограниченной, какъ и ея предшественники. Мятежъ зашелъ такъ далеко, что царица должна была имъ пригрозить. Но, падая всѣ къ ея ногамъ, они ей сказали: „Государыня, мы Ваши вѣрные подданные; мы вѣрно служили Вашимъ предшественнникамъ, и мы отдадимъ наши жизни на служеніе Вашему Величеству; но мы не хотимъ, что бы насъ тиранили. Пусть Ваше Величество прикажетъ, и мы положимъ головы тирановъ къ Вашимъ ногамъ".

Царица тогда имъ приказала слушаться генералъ-лейтенанта Салтыкова, полковника гвардіи, который, во главѣ всѣхъ, поклонился ея Царскому Величеству какъ Самодержицѣ".

Французскій резидентъ оканчиваетъ разсказъ объ этомъ происшествіи такими словами: „Этотъ ударъ былъ ужасенъ для Высшаго Совѣта". И правда, Долгорукіе и Голицыны не ожидавшіе ничего особеннаго отъ этой бумаги, такъ ловко составленной, захваченные врасплохъ, совсѣмъ потеряли голову. Они не знали что предпринять въ этомъ случаѣ, требовавшемъ немедленнаго рѣшенія. Это были далеко не робкіе люди. Многіе доказывали свою храбрость во многихъ случаяхъ и на полѣ битвы. Всѣ состарились въ интригахъ и борьбѣ, и все-таки они не нашли, какъ кажется, ни одного слова, и предоставили иниціативу молодому Василію Долгорукому, не бывшему членомъ Совѣта и потому не имѣвшему права быть впереди. Правда, они были смущены, и они могли быть такими, если вѣрить всѣмъ донесеніямъ объ этомъ, всегда памятномъ въ исторіи Россіи, днѣ.

Маньянъ пишетъ отъ 2—13-го марта:

„Ихъ счастіе, что они ни на что не рѣшились; потому что если бы они сдѣлали какое нибудь возраженіе рѣшенію дворянства, оно и офицеры гвардіи условились выбросить высшій совѣтъ въ окно".

Этотъ же самый агентъ пишетъ нѣсколько дней спустя 16 марта (новаго стиля):

„Кажется, что мелкое дворянство выражаетъ непримиримую ненависть къ двумъ семьямъ Голицыныхъ и Долгорукихъ, приписывая имъ пагубныя для родины намѣренія воспользоваться не-

справедливо царскою властью; и думають, что главнымъ образомъ эта боязнь, которую питало дворянство, и заставила ихъ соединиться, чтобы просить царицу возвратить себѣ неограниченную власть. Чтобы лучше въ этомъ убѣдить царицу, болѣе 800 человѣкъ собралось при дворѣ въ этотъ день, всѣ рѣшившись перейти къ активнымъ дѣйствіямъ, если члены высшаго совѣта выскажутъ какое либо сопротивленіе. Малого было нужно, какъ говорятъ, чтобы событія приняли нежелательный оборотъ, и что бы не произошло трагическихъ сценъ, все зависѣло отъ одного момента, откажетъ ли царица выйти въ свой кабинетъ, какъ этого требовалъ князь Василій Долгорукій, что бы разсмотрѣть прошеніе, предлагаемое ей аристократіей; отъ этого отказа ее больше всего отговаривала, главнымъ образомъ герцогиня Мекленбургская, говорившая ей въ эту минуту:

„Нѣтъ государыня, не можетъ быть вопроса о промедленіи, вотъ перо, будьте любезны подписать".

Царица, въ самомъ дѣлѣ подписала прошеніе аристократіи, говоря въ то же время одному офицеру гвардіи:

„Я вижу хорошо, что я здѣсь не въ безопасности; слушайтесь только приказаній отъ моего имени генералъ-маіора Салтыкова, не принимая другихъ отъ кого то ни было".

Министры высшаго совѣта, видя себя окруженными со всѣхъ сторонъ вооруженными людьми, молчали"".

Но не все этимъ кочилось: это былъ какъ бы первый актъ комедіи; вотъ продолженіе ея, какъ насъ съ ней знакомитъ въ томъ же донесеніи отъ 2—13 марта Маньянъ:

„Высшее дворянство удалилось и собралось въ залѣ дворца, и рѣшило дать царицѣ неограниченную власть, какую имѣли ея предшественники, въ благодарность за доброту съ которой она подписала ихъ прошеніе; и они попросили другую аудіенцію на вечеръ, это имъ было сразу разрѣшено царицей; она удержала всѣхъ министровъ высшаго совѣта, оставя ихъ обѣдать съ нею, чтобы они не расходились. Въ три часа пополудни дворянство вернулось. Князь Черкасскій представилъ другое прошеніе, которое царица велѣла прочесть в лухъ".

Вотъ переводъ этой бумаги:

„Великая и великодушная госпожа и государыня! Невыразимая доброта, съ которой Ваше Величество отвѣтили на наше скромное прошеніе, требуетъ чтобы мы Вамъ представили все-

возможныя доказательства нашей благодарности; и мы думаемъ, что не можемъ дать лучшее доказательство, какъ то, что являясь къ Вамъ, просимъ Васъ принять самодержавіе и имъ пользоваться какъ и Ваши предшественники и уничтожить условія, представленныя Вамъ отъ имени высшаго совѣта и на которыя Ваше Величество согласились. Мы такъ же униженно просимъ, что бы вмѣсто высшаго совѣта и верховнаго сената, былъ учрежденъ правительствующій сенатъ такимъ, какимъ онъ былъ при Петрѣ Первомъ, дядѣ Вашего Величества, и чтобы онъ состоялъ изъ 21 лица или члена; и чтобы въ будущемъ вакантныя должности въ правительствующемъ сенатѣ, въ губернскихъ правленіяхъ, мѣста въ коллегіяхъ были бы даны Вашимъ Величествомъ дворянству, слѣдуя уложенію, изданному Петромъ Первымъ, Вашимъ дядею. И потому мы просимъ Ваше Величество, вслѣдствіе того, что Вы милостиво отвѣтили на наше прошеніе, избрать сейчасъ же форму, которую Вы захотите дать впредь правленію; мы надѣемся, какъ добрые и вѣрные подданные Вешаго Величества, что какъ формой, которую Вы дали такъ и уменьшеніемъ налоговъ, мы будемъ утѣшены и можемъ окончить наши дни безъ безпокойствъ и счастливо“.

Царица поблагодарила дворянство и было за что. Она сказала затѣмъ, „что разъ ужъ такъ случилось то пусть принесутъ ей условія, подписанныя ею въ Митавѣ, и она ихъ уничтожитъ“ Вице-канцлеръ Головкинъ, у котораго они хранились, принесъ ихъ сейчасъ же и подалъ царицѣ, разорвавшей ихъ на глазахъ у всѣхъ и вслѣдствіе этого, прибавляетъ Маньянъ, оканчивая свое донесеніе, „царская власть утверждена во всей силѣ предшественниковъ ея царскаго Величества“. Англійскій резидентъ оканчиваетъ свой разсказъ такими словами:

„Все присутствующее тамъ дворянство цѣловало руку цацарицѣ; члены высшаго совѣта сдѣлали тоже, и вели себя какъ будто бы они были удовлетворены, хотя они были поражены, какъ громомъ, всѣмъ случившимся“.

Царицѣ оставалось исполнить одну обязанность,—что она и не замедлила сдѣлать. Какъ только она разорвала собственной рукой обязательства, подписанныя ею добровольно, когда она принимала корону, она приказала освободить Ягужинскаго. Онъ былъ немедленно освобожденъ и пришелъ получать награду. Царица, отдала ему въ присутствіи всѣхъ шпагу и ленту ордена Св. Анны и хвалила его, какъ защитника ея правъ. Этого было мало: Ягужинскій былъ произведенъ опять въ генералъ-прокуроры Сената, что было отвѣтственнымъ постомъ. На другой день, 9-го марта

(новаго стиля) Маньянъ пишетъ: „Было приказано въ этотъ день иллюминовать всѣ улицы“.

И нѣсколько дней спустя, 13 марта: „теперь все спокойно, царица очень весела и счастлива“.

III.

Согласно съ желаніями, выраженными русской аристократіей, правительство было учреждено такъ, какъ было при Петрѣ Первомъ. Высшій совѣтъ былъ уничтоженъ, и основанъ правительствующій сенатъ, состоящій изъ 21-го члена (15-го марта новаго стиля). Но царица, или вѣрнѣе ея совѣтники, старались, чтобы это учрежденіе не имѣло возможности причинить власти царицы затрудненія, причиненныя высшимъ совѣтомъ. Туда конечно опредѣлили канцлера Остермана, Ягужинскаго, Черкасскаго, Семена Салтыкова, Юсупова, однимъ словомъ всѣхъ тѣхъ, которые принимали участіе въ послѣднихъ событіяхъ.

Такъ какъ еще дорожили видомъ умѣренности и внѣпартійности, которыя казалось необходимымъ соблюдать въ первыя минуты, то даже тѣ самые, которые больше другихъ хотѣли ограничить власть царицы,—фельдмаршалы Голицынъ и Долгорукій и князья Василій Долгорукій и Дмитрій Голицынъ были упомянуты въ спискѣ сенаторовъ. Остальные всѣ были ставленники двора, и на преданность и низость ихъ вполнѣ можно было разсчитывать. Впрочемъ, вѣдомство Сената въ отношеніи регенства было ничтожно, или почти таково. Въ первые дни Ягужинскій, казалось, одинъ всецѣло завладѣлъ довѣріемъ царицы. Но, такъ какъ чувствовалъ свою слабость, онъ тѣсно сблизился съ Остерманомъ, опора котораго казалась ему необходимой. Вѣрный своей системѣ: ждать въ отдаленіи результатовъ событій, этотъ министръ слегъ въ постель, пока рѣшался исходъ переворота, отъ котораго зависѣло возстановленіе царскаго авторитета. Когда все кончилось согласно его желанію, онъ сохранялъ туже выдержку и ждалъ спокойно награды за свои услуги. По настояніямъ Ягужинскаго, если вѣрить англійскому резиденту, царица сдѣлала ему визитъ и спрашивала его совѣтовъ. Начиная съ этого дня Остерманъ сдѣлался настоящимъ правителемъ государства и все пошло обычнымъ порядкомъ. Это было легко предвидѣть: Маньянъ пишетъ отъ 9 марта новаго стиля:

„Нечего сомнѣваться, что Остерманъ, помирившись благодаря этимъ событіямъ съ Ягужинскимъ, въ высшей степени мститель-

нымъ человѣкомъ, не выпуститъ изъ своихъ рукъ высшаго вліянія, и это надо думать, послужилъ причиной странныхъ событій въ этой странѣ".

Эти странныя событія не заставили себя долго ждать. Маньянъ пишетъ 6 недѣль спустя, 24 апрѣля новаго стиля:

„Казалось, царица не сохранила никакого злопамятства противъ тѣхъ, которые во время междуцарствія мечтали перемѣнить форму правленія; но теперь замѣчаютъ, что это было сдѣлано для того, чтобы лучше принять свои мѣры; повидимому она рѣшила прервать, по этому поводу молчаніе, потому что въ послѣдній четвергъ 20 сего мѣсяца принцесса, послѣ секретныхъ разговоровъ съ Остерманомъ, длившихся нѣсколько дней, послала нѣсколько приказовъ объ удаленіи отъ двора шести главныхъ членовъ семьи Долгорукихъ и еще нѣсколькихъ извѣстныхъ особъ. Можетъ быть, какъ многіе это думаютъ, скоро станетъ извѣстно, что ихъ судьба будетъ еще хуже, но что уже достовѣрно, такъ то, что всѣ уже уѣхали изъ Москвы, гдѣ имъ было позволено остаться не долѣе 24 часовъ. Ихъ заставили ѣхать по разнымъ дорогамъ такъ что имъ нѣтъ никакой возможности сообщаться между собою...

Пока можно говорить только гадательно о причинахъ опалы столькихъ лицъ; и все что я имѣю честь говорить сегодня, касается только князя Василія Долгорукаго. Опалу объясняютъ двумя главными причинами: царица была обижена, не только тѣмъ, что онъ принималъ участіе въ составленіи проэкта о перемѣнѣ формы правленія, ни также тѣмъ стараніемъ, съ которымъ онъ не допускалъ никого къ принцессѣ до утвержденія ея въ царскомъ достоинствѣ".

Въ этомъ собственно и заключалось настоящее преступленіе этихъ жертвъ мстительности царицы и злопамятства Ягужинскаго и Остермана, но такъ какъ не смѣли назвать ихъ вину собственнымъ именемъ, то съумѣли найти другіе поводы. Алексѣй и Иванъ Долгорукіе были обвиняемы въ томъ, что во время царствованія покойнаго царя, взяли казенныя драгоцѣнности и черпали не считая изъ государственныхъ сундуковъ. Отецъ былъ сосланъ въ Якутскъ, а сынъ и вся остальная семья въ Березовъ. Нечего говорить, что все ихъ имущество было конфисковано. Князь Василій былъ заточенъ въ монастырь въ Архангельскѣ; нѣсколько мѣсяцевъ спустя фельдмаршалъ Долгорукій былъ схваченъ и посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Думали, что возмездіе побѣдителей не ограничится этимъ и что всѣ тѣ, которые были въ заговорѣ, о

такъ называемомъ „республиканскомъ правленіи“, будутъ сосланы. Волненіе, возбужденное этими строгостями, ничѣмъ не оправдываемыми, было таково, то рѣшили ждать болѣе удобнаго времени. Маньянъ оканчиваетъ это донесеніе отъ 24 апрѣля размышленіями такого рода:

„Первыя проявленія твердой власти со стороны царицы въ началѣ царствованія даютъ почву для разныхъ предположеній. Нѣкоторые, правда, какъ кажется, одобряютъ поведеніе принцессы, какъ лучшее средство укрѣпить независимость своего правленія; но большинство, знающее геній этой націи и у котораго еще передъ глазами громадные труды Петра І-го, задавшагося мыслію исправить мятежныя наклонности своихъ подданныхъ и все же не достигшаго окончательно цѣли, несмотря на крайнюю строгость его правленія, это большинство такого мнѣнія, что должно опасаться плохихъ послѣдствій недовольства столькихъ уважаемыхъ лицъ. Думаютъ такъ потому, что приписываютъ ихъ ссылку не царицѣ, съ ея добрымъ и благодушнымъ характеромъ, но злобнымъ совѣтамъ нѣкоторыхъ изъ ея близкихъ совѣтниковъ, а эти послѣдніе, какъ иностранцы, привлекаютъ къ себѣ злобу и ненависть угнетенныхъ... Конечно, боясь большихъ недоразумѣній могущихъ быть лично для Остермана, онъ проситъ царицу переѣхать въ Петербургъ, гдѣ онъ будетъ болѣе въ безопасностн отъ московскихъ заговоровъ. Этого онъ не могъ раньше добиться отъ покойнаго царя, такъ какъ оппозиція состояла изъ старинныхъ русскихъ, главнымъ образомъ изъ Долгорукихъ; теперь эти препятствія не существуютъ, и нечего сомнѣваться, что онъ уговоритъ царицу“.

Не только Остермана, даже не Миниха, и не Левенвальда имѣлъ въ виду французскій резидентъ, говоря объ иностранцахъ, „интимныхъ совѣтникахъ государыни“; онъ говорилъ, конечно, о человѣкѣ, имѣвшемъ исключительное довѣріе новой царицы, о знаменитомъ Биронѣ. Подозрѣвали, и можетъ быть, и вѣрно, что царица была противъ аристократическаго союза Долгорукихъ и Голицына за то, что кромѣ желанія ограничить ея власть, они взяли съ нея секретное обязательство не привозить съ собой въ Россію фаворита, бывшаго при ней уже нѣсколько лѣтъ и имѣвшаго отъ нея всѣ возможныя доказательства ея расположенія. Какъ только она сдѣлалась на самомъ дѣлѣ властительницей, она призвала его ко двору и сдѣлала сначала камергеромъ, потомъ вскорѣ, замѣтивъ, что русскіе, ея придворные и министры сдѣлались безъ труда скромными лакеями ея фаворита, она его произвела въ оберъ-камергеры. Курляндцы не были особенно по-

датливы и, несмотря на покровительство герцогини, Биронъ напрасно пробовалъ попасть въ дворяне этого княжества. Бумаги, предъявленныя имъ въ подтвержденіе своихъ правъ, были найдены фальшивыми и онъ самъ человѣкомъ съ замараной репутаціей. Этотъ Биронъ или Биренъ, какъ его хотятъ называть, былъ низкаго происхожденія, его отецъ и дѣдъ занимали маленькія должности въ домахъ герцоговъ Курляндскихъ. Что касается его, это былъ умный малый, умѣвшій хорошо устроиться благодаря красивому лицу. Онъ сдѣлался еще въ молодости секретаремъ герцогини, ей понравился, и принялъ имя и гербъ Бироновъ Франціи. Какъ только стало ясно, что онъ сохранитъ свое положеніе при русской царицѣ таковымъ, каково оно было при герцогинѣ Курляндской, какъ выраженія самаго льстиваго уваженія посыпались къ нему ото всѣхъ дворовъ Европы. Англійскій резидентъ Рондо писалъ 22-го іюня 1730 года:

„Государь послалъ Господину Бирону, оберъ-камергеру и фавориту царицы, свой портретъ, осыпанный брилліянтами, стоющій по меньшей мѣрѣ 5 тысячъ фунтовъ стерлинговъ (125,000 франковъ) и далъ ему въ то же время жалованную грамоту на титулъ графа Имперіи“.

Возвышеніе, дерзость Бирона, гордившагося и пользовавшагося своею властью, какъ настоящій выскочка, и злоупотреблявшаго ею для себя и для своихъ всяческими путями, не могло помирить русскихъ съ иностраннымъ тираномъ. Отъ 20-го апрѣля Рондо пишетъ:

„Дворянство, кажется, очень недовольно тѣмъ, что государыня окружаетъ себя иностранцами. Господинъ Биронъ, курляндецъ пріѣхавшій съ нею, былъ сдѣланъ оберъ-камергеромъ и многіе другія лица изъ этой страны—въ большой милости. Коренные русскіе, думавшіе быть въ предпочтеніи, очень на это сердятся“.

Уже было сказано, что Долгорукіе и Голицыны потерпѣли пораженіе потому, что пользовались исключительнымъ вліяніемъ благодаря своему уму на все дворянство. Но ихъ взгляды раздѣлялись большею частью тѣми, которые и относились къ нимъ недоброжелательно и сильно старались сдѣлать деспотической власть царицы. Но когда ихъ ненависть были удовлетворена, они увидѣли, что думая работать для себя, они старались на пользу презрѣнной клики иностранцевъ и что ихъ повелительница мало расположена награждать ихъ заслуги.

Поэтому то главной причиной ихъ ненависти къ Бирону, Остерману, Левенвальду было то, что они иностранцы, нѣмцы, а

царица ихъ любила и предпочитала именно за это. Она сама сдѣлалась, за эти 18 лѣтъ пребыванія въ Курляндіи, почти иностранкой по своимъ вкусамъ, манерамъ и привычкамъ. Всѣ русскіе, которые, казалось, въ первые дни царствованія, имѣли вліяніе, замѣтили скоро, что имѣли только тѣнь фавора и что его имѣла нѣмецкая клика и пожинала плоды его. Нужны были неутомимыя угодливость и раболѣпство камергера и самопожертвованіе князя Черкасскаго, чтобы сдѣлать возможнымъ ихъ положеніе.

Биронъ при дворѣ, Остерманъ въ управленіи и Минихъ во главѣ вѣдомства военнаго—все заняли; не было даже мѣстъ около нихъ. Имѣвшіе больше правъ на благодарность царицы, не замедлили ворчать и жаловаться. Способъ, какимъ были приняты ихъ жалобы, заставилъ ихъ замолчать. Одинъ Ягужинскій не съумѣлъ сдерживаться и, если вѣрить саксонскому посланнику Лефорту, онъ избѣгнулъ судьбы Долгорукихъ и не раздѣлилъ ихъ участь въ Сибири только потому, что Остерманъ, желавшій удалить его, назначилъ ему постъ въ Берлинѣ. Изъ такого положенія вещей слѣдовало, что партія такъ называемыхъ „коренныхъ русскихъ", то есть большинство высокой и малой аристократіи начало быстро сожалѣть о прошломъ времени и прежнихъ обычаяхъ. Они раскаялись въ сдѣланной ошибкѣ и обѣщали себѣ поправить ее при первомъ удобномъ случаѣ. Этотъ случай было восшествіе на престолъ принцессы Елизаветы. На нее они возлагали всѣ свои надежды, на эту самую принцессу, которая, какъ видѣли раньше по запискамъ и донесеніямъ Маньяна, считалась раньше ни за что, была заброшена, презираема, забыта въ неизвѣстности, гдѣ она пребывала добровольно по своему вкусу, но у нея было качество, за которое ей все прощалось: она была русская сердцемъ и по обычаямъ. Въ донесеніи, написанномъ однимъ англійскимъ агентомъ того времени, читаемъ слѣдующее:

„Дворяне, хотѣвшіе ограничить власть царицы ведутъ себя повидимому очень тихо. Между тѣмъ они составляютъ заговоръ въ пользу принцессы Елизаветы, любимицы большей части офицеровъ изъ преданности къ памяти Петра Перваго. Главный пунктъ этого заговора заставить царицу указать при своей жизни на принцессу Елизавету, какъ на свою наслѣдницу, а царица предпочитаетъ назначить свою племянницу, дочь герцогини Мекленбургской".

Нѣтъ сомнѣнья, что въ первыя минуты, когда власть царицы еще мало упрочилась, всѣ были еще подъ впечатлѣніемъ охватившаго всѣхъ волненія, возбудившаго такъ много вопросовъ,

было много недовольныхъ фаворомъ Бирона и властью, данной исключительно иностранцамъ; было весьма вѣроятно, что принцесса Елизавета могла причинить царицѣ большія затрудненія и заставить поколебаться ея корону. Но эта принцесса не думала въ ту минуту ни о чемъ, тѣмъ болѣе о власти; вотъ какъ писалъ Рондо отъ 28 мая 1730 года:

„Принцесса Елизавета больна или дѣлаетъ видъ что больна, вотъ уже нѣсколько времени. Одни говорятъ, что это потому, что ей предпочли царицу, а другіе думаютъ, что это предлогъ, чтобы не быть на коронаціи, такъ какъ думаютъ, что она беременна отъ одного гренадера, въ котораго влюблена, она не можетъ одѣть наряднаго платья, не обнаруживъ своего положенія.

Дѣйствительно ли это—причина или нѣтъ, я не могу утверждать; но что достовѣрно, это то, что она ведетъ очень безпорядочную жизнь и царица кажется не жалѣетъ, что она теряетъ въ общественномъ мнѣніи; потому что, вмѣсто того, чтобы удалить любимаго гренадера, который, правда, дворянинъ, Ея Величество избавила его ото всякой службы, чтобы онъ могъ всегда быть къ услугамъ Ея Высочества. Когда я вижу умъ и красоту этой молодой женщины, я не могу не сожалѣть, зная какъ она себя компрометируетъ, потому что со временемъ все это будетъ извѣстно. Это мнѣ было сообщено по секрету ея хирургомъ Лестокомъ, по происхожденію Ганноверцемъ“.

Но такъ какъ могли думать, что принцесса Елизавета сброситъ когда нибудь свою апатію, то что бы она не сдѣлалась орудіемъ въ рукахъ недовольныхъ, если бы между ними оказался кто нибудь изъ пользующихся ея довѣріемъ, Биронъ, по своей ловкости, прибѣгнулъ къ одному средству, поставившему царицу внѣ всякой опасности съ этой стороны. Рондо пишетъ отъ 3-го января 1731 года:

„Здѣсь ведется большая интрига, чтобы избавиться отъ фаворита принцессы Елизаветы гренадера и замѣнить его маіоромъ Бирономъ (братомъ фаворита), котораго она не любитъ. Несмотря на то, онъ постоянно съ ней, а гренадеръ отправленъ въ Сибирь и у него отобрано все, что она ему дала. Это очень огорчило герцогиню Мекленбургскую, которая боится, что благодаря власти семьи Бирона, принцесса Елизавета будетъ болѣе обласкана царицей, чѣмъ она и ея дочь. Герцогиня Мекленбургская продолжаетъ быть очень больной и думаютъ, что ей будетъ стоить много труда избавиться отъ болѣзни благодаря злоупотребленію водкой, которую она пила послѣдніе годы“.

Можно судить по этимъ подробностямъ, какова была интим ная жизнь двора. Это была картина мало способная примирить недовольныхъ съ деспотическою и неограниченной властiю, которую они такъ опрометчиво дали своей царицѣ. Англiйскiй резидентъ писалъ еще въ томъ же самомъ донесенiи отъ 3-го января 1731-го года:

„Вы не можете себѣ представить какая роскошь царитъ при дворѣ — съ новаго царствованiя, роскошь, хотя нѣтъ ни одного шиллинга въ казнѣ и такимъ образомъ никому не платятъ, что еще болѣе усугубляетъ общее недовольство. Несмотря на недостатокъ денегъ, всѣ придворные тратятъ большiя суммы, дѣлая себѣ роскошные туалеты для маскарада, который скоро будетъ. Поджидаютъ каждый день труппу актеровъ, присылаемыхъ Польскимъ королемъ для увеселенiя Ея Величества, которая не думаетъ ни о чемъ иномъ, какъ о томъ, чтобы собрать вокругъ Бирона и его брата богатства и почести".

Эти немногiя строки заключаютъ въ себѣ все, что можно сказать про десять лѣтъ царствованiя царицы Анны Iоанновны. Зачѣмъ распространятся о ея щедростяхъ, росточительности и безпорядкахъ всякого рода въ ея имперiи, не ясно ли это и такъ? Дѣятельность ея фоворита заслуживаетъ больше вниманiя, тзкъ какъ Биронъ не былъ заурядным человѣкомъ и обладалъ выдающимся честолюбiемъ. Онъ составилъ планъ сдѣлаться повелителемъ того самаго герцогства, гдѣ онъ родился простымъ человѣкомъ и въ скромныхъ условiяхъ, и сдѣлаться имъ по выбору той самой надменной и гордой аристократiи, оттолкнувшей его и запятнившей именемъ подлеца.

По его настоянiю Россiя послала армiю изъ 60.000 человѣкъ, что бы поддержать притязанiе кандидата Саксонiи на корону Польши; и въ награду за эту услугу его избранiе было утверждено единогласно польской республикой, подъ покровительствомъ которой находилась въ то время Курляндiя (май 1737 года). Биронъ очень хотѣлъ отправиться въ Варшаву, чтобы получить лично пожалованный санъ, но слезы царицы этому помѣшали, писалъ г. Рондо отъ 16 декабря 1737 года: она не хотѣла согласиться ни подъ какимъ видомъ на эту кратковременную разлуку; она боялась потерять его изъ виду, и Биронъ, къ своему большому сожалѣнiю, долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что отправилъ представителя получить пожалованный санъ и принять владѣнiе герцогствомъ курляндскимъ. Этого было мало, чтобы удовлетворить Бирона. Сдѣлавшись герцогомъ Курляндскимъ, онъ

осмѣлился надѣяться женить своего сына на племянницѣ царицы, дочери герцогини Мекленбургской, умершей въ 1733 году, и которую царица, по его совѣту, поддержанному совѣтомъ Остермана и всей нѣмецкой клики, назначила своей наслѣдницей. Рондо отъ 23 сентября 1738 г. писалъ:

„Говорятъ, что Герцогъ Курляндскій имѣетъ намѣреніе женить своего сына, на молодой герцогинѣ Аннѣ Мекленбургской, племянницѣ императрицы. Нужно признаться, что это смѣлое предпріятіе, имѣя въ виду то, чѣмъ онъ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; но теперь, когда онъ сдѣлался владѣтельнымъ Герцогомъ, и всесильнымъ фаворитомъ Ея Величества, никто не можетъ предвидѣть, куда его занесетъ его безпредѣльная гордость, если онъ будетъ продолжать нравиться Ея Величеству.

Самымъ большимъ препятствіемъ этому проэкту являются года обѣихъ сторонъ: герцогинѣ уже двадцатый годъ, а герцогу Петру Курляндскому только что исполнилось пятнадцать лѣтъ, и онъ еще молодъ для женитьбы. Но это большое препятствіе можно превозмочь со временемъ. Герцогиня, если и не красива, то по меньшей мѣрѣ посредственна“.

Къ этому проэкту Бирона было присоединено еще одно обстоятельство, съ большимъ трудомъ превозмогаемое, чѣмъ возрастъ его сына, это было положительное желаніе царицы выдать свою племянницу за герцога Ульриха-Антона Брауншвейгъ-Беверскаго, племянника германской императрицы и зятя царствующаго принца Прусскаго, и который какъ бы былъ рекомендованъ выбору царицы Вѣнскимъ дворомъ. Англійскій резидентъ въ своемъ донесеніи отъ 12 мая 1739 года писалъ:

„Было условлено въ 1732 году, что герцогъ Антонъ Ульрихъ Бевернскій будетъ посланъ сюда въ видахъ, какъ говорили, его женитьбы, когда онъ будетъ въ лѣтахъ, на принцессѣ Аннѣ, на которую всегда смотрѣли, какъ на предполагаемую наслѣдницу царицы съ того дня, какъ она вступила на россійскій престолъ. Поэтому онъ прибылъ въ Петербургъ 3 февраля 1733 г. Я присутствовалъ, когда онъ былъ представленъ герцогу Курляндскому, тогда еще графу Бирону. Мнѣ было пріятно замѣтить, что онъ былъ очень удивленъ, видя принца такимъ маленькимъ для своихъ лѣтъ, что заставило меня догадываться, что Вѣнскій дворъ представилъ Его Высочество лучше, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Тѣмъ не менѣе царица встрѣтила его съ большой предупредительностью и очень заботилась, чтобы онъ былъ снабженъ всѣмъ, что подобаетъ ему, и она всегда съ тѣхъ поръ продол-

жала платить за все. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ мало снискалъ себѣ уваженія, что заставляетъ думать всѣхъ, что вѣнскій дворъ былъ очень доволенъ, найдя предлогъ избавиться отъ него. Впослѣдствіи герцогъ проявилъ много мужества въ турецкой войнѣ и маршалъ Минихъ очень хвалилъ его за храбрость"

Герцогиня Анна знала, что ей было предназначено выйти замужъ за герцога Бевернскаго, но она держала себя замѣтно далеко отъ него и не скрывала этого. На этомъ обстоятельствѣ и покоились надежды Бирона. Онъ достаточно зналъ царицу, что если бы даже она и очень хотѣла этого брака, то она настолько любила свою племянницу, что никогда не заставила бы ее выйти замужъ и что по ея просьбѣ она позволитъ ей выбрать, кого она хочетъ. Основываясь на этомъ, увѣренный въ своей повелительницѣ и въ своемъ вліяніи на нее, Биронъ думалъ, что если онъ получитъ согласіе герцогини Анны царица не будетъ препятствоваться браку съ герцогомъ Курляндскимъ. Отвращеніе, выказываемое имъ раньше, смѣнилось живѣйшей дружбой. Онъ ей льстилъ и ее ласкалъ; его сынъ не отходилъ отъ нея, и старался заслужить ея симпатію. Въ это же время Биронъ, предоставляя всѣмъ проникать въ его намѣренія, которыя скоро стали извѣстны всѣмъ, избѣгалъ навязывать своего сына герцогинѣ и, слушая его, казалось, онъ мало интересуется этимъ бракомъ; такъ проповѣдовали и его приспѣшники. Рондо писалъ, напримѣръ отъ 13-го января 1739 года: „15 дней тому назадъ герцогъ Курляндскій ѣздилъ къ герцогинѣ Мекленбургской и ей сказалъ, что нѣкоторыя особы вообразили, что онъ мѣшаетъ царицѣ согласиться на бракъ Ея Высочества съ герцогомъ Бевернскимъ, такъ какъ имѣетъ намѣреніе выдать ее за своего старшаго сына, котораго онъ никогда не женитъ противъ его желанія, даже если бы его семьѣ это было выгодно. Императоръ только что предлагалъ нѣмецкую принцессу его сыну, она имѣла доходу 2.000.000 экю, но онъ не нашелъ удобнымъ принять это предложеніе, предоставивъ сыну жениться по своему выбору. Тогда его свѣтлость спросилъ герцогиню ея мнѣніе относительно герцога Бевернскаго, на что она отвѣтила, что это находится всецѣло во власти Ея Величества и всегда готова слушаться ея приказаній, но въ случаѣ, если ее спросятъ о ея вкусѣ, она признается, что герцогъ ей не нравится. Я не слышалъ, чтобы этотъ поступокъ былъ сдѣланъ по волѣ царицы, это меня заставляетъ думать, что онъ хотѣлъ сначала узнать взглядъ герцогини, потомъ обдумывать свой планъ, который, если я не ошибаюсь, состоитъ въ томъ, что бы женить своего сына на герцогинѣ, и выдать свою дочь за герцога Бевернскаго, который,

какъ думаетъ его свѣтлость, будетъ удовлетворенъ, если еще въ это время его произведутъ въ фельдмаршалы".

Герцогиня Анна оставалась глуха ко всѣмъ намекамъ. Она питала всегда въ глубинѣ сердца непріязнь къ Бирону, лицемѣрное ухаживаніе котораго не стерли воспоминаній. о плохомъ обращеніи, испытываемомъ раньше. Въ концѣ концовъ она предпочитала герцогу курляндскому—еще ребенку, принца Бевернскаго равнаго ей по рожденію. Притомъ общественное мнѣніе смотрѣло бы косо на бракъ его будущей царицы съ сыномъ Бирона. Этотъ послѣдній не сталъ бороться противъ стольких препятствій и, казалось, подчинился волѣ царицы. Рондо писалъ отъ 24 апрѣля 1739 года:

„Герцогъ Курляндскій мнѣ сообщилъ, что Ея Величество рѣшила выдать свою племянницу за герцога Бевернскаго".

Онъ пишетъ еще отъ слѣдующаго, 12 мая:

„Такъ какъ всѣ русскіе, желающіе блага родной странѣ, думали, что настало давно время выдать замужъ герцогиню, которая расположена къ полнотѣ, то предполагаютъ, что герцогъ Курляндскій не посмѣлъ противиться желаніямъ цѣлаго народа, тѣмъ болѣе, что принцесса предпочитала выйти за герцога Бевернскаго, такъ какъ не предоставлялось другой приличной партій, чѣмъ ждать его сына три или четыре года. Нѣкоторые думаютъ, что Ея Величество приказала своей племянницѣ выбрать одного изъ двухъ принцевъ и что она выбрала герцога Бевернскаго, такъ какъ онъ партія болѣе приличная и по рожденію, и по годамъ; и я долженъ прибавить, что за послѣднія двѣ компаніи Его Высочество очень выросъ, и можно сказать безъ лести, что это красивый мужчина. Я думаю, что герцогъ Курляндскій съумѣлъ извлечь большую выгоду изъ этого важнаго дѣла и этимъ навсегда закрѣпить за своей семьей княжество Курляндское, потому что не сомнѣваются, что онъ взялъ, съ герцога Бевернскаго, обѣщаніе выдать одну изъ своихъ сестеръ за герцога Курляндскаго".

Герцогиня Анна и герцогъ Бевернскій были повѣнчаны 3 іюля 1739 года.

Пока заканчивались приготовленія къ свадьбѣ, радость царицы была смущена открытіемъ, заговора, показавшаго ей на какомъ хрупкомъ фундаментѣ покоился ея тронъ. Несмотря на кажущееся подчиненіе, которымъ встрѣчались распоряженія правительства, было обнаружено, что число недовольныхъ было ве-

лико, болѣе всего въ знатныхъ семьяхъ, и что оно росло съ каждымъ днемъ.

Въ 1739 году одинъ изъ князей Черкасскихъ, губернаторъ Смоленскій и двоюродный братъ министра съ той же фамиліей, былъ уличенъ въ заговорѣ въ пользу герцога Гольштинскаго и подвергнутъ вѣчному тюремному заключенію въ Камчаткѣ. Три года спустя, старый князь Дмитрій Голицынъ, который до сихъ поръ былъ пощаженъ, былъ лишенъ имущества и былъ, несмотря на глубокую старость, заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Это были признаки, въ важности которыхъ трудно было сомнѣваться. Совѣтники царицы, пользовались безъ стѣсненія своею властью, чтобы прекратить и задушить всѣми силами зародыши возмущенія. Рондо пишетъ отъ 15 января 1737 года:

„Всѣ тѣ, которые были подозрѣваемы въ принадлежности къ такъ называемой „республиканской партіи“ были сосланы въ Сибирь или въ другія отдаленныя мѣста; и тѣ, которые раньше этого избѣгли, были ссылаемы каждый разъ, какъ можно было найти къ тому предлогъ“.

Когда вслѣдствіе объявленія брака герцогини Анны съ герцогомъ Бевернскимъ стало очевидно, что царица хочетъ оставить ей корону, всѣ тѣ, которые, вооружившись терпѣніемъ, сдерживались въ надеждѣ увидѣть на тронѣ Елизавету, были повергнуты въ отчаяніе. Пламя, тлѣвшее подъ пепломъ и которое дворъ считалъ потушеннымъ ссылкой всѣхъ недовольныхъ, возгорѣлось съ новой силой. Образовался заговоръ на болѣе широкихъ основаніяхъ и по виду болѣе прочный, чѣмъ попытка неудавшагося возстанія. По всѣмъ вѣроятіямъ его руководителями были тѣ же Долгорукіе, находящіеся одни въ Сибири, другіе въ казематахъ Шлиссельбурга. Какъ случается всегда, измѣнники нашлись между заговорщиками и эта попытка окончилась неуспѣхомъ, какъ и другія. Объ этомъ заговорѣ мало точныхъ свѣдѣній. Донесенія англійскаго резидента почти молчатъ объ этомъ. Но, къ счастію, къ донесенію отъ 1 августа 1740 года, англійскаго резидента въ Швеціи, приложено письмо русскаго офицера, оно бросаетъ яркій свѣтъ, хотя не полный, на планы и намѣренія зачинщиковъ этого несчастнаго предпріятія; вотъ оно:

„По поводу заговоровъ и ихъ исполненій бывшихъ только что въ Россіи, я имѣю слѣдующія подробности изъ вѣрнаго источника и вы можете быть спокойны за ихъ достовѣрность. Достовѣрно, что весь народъ и болѣе всего высшій классъ очень недовольны настоящимъ правительствомъ. Въ теченіи 5—6 послѣднихъ лѣтъ жалуются во первыхъ на слѣпую привязанность

царицы къ герцогу Курляндскому; во вторыхъ на гордое и невыносимое поведеніе этого фаворита, обращающагося съ особами достойными уваженія, какъ съ разбойниками; въ третьихъ на фаворита герцога, еврея Липмана, банкира двора, разоряющаго торговлю; въ четвертыхъ: громадные сборы податей, которые тратятся большею частью на прихоти женщины, частью на выплату заложенныхъ имѣній герцога и на постройку ему дворцовъ; въ пятыхъ: наборъ трехъ человѣкъ изъ четырехъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ солдатъ и употреблять ихъ какъ скотъ, этимъ опустошены земли помѣщиковъ, и этимъ ставятъ ихъ въ невозможность платить налоги; въ шестыхъ: полное раззореніе флота, который Петръ Первый устроилъ съ громадными затратами.

Чтобы залечить эти раны и служить интересамъ народа, князья Долгорукіе встали во главѣ многихъ другихъ, чтобы привести въ исполненіе слѣдующій планъ. Они были ободрены неуспѣхомъ похода 1738 года, плохимъ состояніемъ арміи и надѣялись, что графъ Минихъ погибнетъ въ Молдавіи, оказавшейся такой страшной для Петра Перваго, но главная ихъ надежда основывалась на общемъ недовольствѣ народа. Они условились со Швеціей и Франціей и было сказано, какъ только русская армія будетъ разбита или разсѣяна, Швеція объявитъ войну Россіи и направитъ туда 30,000 человѣкъ. Въ тоже время недовольные должны были возстать, заключить императрицу въ монастырь, поступить съ герцогомъ еще хуже, посадить герцогиню Анну съ мужемъ на корабль и выслать въ Германю, хотѣли такъ же выгнать всѣхъ нѣмцевъ и убить нѣкоторыхъ изъ нихъ и провозгласить принцессу Елизавету, дочь Петра Перваго императрицею.

Таковъ былъ планъ заговора.

Всѣ мѣры были приняты, и ждали только неудачи графа Миниха, чтобы поднять возстаніе. Однако, какъ и всѣ подобные замыслы, какъ только исполненіе ихъ отсрочено, не остаются никогда тайными, дворъ былъ освѣдомленъ объ этомъ планѣ. Подозрѣваемыя лица арестованы; ихъ планы были уже разстроены удачей графа Миниха и миромъ, заключеннымъ съ турками на самыхъ выгодныхъ условіяхъ и вопреки разсчетамъ Франціи. Но когда эта держава увидѣла рѣшеніе царицы, она принялась за дѣло, чтобы возстановить свою честь и оттолкнуть отъ себя подозрѣнія. Швеція же не шевельнулась; арестованные сознались и были сосланы или казнены. Ни о чемъ объ этомъ не было упомянуто въ бумагахъ двора. Преступленіе приписанное казненнымъ было завѣщаніе, написанное будто бы Долгорукими во времена Петра II-го. „Это былъ конечно только предлогъ".

На этотъ разъ царица и ея совѣтники были безпощадны. Ссылки въ Сибирь имъ казалась мало для наказанія за такую дерзость. Князья Долгорукіе, подозрѣваемые или виновные, были возвращены изъ ихъ далекой ссылки и выброшены изъ тюрьмы чтобы умереть на эшафотѣ. Василій, Сергѣй и Иванъ, Григорьевичъ Долгорукіе были обезглавлены въ Новгородѣ. Иванъ, бывшій фаворитомъ Петра II, умеръ отъ колесованія раньше чѣмъ былъ обезглавленъ. Жизнь двухъ фельдмаршаловъ Долгорукихъ была пощажена: удовлетворииись тѣмъ, что заключили ихъ на всю жизнь въ тюрьму, что мало измѣнило ихъ судьбу. Вѣроятно не нашли противъ нихъ и тѣни доказательствъ ихъ вины.

Все это совершилось въ ноябрѣ 1739 года. Англійскія донесенія ничего также не говорятъ о заговорѣ, еще болѣе замѣчательномъ. Этотъ заговоръ имѣлъ начальникомъ графа Волынскаго, котораго два года ранѣе, Биронъ опредѣлилъ въ министерство. Можно прочесть его исторію и подробности его предпріятія въ выдержкахъ изъ писемъ Патцольда, напечатанныхъ Германомъ [1]).

IV.

Между тѣмъ царица была серьезно больна. По всему вѣроятію, ея жизнь приходила къ концу, и ничего не было рѣшено относительно ея наслѣдника. Всѣ спрашивали себя съ безпокойствомъ, кто будетъ царствовать послѣ нея. По закону Петра Перваго, который дѣйствуетъ и по сіе время, царица имѣла власть указать сама своего наслѣдника. Если бы было спрошено о желаніи народа, писалъ въ это время новый англійскій министръ Финчъ, выборъ царицы безусловно долженъ былъ бы пасть на принцессу Елизавету, которая была очень популярна и сама по себѣ и въ качествѣ дочери Петра Перваго, память котораго становилась все дороже и дороже русскому народу. Но всѣ думали, что царица назначитъ своей пріемницей герцогиню Анну Макленбургскую. Это была, впрочемъ, только простая догадка, какъ видно изъ донесенія Финча отъ 1 октября:

„То, что доктора считали язвой въ почкахъ царицы, оказывается только слѣдствіемъ критической эпохи ей пола, но это сопровождается настолько сильными истерическими симптомами, что нужно считать ея состояніе очень опаснымъ.

---

[1]) «Исторія Русскаго государства». Германа книга IV, стр. 607—625.

Вчера графъ Остерманъ, который по случаю плохого состоянія здоровья, дѣйствительнаго или притворнаго, не переступалъ порога своего дома уже много лѣтъ, велѣлъ отвезти себя во дворецъ; онъ тамъ оставался до ночи и вернулся туда сегодня рано утромъ. Втеченіе дня онъ совѣтывался съ министрами и съ герцогомъ Курляндскимъ. Къ вечеру государыня послала за герцогиней Анной, хотя она еще больна, и объявила Ея Высочеству свое намѣреніе назначить наслѣдникомъ молодого князя Ивана, что очень поразило и озадачило герцогиню. Это намѣреніе было объявлено сегодня утромъ всенародно и всѣ войска, гвардія и служащіе въ разныхъ министерствахъ сейчасъ же присягнули защищать и поддерживать этотъ порядокъ престолонаслѣдія. Духовенство было собрано въ соборѣ для того же самаго. Иностранцы будутъ присягать завтра".

Престолъ такимъ образомъ былъ предназначенъ ненадежному ребенку въ колыбели. Но кто же будетъ опекуномъ, кто будетъ управлять во время его долгаго несовершеннолѣтія? Этого именно царица и не сказала, да объ этомъ она, кажется, не хотѣла и говорить. На другой день послѣ этого, 2 октября, если вѣрить Финчу, герцогъ Курляндскій собралъ во дворцѣ Бестужева, князя Черкасскаго, Миниха, Головкина, князя Куракина, Ушакова и князя Трубецкого и нѣсколько другихъ, однимъ словомъ главныхъ министровъ и первыхъ по должностямъ и знатности и сообщилъ имъ о намѣреніи царицы назначить Ивана своимъ наслѣдникомъ. Всѣ предложили герцогу просить царицу выразить ея желаніе болѣе положительно. Послѣ этого они были призваны къ постели ихъ царицы, которая имъ сказала тоже самое, что и герцогинѣ Аннѣ, ни болѣе, ни менѣе. Можно думать, что герцогъ Курляндскій зналъ объ опекунствѣ и регентствѣ будущаго царя болѣе, чѣмъ онъ говорилъ, онъ же увѣрялъ всѣхъ въ своемъ невѣдѣніи. Какъ ни странно это кажется, такъ могло все таки быть. Онъ желалъ и опеки и регентства; и царица была не прочь отъ того, чтобы ихъ ему дать; но можетъ быть герцогъ хотѣлъ, чтобы эти обязанности были бы ему поручены по желанію народа, а царица неувѣренная, какъ почти всѣ умирающіе, должно быть просила и торопила; тогда герцогъ выдумалъ слѣдующую комедію и поручилъ первую роль въ ней своему довѣренному министру Бестужеву. Бестужевъ, сыгравшій такую важнную роль впослѣдствіи, былъ русскимъ по рожденію—онъ родился въ Москвѣ въ 1693 году, но онъ поступилъ въ 1712 году на службу къ избранику Ганновера, который сейчасъ же послѣ своего восшествія на престолъ Англіи, назначилъ его своимъ представителемъ въ Петербургѣ. Въ 1718 году, онъ возвратился на служ-

бу своей страны и былъ назначенъ Петромъ Первымъ сопровождать герцогиню Курляндскую въ Митаву, въ качествѣ ея оберъ-камергера. Думаютъ, что Биронъ былъ ему обязанъ своимъ счастіемъ, что это онъ сдѣлалъ его ея секретаремъ. Бестужевъ не оставался долго при этомъ маленькомъ дворѣ. Въ 1720 году онъ былъ назначенъ представителемъ Россіи въ Копенгагенѣ и тамъ оставался до тѣхъ поръ, пока Биронъ его не призвалъ, чтобы дать ему прежнее мѣсто Волынскаго при кабинетѣ. Бестужевъ былъ ловкій человѣкъ и герцогъ Курлядскій имѣлъ къ нему полное довѣріе; онъ не могъ лучше защитить свои интересы, какъ отдавъ ихъ въ его руки. 5 октября, говоритъ Финчъ въ донесеніи три недѣли спустя, но которое благодаря этому можетъ быть еще болѣе точно, пока министры и знатные чиновники были собраны во дворцѣ, Бестужевъ открылся своему коллегѣ князю Черкасскому, имѣвшему большое вліяніе въ совѣтѣ, и ему представилъ ясно свое мнѣніе о положеніи вещей. Но предоставимъ говорить англійскому резиденту, сохранившему намъ эти драгоцѣнныя подробности.

„Касаясь вопроса объ опекѣ, Бестужевъ выразилъ свое мнѣніе въ такихъ выраженіяхъ: очень трудно, говорилъ онъ, выбрать опекуна въ семьѣ Ивана, или довѣрить правленіе нѣсколькимъ лицамъ. Если захотятъ довѣрить опеку матери Ивана, лучше сейчасъ же превозгласить ее императрицей, потому что въ первомъ случаѣ она будетъ облечена царскою властью и имѣть возможность разрушить новый порядокъ наслѣдія. Сверхъ того, онъ боялся, что эта герцогиня имѣетъ мстительный характеръ и что она наслѣдовала капризный характеръ отъ отца, который можетъ сейчасъ же вернуться въ Россію и благодаря своему вліянію на дочь вовлечь страну въ его личныя дѣла и поссорить ее съ Вѣнскимъ дворомъ и съ большинствомъ князей Имперіи, съ которыми гораздо болѣе въ интересахъ Россіи поддерживать искреннюю дружбу; съ другой стороны нужно также бояться, что, благодаря вліянію ея мужа, дворы Вѣны и Берлина,—герцогъ Брауншвейгскій былъ племянникомъ императора и зятемъ Прусскаго короля, — окажутъ большое вліяніе на правленіе Россіи, такъ какъ была большая разница между желаніемъ сохранить хорошія отношенія съ этими дворами и позволить имъ управлять собою; кромѣ того герцогиня Анна совершенно не знала положенія дѣлъ въ странѣ, ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ, и что по всѣмъ этимъ соображеніямъ, она еще казалась совершенно неспособной взять на себя и привести къ хорошему концу такую трудную обязанность. Послѣдняя часть этихъ замѣчаній направлялась сильно противъ герцога Брауншвейгскаго, такъ что онъ тоже долженъ былъ быть

исключеннымъ изъ этихъ предположеній. Что касалось совѣта регенства, всѣ знали, что подобное учрежденіе противоположно по своему существу характеру правленія Россіи и склонности народа, и опытъ это доказалъ одиннадцать лѣтъ тому назадъ, когда царица вступила на тронъ; онъ думалъ, что этотъ пунктъ такъ ясенъ, что нечего о немъ, и говорить. Высказавшись въ этомъ смыслѣ, Бестужевъ сталъ доказывать удобство отдачи опеки герцогу Курляндскому. Онъ былъ въ курсѣ дѣлъ, привязанъ къ истиннымъ интересамъ Россіи, въ высокомъ санѣ, остороженъ и неутомимъ. Что касается его, Бестужева, то онъ увѣренъ, что тутъ нуженъ мужчина и такимъ является герцогъ Курляндскій. Если его коллега князь Черкасскій согласенъ съ этимъ, они попробуютъ въ согласіи съ другими сановниками убѣдить императрицу отдать герцогу Курляндскому опеку Ивана. Князь Черкасскій на это согласился, и планъ былъ предложенъ другимъ членамъ совѣта, давшимъ свое согласіе.

Послѣ этого, Бестужевъ отправился сейчасъ же сообщить герцогу Курляндскому рѣшеніе совѣта и его спросить, приметъ-ли онъ регентство, въ случаѣ если Ея Величество, снисходя къ ихъ смиреннымъ просьбамъ, дастъ ему его. Герцогъ, казалось, сначала отказывался принять такую тяжелую обязанность, бывшую выше его силъ. Бестужевъ послалъ за княземъ Черкасскимъ, что бы онъ тоже настаивалъ на согласіи герцога.

Бестужевъ говорилъ, казалось, очень строго и сурово съ его свѣтлостью, указывая ему, что всѣмъ, что онъ имѣетъ, онъ обязанъ Россіи и что даже только изъ благодарности онъ не долженъ ея оставлять въ бѣдствіи, когда онъ можетъ оказать ей такую важную и славную услугу и тѣмъ болѣе, что его просятъ такъ много лицъ, самыхъ уважаемыхъ въ странѣ; что сохраненіе благоденствія Россіи и его собственное были неразлучны, и онъ не могъ бы не оказать услуги Россіи или ее оставить въ этомъ несчастіи, не спасая или не губя тѣмъ самого себя. Въ концѣ концовъ, герцогъ Курляндскій согласился, что совѣтъ выбралъ путь болѣе соотвѣтствующій интересамъ страны.

Все такъ и осталось до 5-го. Ея Величество почувствовала себя хуже на другой день; графъ Остерманъ былъ вызванъ рано во дворецъ, и совѣтъ сообщилъ ему о томъ что происходило вчера изъ за регенства и просилъ его высказать свободно свое мнѣніе, такъ какъ еще не дѣлали никакой попытки. Его Сіятельство, какъ я слышалъ, очень хотѣлъ, что бы его уволили отъ отвѣта, говоря, что это весьма сложный вопросъ для него, онъ иностранецъ, и этотъ вопросъ долженъ быть отданъ всецѣло въ руки русскихъ. Бестужевъ ему возразилъ немедленно,—до такой

степени между ними не царитъ согласіе,—что онъ удивленъ слыша графа Остермана, говорящаго такъ про себя, и считающаго себя за иностранца, послѣ такого долгаго управленія однимъ изъ самыхъ важныхъ вѣдомствъ страны и завѣдыванія почти единолично иностранными дѣлами; и что онъ думаетъ, что по этимъ причинамъ графъ не только русскій, но стоитъ 20 тысячъ русскихъ; что и не думали навязывать ему мнѣнія совѣта, но хотѣли знать лично его мнѣніе; и если онъ не хочетъ его высказать, совѣтъ не видитъ, какую пользу его присутствіе можетъ принести совѣщанію. Графъ Остерманъ, не замѣтившій сразу, какъ обстоятъ дѣла, быстро перемѣнилъ тонъ, онъ объяснилъ свой первый отвѣтъ, что его плохо поняли и; что онъ думаетъ, что регенство не могло бы быть въ лучшихъ рукахъ, какъ у герцога Курляндского и что не могли лучше найти мѣры въ интересахъ Россіи. Тогда его попросили составить актъ, называющій великаго князя Ивана наслѣдникомъ царицы и другой актъ, которымъ регенство будетъ передано герцогу Курляндскому. Это было скоро сдѣлано, и его попросили отнести тотъ и другой къ царицѣ и представить второй отъ имени всего совѣта и какъ выраженіе общаго желанія.

Графъ Остерманъ исполнилъ это порученіе въ тотъ же день. Ея Величество подписала сейчасъ же въ его присутствіи актъ, относящійся къ наслѣдію, и онъ приложилъ къ нему государственную печать, что же касается другого, она ему велѣла его оставить у нея. Между тѣмъ здоровье царицы ухудшалось съ каждымъ днемъ. 11-го у нея былъ обморокъ, заставившій думать, что наступили ея послѣднія минуты, и совѣтъ опять просилъ Остермана отправиться снова къ царицѣ, чтобы узнать, если возможно, подписала-ли она актъ регенства. Она ему сказала, что все, касающееся ея воли и добраго желанія, они найдутъ послѣ ея смерти. Совѣтъ рѣшилъ тогда, что всѣ министры и всѣ тѣ, до чина полковника включительно, кто раздѣляетъ ихъ чувства и взгляды на регенство, подпишутъ бумагу, въ которой объявятъ, что въ случаѣ, если царица не сдѣлаетъ противуположнаго распоряженія или не оставитъ другого указанія, они признаютъ герцога Курляндскаго въ качествѣ регента втеченіе малолѣтства Ивана.

Я думаю, что это предположеніе не столько было сдѣлано изъ осторожности, такъ какъ герцогъ, конечно, зналъ, что Императрица все сдѣлаетъ для него, но изъ политическихъ соображеній, чтобы показать этимъ, что регенство ему было довѣрено какъ по желанію, выраженному главными и уважаемыми лицами страны такъ и формальной волею царицы.

Въ этотъ же день, 11-го октября, три главныхъ министра и фельдмаршалъ Минихъ отправились отъ имени совѣта къ герцо-

гинѣ Аннѣ и ее спросили, кто бы былъ, по ея мнѣнію, самый подходящій для регентства человѣкъ. Она очень бы хотѣла не давать своего мнѣнія, но такъ какъ она хорошо была освѣдомлена о рѣшеніи совѣта, то сказала, что это герцогъ Курляндскій, по крайней мѣрѣ, ея отвѣтъ былъ истолкованъ въ этомъ смыслѣ."

Вотъ, что писалъ Финчъ отъ 1-го ноября, конечно, по самымъ опредѣленнымъ и точнымъ свѣдѣніямъ. Въ перерывѣ, онъ писалъ отъ 18-го октября:

„Государыня умерла вчера 17-го ночью, конецъ ея жизни сопровождался такими ужасными страданіями, что даже тѣ, у которыхъ было желаніе, чтобы продлилась ея жизнь, могли только молиться Богу, чтобы онъ освободилъ ее отъ такихъ мученій. Принцессы Елизавета и Анна простились съ нею за два часа до ея смерти; герцогъ Курляндскій оставался съ нею до конца".

Въ своемъ донесеніи отъ 1-го ноября, изъ котораго мы уже привели такую длинную выдержку, Финчъ приводитъ подробности о томъ, что было въ первыя минуты послѣ смерти царицы:

„На другой день утромъ, слѣдующимъ за смертью Государыни, Остерманъ и всѣ сановники отправились во дворецъ. Герцогиня Анна и герцогъ Брауншвейгскій были тоже тамъ. Предложили опечатать комнаты ея Величества. Когда дошли до кабинета, гдѣ она держала свои драгоцѣнности, одна изъ ея горничныхъ, бывшая много лѣтъ при ней, ея любимица и довѣренная, объявила, что Ея Величество подписала въ ея присутствіи бумагу, принесенную ей въ началѣ ея болѣзни Остерманомъ, и она ей приказала ее спрятать въ этомъ кабинетѣ, и ей принести ключи, находившіеся съ того момента у нея подъ изголовьемъ; и что Ея Величество сказала ей въ это же время, что эта бумага большой важности, и что она про нее не должна говорить ни слова, пока Ея Величество не умретъ, и тогда объявить, что бумага будетъ найдена въ этомъ кабинетѣ; она не знала о ея содержаніи. Ее нашли въ самомъ дѣлѣ; она была открыто прочтена, объявлена и достовѣрность ея была признана".

Финчъ оканчиваетъ свое донесеніе отъ 18 октября такими словами:

„Утромъ Остерманъ объявилъ завѣщаніе покойной царицы, которое утверждаетъ герцога Курляндскаго регентомъ, пока Иванъ не достигнетъ 17-ти лѣтія. Все спокойно, это и есть послѣдствіе объявленія этого регентства, такъ какъ всѣ въ странѣ чувствуютъ что нечего бояться подъ управленіемъ герцога, давшаго столько доказательствъ своего ума и неутомимости. Присягали и подпи-

сывались подъ регентствомъ, и оно такъ хорошо основано, на сколько можетъ быть такимъ новое учрежденіе".

Финчъ, недавно пріѣхавшій въ Россію, слишкомъ полагался на внѣшній видъ, и онъ очевидно судилъ, вообще, очень благосклонно о порядкѣ вещей. Что было вѣрно, это то, что воля покойной царицы не встрѣтила никакихъ противорѣчій. Не слышно было ни одного неодобрительнаго ропота. Нужно однако понимать, что герцогиня Анна была жестоко поражена и можетъ быть раскаивалась, но поздно, что не вышла замужъ за герцога Курляндскаго. Она сначала разсчитывала, что корона достанется ей самой, потомъ она утѣшилась, думая, что въ качествѣ опекунши сына, у нея будетъ регентство во все время его долгого малолѣтства. Но какова была ея ненависть къ Бирону, котораго она всегда ненавидѣла, какова была ея злоба за то, что онъ ей сдѣлалъ, но она сочла за лучшее, все это скрывать, тѣмъ болѣе, что Биронъ избѣгалъ всячески дать ей предлоги для жалобы.

Финчъ пишетъ отъ 1 ноября;

„Герцогъ Курляндскій, съ тѣхъ поръ какъ онъ утвержденъ регентомъ, держалъ себя очень вѣжливо съ герцогиней Анной; онъ ей ассигновалъ 200.000 рублей капитала. Герцогиня съ своей стороны не менѣе вѣжлива. Хотя всегда она и ея мужъ смотрѣли на герцога, какъ на врага, а теперь ихъ чувства къ нему могли только увеличиться".

Осторожность герцогини Анны не нашла подражателя въ лицѣ ея мужа, онъ не скрывалъ своего недовольства. Ихъ маленькій дворъ нисколько не скрывалъ сожалѣній, и такъ легко понимаемыхъ. Регенту, конечно, нечего было бояться съ этой стороны, ни герцогини, бывшей очень лѣнивой и неспособной ни на какой смѣлый поступокъ, ни герцога Брауншейгскаго очень неумнаго и не пользовавшагося никакимъ уваженіемъ; тогда какъ за него были всѣ важные люди Россіи, такъ по крайней мѣрѣ онъ думалъ, и ничто ему не доказывало противнаго. Однако-жъ, опьяненный своей удачей, увлеченный естественной гордостью своего характера, не привыкшій переносить противорѣчій, ни даже тѣни сопротивленія, Биронъ былъ раздраженъ оппозиціей, которую онъ, казалось, замѣтилъ въ герцогѣ Брауншвейгскомъ и въ его приближенныхъ.

Вотъ что говоритъ англійскій резидентъ, писавшій въ своемъ донесеніи отъ 1 ноября:

„Регентъ, будучи освѣдомленъ, что адъютантъ герцога Брауншвейгскаго и нѣсколько другихъ офицеровъ второго полка гвардіи,

въ которомъ принцъ имѣетъ чинъ лейтенанта-полковника, выражали очень смѣлыя мнѣнія въ присутствіи Его Высочества, говоря, что ему надо было бы быть регентомъ, и что распоряженія Ея Величества по этому поводу были получены обманомъ и можетъ быть сфабрикованы уже послѣ ея смерти и хорошо бы было ихъ уничтожить смѣлымъ ударомъ; регентъ былъ такъ же освѣдомленъ, что герцогъ не приказалъ замолчать офицерамъ и не порицалъ этихъ дерзкихъ и возмутительныхъ рѣчей.

Регентъ отправился 22 къ герцогу Брауншвейгскому, чтобы ему сообщить, что онъ узналъ, и спросить его объясненій. Онъ ему сказалъ между прочимъ, что, несмотря на то, что онъ отецъ Императора, онъ не перестаетъ быть его подданнымъ, какъ и всякій другой человѣкъ, и что ему обязанъ быть также вѣрнымъ и, что ему будетъ очень жаль, что въ качествѣ регента и управляющаго имперіей онъ долженъ убѣждать Его Величество, что отъ него требуется та же вѣрность и послушаніе Императору, его сыну, какъ и отъ всякаго другого въ имперіи. Герцогъ былъ пораженъ этой рѣчью, произнесенной строгимъ и суровымъ тономъ. Онъ началъ извиняться, что слушалъ легкомысленные предположенія молодыхъ офицеровъ, на которыхъ онъ не обратилъ никакого вниманія, хотя можетъ быть онъ былъ и не остороженъ, не приказавъ имъ молчать, и что онъ смиренно проситъ прощенія, увѣряя регента, что его поведеніе въ будущемъ будетъ болѣе сдержаннымъ и не дастъ предлога ни на какую жалобу или выговоръ.

Регентъ оставляя герцога, пошелъ прямо къ герцогинѣ и разсказалъ ей все происшедшее. Ея Высочество защищалась, говоря, что она рѣшительно ничего не знала и, что она все это очень не одобряетъ, и она послѣдовала сейчасъ же за регентомъ во дворецъ и оставалась съ нимъ около двухъ часовъ; навѣрное, чтобы сгладить происшедшее и все устроить возможно лучше

Несмотря на это, герцогъ былъ призванъ на другой день 23, во дворецъ, гдѣ министры кабинета, сенатъ и генералы были собраны и герцогъ долженъ былъ перенести родъ допроса; какъ говорятъ французы: „отъ него вывѣдывали тайну". Регентъ представилъ все дѣло отъ начала до конца и потомъ онъ спросилъ герцога, какія у него были мысли и что онъ собирался сдѣлать? Мнѣ разсказывали, что онъ былъ слабъ, что плакалъ, разсказывая, что онъ думалъ о возстаніи (я употребляю болѣе мягкія выраженія, чѣмъ онъ), чтобы захватить регентство. На что генералъ Ушаковъ, начальникъ тайной канцеляріи, ему сказалъ: „герцогъ Брауншвейгскій, всѣ, если ваше поведеніе этому не помѣшаетъ, будутъ смотрѣть васъ, какъ на отца нашего Императора, но если ваше

поведеніе насъ къ этому обяжетъ, съ вами будутъ поступать какъ съ подданнымъ нашего Императора. Ваша молодость,—герцогу тогда былъ 26-ой годъ,—и ваша неопытность могутъ васъ извинить, вы заблуждались; но если бы вы были старше, болѣе умны и имѣли способность предпринять и исполнить такое намѣреніе, которое взволновало бы и поставило въ большую опасность миръ и спокойствіе, благоденствіе и процвѣтаніе этой великой имперіи, я долженъ вамъ объявить съ глубокимъ сожалѣніемъ, я бы поднялъ преслѣдованіе противъ васъ, какъ противъ виновнаго въ предательствѣ противъ вашего сына и повелителя, съ такою же строгостью какъ бы я это сдѣлалъ для всякаго другого подданнаго Его Величества. Послѣ этого регентъ изложилъ, какъ онъ былъ выбранъ и по какимъ причинамъ, такъ что не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ правильности акта покойной царицы.

Ея Величество утвердила меня этимъ актомъ регентомъ, и я имѣю поэтому высокій постъ по ея милости и я думаю, что имѣю его благодаря довѣрію самыхъ уважаемыхъ въ странѣ лицъ, собравшихся здѣсь. Но такъ какъ Ея Величество оставила мнѣ право сложить съ себя эту высокую должность, я объявляю, что если это собраніе рѣшитъ, что Ваше Величество болѣе способно чѣмъ я, или можетъ ее лучше исполнить, я готовъ сейчасъ же сложить ее съ себя. Если же, наоборотъ хотятъ, чтобы я оставилъ регентство, обязанности, которыя я заключилъ съ покойной дорогой Государыней и съ Россіей, меня заставятъ сохранить это положеніе, то я надѣюсь, что при поддержкѣ лицъ, здѣсь присутствующихъ, и я съ нимъ справлюсь, согласно съ моей готовностью служить пользѣ великой имперіи.

На это нѣкоторые отвѣтили, что также, какъ до смерти Ея Величества, они желали его регентства, такъ и теперь они настаиваютъ, что бы онъ сохранилъ его для блага и пользы страны. Регентъ попросилъ тогда графа Остермана объявить герцогу, что актъ, о которомъ говорятъ сейчасъ и даже, кажется, сомнѣваются въ его подлинности, тотъ самый, который онъ носилъ покойной Государынѣ. Графъ сдѣлалъ заявленіе, о которомъ его просили. Тогда было предложено, чтобы всѣ присутствующія особы, между ними были всѣ генералъ-маіоры, опять подписали этотъ актъ и приложили бы ихъ печати, признавая его подлиннымъ и обязываясь поддерживать его силу. Это было сдѣлано сейчасъ же и герцогъ Брауншвейгскій подписалъ наравнѣ съ другими".

Герцогъ Курляндскій, обманутый лестью придворныхъ и высокимъ мнѣніемъ, которое онъ питалъ о самомъ себѣ, воображалъ, что онъ былъ всѣми обожаемъ; онъ объяснялъ себѣ под-

чиненіе его желаніемъ, неизмѣннымъ почтеніемъ къ его положенію. Онъ думалъ, что у него нѣтъ враговъ, и онъ былъ увѣренъ, что не было человѣка въ имперіи, который бы мечталъ оспаривать у него безграничную власть, которою онъ пользовался. Даже Финчъ имѣлъ очень хорошее мнѣніе о положеніи регента, такъ такъ пишетъ въ своемъ донесеніи отъ 1-го ноября.

„Нѣтъ никого, кто бы могъ съ нимъ соперничать. Онъ въ общемъ очень любимъ, оказавъ услуги многимъ и обидѣвъ меньшинство; этихъ послѣднихъ только нѣкоторой грубостью характера, тѣмъ, что французы называютъ рѣзкостью. Но это только причуды, не продолжающіяся долго, и онъ никогда не являлся непримиримымъ. Тикимъ образомъ, если его регентство было такъ же встрѣчено въ Москвѣ, какъ и здѣсь, я пока не вижу ничего чтобы могло его поколебать; и если оно будетъ такъ продолжаться, какъ и началось, оно сдѣлаетъ безконечное добро для страны и послужить къ славѣ герцога. Счастье для него, что намѣренія Волынскаго открылись, такъ какъ, если бы онъ жилъ до дня смерти царицы и если бы его заговоръ не былъ раскрытъ, онъ по всѣмъ вѣроятіямъ зажегъ бы Россію съ четырехъ концовъ и подалъ бы сигналъ къ избіенію всѣхъ иностранцевъ. Будущее остается всетаки неопредѣленнымъ. Императоръ можетъ умереть; герцогиня Анна можетъ имѣть другихъ дѣтей. Она и то сказала, что она годна на что либо другое, чѣмъ только на продолженіе своего рода. Французскій посланникъ въ милости у принцессы Елизаветы, прусскій и австрійскій у принцессы Анны“.

Герцогъ Курляндскій понялъ, что онъ долженъ бояться только принцессы Елизаветы. Но эта принцесса не дѣлала ничего, что бы могло его задѣть и желая ее примирить съ собою и пріобщить ее къ своимъ сторонникамъ, онъ думалъ служить тѣмъ для своей собственной пользы. Англійскій резидентъ пишетъ еще въ своемъ донесеніи отъ 1-го ноября:

„Такъ же какъ и при жизни покойной царицы онъ дѣлалъ для принцессы Елизаветы всѣ услуги, возможныя для него, когда она была въ немилости, такъ и теперь онъ, кажется, хочетъ привязять ее къ себѣ, зная, что она очень любима, хотя менѣе за нее самое чѣмъ за ея отца. Онъ ей далъ денегъ для уплаты долговъ, въ суммѣ 50,000 рублей. Этотъ его поступокъ здѣсь встрѣтилъ большое сочувствіе“.

Относительно герцога Брауншвейгскаго Биронъ не имѣлъ никакихъ опасеній, онъ заботился мало о его злопамятствѣ. Впрочемъ, онъ думалъ, что онъ въ лучшихъ отношеніяхъ съ герцогиней, его женой. Что касается его, онъ про него говоритъ съ

презрѣніемъ, какъ показываетъ слѣдующая выдержка изъ донесенія англійскаго резидента:

„Регентъ занимается съ большимъ рвеніемъ разслѣдованіемъ дѣлъ. Онъ рѣшилъ узнать настоящее положеніе дѣлъ, какими онъ ихъ нашелъ, и какими ихъ поставилъ. Герцогиня Анна съ виду въ хорошихъ отношеніяхъ съ нимъ; они видятся часто, но ея мужъ не показывается нигдѣ послѣ своего допроса. Онъ не выходитъ изъ квартиры герцогини Анны и герцогъ Курляндскій говорилъ вчера одному изъ моихъ друзей, что признаніе принца не слишкомъ возмутило его и заслуживало больше сожалѣніе, чѣмъ гнѣва, такъ у него было только 8 сообщниковъ, изъ которыхъ трое были отпущены: одинъ былъ шутомъ царскаго кучера, другой подмастерье а третій трактирный слуга".

Вотъ что писалъ Финчъ отъ 8-го ноября, а вотъ что онъ пишетъ 11-го того же мѣсяца:

„9-го ноября, между 3 и 4-мя часами утра, фельдмаршалъ Минихъ, во главѣ отряда 40 гренадеровъ, изъ числа караула Зимняго дворца, отправился въ Лѣтній дворецъ, по словесному приказу герцогини Анны арестовалъ регента въ постели и привелъ его плѣнникомъ въ зимній дворецъ. Вся семья герцога Курляндскаго была арестована. Сейчасъ же послѣ этого генералъ Биронъ и новый министръ кабинета Бестужевъ были арестованы и отвезены въ зимній дворецъ.

Послѣ чего всѣ знатныя лица были приглашены въ зимній дворецъ. Герцогиня Анна, именемъ своего сына, была превозглашена великой княгиней съ титуломъ Ея Величества и уполномоченной правленіемъ страны на время малолѣтства ея сына. Арестованныя лица были развезены по различнымъ крѣпостямъ; пропѣли молебенъ; были розданы ордена; нѣкоторыя ходатайства утверждены; долги дворянства уплачены; и герцогъ Брауншвейгскій превозглашенъ генералиссимусомъ. Минихъ отказался отъ этого чина, такъ какъ хотѣлъ по его словамъ, чтобы армія имѣла счастіе имѣть командиромъ отца своего государя. Онъ былъ названъ первымъ министромъ; Остерманъ—генералъ-адмираломъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ; Черкаскій канцлеромъ и Головинъ вице-камергеромъ.

Герцогъ Курляндскій былъ лишенъ всѣхъ своихъ денегъ и всего имущества, даже золотыхъ часовъ и платья."

Письмо французскаго министра, маркиза де-ля-Шетарди, адресованное своему коллегѣ въ Берлинѣ, де-Валёри, и написанное отъ 21-го ноября (новаго стиля), то есть на другой день послѣ этой странной революціи, даетъ намъ полную и живую картину.

„Герцогъ Курляндскій былъ арестованъ вчера въ 9 часовъ утра и отведенъ въ кордегардію дежурныхъ офицеровъ зимняго дворца. Арестовали такъ же герцогиню Курляндскую, ея дочь и двухъ сыновей. Генералъ Густавъ Биронъ и министръ кабинета Бестужевъ были отведены въ ту же минуту въ кордегардію зимняго дворца. Вслѣдствіе совѣта, бывшаго у госпожи герцогини Анны, гвардія собралась на плацу, которая находится передъ дворцомъ, упомянутыя лица были посажены въ придворные дормезы, исключая Бестужева, которому были даны крестьянскія сани. Домъ герцога былъ обращенъ въ монастырь святого Александра Невскаго, здѣсь онъ ночевалъ послѣднюю ночь и отсюда же былъ увезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, около Ладожскаго озера. Не знаютъ, куда сосланы генералъ Биронъ и Бестужевъ. Болѣзнь наслѣднаго герцога Курляндскаго помѣшала увезти и его, и онъ оставленъ въ бывшемъ домѣ для служащихъ его отца. Тамъ къ нему приставлена стража, считающая его плѣнникомъ. Послали курьера въ Москву, чтобы арестовать Карла Бирона, который тамъ командовалъ; это старшій братъ герцога Курляндскаго. Гвардія опять была собрана у зимняго дворца въ 5 часовъ утра и вернулась только въ 4 часа пополудни въ свои казармы. Ихъ радость была такъ же велика, какъ была велика грусть при назначеніи герцога Бирона регентомъ. Какъ только присяга была принята принцессой Елизаветой первыми лицами по чину и званію, каждый батальонъ собрался вокругъ и также присягалъ подъ знаменами.

Этой формальностью герцогиня Анна признавалась Великою княгинію России и регентшей на время малолѣтсва сына не было примѣра здѣсь, чтобы дворъ собрался въ такомъ количествѣ и въ такомъ веселомъ настроеніи, какъ сегодня утромъ. Веселость была еще усилена оказанными милостями. Герцогъ Брауншвейгскій былъ назначенъ генералиссимусомъ, фельдмаршалъ Минихъ первымъ министромъ и лейтенантъ—полковникомъ кавалергардовъ вмѣсто наслѣднаго герцога Курляндскаго; жена фельдмаршала Миниха первой дамой при дворѣ послѣ герцогини; графъ Остерманъ генералъ-адмираломъ, сохранивъ за собой постъ завѣдующаго иностранными дѣлами; князь Черкаскій министромъ кабинета и канцлеромъ: канцлеръ получалъ 16,000 экю пенсіи отъ соляныхъ доходовъ. Раздали много другихъ чиновъ менѣе важныхъ, герцогиня Анна пожаловала шталмейстеру князю Куракину орденъ Св. Андрея, также вице-адмиралу Головкину, Нарышкину и генералу Ушакову; орденъ Св. Александра Невскаго, президенту торговой коллегіи барону Менгдену, племяннику фельдмаршала Миниха и Стрешневу, сенатору и зятю графа Остермана.“

Этогъ неожиданный внезапный переворотъ длился меньше времени, чѣмъ нужно, чтобы его разсказать. Англійскій резидентъ такъ былъ пораженъ имъ, что не вѣрилъ своимъ глазамъ. Онъ, конечно, жалѣлъ регентства герцога Курляндскаго, въ которомъ онъ видѣлъ много хорошаго, но онъ скоро хорошо себя почувствовалъ и при новомъ порядкѣ. Придя въ себя отъ перваго изумленія, онъ полюбопытствовалъ узнать, какъ было подготовлено это событіе и какими средствами была доведена до желаннаго конца.

Все это онъ изложилъ для нашего поученія въ донесеніи отъ 28-го ноября и нельзя не быть увѣреннымъ, что всѣ подробности безусловны точны: ясно, что Финчъ бралъ свои свѣдѣнія изъ хорошаго источника.

Герцогъ Курляндскій благодаря роковой случайности и лести окружающихъ его былъ совершенно увѣренъ, что онъ былъ любимъ въ высшей степени и пользовался расположеніемъ всѣхъ ранговъ и профессій, принимая подчиненіе своей власти за сильную привязанность къ своей особѣ.

Герцогъ Брауншвейгскій отказался отъ всѣхъ своихъ мѣстъ и чиновъ, чтобы не быть подъ началомъ герцога, но онъ не избѣжалъ его наблюденія.

Регентъ видѣлъ часто герцогиню Анну, изъ чего заключали, что они были въ хорошихъ отношеніяхъ, тогда какъ, наоборотъ, они постоянно ссорились. Такъ онъ ей сказалъ 7 ноября:

„Я могу послать васъ и вашего мужа въ Германію; есть на свѣтѣ герцогъ Гольштинскій, и я его заставлю пріѣхать въ Россію, и я это сдѣлаю, если меня принудятъ“.

Послѣ такого предложенія разрывъ былъ неизбѣженъ. На другой день, 8 ноября, фельдмаршалъ Минихъ, представивъ нѣсколько кадетовъ герцогинѣ, остался съ нею одинъ, и были объясненія о настоящемъ положеніи дѣлъ. Она жаловалась на обращеніе регента съ ней и ея мужемъ и что ей ничего не остается, какъ уѣхать изъ Россіи.

Вслѣдствіе этого она просила фельдмаршала употребить всю свою власть у герцога Курляндскаго, чтобы имъ было позволено увезти съ собою ихъ ребенка, чтобы его спасти отъ всѣхъ опасностей, угрожающихъ русскимъ царямъ, отъ которыхъ онъ не избавится, пока будетъ находиться въ рукахъ человѣка, ненавидящаго его и его родителей. Минихъ спросилъ герцогиню, открывалась ли она въ этомъ кому нибудь? Она отвѣтила: „никому“.

Послѣ долгихъ колебаній она рѣшила довѣриться только ему. Хотя Минихъ и участвовалъ въ возведеніи регента, но между ними царствовали подозрѣнія и зависть, и герцогъ Курляндскій

имѣлъ намѣреніе, если представится случай, отвязаться отъ фельдмаршала и у него была такимъ образомъ причина желать гибели регента. Согласно тому, что было рѣшено между Минихомъ и герцогиней Анной, герцогъ Брауншвейгскій выѣхалъ изъ дворца первый разъ и отправился съ визитомъ къ регенту въ Лѣтній дворецъ. Они отправились вмѣстѣ посмотрѣть молодого царя, а потомъ поѣхали къ герцогинѣ Аннѣ. Оттуда, опять таки вмѣстѣ, они отправились въ манежъ герцога, находившійся по близости. Послѣ герцогъ Брауншвейгскій вернулся въ Зимній дворецъ, а герцогъ-регентъ остался по дорогѣ у своего брата, генерала Бирона, и вернулся къ себѣ въ Лѣтній дворецъ, гдѣ у него обѣдалъ Минихъ, Менгденъ и его семья.

Говорятъ, что сегодня герцогъ замѣтилъ, такъ какъ это произвело на него сильное впечатлѣніе, то сообщилъ своимъ гостямъ: на улицахъ онъ видѣлъ много народа, и всѣ имѣли скучный видъ, какъ люди чѣмъ нибудь недовольные. Онъ былъ настолько далекъ отъ истины, что приписывалъ это ихъ разочарованію герцогомъ Брауншвейгскимъ, а не своему регентству. Присутствующіе, какъ и можно было думать, сказали, что навѣрное ничего особеннаго не было въ лицахъ встрѣченныхъ герцогомъ людей, и что, можетъ быть, они опечалены смертью царицы. Не смотря на это, герцогъ былъ задумчивъ и молчаливъ во все время обѣда. Вставая изъ за стола, фельдмаршалъ простился, оставя свою семью. Онъ отправился домой и вечеромъ явился къ герцогинѣ Аннѣ и ее спросилъ, не имѣетъ ли она что нибудь ему приказать, потому что его планъ сдѣланъ и онъ исполнитъ его въ эту же ночь. Герцогиня была поражена этимъ столь важнымъ и скорымъ рѣшеніемъ, и хотѣла узнать, какъ онъ это сдѣлаетъ. Фельдмаршалъ просилъ его извинить, если онъ не скажетъ ей его плановъ и не удивляться, если онъ ее подыметъ съ постели часа въ 3 утра. Послѣ недолгаго раздумья Ея Величество сказала: „я предаю себя, моего мужа и моего ребенка, всецѣло въ ваши руки и разсчитываю на васъ. Пусть Богъ васъ ведетъ и сохранитъ насъ всѣхъ“.

Простясь съ герцогиней, Минихъ съ графомъ Левенвольдомъ вернулись къ герцогу Курляндскому ужинать и они его нашли все еще обезпокоеннымъ, жалующимся на удрученность духа и на большую тягость которой онъ никогда въ своей жизни не чувствовалъ.

Они ему оба сказали, что это могло быть легкимъ нездоровьемъ, что ночью все пройдетъ. Несмотря на это, герцогъ, обыкновенно общительный, не сказалъ ни слова во время ужина.

Для того, чтобы оживить немного разговоръ, фельдмаршалъ сталъ разсказывать о своихъ кампаніяхъ, о разныхъ событіяхъ, при которыхъ онъ присутствовалъ втеченіе своей сорокалѣтней службы. Въ концѣ разговора графъ Левенвальдъ совершенно не винно его спросилъ: не совершалъ ли какого нибудь дѣла ночью?

Странность вопроса, такъ неумѣстнаго въ этомъ разговорѣ, поразила фельдмаршала, но придя въ себя и сохраняя спокойный видъ, онъ отвѣтилъ съ наружнымъ равнодушіемъ, что навѣрное въ массѣ дѣлъ, при которыхъ онъ присутствовалъ, были дѣла во всякое время дня и ночи. Его превосходительство мнѣ сказалъ, что онъ замѣтилъ, что герцогъ лежавшій на своей постели, въ тотъ моментъ, какъ онъ говорилъ эти слова, приподнялся немного, оперся на локоть, положилъ голову на руку и оставался такъ долго въ раздумьи.

Около 10 часовъ они разстались и Минихъ легъ въ постель, но, какъ онъ говоритъ, не смыкалъ глазъ. Въ 2 часа ночи, онъ всталъ, послалъ за своимъ адъютантомъ-генераломъ Манштейномъ, и условились съ нимъ. Они оба отправились во дворецъ герцогини Анны, гдѣ Минихъ говорилъ съ офицерами и солдатами и выбралъ нѣсколько изъ нихъ, которыхъ провелъ къ принцессѣ.

Она жаловалась на свое несчастное положеніе и дала имъ приказъ арестовать регента и слушаться во всемъ фельдмаршала Миниха. Никто не противился. Стража Зимняго дворца позволила все сдѣлать, не сопротивляясь. Манштейнъ отправился сейчасъ же въ комнату герцога, который спалъ и такъ какъ онъ сопротивлялся, велѣлъ его связать, заткнуть ротъ и потащилъ его вмѣстѣ съ женою; на тѣхъ были только ночныя рубашки. Сорвали два одѣяла съ постели и набросили на нихъ.

Когда герцогиня узнала, кто распоряжался арестомъ, она воскликнула съ ужасомъ, что она скорѣе бы повѣрила, что умеръ всемогущій Богъ, чѣмъ то, что фельдмаршалъ велъ себя такъ по отношенію ихъ. Минихъ одинъ обдумалъ и привелъ въ исполненіе планъ, давшій регентство герцогинѣ Аннѣ.

У него не было сообщниковъ въ этой смѣлой попыткѣ, гдѣ онъ рисковалъ головой, вся честь принадлежала ему. Онъ скоро замѣтилъ что старался для неблагодарныхъ. Герцогъ Брауншвейгскій, побуждаемый Остерманомъ, ревновавшимъ Миниха къ его власти, не могъ привыкнуть къ мысли имѣть начальника, котораго таланты его затирали, горько жаловался, что у него только названіе генералиссимуса, а что въ самомъ дѣлѣ Минихъ дѣлалъ все и былъ на самомъ дѣлѣ начальникомъ арміи. Финчъ, писалъ отъ 10 февраля 1741 года:

„Герцогъ сказалъ, что онъ многимъ обязанъ фельдмаршалу, но изъ этого не слѣдуетъ, что тотъ долженъ играть роль великаго визиря и что, если онъ будетъ продолжать проявлять свою безпредѣльную гордость и смѣлость своего характера, онъ пропадетъ благодаря своему безумію".

Нѣсколько недѣль спустя, меньше трехъ мѣсяцевъ послѣ переворота, виновникомъ котораго былъ Минихъ, онъ былъ лишенъ своего мѣста перваго министра и всѣхъ своихъ военныхъ чиновъ: онъ впалъ въ немилость, онъ—который былъ втеченіи стольких лѣтъ сильнымъ и уважаемымъ. Финчъ писалъ отъ 3 марта:

„Фельдмаршалъ Минихъ теперь отстраненъ".

Когда Левенвальдъ пришелъ ему это сказать, онъ отвѣтилъ, что смотритъ на это, какъ на высшую милость, которую ему даетъ регентша, что онъ принимаетъ свою отставку съ благодарностью и покорностью. Его семья не была такъ спокойна, какъ онъ, и когда графиня Минихъ прощалась съ герцогомъ Брауншвейгскимъ, со слезами на глазахъ, мужъ ей сказалъ:

„Сударыня, я надѣюсь, вы не покажете ничѣмъ вашего горя по поводу этого знака милости Ея Высочества и это должно давать вамъ столько же радости, какъ и мнѣ".

По нѣкоторымъ соображеніямъ Минихъ имѣлъ основаніе говорить такимъ образомъ, хотя онъ дѣлалъ это по другой причинѣ, такъ какъ въ данномъ случаѣ принцесса Анна доказала свою умѣренность, примѣра чему еще не было въ Россіи. Если-бы регентша была другого характера, Минихъ могъ бы быть вознагражденъ за свои заслуги ссылкою въ Сибирь и конфискаціей его имущества. Онъ не былъ ни заключенъ въ тюрьму, ни сосланъ. Даже не поднимался вопросъ о возбужденіи противъ него слѣдствія, въ дѣйствительности же для „государственной инквизиціи" не было очень трудно найти въ поведеніи Миниха поводъ для осужденія на смерть, если бы таково было желаніе регентши. Его близкіе не раздѣлили съ нимъ опалы; напротивъ, они сохранили свое положеніе въ правительствѣ и при дворѣ и пользовались у регентши большимъ расположеніемъ.

Что касается Миниха, то онъ спокойно жилъ въ Петербургѣ, безпокоя враговъ своимъ присутствіемъ, а также, безъ сомнѣнія, своей надменностью и насмѣшками. Его оставили жить спокойно, хотя внимательно слѣдили за нимъ. Разумѣется, для регентши не было недостатка въ вѣскихъ причинахъ для того, чтобы уни-

чтожить ея расположеніе къ Миниху. Среди ея приближенныхъ говорили, что изъ процесса герцога Курляндскаго обнаружатся тяжкія разоблаченія противъ него, изъ которыхъ съ крайней очевидностью слѣдуетъ, что ему принадлежала первая мысль о регенствѣ герцога Курляндскаго, что это онъ подсказалъ ее герцогу и что не довольствуясь этимъ, онъ возбуждалъ его къ захвату власти и предлагалъ свою поддержку въ этомъ предпріятіи. Въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, и Финчъ, въ донесеніи котораго отъ 10 марта 1741 г. сохранились для насъ эти подробности, былъ убѣжденъ въ ихъ точности. Мы увѣрены, что онъ хорошо освѣдомленъ, когда писалъ 7 марта:

„Регентша сказала, что Минихъ ниспровергъ герцога Курляндскаго болѣе изъ честолюбія, чѣмъ изъ привязанности къ ней и что вслѣдствіе этого, если она и воспользовалась плодами измѣны, все же она не можетъ уважать измѣнника. Было невозможно, прибавила она, выносить долѣе вызывающее поведеніе фельдмаршала, который совершенно не считался съ ея формальными и повторяемыми распоряженіями, и имѣлъ смѣлость безпрерывно пререкаться съ ея супругомъ. Онъ слишкомъ честолюбивъ и слишкомъ безпокойнаго характера, чтобы можно было ему довѣриться. Онъ долженъ будетъ удалиться въ свои владѣнія на Украйнѣ и кончить тамъ свои дни, если это ему нравится“.

Опала Миниха, казалось, должна была внести нѣкоторое облегченіе въ тѣ безчеловѣчныя строгости, которымъ подвергался Биронъ. Процессъ послѣдняго медленно продолжался въ тайной канцеляріи и главнымъ свидѣтелемъ его со стороны обвиненія являлся тотъ самый Бестужевъ, который былъ самымъ близкимъ его довѣреннымъ. По этой причинѣ онъ былъ арестованъ въ одно время съ нимъ, но перемѣнилъ свое положеніе соучастника обвиняемаго на положеніе обвинителя. Онъ надѣялся не только добиться прощенія, но и получить право на благодарность регентши и Миниха, если ему удалось бы осудить своего прежняго друга. Дѣйствительно, онъ не забывалъ ничего, чтобы обвинить его въ самыхъ ужасныхъ преступленіяхъ. Послѣ опалы Миниха, являвшагося самымъ ярымъ преслѣдователемъ Бирона, Бестужевъ замѣтилъ, что произошелъ нѣкоторый поворотъ въ пользу послѣдняго и что регентша и герцогъ Брауншвейгскій склонны къ помилованію. Тогда Бестужевъ внезапно измѣнилъ свои показанія и нашелъ довольно новый способъ перевернуть фронтъ. Финчъ писалъ 14 марта:

„Бестужевъ и герцогъ Курляндскій были поставлены ан очную ставку. Герцогъ отрицалъ все и прежде, чѣмъ позволилъ

подвергнуть себя пыткамъ, заявилъ, что онъ сознается въ томъ, въ чемъ его обвиняютъ и признаетъ это за правду, если Бестужевъ будетъ твердъ въ своихъ показаніяхъ, какъ если бы онъ держалъ отвѣтъ Богу на страшномъ судѣ. Говоря такъ, герцогъ имѣлъ такой торжественный тонъ и такой увѣренный видъ, что вся комиссія была поражена. Бестужева охватили тогда конвульсіи; онъ упалъ на колѣни и воскликнулъ, что онъ не можетъ вынести такое испытаніе и долженъ покаяться въ правдѣ и просить прощенія у герцога и у Бога. Онъ увѣрялъ, что всѣ его обвиненія были ложны и онъ ихъ дѣлалъ по внушенію фельдмаршала Миниха и будучи увѣреннымъ, что это было единственнымъ средствомъ къ спасенію собственной жизни, чести и семьи. Дѣло приняло такой оборотъ, что герцогъ Брауншвейгскій сказалъ, что герцогъ Курляндскій виновенъ не болѣе, чѣмъ онъ самъ и что онъ сдѣлалъ то, что сдѣлалъ бы всякій другой на его мѣстѣ".

Тѣмъ не менѣе процессъ продолжался, и Биронъ всетаки былъ осужденъ на смерть. Регентша оказала ему милость, даровавъ жизнь, но приговорила его къ пожизненной ссылкѣ въ Пелымъ, маленькое мѣстечко въ восточной Сибири въ 600 верстахъ отъ Тобольска.

Вся его семья, жена и дѣти раздѣлили его участь. Имѣнія, которыя онъ имѣлъ въ Россіи, были конфискованы, а также наложенъ арестъ на его владѣнія въ Курляндіи, освобожденныя отъ ленныхъ повинностей.

Княжна Елисавета не поколебалась признать регентство матери Ивана и присягнуть ему. Въ тоже время она не могла не знать, что большая часть солдатъ, которые подъ начальствомъ Миниха арестовали герцога Курляндскаго, думала, что дѣлаетъ это для нея и для того, чтобы ей дать корону; но она болѣе, чѣмъ когда-либо показала отсутствіе честолюбія и сдѣлала видъ, что удовлетворена, лишь бы не было недостатка въ деньгахъ и не мѣшали бы ея вкусамъ. Въ этихъ двухъ отношеніяхъ она могла быть довольной. Финчъ писалъ 20 декабря 1740 г.:

„Третьяго дня былъ день рожденія княжны Елисаветы. Великая герцогиня Анна подарила ей браслеты; царь въ колыбели послалъ ей золотую табакерку съ русскимъ орломъ на крышкѣ. Управленіе соляными варницами получило приказаніе выдать ей 40000 рублей".

Этого было достаточно для нея, желавшей только жить покойно, но это не входило въ расчеты нѣсколькихъ лицъ, которыя

выигрывали бы все, если бы она была на тронѣ. Такъ, напримѣръ, маркизъ Шетарди, который имѣлъ приказаніе какой бы то ни было цѣной впутать Россію въ войну короля Пруссіи съ Маріей Терезіей. Регентша нисколько не безпокоилась послать армію поддержать требованія Фридриха II, и Шетарди надѣялся быть болѣе счастливымъ у Елисаветы, если бы она была царицей. Министръ шведскій способствовалъ ему въ этой политикѣ. Финчъ, напротивъ, старался убѣдить регентшу вступиться за Венгерскую королеву. Онъ подозрѣвалъ тайные маневры Шетарди и изо всѣхъ силъ хотѣлъ помѣшать имъ. Онъ выражался такъ въ своемъ донесеніи отъ 21 іюня 1741 г.:

„Я дѣлалъ различныя сообщенія Остерману относительно интригъ французскаго и шведскаго посланниковъ. Онъ притворился незнающимъ, такъ какъ это его привычка быть осторожнымъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Такъ, напримѣръ, у него явилась подагра въ правой рукѣ, когда, послѣ смерти Петра II, онъ долженъ былъ подписать актъ, ограничивающій власть его преемника. Это шкиперъ въ хорошую погоду, который прячется въ трюмъ во время бури. Онъ всегда держитъ себя въ сторонѣ, когда правительство не прочно. Герцогъ Брауншвейгскій болѣе откровененъ. Онъ признался, что существуютъ сильныя подозрѣнія въ томъ, что посланникъ французскій и министръ шведскій замышляютъ что-то. Его Высочество покаялся мнѣ, что замѣтна тѣсная связь между Шетарди и Гановерцемъ Лестокомъ, хирургомъ княжны Елисаветы, который ее пользуетъ, и что этотъ посланникъ является часто ночью, переодѣтый, къ княжнѣ Елисаветѣ. А такъ какъ ничто не указываетъ на существованіе между ними любовной связи, то тамъ должно быть что-нибудь политическое.

Принцъ прибавилъ, что если поведеніе этой Великой княгини сдѣлается открыто двусмысленнымъ, она не будетъ первою женщиной въ Россіи, которую заточатъ въ монастырь. Я думаю, это была бы вещь, которая понравилась бы ей менѣе всего на свѣтѣ, и это могло бы быть опаснымъ средствомъ, такъ у нея нѣтъ ни малѣйшей склонности къ благочестивой жизни и она чрезвычайно любима и очень популярна.

Принцъ сказалъ мнѣ еще, что уже давно время отставить невыносимаго Миниха, который уже дѣлалъ авансы Княгинѣ Елизаветѣ и думалъ о новой революціи. Онъ мнѣ разсказалъ, что строго приказано слѣдить за маршаломъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль послѣ его отрѣшенія отъ должности и что онъ отдалъ приказъ въ случаѣ, если онъ выйдетъ вечеромъ и направитъ свои

шаги къ дому княгини Елизаветы, завладѣть имъ мертвымъ или живымъ.

Подъ конецъ, впрочемъ, Остерманъ рѣшился коснуться дѣла, и дошелъ до того что спросилъ, совѣтую ли я арестовать Лестока. Я ему отвѣтилъ, что онъ долженъ знать лучше меня, что ему дѣлать, имѣя въ рукахъ болѣе доказательствъ; такъ какъ, если будутъ отсутствовать точныя доказательства и въ виду того, что онъ такъ привязанъ къ княгинѣ Елизаветѣ, у которой онъ состоитъ постояннымъ докторомъ, эта мѣра была бы слишкомъ чувствительнымъ огорченіемъ для Ея Высочества и могла бы привести къ слишкомъ преждевременному открытію мотивовъ этого ареста. Остерманъ согласился со всѣмъ этимъ, и я прибавилъ, что, для того чтобы не дать подозрѣній, я избѣгалъ всякихъ интимныхъ сношеній съ Лестокомъ, но что бывалъ нѣсколько разъ у него. На это графъ Остерманъ предложилъ мнѣ пригласить его къ обѣду, такъ какъ онъ любилъ хорошее вино и могъ бы, можетъ быть, проговориться. На это я ничего не отвѣтилъ, такъ какъ я думаю, что если посланники разсматриваются какъ шпіоны для служенія своему господину, они не должны дѣлать этого ремесла для другихъ. Наконецъ, мое здоровье не позволяетъ мнѣ torquere vino.

Будущность полна неизвѣстности. Правительница, какъ кажется, обладаетъ умомъ, проницательностью, человѣчностью но характеръ у нее слишкомъ скрытный, она слишкомъ любитъ уединеніе. Она страдаетъ, когда находится среди публики и проводитъ большую часть своего времени въ помѣщеніи своей фаворитки мадемуазель Менгденъ и въ обществѣ этой дамы. Сестра M-elle Менгденъ вышла замужъ за сына Миниха. Что касается ея, то у нея нѣтъ ни большого ума, ни хитрости. Правительница такъ привязана къ ней, что страсть влюбленнаго къ своей возлюбленной ничто въ сравненіи съ этой любовью. Все бы шло лучше, если бы правительница чаще показывалась публикѣ и если бы у нея было больше этой привѣтливости, къ которой люди этого двора были пріучены послѣдними правителями и которая дала бы теперь самые лучшіе результаты. Съ другой стороны В. К. Елизавета чрезвычайно предупредительна, привѣтлива и поэтому лично очень любима.

Между прочимъ у нее есть преимущество быть дочерью Петра I. Если бы молодой царь умеръ и завязалась бы борьба между Анной и Елизаветой, дѣла были бы въ очень критическомъ положеніи; и такъ какъ можно думать, что у этой Великой Княгини никогда не будетъ ребенка, всѣ бы глаза обернулись на ея племянника Петра. Во всякомъ случаѣ осторожность требуетъ обращаться съ Елизаветой осмотрительно, ни въ какой формѣ ее не

оскорблять, и выдавать ей всѣ деньги, которыя ей необходимы. Такъ какъ она предана своимъ удовольствiямъ, она истратитъ, что бы ихъ удовлетворить, все то, что можетъ получать, и это лишь ослабитъ ея репутацiю а, слѣдовательно, уменьшитъ и ее популярность.

„Дворяне, у которыхъ есть что потерять, въ большинствѣ мирятся съ тѣмъ, что есть и слѣдуютъ по теченiю. Огромное большинство среди нихъ закоренѣлые русскiе жестокость и сила могутъ однѣ помѣшать имъ вернуться къ старымъ обычаямъ.

Нѣтъ ни одного среди нихъ, который не желалъ бы увидѣть Петербургъ на днѣ моря, а всѣ побѣжденныя провинцiи, послать къ черту, чтобы имѣть возможность возвратиться въ Москву, гдѣ въ сосѣдствѣ съ ихъ землями, они могли бы жить въ самомъ большомъ великолѣпiи и съ самыми маленькими расходами.

Они не хотятъ имѣть никакого дѣла съ Европой. Они ненавидятъ иностранцевъ; въ лучшемъ случаѣ они хотѣли бы употребить ихъ для войны, и затѣмъ отдѣлаться отъ нихъ.

Съ подобнымъ же ужасомъ относятся они къ морскимъ путешествiямъ и предпочли бы быть посланными въ самыя ужасныя мѣста Сибири чѣмъ на бортъ короблят. Духовенство имѣетъ большое влiянiе; и можно судить по нѣкоторымъ признакамъ, что оно причинитъ безпокойство и много затрудненiй настоящему правительству.

Что касается принца Брауншвейгскаго, у него недостаетъ нѣкотораго благородства въ манерахъ и нѣтъ никакой опытности въ дѣлахъ. Несмотря на это, онъ успѣваетъ въ школѣ Остермана.

Очень легко заключить изъ различныхъ разъясненiй, содержащихся въ этой депешѣ, что положенiе было очень критическое. Никто, начиная съ Остермана, единственнаго способнаго человѣка, поставленнаго правительницей, но имѣлъ вѣры въ продолжительность правленiя. Финчъ писалъ 16 сентября 1741:

„Разговаривая съ Остерманомъ я навелъ разговоръ на интриги посланника Францiи, и онъ мнѣ отвѣтилъ что чувства любви и нѣжности княгини Елизаветы къ Россiи слишкомъ велики, чтобы позволить ей входить въ такiе планы“.

Въ тоже время, и какъ бы для того, чтобы усложнить положенiе, не безъ того полное опасностей, дворъ подраздѣлился на партiи. Посланникъ Англiи писалъ 13-го октября:

„Правительница ревниво оберегаетъ свой авторитетъ и не хочетъ оставить малѣйшей частицы своему мужу. Такимъ обра-

зомъ раздоръ царитъ среди тѣхъ, которые во главѣ дѣлъ: Головкинъ противъ Остермана и иностранцевъ, Елизавета противъ Остермана правительница противъ Остермана и т. д.“

И затѣмъ 14 ноября слѣдующее:

„Здѣсь образуется русская партія подъ управленіемъ австрійскаго посланника маркиза Бота и графа Головкина противъ Остермана и герцога Брауншвейгскаго. Правительница становится на сторону первыхъ“.

Гроза сгущалась, и не принимали никакой предосторожности, чтобы ее отвратить. Елизавету осыпали подарками, но это было ничтожное временное лѣкарство противъ того тщеславія, которое въ ней просыпалось.

Было легко замѣтить по легкимъ симптомамъ, что ея настроеніе было уже не то.

Такъ напримѣръ Финчъ писалъ 13 октября:

„Принцесса Елизавета — отнеслась очень скверно къ тому, что Персидскій посланникъ не сдѣлалъ ей визита: она всю вину приписала Остерману, но въ то же время она протестуетъ противъ его привязанности къ царю и правительницѣ. Горячность и живость, съ какими она высказалась по этому поводу, поразили и удивили всѣхъ; и предполагаютъ, что визитъ который Вел. Кн. сдѣлала ея Высочеству того же дня, былъ сдѣланъ для ея успокоенія“.

Послѣ всего этого, никто не удивится, прочтя слѣдующую депешу Финча отъ 26 ноября 1741 г.

„Вчера, въ часъ дня, княгиня Елизавета отправилась въ казармы Преображенскаго полка въ сопровожденіи лишь одного изъ своихъ камергеровъ, Воронцова, Лестока и Щварца, который, какъ я думаю состоитъ ея секретаремъ; ставъ во главѣ трехсотъ гренадеровъ со штыками на концѣ ружей и гранатами въ карманахъ, она направилась прямо ко дворцу, гдѣ, принявъ надлежащія распоряженія и сдѣлавшись госпожей всѣхъ позицій, она захватили молодого царя, его маленькую сестру которые были въ своихъ постеляхъ, великую герцогиню и герцога Брауншвейгскаго которые уже легли въ постели, и послала ихъ, также какъ и фаворитку Юлію Менгденъ, въ свой собственный домъ. Затѣмъ Елизавета немедленно отдала приказъ арестовать Миниха съ сыномъ, Остермана, Головкина и многихъ другихъ. Всѣ эти приказанія были выполнены съ большой поспѣшностью и княгини возвратилась къ себѣ, куда, направился уже почти весь городъ.

Впереди были выстроены въ линію полкъ гвардейскій кавалерійскій и три полка пѣхоты. Она была единодушно провозглашена самодержицей Россіи, и ей была принесена присяга.

Въ семь часовъ утра она приняла во владѣніе Зимній Дворецъ, причемъ выстрѣлили изъ пушекъ.

Эта революція была сопровождаема цѣлой серіей назначеній и арестовъ, освобожденій, ссылокъ и конфискацій.

Нѣтъ никакой возможности описать дерзость войскъ, въ особенности тѣхъ, которыя были дѣйствующими лицами въ этомъ событіи. За ними такъ ухаживали, какъ будто здѣсь они хозяева; они сами думаютъ ими быть и, быть можетъ, даже съ большимъ основаніемъ.

V.

Настоящій виновникъ всей этой революціи былъ Лестокъ

Михаилъ Воронцовъ былъ молоцъ, Шварцъ нѣмецкій музыкантъ, который послѣ долгихъ скитаній, наконецъ, получилъ маленькое назначеніе; имъ то и воспользовался Лестокъ, чтобы склонить гренадеровъ. Шетарди далъ необходимыя деньги. Всѣ были награждены по своимъ заслугамъ. Шварцъ получилъ большое имѣніе, наслѣдство какого то изгнанника, и чинъ полковника.

Воронцовъ, кромѣ графскаго титула, которымъ его наградилъ Курфирстъ Саксонскій, поступилъ въ министерство. Шетарди имѣлъ первые дни большое довѣріе. Англійскій министръ, нѣсколько завидуя вліянію своего коллеги, писалъ 15 декабря:

„Французскій посланникъ продолжаетъ быть первымъ лицомъ. За нимъ очень ухаживаютъ. Янычары [1]) и онъ принимаются съ распростертыми объятіями при дворѣ“.

Что касается Лестока, то онъ былъ засыпанъ милостями новой царицы.

Финчъ писалъ 19 декабря:

„Государыня назначила Лестоку пенсію въ 7.000 рублей въ годъ и титулъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, который ему цаетъ чинъ генералъ-аншефа. Онъ остается постояннымъ докторомъ Ея Величества, и получилъ начальство надъ департаментомъ медицины въ Россіи. Ея Величество ему подарила свой портретъ, осыпанный драгоцѣнными камнями, цѣной въ 20.000

---

[1]) Этимъ именемъ, по сравненію съ турецкими войсками, названы здѣсь русскіе гренадеры. *Ред.*

рублей, который онъ носитъ на шеѣ, на голубой лентѣ. Въ день рожденія Императрицы его жена была утромъ при дворѣ и вечеромъ на балу, гдѣ всѣ считали себя очень счастливыми имѣть честь съ нею танцовать".

300 гренадеровъ получили тоже свое вознагражденіе.

Елисавета организовала отрядъ, въ которомъ самые простые солдаты имѣли чинъ лейтенанта, капралы и сержанты—чинъ капитановъ и майоровъ; а тѣ шесть, которые принимали самое большое участіе въ переворотѣ, чины лейтенантовъ—полковниковъ и такъ далѣе.

Императрица приняла титулъ капитана этой роты и носила ея форму, такъ какъ по разсказамъ Финча, она любила одѣваться по мужски.

Этотъ переворотъ былъ отмѣченъ характеромъ, который отличаетъ его отъ всѣхъ предшествовавшихъ на такомъ маленькомъ промежуткѣ: онъ былъ сигналомъ къ пробужденію національнаго ума, такъ долго задавленнаго, и этимъ, можно сказать, онъ открываетъ новую эру въ Русской исторіи.

Внутренняя политика была посвящена изгнанію той толпы иностранцевъ разнаго состоянія, разнаго качества, которые были собраны изъ различныхъ частей Европы чтобы освѣщать, цивилизовать Россію, внести въ нее искусство мира и войны. Между прочимъ, въ числѣ многихъ авантюристовъ находились люди рѣдкаго достоинства. Большинство избѣжало смерти, которой имъ угрожало возбужденное населеніе, лишь благодаря поспѣшному бѣгству. Это было изгнаніе иностранцевъ, которые составляли самое большое преступленіе герцога Брауншвейгскаго съ женой, Миниха, Остермана и многихъ, которые оказали столько большихъ услугъ ихъ пріемной странѣ. Не потому, чтобы лично Елизавета была жестока или воодушевляема противъ нихъ личной ненавистью, но она не знала цѣны словамъ справедливость и человѣколюбіе, которыя у нее всегда были на языкѣ; она была неспособна къ чувству состраданія; и говоря, какъ намъ сообщаетъ Финчъ, о провидѣніи Божіемъ и его святыхъ заповѣдяхъ, она совершала хладнокровно самыя преступныя дѣйствія.

Она считала необходимымъ поощрять страсти дворянства, которыхъ она хотѣла привлечь на свою сторону и давать жертвы разнузданной солдатчинѣ, которой она была обязана короной. Ея первое намѣреніе было отправить за границу герцога Брауншвейгскаго съ женой, также какъ и юнаго Ивана. Между тѣмъ они не доѣхали дальше Риги. Изъ опасенія Миниха, Остермана и тѣхъ кого называли плѣнниками государства, Елизавета оказалась бо-

лѣе жестокой. Было поручено специальной комиссiи вести ихъ процессъ; комиссiя эта состояла изъ генералъ—прокурора сената князя Трубецкого, президента тайной канцелярiи генерала Ушакова, генерала Левашева, шталмейстера Куракина, тайнаго совѣтника Нарышкина, стараго министра Михаила Голицына, который былъ вызванъ изъ ссылки, и нѣкоторыхъ другихъ, на услуги которыхъ можно было разсчитывать.

Финчъ писалъ 19 декабря 1741:

„Комиссiя о государственныхъ преступникахъ имѣетъ свои засѣданiя въ дворцѣ государыни. Ея Величество находится постояннно на трибунѣ, откуда она можетъ все видѣть и слышать, не будучи видна сама, для того, говоритъ она, чтобы помѣшать пристрастiю или несправедливости.

Эта мѣра и общая конфискацiя имѣнiй обвиненныхъ прежде, чѣмъ они были бы выслушаны, не могутъ быть оправданы ничѣмъ инымъ, какъ только практичностью этого двора въ подобныхъ случаяхъ. Говорятъ также, что плѣнникамъ было дано наказанiе кнутомъ".

Господинъ Финчъ прибавляетъ въ другой выдержкѣ этой депеши:

„Фельдмаршалъ Минихъ предсталъ передъ судомъ, такъ какъ нѣтъ ничего въ этой странѣ, чтобы заслуживало названiя двора справедливости".

Онъ писалъ еще 2 января 1742:

„Процессъ продолжается.

Нѣтъ никакой возможности представить себѣ степень безчеловѣчности комиссаровъ относительно бѣдныхъ плѣнниковъ, она увеличивается со дня на день, и это благодаря официальнымъ приказамъ тѣхъ, которые присутствовали, чтобы *„помѣшать несправедливости"*.

Одинъ изъ солдатъ, которые были назначены лейтенантами, увѣрялъ, что фельдмаршалъ Минихъ говорилъ ему во время ночной аттаки противъ герцога Курляндiи, что тогда дѣло шло о возведенiи на престолъ В. К. Елизаветы. Минихъ отрицалъ, что говорилъ что либо подобное; и когда онъ былъ приведенъ съ нимъ на очную ставку, лейтенантъ предложилъ подвергнутъ его пыткѣ кнутомъ при условiи, что если онъ будетъ подтверждать это и послѣ истязанiя, то старый фельдмаршалъ получитъ его еще разъ. Чтобы только не быть подвергнутымъ этому гнусному обращенiю, Минихъ призналъ все, что отъ него хотѣли, но его разъясненiя были столь очевидны, что послѣ этого обстоятель-

ства В. К. пожелала сама, чтобы офицеры и солдаты, сопровождавшіе Миниха, слушались бы его приказаній".

Столько беззаконій возмущали бѣднаго англичанина, и въ депешѣ отъ 5 января у него вырвался крикъ негодованія:

„Я никого не знаю здѣсь, кто бы въ другой странѣ могъ сойти за немного честнаго человѣка".

И онъ добавилъ:

„Новые совѣтники императрицы не могутъ согласиться между собою, и у ней дурное мнѣніе о ихъ умѣ и еще худшее объ ихъ сердцѣ".

Одинъ фактъ, который господинъ Финчъ приводитъ въ своей депешѣ, даетъ понятіе о томъ, что тогда дѣлалось на Руси:

„Одинъ младшій офицеръ былъ посланъ въ погоню за развѣнчаннымъ царемъ и его родными, чтобы наказать кнутомъ одну изъ горничныхъ Великой Княгини, не говоря за что, и тотчасъ же вернулся обратно".

Наконецъ, процессъ былъ законченъ по повелѣнію государыни, и вотъ что по этому поводу пишетъ англійскій посланникъ 19 февраля:

„Вчера графъ Остерманъ, Минихъ, Головкинъ, президентъ Менгденъ, Левенвальдъ и секретарь Якоблитцъ были отправлены на эшафотъ. Около 10 час. утра прибылъ Остерманъ, котораго императрица ненавидитъ больше всѣхъ. Онъ былъ принесенъ на стулѣ, такъ какъ былъ не въ состояніи ходить. Ему прочли его обвинительный актъ, заполнившій собою пять листовъ бумаги. Онъ его слушалъ, стоя съ обнаженной головой, съ большимъ вниманіемъ и твердостью. Затѣмъ былъ подписанъ приговоръ, онъ его обрекалъ на колесованіе; но милосердіе императрицы замѣнило его только обезглавленіемъ. Плахи и топоры были уже приготовлены. Солдаты потащили его къ одной изъ плахъ; онъ положилъ на нее голову, палачъ приблизился, растегнулъ воротъ рубашки и кафтана, въ который онъ былъ одѣтъ, и обнажилъ ему шею. Эта церемонія длилась приблизительно одну минуту.

Тогда только ему было объявлено, что Ея Величество даруетъ ему жизнь и осуждаетъ его на вѣчную ссылку. Остерманъ поклонился и тотчасъ же сказалъ (это были единственныя слова, которыя онъ произнесъ):

„Пожалуйста, дайте мнѣ мой парикъ и шапку", онъ надѣлъ ихъ на голову и застегнулъ воротъ рубашки и кафтана, причемъ лицо его не выдало ни малѣйшаго волненія. Пять остальныхъ

жертвъ, которыя были у подножія эшафота, выслушали затѣмъ ихъ приговоръ. Минихъ былъ приговоренъ къ четвертованію, а четверо остальныхъ къ обезглавленію; какъ и для Остермана, ихъ наказаніе было замѣнено пожизненною ссылкою.

Всѣ обросли бородами, за исключеніемъ Миниха, который былъ выбритъ, хорошо одѣтъ, держался съ твердымъ самообладаніемъ, неустрашимо и беззаботно, какъ будто онъ былъ во главѣ арміи или на парадѣ. Съ самаго начала процесса до этого послѣдняго момента никто не могъ замѣтить, чтобы онъ выразилъ малѣйшій испугъ или безпокойство. Въ продолженіи пути отъ крѣпости до эшафота, онъ пробовалъ шутить съ солдатами и онъ имъ говорилъ, что когда онъ имѣлъ честь вести ихъ въ огонь, они находили его храбрымъ и такимъ же найдутъ его до конца".

Минихъ былъ отправленъ въ Пелымъ, въ Сибирь, гдѣ для своего заключенія получилъ домъ, который, какъ говорятъ, былъ выстроенъ по его плану для Бирона.

Остерманъ былъ сосланъ въ Березовъ, гдѣ умеръ Меньшиковъ, и гдѣ онъ самъ скончался семь лѣтъ спустя, въ 1747 году.

Неизвѣстно названіе мѣста, куда былъ сосланъ Головкинъ. Менгденъ содержался въ тюрьмѣ въ Ярославлѣ. Сосланные за два послѣднія царствованія были возвращены; число ихъ было велико. Большинство было принято новой императрицей съ замѣтнымъ расположеніемъ. Изъ всей фамиліи Долгорукихъ остался только одинъ фельдмаршалъ, который былъ слишкомъ старъ, чтобы еще играть какую-нибудь роль. Князь Михаилъ Голицынъ получилъ, повидимому, удовлетвореніе въ правѣ засѣдать въ комиссіи, завѣдывавшей этими ужасными репрессіями противъ его прежнихъ преслѣдователей. Елизавета вспомнила также про изгнанника, который пострадалъ благодаря ей и котораго она не могла забыть несмотря на то, что съ тѣхъ поръ прошло уже порядочно времени. Я хочу сказать о гренадерѣ Шубинѣ, котораго она любила и котораго у нея отнялъ Биронъ.

Его долго и тщетно искали, и только черезъ два года случай помогъ его найти. Елизавета не возвратила ему своей любви, она удовольствовалась тѣмъ, что дала ему мѣсто въ своей гвардіи съ званіемъ и чиномъ генералъ-майора. Въ порывѣ милосердія Елизавета, имѣя хорошее воспоминаніе о Биронѣ, хотѣла возвратить его ко двору и снова дать ему во владѣніе герцогство Курляндское. Отъ этого ее отговорилъ, безъ сомнѣнія, Бестужевъ, который боялся очутиться въ присутствіи своего прежняго друга, которому онъ такъ гнусно измѣнилъ. Биронъ все таки получилъ нѣкоторое облегченіе въ своихъ мукахъ. Онъ могъ оставить свое тяжелое заключеніе въ суровомъ климатѣ Пелыма

и пользоваться нѣкотораго рода свободой въ Ярославлѣ, главномъ городѣ области того же названія, куда онъ былъ поселенъ. Ему было разрѣшено пользоваться частью доходовъ съ его имѣній въ Курляндіи. Оба его брата, Карлъ и Густавъ, получили полное прощеніе.

Въ первое время наибольшимъ довѣріемъ у новой Императрицы пользовался Лестокъ. Онъ въ согласіи съ Шетарди распоряжался всѣми дѣлами и, несомнѣнно, вообще давалъ очень хорошіе совѣты, такъ какъ, несмотря на нѣкоторыя странности, отъ которыхъ рѣдко избавляются выскочки, онъ имѣлъ чувство и умъ. Но Лестокъ независимо отъ иностраннаго происхожденія, что является препятствіемъ ко всякому стремленію играть политическую роль, не былъ знакомъ съ искусствомъ управленія и былъ совершенно неспособенъ удержать свое мѣсто въ совѣтѣ министровъ. Одинъ изъ вожаковъ партіи старыхъ русскихъ, князь Черкасскій былъ старъ и лѣнивъ; другой, князь Трубецкой, былъ годенъ только въ качествѣ генералъ-прокурора сената выискивать мнимыя преступленія за невинными, которыхъ царицѣ угодно было погубить. Воронцовъ былъ слишкомъ молодъ и въ дѣйствительности не имѣлъ никакой заслуги.

Елизавета не была женщиной способной лично управлять своей имперіей, ибо и послѣ того, какъ она взошла на престолъ, она все же продолжала вести образъ жизни, къ которому была пріучена. Лестокъ указалъ ей на Бестужева, для замѣщенія Остермана и веденія сношеній Россіи съ иностранными державами. При существовавшихъ обстоятельствахъ, въ то время, какъ Европа была въ огнѣ, долженъ былъ быть министръ свѣдущій и опытный въ дѣлахъ. Бестужевъ несомнѣнно имѣлъ эти качества, особенно же онъ знакомъ былъ лучше всякаго другого русскаго съ дворами и кабинетами.

Къ несчастію благодарность не была присуща Бестужеву и Лестокъ, который долженъ бы былъ знать его, узналъ это изъ его поступковъ. Большое довѣріе къ Лестоку, который въ качествѣ врача имѣлъ во всякое время доступъ къ Императрицѣ, внушило подзрѣніе, и Бестужевъ сталъ тайно работать, чтобы повредить ему. Отъѣздъ Шетарди, оставившаго Россію съ подарками, оцѣненными въ милліонъ франковъ, нанесъ первый ударъ Лестоку. Немного недѣль спустя умеръ канцлеръ (ноябрь 1742 г.)

Бестужевъ занялъ его мѣсто и тотчасъ же назначилъ вице-канцлеромъ Воронцова, будучи увѣренъ найти въ немъ покладистаго товарища. Съ этого времени началась открытая борьба между Лестокомъ и Бестужевымъ, которая не могла кончиться иначе, какъ полнымъ уничтоженіемъ того или другого. Лестокъ,

соединившись съ генералъ-прокуроромъ Трубецкимъ, попытался замѣшать Бестужева въ мнимомъ заговорѣ, приписываемомъ маркизу Ботта-Адорно, министру королевы Венгріи. Бестужевъ отомстилъ въ слѣдующемъ, 1744 году и съ большимъ успѣхомъ. Шетарди вернулся въ Россію съ порученіемъ непремѣнно втянуть царицу въ общую войну. Бестужевъ, имѣвшій свои частные виды, былъ противникомъ этой политики. Столько же желая служить интересомъ своего повелителя, сколько для того, чтобы быть полезнымъ Лестоку и укрѣпить довѣріе къ себѣ у Императрицы, Шетарди выказалъ намѣреніе по своемъ пріѣздѣ смѣстить великаго канцлера.

Онъ имѣлъ союзника въ лицѣ принцессы Цербесткой, матери будущей великой герцогини, преданной Пруссіи, тогдашней союзницѣ Франціи.

Бестужевъ дѣйствовалъ со свойственной его характеру рѣшительностью. Переписка Шетарди была украдена, дешифрирована и представлена на усмотрѣніе царицы, которая нашла въ ней непріятныя вещи. Результатомъ этой запутанной интриги, въ которой трудно было отличить правду отъ неправды, явилось то, что Шетарди, не получивъ еще своихъ ввѣрительныхъ грамотъ, былъ отвезенъ за границу, перенеся гнусное обращеніе съ собой и что Лестокъ потерялъ расположеніе императрицы.

Версальскій кабинетъ, вмѣсто того, чтобы порицать подобный образъ дѣйствій, заставилъ замолчать свое справедливое чуство обиды, какъ сдѣлалъ это въ предшествовавшемъ году Вѣнскій дворъ, и въ доказательство своего расположенія къ Елизаветѣ, поднесъ ей титулъ императрицы, на который она претендовала, и котораго не имѣли ея предшественницы.

Что касается до Лестока, то онъ томился въ опалѣ, пока, наконецъ, въ 1749 году, Бестужевъ не нашелъ предлога, чтобы докончить его паденіе.

Обвиненный въ страшной измѣнѣ, будучи приведенъ въ тайную канцелярію, предсѣдателемъ которой былъ генералъ Шуваловъ, креатура Бестужева, Лестокъ пережилъ пытку, которой подвергался нѣсколько разъ, только для того, чтобы быть сосланнымъ въ Угличъ, маленькій городъ на Волгѣ въ Ярославской области, а затѣмъ, въ 1753 году, въ Устюгъ Великій близъ Архангельска

Безполезно добавлять, что все огромное состояніе, которое Лестокъ получилъ въ благодарность отъ Елизаветы, было раздѣлено между его преслѣдователями. По всѣмъ признакамъ Елизавета прочно сидѣла на престолѣ. Въ Россіи не осталось ни одного члена императорской фамиліи, который могъ бы оспаривать у нея,

корону. Несчастный Иванъ содержался въ строгомъ плѣну. Его приверженцы, если онъ имѣлъ таковыхъ, очень старательно прятались и укрывались отъ всѣхъ розысковъ самой строгой инквизиціи.

Было запрещено, подъ страхомъ самыхъ жестокихъ пытокъ произносить его имя и даже хранить одну изъ монетъ, отчеканенныхъ въ его царствованіе. Тѣмъ не менѣе Елизавета жила въ невѣроятныхъ томленіяхъ. Ея министры и куртизаны не могли ее успокоить. Она не считала себя защищенной отъ превратностей судьбы, примѣровъ чего она такъ много видѣла втеченіе немногихъ лѣтъ. Она слишкомъ хорошо знала по собственному опыту, съ какою легкостью опрокидываются въ Россіи троны и болѣе прочно установленные. Быть можетъ, она имѣла основаніе постоянно дрожать. Англійскій министръ, лордъ Гейндорфъ, писалъ 7 іюня 1745 года:

„Нашли человѣка, спрятавшагося за занавѣсью, который хотѣлъ умертвить императрицу. Самыя жестокія пытки не могли вырвать у него слова. Елизавета въ такомъ страхѣ, что рѣдко остается болѣе двухъ дней на одномъ мѣстѣ, и мало кто знаетъ, гдѣ она спитъ".

Однако эти постоянныя волненія, которыя поддерживались частыми раскрытіями предполагаемыхъ заговоровъ, не мѣшали ей предаваться исключительно удовольствіямъ. Въ началѣ ея царствованія у нея былъ открытый фаворитъ, которому принадлежитъ видное мѣсто въ ея исторіи.

Алексѣй Разумовскій былъ сынъ украинскаго крестьянина. Благодаря его прекрасному голосу онъ еще юношей былъ принятъ въ церковный хоръ въ маленькомъ городѣ своей родины.

Позднѣе онъ поступилъ въ императорскую капеллу. Тамъ-то его и увидѣла Елизавета и, хотя Шубинъ пользовался ея расположеніемъ, она взяла Разумовскаго къ себѣ на службу, а когда прекрасный гренадеръ былъ у нея отнятъ, тотъ сдѣлался въ нѣкоторомъ родѣ его преемникомъ.

Онъ быстро пріобрѣлъ такое вліяніе на сердце и умъ своей повелительницы, что можно было подумать, что они супруги. Нужно отдать справедливость Разумовскому въ томъ, что онъ всегда умѣренно пользовался своимъ вліяніемъ и умѣлъ снискать къ себѣ почтеніе и уваженіе у всѣхъ, кто стоялъ близко къ княжнѣ Елизаветѣ. Послѣ смерти Анны онъ былъ сдѣланъ камергеромъ своей повелительницы; когда же она вступила на престолъ, въ день своего коронованія, она назначила его оберъ-егермей-

стеромъ, дала ему графскій титулъ и орденъ св. Андрея Первозваннаго.

Наконецъ, позднѣе Разумовскій, никогда не бывъ на военной службѣ, былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ.

Богатства, которыя онъ получилъ отъ Елизаветы, были неисчислимы.

При ея жизни онъ сохранилъ если не исключительное къ себѣ расположеніе, то по крайней мѣрѣ ея довѣріе. Внутри императорскаго дворца и на глазахъ у всего двора они жили такъ, какъ будто бы были мужемъ и женой. Ихъ покои были соединены и въ нѣкоторомъ родѣ были общими.

Разумовскій кромѣ того былъ снисходителенъ.

Онъ никогда не стѣснялъ Елисавету своей ревностью, и она всегда могла удовлетворять свои вкусы. Особенное расположеніе, которое она воздавала Ивану Шувалову, единственно способное возбудить въ немъ подозрѣніе, казалось, никогда не безпокоило Разумовскаго.

Онъ жилъ въ совершенномъ согласіи со своимъ соперникомъ, на котораго сморѣлъ скорѣй, какъ на товарища. Въ самомъ дѣлѣ, между ними никогда не видѣли ссоръ: они были на дружеской ногѣ, соединенные одними взглядами, одними симпатіями и никогда не противорѣчили другъ другу. Императрица оказывала имъ одинаковое довѣріе, и находила удовольствіе только въ ихъ обществѣ. Подобное зрѣлище рѣдко бывало при дворѣ. Правда, что Разумовскій былъ мало требователенъ, къ тому же не заботился о томъ, чтобы проникнуть въ дѣла государства.

Но что самое замѣчательное, что его братъ Кириллъ, который благодаря ему, въ 19 лѣтъ былъ гетманомъ казаковъ и имѣлъ большую власть надъ ними, завидывалъ не больше, чѣмъ онъ самъ, довѣрію Шувалова и его вліянію. Иванъ Шуваловъ, въ противоложность Разумовскому, происходилъ отъ знатной и древней семьи, но бѣдной. Его родственникъ генералъ Петръ Шуваловъ, который пользовался большимъ довѣріемъ и жена котораго была любимицей, помѣстилъ его въ число пажей императрицы. Онъ обратилъ на себя вниманіе, и въ 1750 г. онъ царилъ уже надъ сердцемъ Елизаветы. Онъ выказалъ такую же умѣренность, какъ Разумовскій, и стремился лишь къ тому, чтобы наслаждаться въ тиши любовью своей государыни. Онъ обладалъ небольшимъ умомъ, слабымъ и застѣнчивымъ характеромъ, что мѣшало ему всегда претендовать на вліяніе въ управленіи государствомъ. До извѣстныхъ предѣловъ онъ былъ безкорыстенъ, и если онъ вошелъ болѣе чѣмъ Разумовскій въ придворныя интриги, можно

думать, что онъ былъ введенъ туда окружающими его и ловкостью тѣхъ, кто умѣлъ льстить его тщеславію.

Иванъ Шуваловъ былъ, можетъ быть, первымъ изъ русскихъ, который понялъ, какую важность могли имѣть похвалы и снисходительность лучшихъ французскихъ умовъ. Онъ искалъ дружбы Вольтера, и ему пришла счастливая идея убѣдить великаго генія написать исторію, или вѣрнѣе похвальное слово Петра I. Онъ сдѣлалъ такъ, что при дворѣ въ Петербургѣ стали уважать вкусы парижскихъ модъ, ввелъ вліяніе фрацузскаго языка и французскихъ нравовъ, которые съ тѣхъ поръ царили всецѣло. Среди другихъ нововведеній онъ основалъ въ Петербургѣ французскій театръ. Эти подробности представляютъ лишь одну сторону внутренняго состоянія Россіи въ ту эпоху, съ которой слишкомъ часто довольствовались ее разсматривать. Для современниковъ, для очевидцевъ царствованіе Елизаветы представляло ужасное зрѣлище, которое заставило сказать одного изъ недавнихъ историковъ Россіи Германа, котораго, конечно, не обвинятъ въ невыгодномъ предубѣжденіи, что съ ними можно сравнить только деспотизмъ восточныхъ государей, которые сдѣлали себѣ забаву изъ всего того, что есть святого въ человѣчествѣ.

Это, дѣйствительно, заключеніе, которое вытекаетъ изъ выдержекъ изъ нѣмецкихъ донесеній, опубликованныхъ Германомъ. Донесенія англійскихъ министровъ и агентовъ болѣе умѣренныя, можетъ быть потому, что они менѣе глубоко смотрѣли на причины безпорядковъ всѣхъ родовъ, которые бросились въ глаза болѣе опытнымъ наблюдателямъ. Несомнѣнно, что развращенность открыто царила во всѣхъ слояхъ государства и общества, особенно въ высшемъ классѣ, всѣ пороки свободно процвѣтали и иначе не могло быть. Иностранцы, привыкшіе къ правильному управленію, не могли себѣ представить, чтобы подобное положеніе вещей могло продлиться дольше. Вишъ писалъ 29 апрѣля 1843 г.:

— „Это правленіе создано не крѣпко и не солидно и будетъ всегда причиной неожиданныхъ волненій и возмущеній; и если царица не измѣнитъ своего поведенія и не обратитъ больше вниманія, чѣмъ она дѣлала это до сихъ поръ, на внутреннее управленіе страной и на внѣшнюю политику, она падетъ во мнѣніи своего народа, будетъ посредственнымъ лицомъ у себя и ничѣмъ у другихъ. Ни одна принцесса въ Европѣ не входила на троны, обѣщая быть болѣе великимъ человѣкомъ, и провидѣніе ее достаточно одарило всѣми качествами и всѣми талантами нужными для того, что быть любимой и уважаемой своими подданными и другими націями.

Но ея любовь къ удовольствіямъ портитъ все, и кончитъ тѣмъ, что причинитъ непоправимыя несчастья".

Четырнадцать лѣтъ спустя, это предсказаніе отчасти исполнилось; всѣ бѣды, которыя должны были произойти отъ подобнаго начала, вышли на свѣтъ и министръ Соединенныхъ Провинцій Свартъ могъ безъ преувеличенія писать въ 1757 г.:

„Общество въ Россіи представляетъ ужасающую картину распущенности и безпорядка, распаденіе всѣхъ связей гражданскаго общества. Императрица видитъ и слушаетъ только Шувалова, не безпокоится ни о чемъ, и продолжаетъ свой привычный образъ жизни; она буквально покинула свое государство на разгромленіе. Никогда въ Россіи не было положенія вещей болѣе безпорядочнаго, болѣе опаснаго и болѣе жалкаго. Тамъ не осталось ни малѣйшаго слѣда о вѣрѣ, о чести, о довѣріи, о стыдѣ и справедливости".

Нѣтъ сомнѣнія, что столько доказательствъ, столь единогласныхъ и соотвѣтственныхъ, вполнѣ заслуживаютъ довѣрія, и когда ясно, что русское могущество вмѣсто того, чтобъ пасть, все возрастало, можно предположить, что это положеніе, которое было бы ненормально въ каждомъ другомъ государствѣ, было правильно для этой особенной страны.

VI.

Восшествіе на престолъ Елизаветы открыло новую эру не только внутри страны. Въ ея царствованіе Россія дѣйствительно и окончательно вступила въ первый разъ въ число великихъ державъ Европы. До этихъ поръ это государство, едва вышедшее изъ варварскаго состоянія и не имѣвшее представленія объ употребленіи, которое оно могло сдѣлать изъ своихъ громадныхъ средствъ, оставалось какъ бы внѣ цивилизованнаго міра. Вопросъ о европейскомъ равновѣсіи ея не касался. Она удовлетворялась защитой своей независимости и увеличеніемъ своихъ владѣній, ссорясь со своими ближайшими сосѣдями, со Швеціей, съ Польской республикой и съ Оттоманской Портой. Императоръ Карлъ VI, получивъ отъ царицы Анны гарантію прагматической санкціи [1]), которая утверждала право наслѣдыванія за его дочерью Маріей-Терезіей, заставилъ ее сдѣлать первый шагъ по этому пути. Но,

[1]) Законъ о наслѣдованіи по женской линіи. *Ред.*

слишкомъ занятые у себя этими переворотами во дворцѣ, которые слѣдовали такъ быстро, русскіе абсолютно не думали извлечь пользы изъ столь благопріятнаго обстоятельства для величія ихъ страны. Необходимо было заставить ихъ какими-нибудь средствами выйти изъ этой непостижимой апатіи, ибо, какъ писалъ Финчъ въ 1741 г., русскіе дворяне не хотѣли разбирать никакихъ дѣлъ съ остальной Европой.

Англія первая подумала въ томъ, чтобы привести вліяніе Россіи въ равновѣсіе съ Европой. Донесенія Финча (29 февраля 1740 г.) предписывали спеціально соединить тѣсными сношеніями дружбы Россію и Великобританію и укрѣпить связь, которая уже существовала между царицей Анной и Австрійскимъ домомъ. Фридрихъ II былъ такого же мнѣнія. Немедленно послѣ принятія короны онъ работалъ надъ тѣмъ, чтобы стать въ согласіе съ кабинетомъ Петербурга. Его посланникъ, Мардефельдтъ, упорно ухаживалъ за Остерманомъ, который, будучи уполномоченнымъ по иностраннымъ дѣламъ, рѣшалъ почти исключительно вопросы о сношеніяхъ между Россіей и иностранными державами. Этотъ министръ былъ очень расположенъ къ Фридриху II и соглашался заключить трактатъ съ Англіей лишь при условіи, что Пруссія, Данія и Польша будучи включены, что абсолютно не подходило англійскому кабинету, какъ намъ объ этомъ говоритъ Финчъ въ своемъ донесеніи отъ 1 окт. 1740 г.

Тѣмъ временемъ Карлъ VI умеръ 20 окт. Это извѣстіе пришло въ Петербургъ нѣсколько дней спустя послѣ смерти императрицы Анны; и если взглянуть каково было въ этомъ моментъ внутреннее состояніе Россіи и предложеніе, которой власть взяла гарантировать прагматическую санкцію, то будетъ ясно, что никогда событіе не приходило въ болѣе тяжелый моментъ. Финчъ пишетъ 1 ноября 1740 г.:

„Эта новость чрезвычайно встревожила и смутила графа Остермана. Онъ думаетъ, что всѣ князья Европы должны въ настоящее время здраво принять въ соображеніе, долженъ ли Австрійскій домъ быть поддержанъ въ его неприкосновенности или же покинутъ, такъ какъ нѣтъ другихъ средствъ между этими рѣшеніями. Кромѣ всего необходимо знать будетъ ли Франція настаивать на гарантіи прагматической санкціи, или нѣтъ; такъ какъ если онъ изберетъ второй случай, онъ думаетъ, что всѣ государства Европы должны соединить свои силы и ихъ содѣйствіе должно заставить исполнить гарантію. Другая причина страха Остермана та, что король Пруссіи кажется до сихъ поръ самъ министръ и поступаетъ только по своему желанію.

Всякій договоръ между Англіей и Россіей предполагаетъ согласіе короля Пруссіи по трактату. Въ другихъ обстоятельствахъ я понимаю самъ въ какомъ бы затрудненіи находился дворъ, и къ какимъ дѣйствіямъ былъ бы принужденъ".

Это донесеніе должно было очень удивить англійскій кабинетъ, такъ какъ онъ предполагалъ довольно легкомысленно, что Россія приметъ болѣе серьезно его предложенія. Итакъ лордъ Харрингтанъ, одинъ изъ секретарей Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, писалъ 31 октября Робинзону, министру Англіи въ Вѣну:

„Англія и Голландія будутъ жить въ тѣсной связи въ Австріей, и король приметъ самыя сильныя мѣры, чтобы убѣдиться въ соревнованіи короля Пруссіи и царицы".

Что же касается короля Пруссіи, у него было уже рѣшеніе, и это рѣшеніе было предпочесть личный интересъ торжественнымъ предложеніямъ, заключеннымъ королемъ, покойнымъ его отцомъ; и такъ какъ онъ зналъ русскихъ лучше, чѣмъ англійскіе министры, онъ правильно считалъ, если они не послѣдуютъ его примѣру, у нихъ не было бы больше поддержки прагматической санкціи. Правда, что Фридрихъ имѣлъ жалкое мнѣніе о русскихъ; „Умъ націи, писалъ онъ, есть смѣсь недовѣрія и обмана, лѣнивые, но заинтересованные, они имѣютъ ловкость копировать но не геній изобрѣтательности.

Большіе люди возмутительны; охраняющіе опасны для высшихъ; народъ глупъ, пьетъ, подозрителенъ и несчастенъ". Впрочемъ, въ данныхъ обстоятельствахъ, если бы Остерманъ и хотѣлъ этого искренно, Россія не была въ состояніи заниматься дѣлами своихъ сосѣдей и союзниковъ. Фридрихъ сказалъ ясно, что то, что заставило его окончательно рѣшиться захватить Силезію, это смерть Анны: „Видимо было, говоритъ онъ, что въ періодъ несовершеннолѣтія молодого государя, Россія будетъ больше занята поддержаніемъ спокойствія въ своемъ государствѣ, чѣмъ поддержаніемъ прагматической санкціи".

Нейтралитетъ Россіи не удовлетворялъ Фридриха. Онъ хотѣлъ переманить ее на свою сторону и быть противъ королевы Венгріи. Пока на Остерманѣ лежали обязанности управленія иностранными дѣлами, всякая попытка была бы безполезна и Биронъ былъ, конечно, склоненъ къ дому Австріи. Какъ только принцесса Браунвейгская была объявлена регентшей, Фридрихъ началъ надѣяться, такъ какъ князь былъ его бо-фреръ и Минихъ, первый министръ, могъ быть подкупленъ.

„Подъ предлогомъ этого переворота, писалъ онъ въ своей „Исторіи моего времени" король послалъ барона Винтерфельда

посломъ въ Россію, чтобы поздравить принца Брауншвейгскаго и его супругу съ счастливымъ успѣхомъ этого предпріятія. Настоящая же причина, тайный смыслъ этой миссіи былъ подкупить Миниха, бо-фрера Винтерфельда, и сдѣлать его благосклоннымъ къ планамъ, которые думали привести въ исполненіе; Винтерфельдъ достигъ этого такъ счастливо, какъ можно было только этого желать"

Финчъ писалъ въ своемъ донесеніи отъ 20 дек. 1740 г. о пріѣздѣ майора Винтерфельда, и нѣсколько дней спустя, 30-го того же мѣсяца, онъ сообщалъ:

„Минихъ склоненъ думать, что Австрія должна тѣмъ или другимъ способомъ дать удовлетвореніе Пруссіи и купить ее".

Если вѣрить англійскимъ министрамъ, Фридрихъ не замедлилъ вознаградить его за добрыя чувства: онъ поручилъ Мальзану, затю Миниха, должность полковника своихъ войскъ; фельдмаршалу же далъ кольцо съ бриллiантомъ, которое носилъ самъ, а его сыну землю при Одерѣ. Такая щедрость была скоро оцѣнена, какъ этого и заслуживала. Фридрихъ говоритъ намъ объ этомъ самъ:

„Винтерфельдъ, пишетъ онъ, достигъ благодаря довѣрію у маршала Миниха, того, что заключилъ съ Россіей оборонительный союзъ: это все, чего можно было желать въ самомъ счастливомъ случаѣ при этихъ критическихъ обстоятельствахъ".

Немного времени спустя Минихъ былъ отставленъ, и этотъ трактатъ долженъ былъ быть уничтоженъ союзомъ между королевой Венгріи, Россіей, Генеральными Штатами Голландіи и царемъ Польскимъ, который задавилъ бы короля Пруссіи, если бы не разыгрался переворотъ, который привелъ на тронъ Елизавету.

Трудно было предвидѣть, какой политики будетъ придерживаться Россія. Если бы вліяніе Шетарди было бы столь велико, какъ это говорили, нѣтъ сомнѣнія, что Елизавета немедленно бы присоединилась къ Франціи и послала бы на помощь Фридриху войска, которыя были собраны въ Ливоніи, чтобы итти противъ него. Лестокъ стоялъ за Францію, но Бестужевъ, въ должности вице-канцлера, уполномоченный для веденія иностранныхъ дѣлъ, склонялся на сторону Англіи и, слѣдовательно, Вѣнскаго двора. Что же касается императрицы, „она не имѣла, говоритъ Фридрихъ, предпочтенія ни къ одной державѣ, но она чувствовала свое отдаленіе отъ Вѣнскаго двора, а также Берлинскаго. Антонъ-Ульрихъ, отецъ императора, котораго она свергла съ трона, былъ двоюроднымъ братомъ королевы Венгріи, племянникомъ

вдовствующей императрицы и зятемъ короля Пруссіи; и она боялась, что кровная связь заставитъ дѣйствовать эти державы въ пользу семьи, на развалинахъ которой она создала свое величіе". Тѣмъ не менѣе, въ будущемъ Бестужевъ могъ побѣдить отвращеніе Елизаветы, и Россія, соединенная съ Англіей и кабинетомъ Вѣны, объявила бы себя противъ Пруссіи, предъ которой она повернула спину. Со дня на день вліяніе Англіи становилось больше; удаленіе императрицы отъ дѣла было выгодно использовано Бестужевымъ, который, конечно, могъ склонять Россію по своему усмотрѣнію, лишь бы онъ имѣлъ для этого время. По этому поводу Вишъ, новый уполномоченный Англіи, писалъ 21 окт. 1742 г.

„Такъ какъ императрица очень любитъ охоту, и вечеромъ чувствуетъ себя очень усталой, министры рѣдко имѣютъ возможность говорить съ ней о дѣлахъ".

Чтобы бороться съ Версальскимъ кабинетомъ его собственнымъ оружіемъ и воспользоваться слѣдствіемъ расточительности двора, гдѣ деньги царили надъ всѣмъ, англійскій кабинетъ приказалъ своему министру подкупомъ заставить непокорные умы признать справедливость королевы Венгріи. Это то же было причиной усердія Бестужева въ дѣлѣ союза съ Англіей, но этотъ министръ былъ безсиленъ, пока ему препятствовалъ Лестокъ, довѣріе къ которому было еще велико. Вишъ старался водворить порядокъ. Онъ писалъ 15 дек. 1742 г:

„Я совершилъ примиреніе между Лестокомъ и двумя братьями Бестужевыми и уговорилъ перваго принять пенсію въ 600 фунт. стерл. отъ его величества короля Англіи. Онъ былъ очень доволенъ, и далъ мнѣ большія обѣщанія, но въ то же время ему платитъ и Франція".

Между тѣмъ Елизавета не могла рѣшиться ни на какое средство. Дружба между Лестокомъ и Бестужевымъ продолжалась не долго, и несмотря на то, что (какъ говоритъ объ этомъ англійскій уполномоченный) „императрица ненавидѣла и боялась короля Пруссіи" она не могла рѣшиться войти въ тѣсную связь съ Англіей, которая равнялась бы связи съ Вѣнскимъ дворомъ. Судьба, щедро награждавшая Фридриха своими милостями, пришла къ нему на помощь и въ этихъ обстоятельствахъ.

Маркизъ Ботта-Адорно былъ посланникомъ Венгерской королевы и употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы привлечь Россію на сторону его повелительницы.

Его усилія ничего не достигли, и онъ воображалъ несомнѣнно, что, если вступитъ на престолъ Иванъ, дѣла пойдутъ лучше съ русскимъ кабинетомъ, и что онъ пріобрѣтетъ его поддержку для Маріи Терезіи. Что таково было его мнѣніе, это вѣроятно и естественно, но что по этой причинѣ онъ былъ соучастникомъ въ заговорѣ для низверженія Елизаветы,—это не больше доказано.

Самое большое, что онъ одобрялъ намѣренія нѣсколькихъ недовольныхъ изъ своихъ друзей.

Какъ бы то ни было, много лицъ очень знатныхъ было обвинено въ соучастіи въ заговорѣ, организованномъ Австрійскимъ посланникомъ, который уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ уѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ онъ долженъ былъ быть аккредитированъ. Ничто не доказываетъ того, что всѣ осужденные тайной канцеляріей были виновны.

Можно предположить, что этотъ заговоръ былъ одной изъ перепетій борьбы, которая велась двумя враждебными партіями, Лестокомъ и Бестужевымъ.

Первому не удалось свергнуть канцлера, и громадное количество жертвъ, среди которыхъ было много очень знатныхъ женщинъ, искупило казнями и ссылками неудачу партіи старыхъ русскихъ, соединившейся съ Лестокомъ. Королева Венгріи была виновата въ томъ, что одобряла и не одобряла своего министра. Фридрихъ отказался принять маркиза Ботта, виновнаго въ такомъ страшномъ преступленіи, и старался воспользоваться гнѣвомъ Елизаветы на Вѣнскій кабинетъ. Послѣ долгихъ промедленій его министръ Мардефельдъ добился только гарантіи для прусскаго государства, которая по свидѣтельству Фридриха была составлена въ такихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что не стоило труда добиваться ея. Прусскій король приписывалъ Бестужеву свои дипломатическія неудачи въ Петербургѣ.

Версальскій кабинетъ былъ не менѣе недоволенъ этимъ министромъ, который ставилъ препятствія выгодамъ, которыя Франція разсчитывала извлечь за услуги, оказанныя императрицѣ Шетарди. Этотъ посланникъ былъ снова посланъ въ Россію съ порученіемъ добиться отставки Бестужева.

Такъ какъ Франція была въ союзѣ съ Пруссіей и онѣ имѣли общіе интересы въ Петербургѣ, то Мардефельдъ получилъ приказаніе содѣйствовать Шетарди.

Фридрихъ, желая использовать время, данное ему Бреславльскимъ миромъ, посваталъ невѣсту великому князю, наслѣднику Елизаветы. Фридрихъ хвастался этимъ, какъ большимъ успѣ-

хомъ и говорилъ объ этомъ бракѣ, какъ объ одномъ изъ основаній прочнаго существованія Пруссіи.

„Великаая княгиня Россіи, говорилъ онъ, воспитанная и вскормленная на прусской территоріи, обязанная своей судьбой королю, не можетъ отплатить ему неблагодарностью“.

Пусть не удивляются, что Фридрихъ придаетъ такое значеніе этому косвенному родству съ Елизаветой.

Развѣ онъ не писалъ такихъ словъ въ своихъ удивительныхъ мемуарахъ, на которые можно смотрѣть, какъ на его политическое завѣщаніе:

„Изъ всѣхъ сосѣдей Пруссіи Россійская Имперія заслуживаетъ наибольшаго вниманія, какъ самая опасная; она могущественна и сосѣдняя. Тѣ, которымъ придется управлять Пруссіей, будутъ также по необходимости дружить съ этими варварами“.

Несмотря на то, что Елизаветѣ было всего 33 года при ея восшествіи на престолъ, она рѣшила не выходить замужъ. „Эта принцесса, говоритъ Фридрихъ, предпочитая свою свободу законамъ брака, слишкомъ тираническимъ по ея взгляду, чтобы упрочить свое правленіе вызвала своего племянника, молодого герцога Голштинскаго, наслѣдовать послѣ нея престолъ“.

Онъ прибылъ въ Петербургъ 5 февраля 1742 г., а слѣдующаго ноября 7-го, послѣ того какъ онъ принялъ греческую религію, императрица объявила его своимъ преемникомъ и удостоила его титула Великаго Князя Россіи. Герцогу Голштинскому-Готторпъ было всего 13 лѣтъ,—онъ родился 21 февраля 1728 г.,— и уже Елизавета думала о томъ, чтобы найти ему жену и этимъ обезпечить безпрерывность потомства. „Не смотря на то, что ея выборъ не былъ опредѣленъ, говоритъ Фридрихъ, она склонна была отдать предпочтеніе принцессѣ Ульрихѣ Прусской, сестрѣ короля.

При Саксонскомъ дворѣ былъ планъ выдать Маріанну, вторую дочь Августа за великаго князя и при помощи этого союза добиться довѣрія у императрицы. Ничего не могло быть болѣе противнаго для государства Прусскаго, какъ чувствовать, что можетъ создаться союзъ между Саксоніей и Россіей и ничего не казалось болѣе противоестественнымъ какъ пожертвовать принцессой царской крови, чтобы оттереть Саксонію. Пришлось прибѣгнуть къ другому средству. Изъ всѣхъ принцессъ Германіи въ возрастѣ, годномъ для замужества, ни одна не подходила болѣе для Россіи и для прусскихъ интересовъ какъ принцесса Цербстская.

Мы не будемъ входить въ подробности этого торга; достаточно будетъ знать, что пришлось употребить болѣе стараній, чтобы заставить ее рѣшиться, какъ будто дѣло шло о наиважнѣйшей вещи.

Отецъ принцессы и тотъ противился... Въ Россій господинъ Мардефельдъ скрылъ такъ хорошо отъ канцлера Бестужева средства, которыя онъ пустилъ въ ходъ, что принцесса Цербесткая прибыла въ Петербургъ къ большому удивленію всей Европы, и императрица приняла ее въ Москвѣ по всѣмъ признакамъ съ довольствомъ и дружелюбно". Принцесса Софія Англь-Цербсткая, такъ какъ имя Екатерины, подъ которымъ она сдѣлалась знаменита, она приняла не ранѣе чѣмъ вступила въ православную религію, родилась 2 мая 1729 г. въ Штетинѣ, гдѣ отецъ ея былъ губернаторомъ. По своей матери, урожденной принцессѣ Голштинской, она приходилась родственницей Великому Князю.

Ея свадьба была объявлена тотчасъ-же по ея прибытіи въ Петербургъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1744 г., а отпразднована въ сентябрѣ слѣдующаго года.

Въ ожиданіи, что будущая Великая Княгиня Россіи будетъ въ состояніи оказать услуги Фридриху, которыхъ онъ ожидалъ отъ нея, къ слову сказать, совершенно понапрасну, съ удовольствіемъ увидѣлъ паденіе министра, который по его мнѣнію былъ главнымъ препятствіемъ для тѣснаго союза между Пруссіей и Россіей.

Мардефельдъ, какъ достойный слуга своего господина былъ достаточно находчивъ, чтобы не быть скромпрометированнымъ паденіемъ дѣла Шетарди и онъ могъ остаться въ Петербургѣ, но Бестужевъ ему не простилъ, такъ же какъ и его повелителю, тѣхъ маневровъ, которые велись для его погибели.

Взамѣнъ министръ Англіи очутился чуть ли не въ фаворѣ, и онъ направилъ всѣ усилія, чтобы убѣдить при дворѣ вступить Россію въ болѣе тѣсный союзъ съ королемъ Георгомъ II, но не побѣдилъ равнодушія государыни такъ же, какъ и всей націи. Тиравли писалъ 10 сентября 1744 г.:

„Русское дворянство, духовенство и весь народъ думаютъ дѣйствительно, что они слишкомъ сильны, чтобы ихъ аттаковать на собственной территоріи; они того мнѣнія, что все, что дѣлается въ остальной Европы ихъ не касается, и не причиняетъ ничего ихъ имперіи. Это заблужденіе, которое мы должны постараться исправить, если, конечно, возможно, хотя оно сильно у нихъ укоренилось; на этомъ то основаніи и на увѣреніяхъ, которыя даетъ Мардефельдъ, что оно непоколебимо, прусскій король и основываетъ свои настоящіе замыслы".

Съ этимъ мнѣніемъ не былъ согласенъ Бестужевъ. Полный жажды мести прусскому королю, онъ придумалъ проэктъ, который какъ онъ воображалъ, заставитъ императрицу выйти изъ своего безразличія. Вотъ что писалъ Тиравли 8 октября 1744 г.:

„Я долженъ сказать вашей свѣтлости, въ самой строжайшей тайнѣ, что планъ Бестужева состоитъ въ томъ, чтобы убѣдить императрицу отнять Пруссію у ея настоящаго правителя и отдать ее полякамъ, которые въ обмѣнъ оставятъ Россіи провинціи Плесковскія и Смоленскія. Мы надѣемся, что императрица склонится къ тому, что одобритъ этотъ планъ, изъ религіознаго побужденія такъ какъ свои вѣрованія она ставитъ какъ образецъ, а этой мѣрой она привела бы подъ свое владычество большее количество православныхъ христіанъ.

Духовенство навѣрное одобритъ этотъ планъ, и я думаю, что оно одно лишь можетъ вовлечь императрицу въ войну".

Противъ ожиданія Бестужева и англійскаго резидента, этотъ безумный потѣшный планъ не соблазнилъ Елиазвету и не могъ вывести ее изъ ея апатіи. Кромѣ того былъ важный предлогъ, почему она не бросилась на эти обширные замыслы. Ея безумная расточительность свела на нѣтъ народное состояніе, и Тиравли пришелъ къ тому заключенію, что ея денежныя замѣшательства были такъ неотложны, что только приманкою огромныхъ субсидій можно было бы повлiять на нее и заставить рѣшиться объявить войну, кому бы то ни было. Фридрихъ хорошо это зналъ и такъ какъ онъ не былъ достаточно богатъ, чтобы купить союзъ и помощь Россіи, онъ удовольствовался тѣмъ, что хорошо заплатилъ министрамъ Елизаветы, и былъ доволенъ тѣмъ, что если они и не окажутъ ему услугъ, то по меньшей мѣрѣ сохранятъ бездѣйствіе и нейтралитетъ. Въ виду этого онъ передалъ 25.000 экю, чтобы подѣлить между Бестужевымъ и вице-канцлеромъ Воронцовымъ. Со своей стороны Марія Терезія, которая не менѣе нуждалась въ дружбѣ министровъ, но у которой было меньше денегъ, послала имъ цѣнные перстни. Правду сказать, королева Венгріи и король Пруссіи находились снова въ такомъ положеніи, когда нельзя пренебрегать поддержкой ни одной державы. Фридрилъ былъ обезпокоенъ тѣми преимуществами, которыя пріобрѣлъ дворъ въ Вѣнѣ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сложилъ оружіе и, боясь все время, что у него отберутъ назадъ Селезію, несмотря на уступку, которая ему была сдѣлана въ Бреславльскомъ трактатѣ, вошелъ въ тѣсный союзъ съ Франціей; не объявляя войны, не имѣя ни малѣйшаго предлога, онъ возобновилъ военныя дѣйствія, какъ только пріѣхалъ въ Богемію, гдѣ онъ находился въ

очень опасномъ положеніи. Моментъ былъ благопріятный, чтобы направиться противъ него.

Бестужевъ, несмотря на полученныя деньги, не позабылъ своихъ чувствъ и торопилъ Елизавету объявить ему войну. Англійскій резидентъ тоже не щадилъ его и горячо совѣтовалъ выполнить прекрасный планъ канцлера. Онъ писалъ 2 февраля 1745 г.:

„Императрица должна бы была непремѣнно рѣшиться раздѣлить шкуру медвѣдя, такъ какъ случай болѣе могъ бы и не представиться. Бестужевъ въ восторгѣ отъ своей идеи, но находитъ, что прусскіе аргументы произвели слишкомъ сильное впечатлѣніе на Воронцова“.

Елизавета оставалась непоколебима, а англійскій кабинетъ, который не терялъ надежды ее завлечь, прислалъ къ ней лорда Хинфодрда, который покинулъ Берлинъ послѣ разрыва Пруссіи съ королевой Венгріи. Этотъ посланникъ, несмотря на свои великолѣпныя обѣщанія и предложенія немедленной субсидіи, не оказался болѣе счастливымъ, чѣмъ Тиравли. Немного времени спустя послѣ его пріѣзда въ Петербургъ, лордъ Хиндфордъ писалъ 13 мая 1745 г.:

„Я боюсь какъ-бы Франція не предложила этому двору столько денегъ, чтобы сдѣлать его нейтральнымъ, сколько мы даемъ, чтобы заставить его дѣйствовать; и вы можете предположить, кому изъ двухъ будетъ оказано предпочтеніе“.

Спустя нѣсколько дней 21 мая:

„Императрица никогда не согласится дѣйствовать прямо противъ прусскаго короля вмѣстѣ съ войсками Австріи и Саксоніи, а еще менѣе одна; такъ какъ ходятъ слухи, что она ему это обѣщала подъ секретомъ и даже она поклялась; и что съ его вѣдома и согласія она въ прошломъ году напала на Богемію. Несмотря на то, что императрица выказываетъ столько нѣжности по отношенію къ прусскому королю, но изъ одной ненависти къ принцессѣ Венгріи, она готова объявить войну и дѣйствовать открыто противъ Франціи“.

Однако не изъ уваженія къ Фридриху Елисавета не хотѣла поднимать противъ него оружія, такъ какъ она говорила, если можно вѣрить депешѣ англійскаго посла отъ 3 ноября 1745 г.:

„Король Прусскій безъ сомнѣнія плохой принцъ, который не боится Бога, всѣ святыя вещи онъ обращаетъ въ смѣшную сторону и никогда не ходитъ въ церковь: это Надиръ, шахъ Персіи“.

Эта благочестивая принцесса не договаривала всего. Фридрихъ былъ не только не правъ, обращая въ смѣшное священныя вещи. Этотъ невѣрующій басурманъ не щадилъ ничего, не исключая слабостей русской императрицы. Спустя нѣсколько лѣтъ саксонскій министръ Линаръ писалъ:

„Совершенно вѣрно, что эта принцесса сильно дуется на берлинскій дворъ, въ особенности послѣ того, какъ нѣсколько гайдуковъ, которые были на службѣ у прусскаго короля, разсказали по своемъ возвращеніи, что этотъ король отзывался о ней безъ всякаго стѣсненія и тономъ презрительнымъ и оскорбительнымъ для ея особы. Эти разсказы были переданы Ея Величеству ея горничными; она вообще недолюбливаетъ короля Пруссіи, потому что по ея взглядамъ и какъ она себѣ это разъясняетъ, у этого принца нѣтъ никакой религіи, у него нѣтъ никакого уваженія къ королевѣ, онъ не хочетъ жить съ ней, онъ не короновалъ, недостатокъ, на который здѣсь смотрятъ, какъ на самый главный, что у него есть еще другія качества, которыя не нравятсь въ высшей степени“.

Лордъ Хиндфордъ, который зналъ, какое почтеніе нужно оказывать женщинамъ, въ особенности, когда онѣ самодержицы большой имперіи, и когда необходимъ ихъ союзъ, не впалъ въ ошибку Фридриха. Въ противоположность ему онъ писалъ 30 ноября 1745 г. въ одной депешѣ, о которой онъ зналъ, что она будетъ открыта въ Россіи:

„Ваша свѣтлость съ трудомъ можетъ себѣ представить, какъ замѣчательно идетъ Императрицѣ военный мундиръ. Я увѣренъ, что люди которые бы ее не знали, приняли бы ее за офицера, если бы только не ея прелестное лицо. Въ дѣйствительности у Ея Величества сердце мужчины и красота женшины, и она заслуживаетъ восхищенія цѣлаго свѣта“.

Между тѣмъ Фридрихъ отлично вышелъ изъ своего затруднительнаго положенія. Кампанія 1745 г. доказала, что онъ былъ самый искусный полководецъ своего время, а побѣды при Гохфридбергѣ и Соррѣ, позволили ему заключить миръ въ одно и во же время выгодный и почетный, сначала съ Англіей, затѣмъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ въ Дрезденѣ съ Австріей. Тогда, какъ будто ему никогда не нужно союза съ Россійскимъ дворомъ, онъ кончилъ тѣмъ, что выказавъ самую некрасивую черту характера, порвалъ все съ Бестужевымъ. Канцлеръ не простилъ Мардфельду а тѣмъ болѣе и королю, что они дѣйствовали одинаково съ Шетарди.

Къ этой причинѣ ненависти прибавляется еще другая, говоритъ Фридрихъ въ „Исторіи семилѣтней войны“. Въ 1745 года осенью король вошелъ въ Саксонію; прежде, чѣмъ былъ данъ бой при Кесельдорфѣ, Мардефельдъ получилъ приказъ предложить 40.000 экю Бестужеву, чтобы Россія не вмѣшивалась въ эту войну, но послѣ мира, заключеннаго въ Дрезденѣ, изъ неумѣстной ли экономіи или по личнымъ соображеніямъ раздумалъ уплатить эти деньги канцлеру; благодаря этому министръ понялъ въ своей ненависти къ Мардефельду все, что заключаетъ въ себѣ слово „пруссакъ“. Чтобы отомстить за свои личныя оскорбленія, онъ предложилъ Императрицѣ заключать союзъ съ Вѣнскимъ и Лондонскимъ дворами“.

У Бестужева было еще больше повода сердиться на то, что онъ не получилъ обѣщаннаго ему прусскимъ королемъ именно въ то время, когда въ этомъ нуждался, такъ какъ находился въ очень затруднительномъ матеріальномъ положеніи. Онъ просилъ у англійскаго посланника, если ужъ не вознагражденія, то по крайней мѣрѣ въ долгъ на самый продолжительный срокъ и безъ процентовъ. Лордъ Хиндфордъ, который объ этомъ серьезно разсказываетъ въ своей депешѣ отъ 27 сентября 1746 г., добавляетъ: „мой другъ, вѣроятно, въ самомъ невозможно стѣсненномъ положеніи: онъ долженъ всѣмъ“.

Но съ тѣхъ поръ какъ прусскій король заключилъ миръ съ Австріей и прекратилъ войну, Англія заботилась менѣе всего о союзѣ съ кабинетомъ въ Петербургѣ, и Бестужевъ долженъ былъ искать другихъ средствъ для уплаты долговъ.

Общая война приближалась къ концу. Великія державы, которыя въ ней приняли участіе, устали; нѣкоторыя были истощены, всѣ вздыхали о мирѣ, и миръ былъ заключенъ въ Эсъ-ла-Шатиль въ 1748 г. Какъ ни мало удовлетворена была Англія Елизаветой, такъ не менѣе держалась за то, чтобы не порывать съ ней; наоборотъ, даже хотѣли быть ей пріятнымъ, и это разсужденіе было причиною того что въ первый разъ эта имперія заняла мѣсто въ ряду великихъ державъ. Герцогъ Ньюкестель, государственный секретарь Иностранныхъ Дѣлъ, писалъ одному изъ англійскихъ уполномоченныхъ лорду Сандвичъ 2 февраля 1748 г.

„Вы знаете отвращеніе царицы ко всему тому, что касается прусскаго короля; она была и теперь еще оскорблена статьей, которая была включена въ предварительныя условія мирнаго договора въ защиту Силезіи и Глатца. Если прусскій король будетъ приглашенъ присоединиться къ договору и если не пригла-

сять царицу, она употребитъ все свое вліяніе и кредитъ въ Вѣнѣ, а тамъ они у нея велики, чтобы создать намъ новыя хлопоты".

Россія только подписалась подъ трактатомъ Эсъ-ла-Шатиль, и этимъ она очень много выиграла въ войнѣ, въ которой въ дѣйствительности не принимала никакого участія. Для Вѣнскаго двора этотъ миръ былъ только отдыхомъ. Англія сложила оружіе только по невозможности продолжать войну, но съ мыслью начать ее снова, какъ только будетъ въ состояніи.

Марія Терезія была женщина, а поэтому злопамятна и тщеславна. Потерявъ Силезію, она получила оскорбленіе, котораго не могла ни позабыть, ни простить, и для нея миръ имѣлъ только ту выгоду, что далъ возможность свободно приготовиться для отвоеванія провинціи, которой она дорожила по тысячѣ причинъ.

Занятый все равно тѣмъ, чтобы возобновить съ выгодою войну противъ прусскаго короля, Вѣнскій дворъ привелъ все въ движеніе, чтобы заключить болѣе тѣсный союзъ съ Россіей и чтобы поссорить императрицу Елисавету съ прусскимъ королемъ. Это было не трудно въ особенности потому, что Бестужевъ такъ же не позабылъ свой непріязни противъ Фридриха и искалъ только предлога для нарушенія взаимной дружбы между Россіей и Пруссіей. Случай скоро представился. Тройственный союзъ между Франціей, Пруссіей и Швеціей только что былъ заключенъ. Кабинетъ въ Петербургѣ отнесся къ этому подозрительно и дѣло дошло до того, что русскіе, не пожелавъ собирать войско въ Финляндіи, устремили значительное число войскъ въ Ливонію къ прусской границѣ. Такъ какъ вліяніе Вѣнскаго двора со дня на день увеличивалось въ Петербургѣ, Маріи Терезіи ничего не стоило заставить порвать всякія отношенія между Россіей и Пруссіей.

Осторожность, которую Фридрихъ заботливо сохранилъ въ своихъ отношеніяхъ съ императрицей, не помѣшала, чтобы все вышло наружу.

Въ концѣ 1750 г. русскій министръ въ Берлинѣ, не беря отпуска, покинулъ свой постъ, а Фридрихъ долженъ былъ отозвать изъ Петербурга своего представителя.

Прошло нѣсколько лѣтъ, не принеся съ собой никакихъ замѣчательныхъ событій, но изъ всего было видно, что общій миръ не будетъ продолжителенъ. Несмотря на то, что отношенія Англіи и Вѣнскаго двора съ одной стороны, а съ другой Пруссіи и Франціи замѣтно остыли, какъ съ той, такъ и съ другой

стороны были серьезные поводы къ недовольству, тѣмъ не менѣе и съ той и съ другой стороны все оставалось на прежней почвѣ.

Кабинетъ Ст. Джемса не остался позади Вѣнскаго двора, чтобы заручиться поддержкой Россіи. По просьбѣ Англіи и заручившись обѣщаніемъ поддержки, Россія должна была, предчувствуя новую близкую войну съ Пруссіей, собрать въ Ливоніи армію въ 60,000 человѣкъ и произвести диверсію на сушѣ, а въ то же время флотъ долженъ двинуть свои значительныя силы. Этотъ планъ улыбался Петербургу.

Онъ былъ принятъ съ поспѣшностію, его условія и пункты были долго обсуждаемы, и казалось, что ничего не оставалось болѣе какъ приложить подпись государыни.

Между тѣмъ заключеніе этого соглашенія откладывалось со дня на день подъ самыми легкомысленными предлогами. На спѣшные запросы Англійскаго кабинета его представитель въ Петербургѣ Гюи Диккенсъ отвѣчалъ въ первыхъ числахъ марта 1755:

„Отвращеніе главнаго канцлера къ дѣламъ такъ же велико, какъ и у его повелительницы государыни. Если бы главный канцлеръ слѣдовалъ моимъ совѣтамъ, и вмѣсто того, чтобы писать никѣмъ не читаемые мемуары, онъ не оставался бы до полудня въ постели, но уже въ 10 ч. утра находился бы на квартирѣ стараго фаворита графа Алексѣя Разумовскаго, куда императрица часто приходила, у него достаточно бы представилось случаевъ поторопить съ рѣшеніемъ дѣлъ, которыя остаются подъ сомнѣніемъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ она не могла найти свободной минуты, чтобы заняться дѣлами“.

И еще въ той же депешѣ отъ 11 марта:

„Начиная съ прошлой среды у насъ не было менѣе трехъ маскарадныхъ баловъ и одной оперы, и нѣтъ ни одного дня на этой недѣли, который бы не былъ отмѣченъ тѣмъ или инымъ развлеченіемъ. На будущей недѣлѣ начинается постъ, когда все будутъ молиться и поститься; а спустя недѣлю полъ города, по обыкновенію, будетъ больнымъ, отъ рѣзкаго перехода отъ жизни полной удовольствій къ полному воздержанію; такимъ образомъ, съ этого момента втеченіе трехъ недѣль нельзя ожидать, что будетъ употреблено въ ходъ перо, бумага и чернило. Надѣсь, что послѣ все пойдетъ лучше, такъ какъ не можетъ же государыня проводить свою жизнь на колѣняхъ, и на смѣну придутъ другія развлеченія“.

Тѣмъ не менѣе Гюи Диккенсъ писалъ 25 марта:

„Ничего не двигается. Это происходитъ отъ уменьшенія кредита главнаго канцлера, или отъ возрастающаго отвращенія къ дѣламъ у государыни или отъ того и другого, это вѣроятнѣе всего. Главный канцлеръ никогда не видитъ императрицу и никогда не говоритъ съ ней въ частности. Все дѣлается письменно: главный канцлеръ адресуетъ свои мемуары молодому фавориту Ивану Шувалову, который передаетъ ихъ государынѣ тогда, когда она въ настроеніи заниматься дѣлами“.

Эти подробности, безъ сомнѣнія, точны, но Бестужевъ находилъ для себя слишкомъ выгоднымъ такое положеніе вещей, чтобы его мѣнять. Дѣйствительно, онъ велъ дѣла, какъ хотѣлъ, и не затруднялся находить подобные предлоги, чтобы скрыть игру и обмануть англійскаго министра, который писалъ 4 апрѣля:

„Главный канцлеръ жалуется самъ на такое положеніе вещей и на остановку въ дѣлахъ. Поступая такимъ образомъ, говоритъ онъ, они въ глазахъ своихъ друзей и враговъ роняютъ свою репутацію и кредитъ, но онъ не знаетъ лекарства противъ этого; такъ послѣ моего послѣдняго донесенія молодой фаворитъ, черезъ руки котораго проходятъ теперь всѣ большія и малыя дѣла, былъ очень боленъ, слишкомъ переутомившись отъ этой вакхической жизни, которую вели здѣсь позапрошлую недѣлю. Такимъ образомъ пока онъ совершенно не оправится, нечего и ждать, что императрица будетъ думать о какихъ нибудь дѣлахъ“.

И слѣдующій день 5 апрѣля:

„Нездоровье молодого фаворита перешло въ ревматизмъ, которымъ всецѣло теперь занятъ всѣ заботы и мысли двора“.

Гюи Диккенсъ понималъ справедливое нетерпѣніе своего правительства; онъ понималъ также, что не по его винѣ дѣла Англіи идутъ въ Петербургѣ не лучше. Объясненія, которыя онъ даетъ, прося быть отозваннымъ, заслуживаютъ быть напечатанными; они попутно описываютъ дворъ Петербурга. Гюи Диккенсъ писалъ отъ 18-го февраля 1755 года:

„Правительство должно имѣть при этомъ дворѣ министра въ молодыхъ годахъ, такъ какъ по здѣшнему мнѣнію иностранный министръ не долженъ пропускать ни пріема при дворѣ, ни бала, ни маскарада, ни комедіи, ни оперы или какого либо другого публичнаго развлеченія. По ихъ взглядамъ это главный предметъ его обязанностей, Въ моихъ годахъ я не могу вести подобный образъ жизни, и я все таки признаю, что это необходимо“.

„Преемникъ, назначенный англійскимъ кабинетомъ Гюи Диккенсу, былъ какъ бы созданъ по своимъ вкусамъ и своему уму для того, чтобы блестѣть и преуспѣвать при дворѣ Петербурга и благодаря своимъ, уже доказаннымъ способностямъ, могъ служить интересамъ своей страны, оставаясь свѣтскимъ человѣкомъ. Карлъ Ханбюри Вилліамсъ былъ резидентомъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ при избранникѣ Саксоніи, Польскомъ королѣ. Это былъ человѣкъ высокаго ума, который раньше чѣмъ служить политикѣ, игралъ роль въ парламентѣ, гдѣ онъ былъ въ числѣ самыхъ убѣжденныхъ единомышленниковъ господина Роберта Вальполя, его близкаго друга. Инструкціи, данныя ему отъ 11-го апрѣля 1755 года, не оставляютъ никакихъ сомнѣній о цѣли его назначенія. Онѣ ему приказывали уговорить всѣми силами Россію вступить рѣшительно въ кампанію, какъ только вспыхнетъ война. По этому поводу ему говорили:

„Не представляется возможнымъ, что ссоры между Англіей и Франціи устроятся мирно, и такимъ образомъ, какъ открыто утверждаютъ французскіе посланники въ Лондонѣ и Гаагѣ, будетъ общая война. По этой причинѣ и потому что договоръ, заключенный съ Россіею въ 1742 году, кончается въ 1757, нужно скорѣе заключить другой. По этой причинѣ будетъ умѣстнымъ убѣдить русскихъ, что они останутся азіатской имперіей, если будутъ оставаться въ покоѣ и если они позволятъ Прусскому королю привести въ исполненіе свои гордые, опасные планы, давно уже имъ задуманные, о расширеніи своихъ владѣній. Правительство васъ уполномачиваетъ вашими правами и инструкціями дѣлать то, что будетъ необходимо, отъ его имени, чтобы предотвратить такое несчастіе“.

Англійскій кабинетъ хотѣлъ войти въ союзъ съ Россіей еще болѣе потому, что Вѣнскій дворъ это ставилъ какъ бы условіемъ sine qua non его содѣйствія въ войнѣ, которую Англія должна была непремѣнно вести съ Франціей. Первый австрійскій министръ ясно объявлялъ Кейту, что Марія Терезія будетъ помогать Англійскому королю во Франціи и Ганноверѣ, гдѣ будутъ, вѣроятно, сосредоточены всѣ военныя силы континентальной войны, только въ случаѣ, если она будетъ увѣрена въ опорѣ России противъ Пруссіи,—но не ранѣе. Въ самомъ дѣлѣ, Вѣнскій дворъ мало желалъ вступить въ борьбу, гдѣ ему было нечего получить; что онъ единственно хотѣлъ, это было раздавить Прусскаго короля и вырвать у него Силезію. Чтобы придти къ этому результату, такъ желаемому, ему нужна была помощь Россіи; Марія Терезія была бы разбита, если бы должна была разсчитывать только на свои силы.

Такимъ образомъ, говорилъ Кауницъ, нужно во что бы то ни стало быть увѣренными въ русскихъ. Это было единственное средство поразить общаго врага, то есть Прусскаго короля. Англія же должна, если она хотѣла разсчитывать на поддержку Вѣнскаго кабинета, имѣть сейчасъ же въ своемъ распоряженій русскую армію, расквартированную въ Ливоніи, и ее заставить сдѣлать диверсію противъ Прусскаго короля въ тотъ моментъ, когда австрійскія войска пойдутъ противъ него.

Все это Кауницъ не переставалъ повторять на всѣ лады англійскому посланнику. Онъ выразился еще яснѣе въ одной нотѣ отъ 1 іюня 1755 года:

„Англія, говоритъ онъ, не воображаетъ, конечно, что мы не понимаемъ большой разницы, которая есть между трактатомъ, который нужно заключить и трактатомъ заключеннымъ, между 60000 русскихъ на бумагѣ, расквартированными въ мѣстахъ очень отдаленныхъ одно отъ другого, и 80000 тысячами пруссаковъ, которые могутъ собраться въ 15 дней и броситься на владѣнія государыни императрицы“.

Значеніе этихъ разсужденій очень ясно и не могло быть непонятымъ англійскимъ кабинетомъ. Вѣнскій дворъ думалъ только о своихъ интересахъ и мало безпокоился объ интересахъ своего союзника. Между тѣмъ разрывъ между Франціей и Великобританіей былъ неминуемъ; война уже началась въ моряхъ Сѣверной Америки, и англійскій кабинетъ, не имѣвшій возможности обойтись безъ помощи Австріи на материкѣ, былъ принужденъ торопить русскій дворъ.

Карлъ Ханбюри Вилльямсъ не щадилъ себя, но не съ большимъ, повидимому, успѣхомъ, чѣмъ его предшественникъ. Тѣмъ не менѣе у него была хорошая надежда: онъ писалъ отъ 4 іюля 1755 года:

„Не только Бестужевъ сочувствуетъ союзу съ Англіей, но Воронцовъ тоже понялъ свое заблудженіе, онъ теперь увѣренъ, что король Пруссіи есть власть, которой Россія можетъ больше всего завидовать, такъ какъ это ея самый страшный и естественный врагъ“.

Карлъ Ханбюри Вилліямсъ даетъ намъ узнать изъ этого донесенія, каковъ былъ характеръ доказательствъ, которыми онъ пользовался для убѣжденій русскихъ; такъ онъ прибавляетъ:

„Олсуфьевъ—душа Воронцова, который говоритъ, какъ тому нравится. За 500 дукатовъ наличныхъ денегъ и за пенсіонъ въ 500, я могу быть увѣреннымъ въ немъ и я думаю извлечь изъ

этого большую выгоду. Фючнъ, австрійскій посланникъ, имѣетъ тоже вліяніе; онъ вѣрно служитъ своему двору, но онъ не бралъ своего жалованія за 9 триместровъ (27 мѣсяцевъ) и часто находится въ бѣдственномъ положеніи. Онъ будетъ вѣрно служить королю за ту же сумму, которую я совѣтую дать Олсуфьеву. Третье лицо, которымъ нужно заручиться, это Волковъ, личный секретарь Бестужева. Подарокъ въ 500 дукатовъ и пенсіонъ въ 250 мнѣ его предоставятъ. До сихъ поръ не открывался никому — кромѣ Олсуфьева".

Англійскій кабинетъ одобрилъ эти предложенія, и нѣсколько дней спустя, 9 августа, Карлъ Ханбюри Вилліамсъ имѣлъ счастіе донести своему двору, „что условіе съ Россіей было подписано, главнымъ пунктомъ было поддержка противъ Франціи и содѣйстіе Австріи".

Поэтому Бестужевъ получилъ, кромѣ обычныхъ дипломатическихъ подарковъ, 10.000 фунтовъ стерлинговъ. Что касается Олсуфьева, онъ принялъ съ благодарностью то, что ему было предложено. Сама Императрица имѣла личныя причины не давать такъ долго эту, такъ давно жданную подпись, и англійскій министръ зналъ это, такъ какъ писалъ въ томъ же донесеніи:

„Ясно, что всѣ деньги, которыя этотъ дворъ получитъ за первый секретный договоръ, пойдутъ въ частную шкатулку государыни; и такъ какъ она строитъ теперь два или три дворца, ей нужны деньги для ихъ окончанія; это то и помогло серьезно окончить такъ скоро это условіе".

Это не мѣшало очень довѣрчивому Карлу Ханбюри Вилліамсу прибавить такія строки:

„Отвращеніе императрицы къ Франціи и Пруссіи дѣлается съ каждымъ днемъ сильнѣе и ея привязанность къ Англійскому королю и его союзнику, Вѣнскому двору, возрастаетъ, такъ что я обязуюсь, несмотря на мою слабость, съ малою помощью, просимой мною у короля, отдать этотъ дворъ въ руки Его Величества, болѣе чѣмъ когда либо онъ былъ въ рукахъ другого государя, и ничто здѣсь не будетъ дѣлаться противнаго желанію Вашего Величества и не соотвѣтственнаго тому, что оно прикажетъ.

Канцлеръ велъ себя прекрасно. Онъ выказалъ очень большую радость на лицѣ, когда его жадность была удовлетворена моими предложеніями. Воронцовъ также сдѣлалъ, что могъ. Его Величество должно бы ему дать оффиціальный подарокъ для покупки кольца. 500 фунтовъ стерлинговъ такъ употребленныхъ имѣли бы самыя лучшія послѣдствія для хорошаго успѣха дѣлъ, которыя будутъ вести впослѣдствіи съ этимъ дворомъ".

Два дня спустя Карлъ Ханбюри Вилліамсъ пишетъ отъ 11 августа:

„Канцлеръ меня увѣрилъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, что всякая прибавка къ первому платежу, условленному первымъ секретнымъ уговоромъ, будетъ въ высшей степени пріятна и окажетъ какъ бы личную услугу Ея Императорскому Высочеству.

Эта прибавка поставитъ этотъ дворъ и императрицу всецѣло въ распоряженіе Вашего Величества. Приблизительно 50.000 фунтовъ стерлинговъ для личнаго употребленія императрицы произведутъ большое впечатлѣніе. Однимъ словомъ, все, что было дано до сихъ поръ, было дано для покупки войскъ Россіи, но эта послѣдняя сумма, если ее дадутъ, купитъ императрицу“.

Старый другъ господина Р. Вальполя былъ, дѣйствительно, подходящимъ для Россіи посланникомъ. Къ несчастію, англійскій кабинетъ не былъ доволенъ, заключеннымъ имъ договоромъ, какъ изъ за суммы вознагражденія, такъ и изъ за формы. Во первыхъ, Карлъ Х. Вилліамсъ согласился, что этотъ договоръ будетъ сначала подписанъ Англійскимъ королемъ, и что его имя тамъ будетъ поставлено первымъ, что было противъ принятаго формуляра.

Во вторыхъ, онъ принялъ, чтобы скорѣе окончить, только относительныя условія движенія войскъ, времени платежа субсидіи и т. д., что было выгодно Россіи. Англійскій кабинетъ имѣлъ тѣмъ большій предлогъ для недовольства этимъ договоромъ, который не связывалъ со всѣхъ сторонъ русскую императрицу, а лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда она этого желала, что въ дѣйствительности она уже приняла подобныя обязательства, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по отношенію къ Вѣнскому двору.

Четвертымъ секретнымъ договоромъ ея трактата съ Австріею Россія обязывалась держать 60.000 человѣкъ въ Ливоніи, готовыхъ двинуться сейчасъ же по возникновеніи войны между Пруссіей и Австріей, но англійскій кабинетъ менѣе заботился объ истинномъ достоинствѣ договора, чѣмъ о его значеніи въ глазахъ Вѣнскаго кабинета, который, какъ видѣли, какъ бы требовалъ его.

Князь Кауницъ ими, казалось, былъ доволенъ.

Мало интересовали и Вѣнскій кабинетъ условія договора; онъ могъ только не нравиться Прусскому королю и его заставить не желать сближеніе съ Англіей, и этого ему было довольно.

Англійскій кабинетъ согласился принять условіе, заключенное его представителемъ въ Петербургѣ, но онъ старался помѣшать Фридриху о немъ подозрѣвать; сообщая ему о немъ, не будучи обязаннымъ дѣлать это, онъ ему оставлялъ открытую дверь, если бы онъ хотѣлъ соединиться съ Англіей. Хотя кабинетъ Ст. Джемса очень дорожилъ союзомъ съ Австріей и ея содѣйствіемъ противъ Франціи, онъ совсѣмъ не былъ расположенъ жертвовать собою, чтобы удовлетворить злобу мстительной Маріи Терезіи.

Правительственный секретарь иностранныхъ дѣлъ, лордъ Хольдернессъ ясно опредѣлялъ обоюдное положеніе двухъ дворовъ и различіе ихъ политики, когда писалъ отъ 10-го октября 1755 года англійскому министру въ Берлинѣ: „Наша задача Франція, Австріи—Пруссія.

Она намъ поможетъ противъ Франціи, если мы себѣ сдѣлаемъ врага изъ Пруссіи и если мы ей поможемъ вернуть потерянное ею въ послѣдней войнѣ. Безусловно, въ нашемъ настоящемъ положеніи было бы сумашествіемъ заняться такими проэктами“. Эти чувства англійскаго правительства не были секретомъ Вѣнскаго двора. Императрица и ея министръ Каунитцъ предвидѣли, что рано или поздно холодность, которая не переставала царить между двумя дворами со времени водворенія мира, уступить мѣсто настоящему разладу. Чтобы предохранить себя отъ всѣхъ случайностей, Вѣнскій кабинетъ готовился найти болѣе любезныхъ друзей, чѣтъ англичане, и которые имѣли бы меньше щепетильности, чтобы служить ея намѣреніямъ противъ Прусскаго короля. И кабинетъ повернулъ свои взоры на Петербургъ. Совершенная гармонія царствовала между обѣими государынями, ихъ соединяла общая злоба противъ Фридриха. Такъ какъ до этихъ поръ австрійскій посланникъ въ Россіи поступалъ согласно съ англійскимъ министромъ и ему даже помогалъ въ переговорахъ о трактатѣ, который былъ заключенъ, Вѣнскій кабинетъ воспользовался другимъ посредникомъ. Онъ послалъ въ Петербургъ графа Винцендорфа безъ опредѣленной миссіи, и постоянный посланникъ былъ обезпокоенъ причиной его путешествія, и казалось, ревновалъ его. Карлъ Х. Вилліамсъ былъ обезпокоенъ не менѣе и болѣе искренно; такъ съ перваго дня онъ подозрѣвалъ, что между Россіей и Австріей предполагается союзъ, который хотѣли намѣренно скрыть отъ Англіи.

Въ это время британскій кабинетъ сообщилъ Фридриху о соглашеніи, которое онъ заключилъ съ Россіей и которому не хватало только утвержденія императрицы. Прусскій король тотчасъ понялъ значеніе этого акта, направленнаго единственно противъ

него, и съ рѣшимостью, которая характеризировала всѣ его дѣйствія, онъ отвѣтилъ на это сообщеніе открытіями, которыя велись къ тому, чтобы перемѣнить роли и сдѣлать его союзникомъ Англіи вмѣсто того, чтобы быть врагомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, 16 января 1756 года онъ подписывалъ трактатъ о взаимной гарантіи для государствъ обѣихъ континентальныхъ державъ.

Переговоры между Пруссіей и Англіей не могли быть настолько тайными, чтобы что нибудь не обнаружилось. Вѣнскій кабинетъ ихъ подозрѣвалъ, потому что не довѣрялъ уже Англіи, имѣвшей только очень ничтожное недовольство противъ Прусскаго короля, и онъ разбудилъ обидчивость императрицы Елизаветы.

Карлъ X. Вилліамсъ писалъ отъ 17 февраля 1756 г. лорду Холдернессу:

„Я думаю, и я могу серьезно увѣрять вашу свѣтлость, что трактатъ съ Пруссіей не будетъ имѣть плохихъ послѣдствій при этомъ дворѣ. Я работаю день и ночь, чтобы этому помѣшать, и я надѣюсь, что мои труды не будутъ напрасны".

Въ это время Елизавета не торопилась подписывать договоръ, и Вилліамсъ писалъ два дня спустя, 19 февраля:

„Договоръ ждетъ уже 5 недѣль на столѣ императрицы и я долженъ добавить, что оба канцлера очень боятся ея и не могутъ напомнить императрицѣ, что ей надо дать свою подпись".

Наконецъ 14—25 февраля договоръ былъ подписанъ императрицей, но тамъ была прибавлена оговорка, гласящая, что: „трактатъ, который былъ подписанъ, будетъ имѣть значеніе въ случаѣ, если Прусскій король аттакуетъ государство короля Великобританіи", или его союзниковъ, что его дѣлало совершенно ненужнымъ со времени союза Англіи и Пруссіи. Бестужевъ и Воронцовъ клялись, что эта оговорка была сдѣлана безъ ихъ вѣдома и что это было сдѣлано въ квартирѣ Шувалова. Англійскій министръ имѣлъ слабость повѣрить этимъ извиненіямъ и многимъ другимъ, подобнымъ этимъ, и онъ писалъ:

„Бестужевъ поссорился съ Иваномъ Шуваловымъ, что очень перемѣнило положеніе дѣлъ при этомъ дворѣ. Власть Ивана увеличивается съ каждымъ днемъ; нужно непремѣнно, въ интересахъ его Величество, затолучить расположеніе Петра Шувалова.

Получивъ трактатъ съ Пруссіей, я пошелъ къ Бестужеву, который меня поздравилъ съ новымъ союзомъ; но онъ прибавилъ, что императрица найдетъ дурнымъ, что этотъ трактатъ былъ

раньше сообщенъ Австрійскому посланнику въ Лондонѣ, чѣмъ ея министру; и что каждый новый союзъ между королемъ Англіи и Пруссіей можетъ быть только непріятнымъ для Ея Императорскаго Величества, на что я отвѣчалъ, что подобный договоръ могъ оскорбить только Францію и державы, которыя были уже расположены считать себя обиженными. Онъ мнѣ возразилъ: что на это скажетъ дворъ Вѣны?

Я отвѣтилъ, что если Австрійскій кабинетъ хочетъ дѣйствительно мира, ему нечего говорить. Я не нашелъ удобнымъ сказать канцлеру, что поведеніе Австріи было главной причиной побудившей Его Величество на этотъ союзъ.

На это Бестужевъ далъ мнѣ ясно понять, что я еще ему не далъ обѣщанныхъ денегъ.

Я его увѣрялъ, что онъ ихъ навѣрное получитъ, но если въ случаѣ ему они необходимы, и что если онъ послужитъ королю въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ отъ чистаго сердца и помѣшаетъ зависти, которую другіе дворы хотѣли развить въ сердцѣ императрицы, я попрошу барона Вольфа дать ему немедленно то, что я ему обѣщалъ.

Онъ обязался сдѣлать все, что я пожелаю; и согласно съ этимъ обѣщаніемъ онъ послалъ донесенія Голицына, которыя пришли изъ Лондона предшествующею ночью и только что были дешифрированы, государынѣ съ объясненіемъ, продиктованнымъ мною, въ которомъ онъ говорилъ, что договоръ Петербурга имѣлъ уже послѣдствіями миролюбивыя намѣренія Прусскаго короля, и что вслѣдствіе этого, онъ долженъ былъ сдѣлать нѣкоторыя попытки навстрѣчу королю, заключившему этотъ трактатъ, и что было болѣе почетно для императрицы держать миръ Европы однимъ взмахомъ пера, чѣмъ его возстановить побѣдою".

Воронцовъ удовольствовался тѣмъ, что сказалъ Англійскому министру съ ироніей, что господинъ К. Х. Вилліамсъ, кажется, не чувствовалъ,—„что онъ могъ разсчитывать, что если король Прусскій попробуетъ нарушить миръ, императрица исполнитъ въ этомъ случаѣ всѣ свои обязательства".

Въ этомъ жестокомъ донесеніи К. Х. Вилліамсъ очень хвастался помощью и содѣйствіемъ, которыя ему оказалъ Австрійскій посланникъ; и онъ его заканчивалъ, говоря, что нужно было на всякій случай, и хотя нечего было бояться, заручиться Петромъ Шуваловымъ, который былъ очень опасенъ своимъ вліяніемъ на фаворита, и послать генералу графу Апраксину саблю, обѣщанную ему лордомъ Хиндфордомъ. „Апраксинъ способенъ

вредить, и онъ очень много кричитъ при дворѣ, гдѣ всѣ министры явно и открыто продажны".

Кажется въ самомъ дѣлѣ, что Эстергази не былъ посвященъ въ секретъ продѣлокъ Вѣнскаго кабинета или что онъ не имѣлъ инструкціи относительно этого, потому что, какъ только императрица Елизавета ему стала говорить о трактатѣ Пруссіи, онъ отвѣтилъ, что можетъ высказаться объ этомъ предметѣ, какъ частное лицо и что онъ думаетъ, что этотъ трактатъ можетъ поддерживать миръ. Это по крайней мѣрѣ то, что онъ разсказалъ самъ Карлу X. Вилліамсу и прибавилъ, что императрица казалась немного задѣтой; она ему сказала, что ожидала, что Англійскій король и Вѣнскій дворъ обдумали какой нибудь планъ, чтобы сократить власть Прусскаго короля, и что она во всякое время желаетъ ему способствовать.

Можно сомнѣваться въ искренности австрійскаго посланника, но навѣрное Елисавета была искренна въ своей ненависти противъ Прусскаго короля. Условіе, которое она только что заключила съ Англіей, было для нея какъ не случившееся; въ ея мысляхъ Фридрихъ былъ форменно исключенъ изъ категоріи союзниковъ Георга II. Одна вещь успокаивала совершенно господина К. X. Вилліамса, это было плохое состояніе здоровья императрицы; не думали, что она проживетъ еще 6 мѣсяцевъ, и великая княгиня, которая будетъ навѣрное, царствовать подъ именемъ своего мужа, была хорошо расположена къ союзу Россіи съ Англіей и она настаивала на исполненіи договора. Это то, что Вилліамсъ писалъ отъ 19 февраля, и не первый разъ это имя и мнѣніе великой княгини являются въ его донесеніяхъ. К. X. Вилліамсъ не удовлетворился тѣмъ, что купилъ услуги министровъ Елизаветѣ; онъ искалъ поддержки англійскому союзу въ такъ называемомъ въ Петербургѣ молодомъ дворѣ, то есть у великаго князя и великой княгини. Съ первымъ не особенно считались, и его открытая вражда противъ Ивана Шувалова и его соумышленниковъ не позволяли ему имѣть много власти. Не то было съ великой княгиней, на которую уже обращались всѣ взгляды. Бестужевъ особенно старался быть ей пріятнымъ. Здѣсь не мѣсто разсказывать о странныхъ отношеніяхъ господина К. X. Вилліамса и Екатерины; намъ довольно будетъ знать, что будучи очень нерасположенной къ Фридриху, она казалось очень благоволила Англіи. Онъ писалъ онъ 2 октября 1755 года:

„Великая княгиня недавно открылась мнѣ о своихъ чувствахъ къ Прусскому королю. Она не только увѣрена, что онъ естественный врагъ Россіи, котораго надо наиболѣе бояться, но

какъ оказывается у нея есть къ нему и личная ненависть. Она мнѣ недавно сказала, говоря о Прусскомъ принцѣ, что у н.го не царскій умъ; что касается сердца, оно у него не могло быть хуже сердца брата, такъ какъ Прусскій король былъ худшій человѣкъ на свѣтѣ.

Она говоритъ всегда о королѣ Англіи съ глубокимъ уваженіемъ и съ большимъ почтеніемъ. Она совершенно увѣрена въ необходимости тѣснаго союза между Англіей и Россіей, она называетъ всегда Его Высочество лучшимъ и великимъ союзникомъ императрицы и льститъ себя надеждой, что король даруетъ также свою дружбу и покровительство ей и великому князю".

Была ли искренна великая княгиня говоря такъ о Прусскомъ королѣ и позднѣе перемѣнила ли она свое мнѣніе, такъ какъ выполненіе договора съ Англіей равнялось союзу Пруссіи и Россіи, это все равно. Въ этотъ моментъ у Екатерины были другія занятія, чѣмъ политическія интересы ея пріемной страны, и увидятъ въ другомъ мѣстѣ, что она ни въ чемъ не отказывала министру, такъ расположенному ей служить, какъ господинъ Вилліамсъ. Такимъ образомъ онъ могъ писать отъ 4 апрѣля 1756 г.:

„Великая княгиня упорствуетъ въ своемъ мнѣніи, и она ищетъ всѣ случаи оказать Англійскому королю всѣ возможныя для нея услуги. Она мнѣ призналась, что была поражена, когда услышала первый разъ разговоръ о трактатѣ съ Пруссіей; но съ тѣхъ поръ, вполнѣ ей было объяснено канцлеромъ и мною, что ей нечего противорѣчить; и она надѣялась, что союзъ между Англіей, Австріей и Россіей остается твердымъ и будетъ дѣлами трехъ дворовъ...

Дѣятельность Великой Княгини очень велика. Она объявила, что если кто-нибудь попробуетъ разрушить союзъ Англіи, Австріи и Россіи, тотъ не будетъ другомъ этого государства. Она любима, и ея уже боятся, и всѣ тѣ, которые въ лучшихъ отношеніяхъ съ Императрицей, ищутъ всѣхъ случаевъ, что бы тайно съѣздить на поклонъ къ Ея Императорскому Высочеству.

Здоровье Императрицы далеко не хорошо. Она думаетъ объ отдыхѣ и о покоѣ; она сдѣлалась очень задумчивой и ведетъ очень замкнутую жизнь; тогда какъ раньше она не пропускала ни одного дня, чтобы не покататься верхомъ или въ каретѣ; она выѣзжала только одинъ разъ въ эту зиму".

Уже нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе К. Х. Вилліамсъ писалъ 2-го октября 1755 г.:

„Здоровье Императрицы плохо. Она кашляетъ кровью; у нея астма, она кашляетъ все время; ноги у нея пухнутъ и у нея водянка груди; тѣмъ не менѣе она танцовала менуэтъ со мною".

Въ это время подготовлялся большой переворотъ въ политической системѣ Европы, и отраженіе его глухо чувствовалось и въ Петербургѣ. Вилльямсъ, ослѣпленный своими жалкими занятіями и своей особенной вѣрой въ себя, упорно закрывалъ глаза на очевидность. Онъ писалъ отъ 16 марта 1756 года:

„Австрія ничего здѣсь не сдѣлала противъ условія съ Пруссіей. Эстергази со мной все въ такихъ же любезныхъ отношеніяхъ и мнѣ доноситъ всѣ новости, которыя можетъ собрать. Волковъ, личный секретарь Бестужева, мнѣ сказалъ, что тревога, поднятая Императрицей изъ за трактата съ Пруссіей, начинается успокаиваться“.

Несмотря на это, 9 дней спустя, 27 марта, К. Х. Вилльямсъ узналъ, что были длинныя совѣщанія въ Совѣтѣ и что тамъ былъ поднятъ вопросъ о томъ, — будетъ ли условіе, заключенное съ Англіей, объявлено ничтожнымъ, вслѣдствіе условія, сдѣланнаго этою державою съ Пруссіей. Никакого рѣшенія не было принято. Бестужевъ дѣлалъ чудеса, просилъ онъ передать Вилльямсу, но извинялся, что не могъ придти къ нему и ему обѣщалъ, что все кончится хорошо. Это было также мнѣніемъ послѣдняго и онъ его основывалъ на характерѣ Елисаветы. Онъ писалъ въ своемъ донесеніи отъ 11 апрѣля:

„Ненависть Императрицы къ личности и власти Прусскаго короля вспыхиваетъ очень часто. Но страсти Императрицы никогда не бываютъ продолжительны; и несмотря на то, что большой трудъ убѣдить въ чемъ-нибудь Ея Величество, очень легко помѣшать ей выбрать рѣшеніе. Все ея министерство, соединенное вмѣстѣ, можетъ съ трудомъ сдѣлать первую вещь и самый слабый изъ нихъ успѣваетъ легко сдѣлать вторую“.

Англійскій кабинетъ лучше зналъ, что нужно дѣлать въ данную минуту, но обманутый довѣріемъ и самонадѣянностью К. Х. Вилльямса, лордъ Хольдернессъ ему писалъ отъ 3 марта:

„Я могу вамъ сказать по секрету, если мы должны вѣрить свѣдѣніямъ, достойнымъ довѣрія, Франція составила проэктъ, принятый въ Вѣнѣ, аттаковать съ большими силами Прусскаго короля въ герцогствѣ Клевъ и Англійскаго короля въ Ганноверѣ; въ то же время Австрійцы сдѣлаютъ диверсію въ той части Силезіи, которая была уступлена Прусскому королю. Въ этомъ случаѣ Англія должна будетъ просить поддержки Россіи и разъясненія Императрицы о томъ, что она будетъ дѣлать въ случаѣ надобности“.

Въ отвѣтъ на эту депешу Вилльямсъ писалъ отъ 11-го апрѣля:

„Эстергази получилъ тому три дня новыя инструкціи, которыя послужили поводомъ къ большому совѣщанію, чтобы рѣшить, долженъ ли быть исполненнымъ или нѣтъ Англійскій трактатъ. Воронцовъ предложилъ его уничтожить; но оба Шуваловы, Иванъ и Петръ, которые были убѣждены по моей усиленной просьбѣ Великой Княгиней, которая очень трудилась въ этомъ дѣлѣ, возражали противъ этого предложенія. Бестужевъ говорилъ такъ сильно о необходимости сохраненія трактата, что Императрица ему сдѣлала выговоръ, который не заставилъ его замолчать. Шесть голосовъ противъ четырехъ высказались въ нашу пользу; это Великій Князь, Петръ Бестужевъ, оба Шувалова,Апраксинъ и Голицынъ; противъ насъ: Воронцовъ, братъ Бестужева, Трубецкой и Бутурлинъ".

Ничего не могло открыть глазъ Вилльямсу, который прибавилъ слѣдующее въ своемъ донесеніе:

„Вѣнскій дворъ здѣсь очень сильно жалуется на оставленіе Англійскимъ королемъ его интересовъ и онъ дошелъ до того, что говорилъ, что онъ будетъ принужденъ искать другихъ союзниковъ. Въ извѣщеніи, написанномъ канцлеромъ Великой Княгинѣ, онъ ей говоритъ, что Австрія такъ разсержена противъ Англіи, что этотъ дворъ былъ принужденъ успокаивать и обнадеживать царствующую Императрицу изъ боязни, чтобы она не заключила обязательствъ съ Версальскимъ дворомъ".

Слѣдующаго 1 мая Франція и Англія подписывали Версальскій трактатъ и 27 того же мѣсяца Англія объявила войну Франціи. Каково будетъ поведеніе Петербургскаго двора въ этомъ случаѣ? Это особенно занимало Фридриха, который постоянно спрашивалъ съ безпокойствомъ англійскаго посланника: вы увѣрены, вы совершенно спокойны относительно русскихъ? Онъ возвращался всегда къ этому вопросу съ настойчивостью не по тому, чтобы онъ боялся или предполагалъ, что эта держава могла бы присоединиться къ Франціи и Австріи; онъ только боялся, что она останется нейтральной, а для выполненія плана кампаніи, который онъ придумалъ, ему было нужно 30.000 русскихъ. „Я подозрѣвалъ", писалъ Митшель, донося свои разговоры съ Фридрихомъ, „видя безпокойство и сомнѣнія, показываемыя королемъ, когда онъ освѣдомляется о ходѣ нашихъ дѣлъ при Россійскомъ дворѣ, что онъ былъ освѣдомленъ, что этотъ дворъ къ намъ не такъ расположенъ, какъ я думалъ, когда покидалъ Англію".

К. Х. Виллъямсъ не зналъ еще, что будетъ дѣлать русскій кабинетъ, и, не безъ волненія, писалъ отъ 29 мая 1756 года:

„Войска со всѣхъ сторонъ отправляются въ Ливонію. Былъ данъ приказъ довести количество арміи до 140.000 человѣкъ: 36 полковъ пѣхоты, три—кавалеріи, 5 полковъ гусаръ, 20.000 казаковъ и соотвѣтствующій обозъ артиллеріи. Нѣсколько генераловъ уже уѣхали въ Ригу".

Нѣсколько дней спустя отъ 5 іюня онъ писалъ еще:

„Личная непріязнь императрицы къ Прусскому королю такъ мало ею скрывается, что вспыхиваетъ каждую минуту, и язвительности, направленныя противъ этого короля, живо подхватываются царицей и ея министрами".

Между тѣмъ Кейтъ извѣщалъ изъ Вѣны, что онъ былъ правъ, думая, что Австрія и Россія были связаны самымъ крѣпкимъ образомъ и что они поступали согласно во всемъ. Онѣ хотѣли только обмануть Англію и ее усыпить въ ложной безопасности, пока ихъ приготовленія не будутъ закончены. Мы знаемъ изъ другого источника, что въ эту минуту Вѣнскій дворъ переслалъ уже милліонъ флориновъ въ Россію. Вилльямсъ успокаивался въ вѣрности Бестужева, притворявшагося больнымъ и уѣзжавшаго въ деревню подъ предлогомъ возстановленія здоровья; и потому, что движеніе войскъ было пріостановлено, потому, что Вѣнскій дворъ не хотѣлъ ничего предпринимать въ этомъ году, онъ думалъ, что все разсѣется какъ дымъ. Это онъ и сообщалъ своему правительству; онъ былъ болѣе искрененъ, когда писалъ своему коллегѣ въ Берлинѣ, „что положеніе въ Петербургѣ совершенно перемѣнилось, и что Шведамъ отвѣтили, что вооруженіе Россіи не направлено на нихъ".

Въ то же время русскій посланникъ въ Лондонѣ, князь Голицынъ настаивалъ, увѣряя, что предлогъ союза (casus foederis) существовалъ только въ случаѣ, если Прусскій король аттакуетъ государство короля Англіи или его союзниковъ, и Фридрихъ думалъ, что знаетъ, что Елисавета обязалась поддерживать царствующую императрицу въ случаѣ, если на нее нападетъ Пруссія.

Не только противъ Австріи должна была бороться Англія въ Петербургѣ; Франція опять пріобрѣла тамъ незамѣтно большое вліяніе.

Нѣсколько лѣтъ передъ этимъ Эсъ-ля Шатиле, французскій посланникъ въ Лондонѣ, не желая терпѣть, чтобы графъ Чернышевъ оспаривалъ у него первенство, дерзко прогналъ его съ мѣста, которое тотъ занялъ на одномъ празднествѣ. Этотъ по-

сланникъ смиренно перенесъ это оскорбленіе, но его государыня, императрица Елизавета порвала сношенія съ Франціей и отозвала своего уполномоченнаго министра изъ Парижа.

Когда Версальскій кабинетъ началъ устраивать союзъ съ Австріей, онъ захотѣлъ возстановить свои отношенія съ дворомъ Петербурга. Нѣкто кавалеръ Дугласъ, сопровождаемый знаменитымъ кавалеромъ Д'Эонъ, отправился въ Россію, какъ простой путешественникъ, съ приказомъ представить свои рекомендательныя грамоты только въ случаѣ, если они увидятъ императрицу хорошо расположенную принять ихъ. Дугласъ справился со своей миссіей съ большой ловкостью, и сношенія сейчасъ же возобновились между обоими дворами и скоро стали очень тѣсными. К. Х. Виллльямсъ писалъ отъ 7 октября 1755 г.:

„Нѣкто господинъ Дугласъ пріѣхалъ сюда изъ Парижа. Подозрительный Австрійскій посланникъ спросилъ его, что онъ разсчитываетъ дѣлать въ Россіи? Онъ отвѣтилъ: „я пріѣхалъ по совѣту моего врача, совѣтовавшаго мнѣ попробовать для моего здоровья холодный климатъ".

15 іюня слѣдующаго года Вилльямсъ писалъ господину Митшелю въ Берлинъ, „что секретныя интриги Дугласа такъ же помогли, какъ и усилія Австріи удалить Русскій дворъ отъ англійскаго союза"; и 9 іюля онъ писалъ лорду Хольдернессу:

„Бестужевъ мнѣ сказалъ: наше несчастіе въ томъ, что у насъ теперь молодой фаворитъ, говорящій по французски и который любитъ французовъ и ихъ моды. Онъ хочетъ видѣть при этомъ дворѣ большое французское посольство.

Его власть такъ велика, что иногда невозможно передъ ней устоять".

Что болѣе всего поразительно, это то, что рѣшеніе сдѣлать шаги къ сближенію и къ лучшимъ отношеніемъ съ Версальскимъ дворомъ было по всей вѣроятности давно предпринято здѣсь, ранѣе чѣмъ былъ вопросъ объ трактатѣ между Англіей и Пруссіей и единственно для того, чтобы удовлетворить молодого графа Шувалова, который желаетъ имѣть французскаго посланника при этомъ дворѣ. Бестужевъ ничего не зналъ объ этой попыткѣ или же онъ только исполнялъ формально приказанія императрицы"

Это была правда, что подъ вліяніемъ Ивана Шувалова Франція получила нѣкоторое довѣріе при русскомъ дворѣ и при Елизаветѣ. Дугласъ предпочелъ дѣлать свои дѣла при царствующей императрицѣ, тогда какъ англійскій министръ надѣялся на

близкую смерть императрицы и старался быть пріятнымъ будущимъ повелителямъ Россіи. Онъ писалъ въ тотъ же день 3-го іюля:

„Преданность великой княгини Англійскому королю, возможность ея близкаго восшествія на престолъ и увѣренность, что она будетъ прекрасно поступать, когда будетъ на тронѣ, даетъ значеніе всѣмъ ея словамъ. Она очень озабочена слухами о союзѣ съ Франціей и о пріѣздѣ французскаго посланника.

Она просила меня посовѣтывать ей, насколько я могъ, какъ этому помѣшать. Я обратилъ ея вниманіе на опасности, которыя явились бы для нея и для ея мужа, такъ какъ безъ поддержки Франціи ея враги Шуваловы не были бы достаточны сильны, чтобы помѣшать наслѣдованію короны. Она многократно меня благодарила за эти совѣты. Она сказала мнѣ, что видитъ опасность и побудитъ великаго князя приложить всѣ старанія къ этому дѣлу, что она могла бы сдѣлать гораздо больше, если бы имѣла деньги, безъ которыхъ здѣсь ничего не дѣлается; что она должна платить всѣмъ вплоть до горничныхъ императрицы; что ей не къ кому было обратиться въ такихъ обстоятельствахъ; но что, если королю угодно будетъ милостиво и великодушно одолжить ей извѣстную сумму денегъ, она выдастъ на нихъ вексель Его Величеству и заплатитъ по немъ тотчасъ же, какъ только будетъ въ состояніи это сдѣлать; что въ то же время я могъ бы дать честное слово королю въ томъ, что все, до послѣдней копейки, будетъ употреблено на то, что она считаетъ ихъ общимъ дѣломъ и въ интересахъ обѣихъ сторонъ. Она желала бы, чтобы я поручился за ея образъ мыслей и дѣйствій. Она проситъ 20.000 червонцевъ“.

Сэръ Вилльямсъ писалъ еще въ тотъ же день:

„Бестужевъ жалуется, что императрица даетъ ему только 7000 рублей въ годъ, которыхъ недостаточно для того, чтобы онъ могъ быть независимъ. Если король Англіи захочетъ положить ему содержаніе въ 2.500 фунтовъ стерлинговъ, то онъ впредь будетъ служить ему и будетъ вполнѣ ему преданъ“.

Англійскій кабинетъ согласился платить Бестужеву и дать 20.000 червонцевъ великой княгинѣ. Великодушіе сэра Вилльямса и легкость, съ которою онъ позволялъ себя надувать, были такъ хорошо извѣстны въ Петербургѣ, что одинъ изъ самыхъ ярыхъ противниковъ англійскаго союза не постыдился обратиться къ нему, чтобы также получить долю изъ его награжденій. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ пишетъ по этому поводу Вилльямсъ въ томъ же донесеніи отъ 9 іюля:

„Тайный агентъ Воронцова сказалъ мнѣ, что прошлое должно быть забыто и что дѣла были совсѣмъ не въ такомъ скверномъ положенiи, чтобы нельзя было ихъ легко поправить; что я никогда не обращался къ вице-канцлеру подобающимъ образомъ; что домъ, который тотъ строитъ въ городѣ, былъ начатъ на англiйскiя деньги; что уже пять или шесть лѣтъ онъ не въ состоянiи его продолжать и что онъ долженъ быть законченъ на англiйскiя же деньги. Я отвѣтилъ, что поведенiе вице канцлера до сихъ поръ было таково, что онъ долженъ дать какое нибудь доказательство своей искренности прежде, чѣмъ я могъ бы оказать ему довѣрiе. Его агентъ отвѣтилъ на это, что, если я не дамъ денегъ, ихъ дадутъ другiе и что, какъ ему извѣстно, Дугласъ уже порядочно роздалъ многимъ лицамъ. Я отвѣтилъ, что болѣе не желаю говорить объ этомъ. На слѣдующiй день пришолъ опять тотъ же агентъ и сказалъ мнѣ, что вице-канцлеръ очень хотѣлъ бы имѣть со мной личное свиданiе. Я отвѣчалъ, что надѣюсь, что Воронцовъ имѣетъ сдѣлать мнѣ какiя-нибудь предложенiя, потому что я жду ихъ отъ него, чтобы открыться ему".

Такими мелкими прiемами Англiя надѣялась завладѣть Петербургскимъ кабинетомъ, какъ будто въ распоряженiи Австрiи и Францiи не могло быть такихъ же. Въ то же время ея посланникъ въ Берлинѣ старался добиться отъ Фридриха, чтобы онъ не предпринималъ никакихъ мѣръ и не дѣлалъ никакихъ явныхъ попытокъ усилить безпокойство русской императрицы тѣмъ болѣе, что, по всей вѣроятности, война не начнется въ этомъ году.

Однако, Вѣнскiй дворъ торопился въ своихъ приготовленiяхъ и готовился выступить въ походъ возможно скорѣе. Король прусскiй, напротивъ, былъ убѣжденъ и основательно, что Англiя не должна разсчитывать на союзъ съ Россiей и, будучи готовымъ къ войнѣ, онъ хотѣлъ использовать выгоды своего положенiя и взять на себя инициативу. Сэръ Вилльямсъ продолжалъ вводить въ заблужденiе англiйскiй кабинетъ своими обманчивыми надеждами. Онъ писалъ 14 августа:

„Повидимому все обстоитъ хорошо, хотя никто не можетъ поручиться за послѣдствiя. Медленность и безпечность—отличительныя черты этого двора".

И еще 17-го:

„Кредитъ Бестужева въ данный моментъ стоитъ очень высоко. Если онъ сдержитъ свои обѣщанiя все будетъ хорошо, иначе онъ будетъ держать насъ въ нерѣшительности. Такова его манера дѣйствовать".

Его не образумилъ даже отказъ русскаго двора получить субсидію, условленную по договору съ Англіей, и посылка посла во Францію. На его приношенія и представленія отвѣтили, что долженъ быть заключенъ новый договоръ и что въ ближайшемъ будущемъ онъ получитъ предложенія. Въ началѣ сентября Фридрихъ вступилъ на саксонскую территорію и нѣсколько дней спустя овладѣлъ Дрезденомъ. 1 октября онъ одержалъ надъ Австрійцами знаменитую побѣду при Ловозичѣ, а 15 того же мѣсяца заставилъ саксонскую армію, укрѣпившуюся у Пирны, положить оружіе. Эта быстрота и такіе блестящіе успѣхи навели уныніе на союзниковъ. Королева Польши прислала одного изъ своихъ камергеровъ, какъ говоритъ К. Г. Вилльямсъ, чтобы жаловаться на бездѣйствіе русскихъ и возбудить негодованіе императрицы, говоря ей, что, если она не рѣшится объявить войну Пруссіи, Фридрихъ вторгнется съ арміей, чтобы снова возвести на тронъ Ивана. На это Елизавета отвѣтила, что если она когда-нибудь узнаетъ о подобномъ планѣ, она прикажетъ сейчасъ же казнить Ивана. Посланникъ Вѣнскаго двора не менѣе сильно жаловался на бездѣятельность войскъ, которыя должны были идти на помощь его повелительницѣ. Правда, армія, стоявшая на квартирахъ въ Ливоніи, получила приказаніе выступить въ походъ, и былъ назначенъ командующій ею. Но этотъ выборъ не былъ особенно благопріятенъ для союзниковъ Россіи, если вѣрить сэру Вилльямсу, который писалъ 18 сентября 1756 г.:

„Апраксинъ долженъ командовать русской арміей; онъ недавно сдѣланъ фельдмаршаломъ. Онъ самый лѣнивый человѣкъ и до крайности трусливъ: нѣсколько дней тому назадъ онъ былъ грубо оскорбленъ и почти избитъ казачьимъ гетманомъ (Кирилломъ Разумовскимъ) и не выказалъ на это ни малѣйшаго чувства обиды".

И еще въ донесеніи отъ 28-го:

„Апраксинъ—человѣкъ огромнаго тѣлосложенія, лѣнивъ, развратенъ и, навѣрное, не храбръ. Онъ никогда не видѣлъ непріятельской арміи и даже не участвовалъ въ походахъ Миниха въ Турцію. Я знаю, что ему непріятно его командованіе.

Здѣсь уже начинаютъ находить, что не такое легкое дѣло, какъ говорили, отправить въ походъ такую большую армію".

Сэръ Вилльямсъ могъ писать 11 ноября:

„Отъѣздъ Апраксина все еще затягивается и великій канцлеръ откровенно намъ признался, что это дѣлается благодаря ему и что онъ будетъ дѣлать это дальше, чтобы оказать услугу своимъ

друзьямъ. Апраксинъ самъ позволилъ убѣдить себя выдвигать всевозможныя препятствія и отдалять свой отъѣздъ, время котораго еще не назначено. До настоящаго времени вопросъ объ этомъ не поднимался.

Король прусскій можетъ быть увѣренъ, что великій канцлеръ не тронетъ ни гроша изъ своихъ денегъ прежде, чѣмъ не окажетъ всѣ существенныя услуги, которыя я требую отъ него".

Эти послѣднія слова заслуживаютъ поясненія. Во время вторженія въ Саксонію Фридрихъ былъ увѣренъ, что можетъ быть полезнымъ для его интересовъ сохраненіе расположенія, которое долженъ былъ оказывать ему Бестужевъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался союзникомъ Англіи. Вслѣдствіе этого онъ сталъ просить сэра Вилльямса предложить этому министру сто тысячъ талеровъ, будучи очень увѣренъ, что для подобнаго порученія не можетъ быть лучшихъ рукъ. По этому поводу сэръ Вилльямсъ писалъ 28 сентября 1756 г.:

„Я старался расположить великаго канцлера въ пользу короля Пруссіи. Сначала онъ былъ непоколебимъ, но по мѣрѣ того, какъ я увеличивалъ цифру суммы, онъ началъ уступать. Наконецъ, онъ далъ мнѣ свою руку, говоря: „съ этого часа я его другъ, хотя я не вижу, какимъ образомъ я могъ бы теперь оказать ему услуги. Если бы я зналъ объ этомъ два мѣсяца назадъ, я могъ бы сдѣлать многое; но онъ началъ войну, и ничто не можетъ помѣшать императрицѣ помочь Австріи.

Все уже рѣшено.

Правда, онъ захватилъ насъ нѣсколько врасплохъ и наши движенія медленны. Я не могу обѣщать сдѣлать что-нибудь въ данное время потому, что это не въ моихъ силахъ; но увѣрьте короля Пруссіи въ томъ, что я совершенно забылъ все, что могъ сдѣлать противъ меня Мардефельдтъ и что я расположенъ, какъ только представится къ тому случай, иначе чѣмъ на словахъ доказать ему, что я хочу услужить ему".

Онъ кончилъ, сказавъ, что надѣется, что эта перемѣна и это заявленіе будутъ держаться въ строжайшемъ секретѣ. Мнѣ нужно еще денегъ для другихъ лицъ.

Надѣюсь, прусскій король вышлетъ мнѣ какъ можно скорѣе 10.000 червонцевъ".

Въ этотъ промежутокъ времени Фридрихъ вступилъ въ Дрезденъ, гдѣ его первой заботой было овладѣть бумагами князя. Въ этомъ онъ нашелъ средство подчинить своей волѣ Бестуже-

ва, не истративъ такой большой суммы. Вотъ что написано въ „Исторіи семилѣтней войны“:

„Бестужевъ выставилъ принципъ быть заклятымъ врагомъ пруссаковъ. Двѣ причины, измѣнивъ эти враждебныя чувства, повліяли на перемѣну въ его поведеніи. Первой было крупное пособіе, которое англичане продолжали ему платить, а второй—то, что король овладѣлъ дрезденскими архивами. Въ нихъ нашли письмо, въ которомъ Бестужевъ совѣтуетъ графу Брюлю освободиться посредствомъ яда отъ русскаго резидента въ Варшавѣ, которымъ были одинаковы недовольны эти два министра, какъ онъ это сдѣлалъ, съ Кастерсомъ, проницательнаго ума котораго боялся. Бестужевъ не имѣлъ отвращенія къ совершенію преступленій, но не хотѣлъ, чтобы о нихъ знали.

Страхъ за то, что это гнусное письмо будетъ опубликовано, заставилъ его обѣщать королю оказать существенныя услуги за то, чтобы тотъ согласился его уничтожить.

Благодаря этому король могъ имъ легко располагать, а министръ, съ своей стороны, былъ точенъ въ исполненіи своего обѣщанія: онъ составилъ инструкціи маршалу Апраксину настолько благопріятныя интересамъ короля, насколько это позволяли обстоятельства“.

Видно, что Фридрихъ не дѣлаетъ никакого упоминанія о предложенныхъ сначала Бестужеву ста тысячъ экю, въ другой стороны и сэръ Вилльямсъ не казался удивленнымъ, не получивъ никогда этой суммы для передачи.

Какъ бы то ни было, Бестужевъ оставался вѣренъ интересамъ прусскаго короля и служилъ имъ столько, сколько могъ, другими словами мало, такъ какъ его сила значительно ослабѣла и не могла поколебать вліянія шайки Ивана Шувалова. Къ счастью у Фридриха были болѣе важные покровители въ Петербургѣ: не болѣе, не менѣе, какъ наслѣдники престола, великій князь и великая княгиня.

Серъ Вилльямсъ писалъ 28 сентября:

„Великая Княгиня Екатерина осуждаетъ поведеніе Вѣнскаго двора относительно Англіи, и думаетъ, что только союзъ между Англіей и Россіей, Голландіей, Пруссіей и нѣкоторыми другими германскими принцами, одинъ можетъ спасти Россію“.

И еще слѣдующаго 9 ноября:

„Великій Князь и Великая Княгиня благоволятъ къ Пруссіи и жалуются на интриги всемогущихъ Шуваловыхъ въ интересахъ Франціи. Два дня тому назадъ, великая княгиня писала

мнѣ: „сегодня у меня былъ эмиссаръ отъ Шуваловыхъ, который былъ присланъ сказать мнѣ, какъ они негодуютъ, узнавши, что новый союзъ между Россіей и Франціей не нравится великому князю и мнѣ. Они называютъ его своей системой и думаютъ, что она хороша.

Они предлагаютъ всецѣло принадлежать мнѣ, поставить меня въ самыя лучшія отношенія съ императрицей и въ продолженіи ея жизни доставлять мнѣ все, что можетъ быть для меня пріятно, если я имъ обѣщаю свое покровительство въ будущемъ и признаю и буду покровительствовать ихъ политической системы. Мой отвѣтъ былъ таковъ, что посколько я вмѣшиваюсь въ политику, я всецѣло отрицаю ихъ новую систему, всегда стояла за англійскій союзъ и противъ французскаго, хотя мое мнѣніе въ этихъ дѣлахъ имѣетъ очень мало вѣсу.

Между тѣмъ, мнѣ хотѣлось бы быть достаточно искренней съ ними, чтобы объявить имъ, что великій князь не только никогда не приметъ этой системы, но какъ только это будетъ въ его власти, строго накажетъ ея автора. Здѣсь порицаютъ ваше пристрастіе къ прусскому королю. Но только это не я, которая васъ порицаю, у насъ съ вами теперь одинъ образъ мыслей, и я надѣюсь, что всегда это будетъ такъ“.

Серъ Вилльямсъ приводитъ въ своемъ донесеніи отъ 25 декабря, что въ совѣтѣ великій князь сильно противился союзу Россіи съ Франціей и порицалъ Версальскій трактатъ, на который согласилась императрица. Елизавета его перебила, говоря, что все, что совершилось было сдѣлано по ея приказу и что она не признаетъ, чтобы оспаривали ея волю. На что великій князь возразилъ, что ему ничего не остается какъ только слушаться и молчать. Великій князь былъ горячій послѣдователь Фридриха, который сумѣлъ его снискать и привязать къ своимъ интересамъ. „Великій князь, писалъ онъ въ „Исторіи семилѣтней войны,“ по рожденію Голштинскій принцъ, почерпнулъ въ исторіи своихъ предковъ непримиримую вражду къ датчанамъ, вызванную ужасающими несправедливостями, которыя датскій король причинилъ его семьѣ. Великій князь боясь того, что какъ бы дѣла короля не приняли такой оборотъ, что ему придется вступить въ союзъ съ Датчанами, предложилъ ему свой кредитъ и всѣ услуги, которыя бы онъ могъ доставить ему въ Россіи, лишь бы онъ не входилъ ни въ какое соглашеніе съ постоянными врагами Голштиніи. Король принялъ предложеніе; онъ обѣщалъ не имѣть никакого сношенія съ Даніей и хотя это снисхожденіе не давало ему быстрыхъ преимуществъ, но позднѣе

увидятъ, что его союзъ съ великимъ княземъ Россіи поколебалъ большіе замыслы Австрійцевъ".

Въ другой выдержкѣ Фридрихъ прибавляетъ, что это великій князь, который содѣйствовалъ больше всѣхъ отзыву маршала Апраксина въ 1757 г., когда онъ, разбивъ маршала Леваль да, отступилъ въ Польшу.

Въ продолженіи всѣхъ этихъ волненій этотъ принцъ воздержался принимать участіе въ совѣтѣ, гдѣ для него было мѣсто, чтобы не быть сообщникомъ тѣхъ мѣръ, которыя императрица предпринимала противъ Пруссіи и которыя онъ не одобрялъ.

Несмотря на это Фридрихъ продолжалъ сильно интересоваться и не безъ основанія положеніемъ россійскаго двора. Успѣхи, которыми ознаменовалось начало войны внушали ему опасеніе, что такъ продолжится до конца.

„Дѣло идетъ, говорилъ онъ англійскому посланнику, не менѣе какъ о существованіи Брандебургскаго дома.

Въ правѣ ли я не безпокоиться? у меня на рукахъ Франція и Австрія, что станется со мною, если я буду долженъ защищаться противъ Россіи. Если-бы императрица Елизавета, добавлялъ онъ, пожелала бы умереть или держаться спокойно, мнѣ нечего бы было бояться своихъ враговъ". Письма сэра Вилльямса давали ему нѣкоторую надежду, и онъ его заставлялъ употреблять все свое стараніе, чтобы добиться того, чтобы по меньшей мѣрѣ русскія войска сохраняли бы бездѣйствіе. Митшель писалъ своему коллегѣ 26 декабря:

„Король никогда не отчаивается, онъ думаетъ, что мы не должны терять надежду; и такъ какъ онъ приписываетъ происшедшую перемѣну въ постановленіяхъ русскаго кабинета деньгамъ, онъ думаетъ, что когда эти деньги будутъ истрачены, вы хорошо сдѣлаете, если снова начнете ему помогать. Непріятельскія дѣйствія прерванныя суровой зимой, не замедлили возобновиться. Чему нужно было помѣшать во чтобы то ни стало, это чтобы русская армія не вступила бы въ кампанію".

По этому поводу писалъ Митшель 8 января 1757 сэру Вилльямсу:

„Генералъ Апраксинъ уже есть или по меньшей мѣрѣ претендуетъ всецѣло быть преданнымъ великой княгинѣ.

Онъ не военный, у него очень незначительное мнѣніе о арміи, которой онъ командуетъ, и надо думать онъ мало заботиться о томъ, чтобы на просторѣ сразиться съ пруссаками. Кромѣ того Апраксинъ очень расточителенъ и безпокоенъ не-

смотря на большія полномочія, которыя онъ получилъ отъ своей госпожи.

После всего этого Прусскій король думаетъ, что при настоящемъ стеченіи обстоятельствъ было бы не безполезно дать ему нѣкоторую сумму денегъ, чтобы онъ замедлилъ наступленіе войскъ, что главнокомандующій можетъ всегда сдѣлать подъ разными предлогами.

Великая Княгиня должна быть посвящена въ это дѣло, если она хочетъ за него взяться".

Два мѣсяца спустя, сэръ Вилльямсъ писалъ своему коллегѣ въ Берлинъ 22 марта:

„Апраксинъ послалъ адъютанта въ Петербургъ, чтобы ему привезли дюжину полнаго обмундированія, что заставляетъ думать, что это лѣто онъ разсчитываетъ вести кампанію въ Ригѣ съ дамами, хотя онъ самый толстый и неуклюжій изъ всѣхъ мужчинъ, которыхъ можно увидѣть; онъ такой фатъ относительно своего костюма, какъ самъ графъ Брюль".

Апраксинъ, конечно, не желалъ ничего лучшаго, какъ оставаться въ бездѣйствіи, но приказанія императрицы были такія спѣшныя, что онъ долженъ былъ двинуть свою армію численностію въ 83,000 человѣкъ. Прусская граница со стороны Россіи была почти беззащитна. 13 іюня Апраксинъ былъ подъ Мемелемъ, который черезъ 5 дней долженъ былъ сдаться на капитуляцію.

Слѣдующаго 30 августа маршалъ Левальдъ былъ совершенно разбитъ Апраксиномъ, который вмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ преимуществомъ, чтобы двинуться дальше и проникнуть до самаго сердца Пруссіи, отступилъ, какъ если бы онъ былъ побѣжденъ, и расположился лагеремъ въ Польшѣ.

Въ то время, когда происходили такія событія сэръ Вилльямсъ покидалъ Петербургъ, вызванный англійскимъ кабинетомъ, приписавшимъ ему это пораженіе, которое потерпѣла Англійская политика въ Россіи. Наканунѣ своего отъѣзда, который состоялся 19 августа, сэръ Вилльямсъ получилъ два письма, которыя должны были утѣшить его въ его немилости. Одно было отъ великаго князя; оно было очень коротко и содержало одну только фразу, заслуживающую быть приведенной: „я не сомнѣваюсь, писалъ принцъ, въ вашей привязанности къ моимъ интересамъ, которые связаны болѣе чѣмъ съ одной стороны съ интересами Англіи. Я надѣюсь, что общій врагъ почувствуетъ это когда нибудь".

Письмо великой княгини было болѣе подробно; она писала ему:

„Я рѣшилась вамъ написать, потому что не могла васъ видѣть, чтобы проститься. Самыя искреннія сожалѣнія сопровождаютъ того, на кого я смотрю, какъ на одного изъ моихъ лучшихъ друзей, и чье поведеніе заслужило мое уваженіе и дружбу. Я никогда не забуду, сколько я вамъ обязана. Чтобы васъ вознаградить такимъ образомъ, который бы соотвѣтствовалъ благородству вашихъ чувствъ, я вамъ скажу, что я намѣрена дѣлать: я буду хвататься за всевозможные предлоги, чтобы вернуть Россію на тотъ путь,который я считаю надлежащимъ въ ея настоящихъ интересахъ, другими словами быть тѣсно связанной съ Англіей; дать ей возможную въ человѣческихъ предѣлахъ помощь и то превосходство, которое она заслуживаетъ для блага всей Европы и въ особенности для Россіи, такъ какъ могущество Франціи, общаго врага, позорно для Россіи. Я буду стараться осуществить мои чувства на практикѣ; на нихъ я хочу основать мою славу и я докажу ихъ прочность королю—вашему господину. Будьте увѣрены что всего больше, чего я желаю на свѣтѣ, это видѣть васъ возвращающимся сюда съ тріумфомъ. Я увѣрена, что король, вашъ господинъ, не откажетъ мнѣ въ удовольствіи, о которомъ я прошу: видѣть васъ еще. Это только можетъ быть для него выгодно“.

Удаленіе сэра Виллььямса оставило свободное поле дѣйствій для вліяній Австріи и Франціи

Съ іюня мѣсяца Дугласъ, у котораго только и было, что титулъ министра, былъ замѣненъ маркизомъ де Л'Оспиталь, въ качествѣ посланника. Этотъ послѣдній съ графомъ Эстергази, сильно жаловался на поведеніе Апраксина, на столько странное, что оно не могло быть объяснено иначе, какъ только предвзятымъ намѣреніемъ причинить какъ можно меньше зла прусскому королю. Оба посланника, поддерживаемые шайкою Шуваловыхъ, безъ труда достигли у императрицы удаленія Апраксина и назначенія на его мѣсто генерала Фермора. Апраксинъ, не слыша подъ собой ногъ долженъ былъ вернуться въ Петербургъ, чтобы отдать отчетъ въ своемъ поведеніи. Были захвачены его бумаги, и онѣ серьезно скомпрометировали Бестужева и великую княгиню. Не нужно предполагать, какъ говорили, что Бестужевъ былъ въ заговорѣ, чтобы свергнуть императрицу, а на тронъ возвести Екатерину съ сыномъ, за исключеніемъ Великаго Князя. Болѣе вѣроятія, что нашли письма, въ которыхъ Бестужевъ, пользуясь именемъ Великой Княгини, увѣщевалъ Апраксина щадить прусскаго короля.

Было очевидно изъ того, что происходило въ послѣднюю кампанію, что благополучіе Пруссіи зависѣло отъ болѣе или ме-

нѣе дѣятельной роли, а главное отъ нейтралитета Россіи. Фридрихъ могъ быть передъ фронтомъ Австріи, Саксоніи и Франціи при условіи, что не будетъ обезпокоенъ съ тыла. Онъ стоялъ твердо на томъ, что не все еще было потеряно въ Петербургѣ, и что было еще время, если не отвлечь Елизавету отъ образовавшейся противъ него коалиція, то по меньшей мѣрѣ тѣмъ или инымъ способомъ добиться того, что она сохранитъ бездѣйствіе. Англійскій кабинетъ раздѣлялъ тоже эту обманчивую надежду, и Питтъ, который во что бы то ни стало хотѣлъ спасти Пруссію, думалъ, что нужно сдѣлать новыя попытки въ Петербургѣ. По этому случаю онъ и далъ преемника Вилльямсу. Его выборъ имѣлъ несчастіе упасть на Кейта, который выполнялъ должность до тѣхъ поръ въ распавшемся посольствѣ въ Вѣнѣ. Эта новость обезпокоила сильно посланниковъ Франціи и Австріи. Они воображали, что имъ посылаютъ другого сэра Вилльямса, другими словами ловкаго интригана, который испортитъ всю ихъ политику. Они сильно ошиблись: Кейтъ былъ ниже посредственности и своими качествами, равно какъ и своим и недостатками, представлялъ самый рѣзкій контрастъ своему предшественнику. Бестужевъ, наоборотъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія этого представителя отъ Англіи, такъ какъ онъ надѣялся подняться благодаря его поддержкѣ; какъ разъ это то его и погубило.

Уже давно главный канцлеръ чувствовалъ приближенія немилости. Императрица больше не допускала его къ себѣ, а когда его видѣла, то обдавала ледянымъ взглядомъ, не обѣщающимъ ничего хорошаго. Оба Шуваловы поклялись его погубить, но они еще раздумывами, такъ какъ Бестужевъ, такъ же какъ его предшественникъ Остерманъ, обладалъ искусствомъ быть необходимымъ; между тѣмъ, такъ какъ со дня на день ожидали новаго министра Англіи, представители Франціи и Австріи рѣшились ускорить гибель Бестужева.

Кейтъ писалъ 30 марта 1758:

„Тотчасъ-же какъ получили извѣстіе о моемъ прибытіи въ Варшаву, французскій посланникъ пришелъ къ вице-канцлеру Воронцову и представилъ ему необходимость не теряя время, соединить ихъ условія, чтобы нанести моментально послѣдній ударъ Бестужеву, говоря ему, что если онъ не согласится, онъ прямо направится къ Бестужеву, откроетъ ему все, что произошло и соединится съ нимъ, чтобы погубить его.

Ужаснувшись такимъ словамъ, Воронцовъ вступилъ въ лигу и французскій посланникъ сумѣлъ возбудить подозрѣнія императрицы противъ Бестужева. Этотъ послѣдній, какъ говорятъ, пе-

реноситъ свое несчастіе съ большимъ мужествомъ и вызывающе относится къ своимъ врагамъ, которые не могутъ привести никакихъ доказательствъ его обвиненію".

Бестужевъ былъ арестованъ 24 февраля, обвиненный въ умыслѣ лишить трона императрицу и возвести на него великую княгиню. Это былъ только предлогъ, хотя, навѣрное, онъ велъ интриги, въ которыхъ принимала участіе великая княгиня, но которыя ускользнули отъ насъ и поэтому ничего не могло быть доказано.

Бестужевъ, объявленный виновнымъ въ высшей измѣнѣ, былъ приговоренъ къ смерти.

Императрица замѣнила это наказаніе ссылкою въ одно изъ его помѣстій въ 120 верстахъ отъ Москвы. Графъ Воронцовъ получилъ награду за свои услуги и сдѣлался первымъ канцлеромъ.

Кейтъ на замедлилъ замѣтить, что ему нечего дѣлать въ Петербургѣ, въ особенности съ паденіемъ Бестужева. То, что называли французской партіей, такъ какъ Версальскій дворъ быстро побѣдилъ своемъ вліяніемъ въ Россіи Вѣнскій, другими словами шайка Ивана и Петра Шуваловыхъ, была всемогущественна и нечего было и думать вступать съ нею въ борьбу. Графъ Эстергази и маркизъ де о'Оспиталь, писалъ Кейтъ своему коллегѣ въ Берлинѣ, издаютъ законы какъ для города, такъ и для двора. Нашли средство поссорить Великаго Князя съ его женой и этимъ подчинить его своему вліянію, а Великая Княгиня находилась въ такой немилости, что не была въ силахъ защищать выгоды Англіи и прусскаго короля.

Кейтъ, предоставленный самому себѣ, не могъ ничего достичь, тѣмъ болѣе, что императрица, опьяненная успѣхомъ послѣдней кампаніи, смотрѣла на себя отнынѣ не какъ на союзницу Австріи и Франціи, но какъ на главную сторону въ войнѣ.

Кампанія этого года совсѣмъ не походила на прошлогоднюю. Русскіе, перейдя черезъ польскую территорію, не заботясь о своихъ клятвахъ, безъ боя заняли Пруссію и вели себя тамъ такъ, какъ могутъ только вести себя едва дисциплинированные войска варваровъ, грабя и опустошая страну. Новое пораженіе въ Зорндорфѣ (25 августа 1758 г.) доказало имъ, что прусскій король не былъ уже такъ близокъ къ паденію, какъ этимъ услаждали себя въ Петербургѣ. Правда русскіе взяли блестящій реваншъ въ слѣдующемъ году въ Кунесдорфѣ (12 августа 1759 г.), гдѣ несмотря на огромныя потери генералъ Салтыковъ лично разбилъ Фридриха на голову, такъ что король считалъ все потеряннымъ и серьезно думалъ о самоубійствѣ, какъ послѣднемъ выходѣ изъ безчестія.

Если бы русскіе были лучше управляемы и если бы они воспользовались бы своими успѣхами, съ Фридрихомъ и Пруссіей случилось бы то, что вскорѣ бы они находились во власти Австріи и ея союзниковъ. Въ этомъ нѣтъ никакого преувеличенія. Митшель, отъ котораго Фридрихъ ничего не скрывалъ, писалъ 16 января 1760:

„Король сдѣлаетъ все, что во власти человѣка; но его страна истощена, недостаетъ оружія для дѣйствія; его лучшіе офицеры или мертвы, или въ плѣну; и я принужденъ сознаться, что отчаяніе царитъ во всей арміи.

Его Величество не теряетъ надежды. Но если Англія не найдетъ средства отвлечь Францію отъ коалиціи и не понизитъ могущества Россіи, я боюсь, что король Пруссіи будетъ непремѣнно потерянъ".

Напрасно было бы надѣяться, что Франція предалась бы Маріи Терезіи; единственный выходъ изъ положенія былъ со стороны Россіи, только косвенно принимавшей участіе въ войнѣ. Фридрихъ былъ готовъ на всѣ жертвы, чтобы придти къ этому результату. Онъ пробовалъ примириться съ Россіей, восхваляя ихъ храбрость, вознося до небесъ ихъ военные успѣхи, что для нихъ было совершенно ново, а потому тѣмъ болѣе льстило самолюбію націи.

Онъ возбуждалъ своими хитрыми намеками ревность, которая царила между ними и австрійцами. Наконецъ, несмотря на свое глубокое отчаяніе, Фридрихъ отложилъ 150,000 талеровъ чтобы роздать между министрами и главными совѣтниками Елизаветы. Онъ зналъ изъ телеграммъ Кейта, что русскіе начинали уставать отъ войны, что Разумовскій не одобрялъ связи съ Франціей и Австріей, поощряемой Иваномъ Шуваловымъ. Великій князь остался ему вѣренъ. Онъ умолялъ его не покидать. Но князь, находящійся подъ опекой, съ которымъ не считались, безъ уваженія, не имѣлъ никакого вліянія. Уже въ предыдущемъ году, онъ пробовалъ, но безуспѣшно, сдѣлать актъ независимости, какъ писалъ Кейтъ 5 января 1759 г.:

„Великій князь Петръ отправилъ императрицѣ посланіе, гдѣ онъ говорилъ, что въ настоящее время онъ достигъ того возраста, когда можно считать его способнымъ судить самому. Онъ не могъ дольше подчиняться противорѣчіямъ и стѣсненіямъ, въ которахъ Ея Величеству нравилось его держать, и онъ просилъ позволенія отправиться въ свое собственное имѣніе въ Ораніенбаумъ. Императрица сначала была очень обижена этой выходкой и просила его дать свои объясненія письменно; но я слышалъ,

что это дѣло было покончено и потушено. Императрица часто нездорова, и говорятъ, что у нея бываютъ припадки эпилепсіи“.

Великій князь ни въ чемъ не могъ быть полезенъ королю Пруссіи; особенно съ тѣхъ поръ, какъ поссорившись со своей женой, онъ не былъ подъ вліяніемъ ея высокаго ума. Этотъ годъ, какъ и прежніе, его попытки измѣнить политику Россіи были безполезны, такъ какъ болѣе чѣмъ когда либо Елизавета была непоколебима въ своей ненависти къ Фридриху, несчастія котораго ее очень радовали. Австрія и Франція, которыя знали, насколько сильная поддержка Россіи была имъ полезна, употребили всѣ средства, чтобы безповоротно присоединить эту принцессу къ ихъ союзу. Фридрихъ говоритъ намъ самъ, что послѣ сраженія при Цорндорфѣ, „вѣнскій и версальскій дворы употребили свое общее вліяніе при дворѣ въ Петербургѣ, чтобы вновь возбудить ненависть императрицы Елизаветы противъ короля Пруссіи; они ей представляли, что необходимо смыть пятно, полученное ея войсками, пославъ будущей весной болѣе многочисленную армію для кампаніи. Ея любимецъ, Шуваловъ не переставалъ ей повторять что, чтобы превратить въ страхъ то презрѣніе, съ которымъ Пруссія относилась съ русскимъ, необходимо приказать генераламъ, которые будутъ командовать войсками, дѣйствовать съ наименьшей жестокостью и слѣдовать всѣмъ побужденіемъ, которыя они будутъ получать отъ союзныхъ державъ. Министры Вѣны и Версаля рѣшили, чтобы соединить болѣе неразрывно ихъ союзъ съ императрицей Россіи, нужно было обезпечить ей королевство Пруссіи, какъ завоеваніе, впредь присоединенное къ ея великой монархіи. Это предложеніе было благосклонно принято императрицей и договоръ былъ рѣшенъ вслѣдствіе этого“. Эти дѣла были неизвѣстны Англіи и королю Пруссіи, и они объясняютъ малый успѣхъ попытокъ Кейта.

Этотъ министръ писалъ 1 января 1760 г.:

„Всѣ надежды на миръ, которыя подаютъ русскіе министры и всѣ ихъ слова ничѣмъ не кончаются. Императрица сказала австрійскому посланнику, что несмотря на то, что она очень медленно предпринимаетъ рѣшеніе, она въ немъ тверда, и она рѣшила продолжать войну во всякомъ случаѣ, согласно со своими союзниками, если бы она была даже вынуждена для этого продать свои платья и драгоцѣнности“.

Фридрихъ не отчаивался потерей Кейта. Онъ послалъ въ Петербургъ въ мартѣ мѣсяцѣ Пехлина, дворянина Гольштинскаго, который былъ на службѣ у великаго князя; но такъ какъ онъ взялъ на себя трудъ сообщить намъ объ этомъ, самъ этотъ по-

сланникъ „не имѣлъ даже случая объяснить, что ему было поручено“. И онъ прибавляетъ:

„Умъ императрицы Елизаветы былъ слишкомъ наполненъ предубѣжденіями и слишкомъ озлобленъ противъ короля, чтобы можно было легко разубѣдить въ ея планѣ. Она была управляемы своимъ любимцемъ, которымъ управлялъ вѣнскій дворъ. Всѣ ея окружающіе были преданы Франціи и Австріи. Эта принцесса, польщенная пріобрѣтеніемъ Прусскаго королевства, на которое она смотрѣла какъ на присоединенное къ Россіи, думала потерять всѣ преимущества, если бы она вошла въ малѣйшее соглашеніе съ королемъ; итакъ, не было средствъ для внушеній, которыхъ бы хотѣли достигнуть“.

Императрица Елизавета и ея интимные совѣтники были увѣрены, что кабинеты Вѣны и Версаля обезпечатъ Россіи въ концѣ войны мирное обладаніе если не всѣмъ королевствомъ, то хотя провинціей Пруссіей, и любимецъ Иванъ Шуваловъ думалъ быть въ состояніи сдѣлать открытіе по этому поводу Кейту и испытать расположеніе Англіи. Можно безъ труда себѣ представить, какъ велика была неожиданность и удивленіе Кейта, слыша такую безумную и сумасшедшую идею, и онъ напрасно старался дать понять Ивану Шувалову, что кабинетъ Ст. Джемса никогда не согласится ни за какую цѣну на исполненіе договора, заключеннаго между Россіей и дворами Франціи и Австріи. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ объясняется англійскій министръ:

„Я сказалъ Шувалову, что я могу его увѣрить, что въ этомъ случаѣ война не была близка къ окончанію, такъ какъ я очень ошибался бы въ характерѣ Прусскаго короля, если бы этотъ князь не предпочелъ похоронить себя подъ развалинами послѣдняго города въ своемъ государствѣ, чѣмъ подчиниться этимъ позорнымъ условіямъ. Я добавилъ, что обладаніе Россіи этой провинціей было бы постояннымъ предметомъ зависти для другихъ державъ и источникъ волненій въ Европѣ, такъ какъ нѣтъ ни одного такого государства, которое бы не имѣло интереса помѣшать этому; или, если благодаря случайности, не могли бы въ настоящее время создать препятствій, всѣ воспользуются первымъ предлогомъ, чтобъ вырвать ее изъ рукъ Россіи. Шуваловъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ не понимаетъ, какъ обладаніе такой маленькой провинціей можетъ возбудить зависть у остальной Европы; и онъ кончилъ тѣмъ, что сказалъ мнѣ, что она можетъ по крайней мѣрѣ остаться на храненіе въ ихъ рукахъ, до тѣхъ поръ пока не найдутъ другого средства удовлетворить Россію. Я возразилъ, что не нужно думать ни объ обладаніи, ни объ взятіи въ залогъ, и

если Россіи предлагали бы серьезно одно изъ этихъ условій, она возбудила бы обидчивость всего свѣта, такъ какъ она показала бы этимъ ясно намѣренія быть хозяиномъ навигаціи Балтійскаго моря и, слѣдовательно, захватить всю торговлю сѣвера, и я добавилъ, улыбаясь, что это было видимо то, что указывалъ проектъ, который они недавно нашли, воспользоваться Данцигомъ“.

Въ кампанію 1760 г. русскіе, военное усердіе и рвеніе которыхъ охладѣло, пришли поздно на прусскую территорію, удовлетворились тѣмъ, чтобы занять страну и разорить ее, затѣмъ, съ приближеніемъ зимы, они возвратились домой, почти не видавъ войскъ Фридриха. Этотъ князь затѣмъ видитъ въ этомъ поведеніи признакъ лучшаго къ нему расположенія, и въ декабрѣ мѣсяцѣ онъ поручилъ новое секретное посланіе консулу Баденхаупту, „братъ котораго, говоритъ намъ Митшель, былъ докторомъ Ивана Шувалова, чтобы стараться подкупить этого любимца“.

Русскій дворъ не допустилъ прибыть въ Петербургъ этого посланника. Задержанный въ Митавѣ, онъ былъ отведенъ на границу. Императрица Елизавета такъ мало измѣнила къ лучшему свои чувства къ Фридриху, что въ тотъ же моментъ она согласилась на предложеніе о мирѣ, которое Франція, Австрія и Саксонія дѣлали Англіи, для того, чтобы помочь обратить всѣ свои соединенныя силы противъ короля Пруссіи. Питтъ, который только что вышелъ изъ англійскаго министерства, и его преемникъ Битъ, рѣшивши заключить миръ, какою бы то ни было цѣной, согласились купить его, принеся въ жертву Фридриха. Въ то время, какъ переговоры долго длились, непріятельскія дѣйствія возобновились весной, и въ этотъ годъ, какъ и въ предыдущіе, русскіе генералы удовлетворились, содержа свои войска на счетъ Пруссіи, и удовлетворенные лаврами кампаніи 1759 г. и взятіемъ Кольберга, они не искали вступить въ сраженіе. Тѣмъ временемъ средства Фридриха истощались, онъ находился наканунѣ того, чтобы быть покинутымъ своимъ единственнымъ союзникомъ, и быть лишенному его поддержки, когда наконецъ смерть Елизаветы, такъ долго и нетерпѣливо жданная, ему открыла дорогу къ спасенію.

VII.

Екатерина любила повторять, что вступая въ Россію и прежде чѣмъ увидя великаго князя, она себѣ сказала: я буду здѣсь царствовать одна. Она должна была, конечно, возымѣть эту мысль, когда она узнала характеръ и состояніе ума своего мужа.

Судьба его не баловала, и его образованіе, порученное наемникамъ, было болѣе чѣмъ заброшено.

Великая княгиня, наоборотъ, имѣла много пріятнаго въ умѣ и въ манерахъ, необыкновенную красоту, грацію, вкрадчивость, любезность съ характеромъ твердымъ и рѣшительнымъ, смѣлымъ и сдержаннымъ, однимъ словомъ, все что необходимо, чтобы взять власть надъ людьми и удержать ее. Великій князь и его супруга жили сначала въ лучшихъ отношеніяхъ, но они, казалось, были мало расположены оправдать надежды Елисаветы, которая хотѣла видѣть своими глазами, раньше чѣмъ умереть, длинную линію наслѣдниковъ. Послѣ девяти лѣтъ супружества, они еще не имѣли дѣтей.

Графъ Салтыковъ былъ однимъ изъ камергеровъ великаго князя, и могъ считаться его любимцемъ. Онъ былъ молодъ, красивъ лицомъ, живой, смѣлъ по отношенію къ женщинамъ и привыкъ имѣть то, что называется успѣхомъ. Онъ казалось былъ очень влюбленъ въ великую княгиню. Если можно вѣрить скандальной хроникѣ Петербургскаго двора, Салтыкову было передано, что зависитъ только отъ него заставить принять свои любезности, и что никто не найдетъ это дурнымъ. Въ то же время, изъ боязни что великая княгиня оттолкнетъ Салтыкова, великому канцлеру Бестужеву было поручено предупредить ее. Онъ далъ ей ясно понять необходимость для нея имѣть дѣтей и доставить эту радость императрицѣ.

„Я согласна, отвѣтила она, приведите его сегодня вечеромъ“.

Что все это происходило именно такъ, или что Салтыковъ не имѣлъ необходимости въ одобреніи, а великая княгиня въ безмолвномъ позволеніи императрицы, это не такъ важно.

Фактъ тотъ, что 1-го октября 1755 г. родила Екатерина сына, который царствовалъ потомъ подъ именемъ Павла I и что Салтыковъ былъ его отцомъ. Въ этомъ послѣднемъ фактѣ нѣтъ сомнѣнія, какъ мы увидимъ скоро. Салтыковъ получилъ порученіе отвезти королю Швеціи извѣщеніе о благополучномъ разрѣшеніи великой княгини и, когда онъ поспѣшно возвращался изъ Стокгольма, курьеръ нагналъ его въ дорогѣ и передалъ приказаніе отправиться въ Гамбургъ и тамъ оставаться въ качествѣ полномочнаго министра съ запрещеніемъ возвращаться въ Петербургъ. Это неожиданное разлученіе удивило какъ Екатерину, такъ и Салтыкова. Этотъ послѣдній меньше всего ожидалъ, что будетъ награжденъ почетнымъ изгнаніемъ со службы за ту услугу, которую онъ оказалъ императорской фамиліи; и великая княгиня, любила она Салтыкова или нѣтъ, должна была его

тѣмъ болѣе жалѣть, что съ этого времени за ея поведеніемъ слѣдили съ такой строгостью, которая не соотвѣтствовала ни общей распущенности, ни нраву императрицы.

Вилльямсъ былъ уже нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ, и какъ опытный человѣкъ, онъ быстро замѣтилъ достоинства Екатерины и рѣшилъ приблизиться къ ней. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ онъ говоритъ о великой княгинѣ въ своемъ донесеніи отъ 2 окт. 1755 г.:

„Такъ какъ Ея Высочество есть лицо, которое въ случаѣ несчастья будетъ управлять страной, я считаю своимъ долгомъ ознакомить короля съ моими наблюденіями на ея счетъ, и я тѣмъ болѣе въ состояніи это сдѣлать, что я имѣлъ съ ней часто разговоры, которые длились часами, такъ какъ моя должность позволяетъ мнѣ ужинать подлѣ нея.

Со дня пріѣзда своего въ эту страну, она старалась, всѣми средствами бывшими въ ея власти, заслужить любовь этой націи. Она старательно ко всему примѣнялась и изучала русскій языкъ, и она говоритъ теперь на немъ, слышалъ я, въ совершенствѣ. Она также достигла того, что заставила любить и уважать себя въ высшей степени.

Ея личность очень замѣчательна, а ея манеры очаровательны.

У нея большое сознаніе этого вліянія, и она изъ него дѣлаетъ свое единственное изученіе.

У нея есть таланты, и великій канцлеръ Бестужевъ, съ которымъ она въ хорошихъ отношеніяхъ, мнѣ говорилъ, что ни у кого нѣтъ больше твердости и рѣшительности.

Что же касается великаго князя, онъ слабъ и жестокъ, но его довѣріе къ великой княгинѣ на столько велико, что онъ говоритъ иногда, что „несмотря на то, что онъ не понимаетъ дѣлъ его супруга понимаетъ все“.

Елизавету считали ближе къ ея концу, чѣмъ это было дѣйствительно.

Вилльямсъ, съ хорошимъ мнѣніемъ, которое онъ имѣлъ о великой княгинѣ, ничего не забылъ, чтобы достичь ея довѣрія, и вошелъ въ ея близость.

„Онъ достигъ этого безъ труда и болѣе, чѣмъ кто другой былъ свидѣтелемъ того, что произошло въ умѣ этой княгини, когда у нея отняли Салтыкова, и вмѣсто легкой снисходительности она увидѣла ревностный надзоръ, который преслѣдовалъ ее въ самой интимной жизни. Если вѣрить Рульера, который, безъ сомнѣнія, былъ также хорошо освѣдомленъ по этому пред-

мету, какъ и по другимъ вопросамъ, которые никогда не были оспариваемы, то сэръ Вилльямсъ осмѣлился сказать великой княгинѣ, что „печаль—украшеніе жертвъ, тайныя интриги, затаенная злоба не достойны ни ея положенія, ни ея ума; что когда большинство людей слабы, характеры рѣшительные всегда внушаютъ уваженіе; что, переставъ стѣсняться и громко называя тѣхъ, кому она оказываетъ свое расположеніе, дѣлая видъ, что она будетъ считать лично себя оскорбленной за все, что будетъ предпринято противъ послѣднихъ, она будетъ жить по своему желанію". Цѣлью этихъ мудрыхъ совѣтовъ было побуждать великую княгиню отдаться своему нарождающемуся влеченію къ одному молодому поляку, который прибылъ въ Петербургъ съ сэромъ Вилльямсомъ. Это былъ никто иной, какъ графъ Станиславъ Понятовскій, впослѣдствіи бывшій королемъ Польши по милости этой самой великой княгини, которая сдѣлалась русской императрицей. Сэръ Вилльямсъ познакомился съ нимъ въ Варшавѣ. Онъ встрѣтилъ его въ Лондонѣ въ моментъ своего отъѣзда и предложилъ ему поѣхать вмѣстѣ въ Россію. Понятовскій былъ тамъ очень хорошо принятъ, какъ по причинѣ своего близкаго родства съ Чарторыйскими, такъ и по рекомендаціи англійскаго министра, который представилъ его, какъ одного изъ своихъ секретарей. Кромѣ того онъ также лично себя зарекомендовалъ, такъ какъ онъ былъ замѣчательно красивъ, уменъ, элегантенъ и привезъ послѣднія моды изъ Парижа, гдѣ недавно имѣлъ довольно долгое мѣстопребываніе. Онъ сразу понравился великой княгинѣ, и сэру Вилльямсу немного стоило труда убѣдить её рѣшиться. Первыя свиданія Екатерины и Понятовскаго происходили въ домѣ англійскаго консула Вругтона, [1]) а затѣмъ у одного довѣреннаго подчиненнаго, какъ указываетъ слѣдующій эпизодъ изъ донесенія Дюрана, который писалъ изъ Петербурга 19 апрѣля 1774 г.:

---

[1]) Услужливость англійскаго консула въ этомъ обстоятельствѣ подтверждаетъ слѣдующее письмо, посланное великой княгиней 3 августа 1759 г. Питту, который былъ тогда государствннымъ секретаремъ:

«Милостивый Государь, я очень рада имѣть случай засвидѣтельствовать Вамъ участіе, которое я принимаю во всемъ, что касается Вашей націи и свою склонность содѣйствовать ея интересамъ повсюду въ Россіи, странѣ, естественно, наиболѣе заинтересованной въ благополучіи Вашей родины; зная честность и усердіе Вругтона, который передастъ Вамъ это письмо, я прошу Васъ для его родины добиться для него отъ короля права на переемство должности генеральнаго консула, и я Вамъ его особенно рекомендую. Милостивый Государь, Вы меня конечно этимъ обяжете, но Вы ничего не прибавите къ тому исключительному уваженію, съ которымъ я, весьма благосклонная съ Вашему Превосходительству, пребываю.

«Екатерина».

„Сенаторъ Елагинъ, любовный повѣренный великой княгини, говорилъ женщинѣ, съ которой онъ живетъ: „Вы видѣли ее, прiѣхавшей ко мнѣ ночью, переодѣтой мужчиной, чтобы искать своего польскаго короля. Это чистѣйшiй развратъ, такъ какъ я слышалъ отъ нея, что она его не любитъ и что она готова служить всѣмъ мужчинамъ, пока они на что нибудь годятся, но послѣ этого она желала бы бросить ихъ въ огонь, какъ старую мебель".

Любовная связь Екатерины и Понятовскаго не долго была тайной; но, какъ предсказывалъ сэръ Вилльямсъ, великая княгиня ее не порвала. Однако, такъ какъ Понятовскiй могъ опасаться, что, если когда либо Елизаветѣ или ея фаворитамъ вздумалось бы прекратить его связь съ великой княгиней, то поддержка англiйскаго министра не была бы достаточной для протежированья ему.—Бестужевъ, который всегда былъ въ самыхъ лучшихъ отношенiяхъ съ Екатериной и сверхъ того, не могшiй, какъ было видно, ни въ чемъ отказать сэру Вилльямсу, взялся предоставить Понятовскому должность, которая сдѣлала бы его неприкосновеннымъ и служила бы предлогомъ къ его постоянному пребыванiю въ кругу двора.

Дѣйствительно, въ первыхъ мѣсяцахъ 1757 года Понятовскiй былъ назначенъ полномочнымъ посломъ республики и короля Польши при русской императрицѣ и въ то же время онъ получилъ въ прибавленiе должность провiантмейстера Ливонiи и орденъ бѣлаго орла. Эта предосторожность не была безполезна потому, что черезъ нѣкоторое время послѣ этого сэръ Вилльямсъ покинулъ Петербургъ.

Однако здоровье императрицы быстро ухудшалось, и сэръ Вилльямсъ могъ надѣяться, также какъ и великая княгиня, что она займетъ престолъ. Въ этомъ не было ничего невѣроятнаго, а въ то же время, когда самое блестящее будущее, казалось, открывалось для честолюбивой Екатерины, когда самые проницательные политики обращали къ ней, какъ къ восходящему солнцу, свои взоры,—рылась, безъ ея вѣдома, пропасть подъ ея ногами.

Иванъ и его семейство находились въ Ригѣ, гдѣ они казались совсѣмъ забытыми, когда Фридрихъ, устроивши бракъ великаго князя съ принцессой Цербстской, попросилъ у Елизаветы, чтобы „брауншвейгская семья была переселена въ какое-нибудь другое мѣсто Россiи". Такiя выраженiя онъ употребляетъ въ исторiи своего времени. Онъ прибавляетъ: „безопасность императрицы требовала, чтобы она отдалила отъ Петербурга сосѣдство этихъ лицъ, которыхъ одна революцiя низвергла съ трона, а другая революцiя могла снова возвести на него".

Елизавета поспѣшила согласиться на эту просьбу. Герцогъ и герцогиня Брауншвейгскіе были отвезены на островъ Двины, расположенный подъ Архангельскомъ и называемый Холмогорами. Герцогиня Анна умерла отъ родовъ въ 1747 году, оставивъ трехъ мальчиковъ и двухъ дѣвочекъ въ младенческомъ возрастѣ; ея мужъ продолжалъ свое несчастное существованіе до 1775 года. Иванъ, отдѣленный отъ своей семьи, былъ заточенъ, какъ полагаютъ, въ монастырь, находящійся по дорогѣ изъ Москвы въ Петербургъ. Фридрихъ утверждаетъ, что ему дали напитокъ, который сдѣлалъ его идіотомъ... Какъ бы то ни было, министръ союзныхъ государствъ Германіи въ Россіи, Швартъ писалъ 17 октября 1757 года сэру Митшелю, министру Англіи въ Берлинѣ:

„Въ началѣ послѣдней зимы Иванъ былъ привезенъ въ Шлиссельбургъ, а затѣмъ въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ помѣщенъ въ прекрасномъ домѣ, принадлежащемъ вдовѣ секретаря тайной канцеляріи и находился подъ строгимъ надзоромъ. Императрица велѣла привести его въ зимній дворецъ и имѣла съ нимъ свиданіе, одѣтая мужчиной. Сомнѣваются, вступятъ ли на престолъ великій князь и великая княгиня или Иванъ; и возникаетъ вопросъ, не будетъ ли Шуваловъ, который пріобрѣлъ громадную власть и несмѣтное богатство, работать въ свою пользу".

Со временемъ это извѣстіе распространилось и взволновало дворъ. Разспрашивали другъ друга съ безпокойствомъ о возможныхъ намѣреніяхъ Елизаветы. Екатерина болѣе, чѣмъ кто-либо, должна была быть озабочена этимъ непонятнымъ капризомъ императрицы. Она знала, фактъ всѣмъ извѣстный, что Елизавета питала къ своему племяннику, великому князю, величайшее презрѣніе и не простила ему его вражды къ Шувалову и его партіи. Ей было не безызвѣстно, что дружеское расположеніе, которое когда-то засвидѣтельствовала ей императрица, пропало, что эта послѣдняя подвергалась безпрерывнымъ аттакамъ фаворита, который обвинялъ ее въ любовной связи съ Понятовскимъ и убѣждалъ императрицу, что это оскорбленіе и брошенный вызовъ ея власти. Дѣло въ томъ, что присутствіе Понятовскаго служило помѣхой посламъ Франціи и Австріи, потому что онъ служилъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ интересамъ Англіи и Пруссіи. Въ то время, когда этого меньше всего ожидали, Понятовскій еще получилъ слѣдующее письмо отъ своего повелителя, короля Польши отъ 30 октября 1757 г.:

„Я имѣю всѣ причины быть довольнымъ тѣмъ образомъ дѣйствій, съ которымъ Вы до сихъ поръ выполняли Вашу миссію при русскомъ дворѣ, отмѣчая все возможное Ваше стараніе

и усердіе для успѣха моихъ интересовъ, и я сумѣю отблагодарить Васъ въ свое время. Но король Франціи, подозрѣвая Васъ въ особой склонности къ Англіи, въ поддерживаніи тайныхъ сношеній настолько же благопріятныхъ для этой короны, насколько вредныхъ для него и въ особенности для общаго блага, весьма настойчиво просилъ меня, поставивъ это пробнымъ камнемъ искренности моей дружбы къ нему, чтобы я отозвалъ Васъ немедленно. А Вы хорошо понимаете, что особенно при настоящемъ положеніи вещей мнѣ было невозможно отказать въ такой услугѣ. Я посылаю Вамъ приложенный при семъ отзывъ Вашъ, которымъ Вы должны возпользоваться возможно скорѣе. Ускорьте Вашъ отъѣздъ; всякое промедленіе не дастъ ничего, кромѣ новыхъ поводовъ къ жалобамъ и неудовольствію".

Однако Екатерина не лишилась своего возлюбленнаго. Благодаря вмѣшательству Бестужева, рѣшившаго всегда оказывать услуги великой княгинѣ, Понятовскій остался въ Петербургѣ въ качествѣ чрезвычайнаго коммисара для улаживанія споровъ между Россіей и польской республикой. Въ это время великая княгиня была беременна во второй разъ и родила въ февралѣ 1757 г. дѣвочку, которая прожила только 15 мѣсяцевъ. Отъѣздъ сэра Вилльямса, отзывъ Понятовскаго были только первыми ударами сильной партіи, которая завладѣла умомъ императрицы и вслѣдствіе этого распоряжалась всѣмъ. Опала Бестужева еще ухудшила положеніе великой княгини, такъ какъ это являлось слѣдствіемъ отъѣзда Понятовскаго, отзывъ котораго былъ формально предложенъ императрицей королю. Въ довершеніе несчастія удалось поссорить ее съ мужемъ.

Кейтъ писалъ 14 марта 1758:

„Я нашелъ по своемъ прибытіи французскую партію обладающею и пользующеюся полнымъ довѣріемъ при дворѣ и двухъ посланниковъ, графа Эстергази и маркиза де Л'Оспиталь предписывающими законы и двору и городу. Они распространили свое вліяніе и на великаго князя, и подчинили его себѣ совершенно; чтобы придти къ этому результату, они начали отвлекать его отъ великой княгини, которая имѣла на него большое вліяніе. Думаютъ, что они воспользовались для этого нѣкимъ Брокдорфомъ, который попалъ въ фаворъ Его Императорскаго Высочества, толкая его въ разныя распутства. Великая княгиня хотѣла жаловаться на него вотъ уже нѣсколько времени, видя чего хотѣли добиться, но ея враги опередили ее и наполнили воображеніе Ея Величества дурными впечатлѣніями относительно Ея Высочества, говорили разную ложь и сплетни, такимъ образомъ ея жалобы

не были къ сожалѣнію выслушаны и эта великая княгиня далеко теперь не въ хорошемъ положеніи при дворѣ“.

Было достаточно недолгаго времени, чтобы перемѣнить положеніе Екатерины. Когда у нея не было поддержки Бестужева около императрицы, когда видѣли ея плохія отношенія съ мужемъ, ее перестали считать за кого либо; и такъ какъ не было недостатка въ придворныхъ и въ болѣе тѣсномъ кружкѣ около императрицы, боявшихся ея власти, ея вліянія и больше всего ея восшествія на тронъ, они соединились со всѣхъ сторонъ, чтобы унизить ее совершенно передъ слабой и завистливой Елизаветой.

Такимъ образомъ, предоставленная всѣмъ наговорамъ, беззащитная, подвергнутая всякимъ злымъ толкамъ, которымъ предлогомъ служили ея поведеніе и ея слова, Екатерина очутилась въ полномъ одиночествѣ. Кейтъ писалъ отъ 12-го апрѣля 1758 года:

„Бѣдная великая княгиня все еще въ бѣдствіи. Графъ Понятовскій былъ замѣшанъ въ послѣднихъ интригахъ, и думаютъ, что онъ не пробудетъ долго при этомъ дворѣ“.

И отъ послѣдующаго 18 апрѣля:

„Дѣла великой княгини въ плохомъ состояніи. Хотя говорятъ, что фаворитъ Шуваловъ послалъ къ ней извѣстіе, чтобы ее увѣрить, что императрица приметъ ее скоро, и что если Ея Высочество захочетъ немного подчинится, то все будетъ забыто императрицею“.

И еще отъ 28 апрѣля:

„Что касается великой княгини, она была все это послѣднее время въ большомъ бѣдствіи, плохо съ императрицей и еще хуже съ великимъ княземъ. Она недавно получила обиду, очень для нея унизительную. У нея взяли ея любимую горничную и посадили въ тюрьму. По этому случаю, какъ я слышалъ, у нея было, тому четыре дня, свиданіе съ императрицею, во время котораго съ одной стороны были горячіе упреки, а съ другой жаркія просьбы, ея высочество упала на колѣни передъ императрицею и ей сказала, что такъ какъ она имѣла несчастіе попасть въ немилость императрицы, хотя и невинно, и тѣмъ навлечь на себя столько обидныхъ оскорбленій, которыя, соединенныя съ сорами въ ея интимной жизни, дѣлаютъ ей жизнь тягостью, ей остается только просить одной милости, чтобы императрица позволила ей оставить Россію и поселиться до конца дней у своей матери; увѣряя императрицу, что если Ея Величество находитъ, что въ интересахъ страны, чтобы Великій Князь взялъ себѣ дру-

гую жену, ни она и никто изъ ея семьи не будетъ этому помѣхой.

Императрица была, говорятъ очень огорчена этой рѣчью и говорила съ великой княгинею съ большею кротостью чѣмъ раньше, входя въ мелкія подробности съ большою нѣжностью, чего она уже долго не дѣлала. И когда въ разговорѣ великая княгиня стала жаловаться на великаго князя, который тутъ присутствовалъ, императрица сдѣлала ей знакъ попридержать языкъ и тихимъ голосомъ сказала ей, что будетъ бесѣдовать съ ней одной, и что это будетъ скоро. Думаютъ, что это было прошлую среду, такъ какъ Ея Величество имѣла доброе и нѣжное сердце и должна была исповѣдываться въ этотъ день. Надѣются, что за этимъ свиданіемъ послѣдуетъ примиреніе и, вѣроятно, всѣ этого хотятъ искренно, такъ какъ великая княгиня имѣетъ много друзей между лицами первыхъ чиновъ".

Елизавета была болѣе слабохарактерна, чѣмъ зла, и скоро она снова была въ лучшихъ отношеніяхъ со своей племянницей, ловкость и преимущества ума которой ей внушали уваженіе. Англійскій министръ писалъ отъ 23-го мая 1758 года:

„Съ нѣкотораго времени великая княгиня совсѣмъ удалилась отъ свѣта, но императрица пожелала, чтобы она опять показывалась въ обществѣ и навѣрное, говорятъ, что съ этихъ поръ все будетъ хорошо между ними. Французскій посланникъ старается вмѣшаться во все, но ея императорское высочество его всегда отталкиваетъ".

И отъ 30-го мая:

„Въ воскресенье вечеромъ былъ пріемъ при дворѣ, на которомъ императрица показалась первый разъ за мое пребываніе здѣсь въ Петербургѣ; императрица долго оставалась около великой княгини, которая играла и много говорила съ ней весело и дружелюбно".

И еще отъ 14-го іюля:

„Я узнаю, что великій князь и великая княгиня окончательно примирилась вопреки французскому посланнику, дурныя услуги котораго, чтобы разъединить ихъ величества, были при этомъ случаѣ выяснены".

Все это не долго продолжалось. Это была отсрочка, очень непродолжительная. Партія, противная великой княгинѣ, взяла вскорѣ верхъ; императрица вернулась къ первымъ, неблагопріятнымъ впечатлѣніямъ; великій князь удалялся болѣе чѣмъ когда

либо отъ своей жены; и Екатерина впала въ глубокую опалу. Она храбро приняла это и заперлась въ непроницаемой неизвѣстности. Такъ провела она три послѣдніе годы жизни императрицы.

VIII.

Кейтъ писалъ отъ 5-го января 1762 года:

„Императрица умерла сегодня въ 2 часа по полудни (25 декабря новаго стиля). У нея появилось прошлое воскресенье вечеромъ, жестокое кровотеченіе, и съ этой минуты не надѣялись на ея жизнь. Несмотря на слабость, она была въ полномъ сознаніи. Вчера, чувствуя, что умираетъ, она послала за великимъ княземъ и великой княгиней и прощалась съ ними съ большой нѣжностью и выражалась съ большимъ присутствіемъ разума и съ большой нѣжностью“.

Французскій министръ, Бретейль, который съ 1760 года, замѣнилъ маркиза де Л'Опиталь писалъ въ своемъ донесеніи отъ 11-го января:

„Императрица позвала великаго князя и великую княгиню. Она совѣтовала первому любовь къ своимъ подданнымъ и исканіе ихъ любви. Она его умоляла жить въ добромъ согласіи съ женой и кончила тѣмъ, что много говорила о своей нѣжности къ молодому князю и сказала отцу, что она его проситъ въ доказательство самой вѣрной и нѣжной привязанности къ ней, любить своего ребенка. Великій князь, говорятъ, все это обѣщалъ“.

Какъ только императрица испустила послѣдній вздохъ, говоритъ намъ Кейтъ, сенаторы, министры и другіе важные сановники государства, которые были собраны во дворцѣ для этого, присягали въ вѣрности императору Петру III-му, а послѣ войска гвардіи, которыя были построены передъ окнами. „Все произошло въ большомъ порядкѣ и спокойно“, прибавляетъ англійскій министръ. Де Бретейль писалъ нѣсколько дней спустя 11-го января:

„Большое количество людей чувствовало горе, ненависть и презрѣніе въ душѣ къ будущему императору, но кромѣ этого были еще слабость и страхъ. Всѣ дрожали и поторопились подчиниться ранѣе даже, чѣмъ императрица закрыла глаза“.

Первымъ актомъ П͞тра III-го, по восшествіи на тронъ, была быстрая перемѣна внѣшней политики Россіи. Видѣли уже,

что въ послѣдніе годы, Елизавета принимала дѣятельное участіе въ войнѣ; которую Франція и Австрія вели противъ Прусскаго короля. Новый императоръ чувствовалъ, наоборотъ, чуть ли не обожаніе къ Фридриху: это былъ его идолъ, и онъ имѣлъ глупость думать, что онъ можетъ его взять примѣромъ и на него походить.

Его намѣренія не долго оставались тайной. Кейтъ писалъ отъ 8-го января (новаго стиля):

„Въ тотъ же вечеръ,—въ день смерти императрицы, баронъ Лефортъ, церемоніймейстеръ, пришелъ ко мнѣ, какъ ходилъ ко всѣмъ другимъ иностраннымъ министрамъ, чтобы намъ дать знать, что завтра утромъ императоръ и императрица будутъ принимать наши поздравленія въ галлереѣ дворца, безъ церемоніи. Я поэтому отправился на другой день утромъ ко двору, и ихъ величества вышли вмѣстѣ и приняли насъ очень любезно; мы потомъ имѣли честь обѣдать съ ними за столомъ на сто приборовъ, гдѣ всѣ, не исключая императора и императрицы, вытягивали мѣста по билетикамъ.

Послѣ обѣда, императоръ, который всегда дѣлалъ мнѣ честь своей любезностью, подошелъ ко мнѣ въ толпѣ и сказалъ мнѣ на ухо, что онъ надѣется, что я буду доволенъ имъ, потому что прошлою ночью онъ послалъ курьеровъ въ разные корпуса арміи, съ приказаніемъ не вступать впредь на прусскую территорію и прекратить всякія непріязненныя дѣйствія. Я узналъ потомъ,—что это приказаніе было сопровождено инструкціями, которыя уполномачивали генераловъ заключить перемиріе, если Пруссаки это предложатъ. Говорили еще, что генералъ Чернышевъ получилъ особенный приказъ отдѣлить свой корпусъ отъ Австрійцевъ, и передъ тѣмъ, какъ пуститься въ походъ, послать трубача въ главную квартиру австрійцевъ, чтобы имъ сообщить, что онъ уходитъ съ войсками, которыя находятся подъ его командой и болѣе не совершаютъ непріятельскихъ дѣйствій“.

Въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы, Французское вліяніе царило въ Петербургѣ, и все, что было французскимъ, было въ большомъ почетѣ. Петръ III поторопился показать, что подобнаго не будетъ въ будущемъ, какъ въ малыхъ, такъ и большихъ вещахъ. Уже отъ 12-го января Кейтъ писалъ:

„Его Императорское Величество пользуется всѣми случаями, гдѣ можно показать свою ненависть къ Франціи и къ всему тому, что происходитъ изъ Франціи; и чтобы подтвердить это труппа французскихъ артистовъ была отставлена отъ службы при дворѣ“.

Внутри страны новое царствованіе начиналось благопріятно, и несмотря на то, что приходится пользоваться донесеніями англійскаго посланника, очень расположеннаго къ Петру III-му, нужно сказать, что Кейтъ имѣлъ нѣкоторое основаніе писать въ томъ же самомъ донесеніи:

„Его Величество не могъ болѣе умно и болѣе достойно себя держать, чѣмъ теперь, во всѣхъ поступкахъ, касающихся правленія. Милости, сдѣланныя имъ, падали всегда на лицъ достойныхъ ихъ. Ни съ кѣмъ не поступали дурно и небольшое количество потерявшихъ должности было отослано самымъ нестрогимъ образомъ“.

Канцлеръ Воронцовъ остался на мѣстѣ и имѣлъ ту же власть, несмотря на его связь съ Шуваловыми и другими врагами великаго князя. Князь Голицынъ былъ назначенъ вице-канцлеромъ. Подъ вліяніемъ новаго императора правительство должно было наполниться жизнью и дѣятельностью, къ которымъ въ Россіи не привыкли. Вотъ что Кейтъ писалъ отъ 26-го января:

„Всевозможныя дѣла исполняются гораздо скорѣе, чѣмъ раньше. Императоръ самъ занимается всѣмъ, и по большинству дѣлъ онъ самъ даетъ нужныя приказанія, однако всегда спрося мнѣнія начальниковъ вѣдомствъ, откуда они выходятъ, или сообразно съ просьбами простыхъ частныхъ людей. Онъ интересуется такъ же иностранными дѣлами, и ничто не дѣлается безъ его вѣдома.
Прошлый вторникъ онъ отправился съ большимъ торжествомъ въ сенатъ, въ первый разъ и тамъ объявилъ, что дворяне и благородные люди Россіи свободны во всѣхъ отношеніяхъ, на одной ногѣ съ дворянствомъ другихъ государствъ Европы, могущимъ по ихъ желанію служить или не служить въ военной службѣ, и безъ всякаго исключенія; они не могли только вступить на службу въ другое государство безъ разрѣшенія государя. Можно легко себѣ представить съ какимъ удивленіемъ и съ какимъ удовольствіемъ получило дворянство эту неожиданную милость, и какое внутреннее удовлетвореніе почувствовало, переставъ быть рабами, которыми были, и становясь настоящими дворянами. Государь, благоволя къ этому классу своихъ подданныхъ, не забылъ и остальной народъ потому, что онъ въ то же время привелъ къ умѣренному тарифу цѣну на соль; и непреложной санкціей онъ опредѣлилъ, что цѣна этого предмета не подымется никогда выше той, которую онъ назначилъ. Это причинитъ значительное уменьшеніе его доходовъ; но Его Величество не могъ ничего лучше сдѣлать, болѣе важного, для улучшенія быта и утѣшенія бѣдныхъ людей“.

Нѣсколько дней спустя, отъ 29-го января, господинъ Кейтъ писалъ еще:

„Государь продолжаетъ дѣлать добро частнымъ людямъ и заботиться о народѣ, дѣлая ему большія услуги. Его послѣднимъ дѣломъ было упраздненіе тайной канцеляріи, иначе говоря государственной инквизиціи; это самое большое счастіе, которое могло быть для этого народа: это грозное судилище было во всѣхъ отношеніяхъ такъ же ужасно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже ужаснѣе испанскаго“.

Первыми мѣрами государя было открытіе государственныхъ тюремъ и призваніе многочисленныхъ сосланныхъ послѣдняго царствованія. Вечеромъ того же дня, какъ онъ взошелъ на престолъ, говоритъ намъ Кейтъ, онъ далъ приказъ вернуть Лестока, и мѣсяцъ спустя отъ 12-го февраля Кейтъ пишетъ:

„Графъ Лестокъ, несмотря на его 74 года и 14 лѣтъ ссылки и тюрьмы, вернулся съ живостью молодого человѣка“.

Минихъ съ сыномъ тоже были скоро возвращены и вскорѣ затѣмъ Биронъ. Дворъ увидѣлъ съ удивленіемъ этихъ двухъ соперниковъ, появляющихся снова на міровой сценѣ, одинъ и другой, несмотря на преклонный возрастъ, страданія и лишенія всякого рода и очень суровыя, полныхъ силъ и бодрости. Оставимъ говорить еще англійскаго министра:

„Герцогъ Курляндскій и его жена вернулись изъ ссылки. Онъ появился въ кругу придворныхъ съ голубой лентой Св. Андрея, возвращенной ему императоромъ, а Ея Императорское Величество оказала большія отличія его семейству. Я поѣхалъ вчера днемъ засвидѣтельствовать мое почтеніе этому герцогу и фельдмаршалу Миниху, который пріѣхалъ прошлою ночью въ добромъ здоровьи, и со всѣми своими способностями, оставшимися нетронутыми, несмотря на то, что онъ былъ болѣе 20 лѣтъ въ ссылкѣ или вѣрнѣе въ тюрьмѣ; такъ впродолженіи всего этого времени ему было позволено сообщаться со своей женою, съ нѣсколькими слугами и очень рѣдко съ солдатами, охранявшими его.

Маршалъ Минихъ былъ представленъ императору, а вечеромъ герцогъ Курляндскій и онъ показались вмѣстѣ при дворѣ; и обоимъ были оказаны знаки уваженія со стороны императора. Это по истинѣ было трогательное зрѣлище, видѣть этихъ двухъ знаменитыхъ лицъ, пережившихъ такъ много и такія долгія бѣдствія, показывающихся снова при дворѣ въ ихъ лѣтахъ, гдѣ они раньше играли такую важную роль, видѣть ихъ говорящихъ между

собою съ большою вѣжливостью и безъ малѣйшаго признака зависти и злости, которыя были причинами ихъ несчастія.

Оба сына герцога Курляндскаго были произведены въ генералъ-маіоры, а графъ Минихъ былъ объявленъ первымъ фельдшаршаломъ".

Бирону было тогда 72 года, и Миниху 79 лѣтъ. Этотъ послѣдній умеръ черезъ 5 лѣтъ въ Ригѣ, губернаторомъ Эстоніи и Ливоніи. Биронъ жилъ до 1772-го года, послѣ того какъ ему было Екатериною возвращено герцогство Курляндское.

Не всѣ мѣры Петра III-го были приняты съ одинаковою благосконностью. Кейтъ писалъ отъ 9-го марта:

„Императоръ присоединилъ къ казнѣ всѣ земли, принадлежащія монастырямъ, во всемъ государствѣ и взамѣнъ этого ассигновалъ архимандритамъ и настоятелямъ опредѣленный доходъ и извѣстную сумму на содержаніе монаховъ".

Эта мѣра, которая переполнила радостью Вольтера, потому что она ставила въ зависимость всѣхъ монаховъ Россіи и освобождала въ нѣкоторомъ родѣ сто тысячъ рабовъ, возбудила, какъ говоритъ Кейтъ въ своемъ донесеніи послѣдующаго 4-го мая, большое недовольство во всей имперіи, и онъ писалъ еще отъ 7-го іюня:

„Жалобы, которыя вызываетъ присоединеніе монастырскихъ земель къ владѣніямъ казны, прибавились болѣе всего послѣ того, какъ императоръ приказалъ требовать военную повинность отъ сыновей священниковъ; все духовенство, какъ бѣлое, такъ и черное, единодушно стало сѣтовать".

Будутъ очень ошибаться, если будутъ судить о царствованіи Петра III-го только по донесеніямъ Кейта. Его оцѣнка должна быть принята съ недовѣріемъ, потому что кромѣ того, что у него былъ ограниченный и мало проницательный умъ, онъ былъ совершенно ослѣпленъ довѣріемъ и фамильярностью новаго императора. Такимъ образомъ, напримѣръ, Петръ III пріѣзжалъ его навѣщать, не предупреждая, и оставался самъ обѣдать съ нимъ. Въ тоже время онъ дурно обращался съ австрійскимъ и французскимъ министрами, которые были очень уважаемы въ царствованіи Елизаветы. „Нужно-ли чтобы Англичане всюду смѣялись надъ нами? писалъ Вольтеръ Присенталю. Есть Кейтъ, который умѣетъ пить, и онъ очаровалъ императора, а вашъ Бретейль никого не плѣнилъ".

Какъ ни хорошо былъ въ общемъ освѣдомленъ Вольтеръ о томъ, что происходило въ Петербургѣ, онъ не зналъ всего, и де-Бретейль безъ труда утѣшился презрѣніемъ императора. Столь расположенный въ сторону Петра III, какъ былъ Кейтъ, тѣмъ не менѣе, все же не могъ закрыть глаза и отказаться видѣть тотъ странный спектакль, который представлялъ изъ себя дворъ.

Какъ писалъ очевидецъ Рюльеръ, Петербургъ послѣ восшествія на престолъ императора принялъ „видъ и тонъ разгулявшейся казармы“. Кейтъ не могъ не признать и не сожалѣть невоздержанныхъ привычекъ государя, но онъ только изъ сожалѣнія касается этого деликатнаго предмета. Де Бретейль, который не держался такой воздержности въ словахъ, былъ болѣе подробенъ. Онъ писалъ отъ 18 января:

„Жизнь, которую ведетъ императоръ, самая постыдная. Онъ проводитъ свои вечера въ томъ, что куритъ, пьетъ пиво и не прекращаетъ эти оба занятія иначе какъ только въ пять или въ шесть часовъ утра и почти всегда мертвецки-пьянымъ“.

Съ тою же осторожностью Кейтъ намекаетъ на открытую связь государя съ племянницею канцлера, Елизаветой Воронцовой. Онъ приписываетъ все, что не можетъ оставаться безъ порицанія въ поведеніи государя, его окружающимъ. Такъ пишетъ онъ 23 апрѣля:

„Подлежитъ сильному сожалѣнію вліяніе недостойныхъ фаворитовъ, которыми, къ несчастью, окружилъ себя государь“.

И еще 6 іюня:

„Его Величество отдался въ руки самымъ худшимъ людямъ“.

Есть еще одинъ предметъ, къ которому Кейтъ относится не менѣе сдержанно и который затрагиваетъ только случайно и какъ бы противъ своей воли, это касательно государыни. Дѣйствительно, каково было положеніе Екатерины, когда она сдѣлалась императрицей? Она только была еще немного болѣе несчастна, немного болѣе покинута и болѣе чѣмъ когда либо предметомъ ненависти и оскорбленій со стороны ея мужа. Кейтъ въ своей слѣпой приверженности къ Петру III ограничивался только такими словами въ своей депешѣ отъ 30 января:

„До сихъ поръ незамѣтно, чтобы съ государыней совѣтывались бы, ни чтобы она пользовалась бы большимъ довѣріемъ. Графиня Елизавета Воронцова, племянница канцлера, не занимается, какъ я думаю, дѣлами“.

Онъ разсказывалъ тѣмъ же тономъ и не выражая удивленія въ своей депешѣ отъ 23 февраля:

„День рожденія государя былъ отпразднованъ съ большимъ великолѣпіемъ. Государыня не присутствовала на праздникѣ; она была немного простужена“.

И еще 4 мая:

„Государыня показывалась въ день своего рожденія и принимала, но вечеромъ она не была на празднествѣ у государя“.

Передъ этимъ, 19 марта, Кейтъ писалъ слѣдующія, очень знаменательныя слова:

„Государыня имѣетъ мало вліянія. Ни для кого теперь не тайна, что съ государыней не совѣтуются о дѣлахъ общественныхъ, но даже въ частныхъ дѣлахъ; стоитъ обратиться къ Ея Величеству, чтобы не достичь ничего“.

Прусскій императоръ былъ лучшаго мнѣнія о государынѣ, чѣмъ ея мужж Онъ писалъ ему: „Совѣтуйтесь съ государыней, она способна давать вамъ только хорошіе совѣты, и увѣщеваю васъ слѣдовать имъ“.

Въ депешахъ французскаго министра нужно искать точный списокъ съ положенія Екатерины. Бретейль писалъ спустя немного время послѣ восшествія на престолъ Петра III, 11 января:

„Императрица въ день пріема поздравленій имѣла самый удрученный видъ. Съ этого дня стало ясно, что она нечего не будетъ значить, и я знаю, что она ищетъ утѣшенія въ философіи.

Ея характеръ совсѣмъ не въ такомъ родѣ, хотя часто она оказывала мнѣ честь, увѣряя противуположное“.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Петръ III взялъ себѣ любовницу или вѣрнѣе тѣ, которые захватили его, чтобы имъ командовать, дали ее ему и эта любовница была одна изъ фрейлинъ Екатерины. Въ этой же самой депешѣ отъ 11 января де Бретеиль добавлялъ:

„Императоръ усугубилъ вниманіе къ mademoiselle Воронцовой. Онъ назначилъ ее начальницей надъ фрейлинами. У ней при дворѣ своя квартира съ безконечными отличіями. Надо сознаться, что это очень странный вкусъ.

Она глупа, а что касается лица это все, что только можетъ быть худшаго. Она походитъ на служанку гостинницы, самой низкой пробы“.

Онъ писалъ еще 18 января:

„Императрица въ самомъ ужасномъ положенiи, съ нею обращаются съ подчеркнутымъ презрѣнiемъ. Она нетерпѣливо переноситъ поведенiе государя по отношенiю къ ней и высокомѣрiе Воронцовой. Я не удивлюсь, что если эта принцесса, храбрость и горячность которой я знаю, дойдетъ до какой нибудь эксцентричности. Я знаю друзей, которые стараются ее умѣрить, но которые рискнутъ всѣмъ для нея если только она потребуетъ".

Было очевидно, что Екатерина разсчитывала когда нибудь испытать преданность своихъ друзей, такъ какъ Брейтель писалъ 15 февраля:

„Императрица выигрываетъ во мнѣнiи всѣхъ. Никто такъ тщательно не воздаетъ покойной императрицѣ всѣ тѣ почести, которыя очень многочисленны въ греческой религiи и полны суевѣрiй, надъ которыми сама она, вѣроятно, смѣется, но духовенство и народъ очень этимъ растроганы и благодарны ей. Она соблюдаетъ съ замѣчательной точностью для тѣхъ, кто ее знаетъ, праздники, постные дни, всѣ тѣ вещи, къ которымъ государь относится легко, и которыя между тѣмъ не безразличны въ этой странѣ. Однимъ словомъ, она не пренебрегаетъ ничѣмъ, чтобы нравиться въ общемъ и въ частности, и она даже слишкомъ далеко простираетъ свое вниманiе на все то, что касается ея самолюбiя. Она не такая женщина, чтобы забыть или простить угрозу, которую часто ей дѣлалъ великiй князь,—постричь и заточить ее, какъ поступилъ Петръ I съ своей первой женой. Все это въ совокупности съ каждодневными униженiями, крѣпнетъ въ такой головѣ, какъ ея, и ждетъ только случая, чтобы разразиться".

Де Бретейль прибавлялъ въ той же депешѣ:

„Одно движенiе ревности со стороны фрейлины Воронцовой, причинило ссору между ею и государемъ во время многочисленнаго ужина у перваго канцлера, на которомъ присутствовала также сама императрица. Ядовитость упрековъ со стороны Воронцовой и выпитое вино, возбудили злобу русскаго монарха до того, что онъ приказалъ, чтобы въ 2 часа утра ее вернули бы къ ея отцу. Время выполненiя этого приказа напомнило ему нѣжность его чувствъ, и къ пяти часамъ утра все утихло. Но четыре дня тому назадъ произошла еще болѣе горячая сцена, причемъ оскорбленiя, оказанныя той и другой стороной, рѣдко можно слышать на нашихъ рынкахъ. Настренiе государя такъ же какъ и его заботы сосредоточены на фрейленѣ Чагликовой въ возрастѣ 17 лѣтъ, довольно хорошенькой, хотя горбатой".

Все это должно было возмущать гордую и честолюбивую душу Екатерины: это была не та судьба, о которой она мечтала и которую когда то ей все обѣщало. Какъ ни былъ сильно закаленъ ея характеръ, онъ не могъ преодолѣть этого тяжелаго испытанія, тѣмъ болѣе, что оно осложнялось самыми затруднительными обстоятельствами. Де Бретейль, какъ ни хорошо былъ освѣдомленъ о нѣкоторыхъ вещахъ, ничего не зналъ о другихъ, не менѣе важныхъ, онъ писалъ 14 апрѣля:

„Государыня такъ сильно предается своему горю и своимъ размышленіямъ, что то маленькое число людей, которые ее видятъ, говорятъ, что она неузнаваема и что ее здоровье ослабѣло до такой степени, что сведетъ ее скоро въ могилу. Вотъ уже три недѣли какъ у нее изнурительная лихорадка“.

Екатерина была серьезно больна, но это нездоровье имѣло совсѣмъ другія причины, чѣмъ нравственныя. Не безпокойство не горе заставляли ее запираться и не допускать до своей особы постороннихъ свидѣтелей, если вѣрить, какъ говорили, что Екатерина разрѣшилась 18—29 апрѣля 1762 г. ребенкомъ, который съ тѣхъ поръ появился на свѣтъ подъ именемъ графа Бобринскаго.

Какъ бы тамъ ни было, было очевидно, что рано или поздно завяжется борьба между государемъ и государыней. Петръ III не сумѣлъ заставить себя ни любить, ни уважать, когда онъ еще былъ великимъ княземъ, а съ тѣхъ поръ какъ онъ взошелъ на тронъ, онъ заставилъ себя ненавидѣть и презирать. Уже на другой день по его восшествіи на престолъ, 11 января Бретейль писалъ:

„Характеръ государя болѣе запальчивый, чѣмъ храбрый. Онъ вспылитъ часто на словахъ, но я думаю, что легко будетъ трусить въ душѣ“.

Петръ подчеркивалъ свою непріязнь къ національнымъ нравамъ и обычаямъ, которая причиняла боль русскимъ; онъ совершенно чуждался духовенства, которое тогда было очень могущественно; онъ вызывалъ неудовольствіе въ войскахъ, желая ихъ приневолить къ нѣмецкой дисциплинѣ; однимъ словомъ, день отъ дня видѣли его все болѣе такимъ, какимъ онъ былъ, ограниченнаго ума, тупой, упрямый, неспособный выслушивать разумныхъ совѣтовъ, добыча самыхъ низкихъ льстецовъ, и всѣ дрожали за тотъ день, когда его пороки разовьются во всей силѣ. Это вынуждало писать де Бретейля 25 апрѣля:

„Всѣ болѣе чѣмъ недовольны царемъ; но, по правдѣ сказать, всѣ они подлы и раболѣпствуютъ".

При такомъ положенiи вещей всѣ взоры обращались на государыню и де Бретейль только выражалъ общееe мнѣнiе, когда писалъ 18 iюня:

„Императрица обладаетъ смѣлостью ума и души: она любима и уважаема всѣми по стольку, по скольку ненавидятъ и презираютъ царя".

Она это знала. Она знала также не только по публичнымъ оскорбленiямъ, которыми онъ ее осыпалъ, но по болѣе безпокоющимъ ее и значительнымъ фактамъ, что ея мужъ замышлялъ противъ нея какую нибудь гибельную мѣру. Екатерина могла и должна была бояться, что императоръ не признаетъ своего нареченнаго сына, Великаго Князя Павла и отвергнетъ его. Что у Петра III была эта мысль и что онъ былъ одобряемъ на это своими самыми близкими приближенными, это тѣмъ болѣе вѣроятно, что если вѣрить донесенiю де Бретейля отъ 5 января 1762, во время смерти императрицы Елизаветы при дворѣ была партiя, которая хотѣла заставить развестись Великаго Князя, объявить сына его незаконнымъ и женить его на Воронцовой.

Если при своемъ восшествiи на тронъ у Петра III не доставало храбрости, чтобы принять это рѣшенiе, было ясно, что онъ никогда не переставалъ объ этомъ думать, и что мысль эта нѣсколько разъ возобновлялась въ его умѣ. Та манера, съ которою онъ обращался къ Великому Князю, не давала никакого сомнѣнiя относительно этого. Де Бретейлъ писалъ 15 февраля:

„Государь видѣлъ своего сына всего только одинъ разъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ царствуетъ. Если бы ему удалось имѣть младенца мужескаго пола отъ одной изъ своихъ любовницъ, многiе думаютъ, что онъ сдѣлалъ бы ее своей женой, а ребенка своимъ преемникомъ. Но эпитеты, которыми его наградила публично M-lle Воронцова въ ихъ ссорѣ, очень успокоительны на этотъ счетъ".

Быть можетъ Петръ III надѣялся, что ему болѣе посчастливится съ M-lle Чагликовой. Для Екатерины было нѣчто болѣе безпокоющее, чѣмъ эти напрасныя попытки, насчетъ которыхъ она прекрасно, какъ знала держаться. Де Бретейль писалъ въ своей депешѣ отъ 14 апрѣля.:

„Вамъ вѣроятно не безъизвѣстно, что Салтыковъ настоящiй отецъ молодого Великаго Князя.

Этотъ Салтыковъ былъ вызванъ къ царю тотчасъ-же по его восшествіи на престолъ и тотъ съ нимъ обошелся очень хорошо. Послѣ его возвращенія изъ Парижа, государь нѣсколько разъ призы валъ его въ свой кабинетъ и имѣлъ съ нимъ продолжительные разговоры, предметомъ которыхъ, какъ думаютъ самые близкіе приближенные къ царицѣ, было заставить его признаться въ благосклонности къ нему великой княгини".

Нѣсколько дней спустя, 25 апрѣля де Бретейль писалъ еще:

„Царь продолжаетъ обращаться съ особенной милостью къ Салтыкову. Царица все еще не хотѣла его видѣть, подъ предлогомъ ея нездоровья: не смотря на это, я думаю, что она приметъ его завтра".

Впродолженіи этого же времени Петръ III отправлялся въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ былъ заключенъ несчастный Иванъ. Де Бретейль довольствуется тѣмъ, что упоминаетъ объ этомъ фактѣ въ своей депешѣ отъ 14 апрѣля. Кейтъ писалъ 16 числа того же мѣсяца:

„Государь видѣлъ Ивана, нашелъ его совершенно возмужалымъ, но въ слабоумномъ состояніи. Его разговоръ былъ странный и безпорядочный; между прочимъ онъ говорилъ, что онъ не то лицо, за которое его считаютъ; тотъ принцъ уже давно взятъ на небо; но что во всякомъ случаѣ онъ будетъ поддерживать всѣ права того лица, чье имя онъ носитъ".

Послѣ этого свиданія, государь велѣлъ привезти этого несчастнаго въ Петербургъ, никому неизвѣстно для чего, и онъ былъ тамъ и въ моментъ переворота.

Екатерина была слишкомъ проницательна, чтобы не понять насколько ея положеніе было критическое, и вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ честолюбива и рѣшительна, чтобы смѣло не принять крайнее средство и предупредить, взявъ на себя иниціативу, удары, которые ей угрожали. Мнѣнія были со всѣхъ сторонъ въ ея пользу и благопріятствовали ея планамъ. „Уже, говоритъ одинъ очевидецъ, достойный довѣрія, всѣ разговоры были ничто иное, какъ жалобы, шушуканіе, отрывистыя слова людей ищущихъ вывѣдать другъ у друга. Въ народѣ замѣчался шумъ мятежа, посѣянный съ искусствомъ, чтобы расположить его къ возстанію. Это было глухое движеніе, которое предвѣщаетъ бурю; и публика ждала съ нетерпѣніемъ, что какой нибудь случай измѣнить все; со всѣхъ сторонъ говорилось о вѣроятной гибели государыни, но такъ же по всему чувствовалось, что готовится революція".

Это было очевидно для всѣхъ и во всей имперіи быть можетъ былъ только государь и Кейтъ которые не подозрѣвали о настоящемъ положеніи вещей. Въ это время Петръ III думалъ только о томъ, какъ бы отомстить Даніи, которая нѣсколько разъ пыталась отнять у него часть Голштиніи, которой онъ еще владѣлъ. Никто такъ не безпокоился, какъ прусскій король, этимъ положеніемъ вещей, о которомъ ему все было извѣстно и онъ со страхомъ измѣрялъ ихъ продолжительность, и тѣ послѣдствія, которыя будутъ имѣть для него самого. „Письма изъ Петербурга, писалъ онъ въ исторіи семилѣтней войны, заставляли дрожать за особу государя; всѣ они объявили о зародышѣ заговора, который былъ готовъ распуститься. Дружба, благодарность, уваженіе, которое король имѣлъ къ прекраснымъ качествамъ этого принца, заставили его написать ему и намекнуть на опасность. Надо было сохранить крайнюю деликатность, такъ какъ всѣ самодержцы хотятъ, чтобы всѣ вѣрили въ ихъ прочный авторитетъ; и надо было объясниться съ большою осторожностью касательно Даніи. Чтобы отговорить его прежде всего предпринимать войну противъ Даніи, король представлялъ ему всѣ резоны, чтобы отложить выполненіе этого плана до будущаго года; онъ настаивалъ больше всего на томъ, что прежде чѣмъ государь оставитъ свое государство и предприметъ иностранную войну, онъ долженъ короноваться въ Москвѣ, чтобы мѵропомазаніемъ придать своей особѣ болѣе неприкосновенности въ глазахъ націи. Онъ напоминалъ затѣмъ о революціяхъ, происшедшихъ въ Россіи, во время отсутствія Петра I; но онъ только намекнулъ на эту сторону и онъ заканчивалъ, завѣряя государя самымъ почтительнымъ образомъ, не пренебрегать главнѣйшими предосторожностями для сохранности своей особы. Это письмо произвело мало впечатлѣнія на государя; и онъ отвѣтилъ на него въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Моя слава требуетъ, чтобы я отомстилъ за тѣ обиды, которыя датчане причинили моей особѣ, въ особенности моимъ предкамъ. Никто не сможетъ сказать, что Русскіе ведутъ войну изъ за моихъ интересовъ, когда я не стою во главѣ ихъ; сверхъ того церемонія моего коронованія требуетъ лишь большого расхода; эти деньги найдутъ себѣ лучшее употребленіе въ войнѣ противъ датчанъ. Что касается того интереса, который вы выказываете по отношенію къ моей невредимости, я васъ прошу совсѣмъ объ этомъ не безпокоиться, солдаты называютъ меня своимъ отцомъ.

Они говорятъ, что предпочитаютъ правленіе мужчины правленію женщины.

Я гуляю одинъ пѣшкомъ по улицамъ Петербурга; если бы кто-нибудь хотѣлъ мнѣ причинить зло, то давно бы могъ испол-

нить свой замыселъ, и я полагаюсь исключительно на волю Божью,— и поэтому ничего не боюсь". Этотъ отвѣтъ не помѣшалъ королю продолжать указывать этому князю на угрожающія ему опасности.

Гольтцъ и Шверинъ получили приказаніе завести рѣчь объ этомъ предметѣ въ интимной бесѣдѣ, которую они могли вести съ этимъ монархомъ; но было совершенно напрасно говорить ему, что въ странѣ, гдѣ царятъ такіе дикіе нравы, какъ въ Россіи, повелитель не можетъ не предпринимать достаточныхъ предосторожностей для безопасности своей персоны. „Послушайте, отвѣтилъ, наконецъ, онъ, если вы мои друзья, не касайтесь болѣе этого вопроса, который мнѣ ненавистенъ". Нужно было молчать и оставить этого бѣднаго царя въ его безпечности, которая погубила его. Эта-то безпечность позволила императрицѣ и ея друзьямъ легко принять мѣры, необходимыя для подготовки и совершенія революціи. Вопреки наружному виду, Екатерина не оставалась бездѣятельной. Съ давняго времени она пріобрѣла слугъ, готовыхъ на все, способныхъ все предпринять, какъ по честолюбію, такъ и изъ привязанности къ ней. Если бы она предоставила имъ вести дѣло, судя по тому, что сообщаетъ Бретейль въ своемъ донесеніи отъ 5 января 1762 г. (н. с.), то во время смерти Елизаветы они попытались бы посадить на тронъ ея сына, великаго князя Павла, а ей отдать регентство.

Этотъ проектъ мало устраивалъ Екатерину и не имѣлъ послѣдствій. До того времени ея приверженцы принадлежали главнымъ образомъ къ крупному дворянству. Со времени вступленія на престолъ Петра III она пріобрѣла въ этой средѣ новыхъ сообщниковъ, наиболѣе значительныхъ; и странная вещь,—какъ говорятъ, это было сдѣлано при посредствѣ одной молодой женщины 19 лѣтъ, княгини Дашковой, племянницы канцлера и младшей сестры Елизаветы Воронцовой, которую считали любовницей императора. Черезъ нее, увѣряетъ Рульеръ, Екатерина склонила на свою сторону воспитателя великаго князя Павла.

Личные интересы, казалось, подсказывали графу Панину принять сторону императрицы, потому что, если бы Петръ не призналъ своего мнимаго сына, а все указывало, что таково его намѣреніе, то онъ впалъ бы въ ничтожество. Но это былъ человѣкъ осторожный, до крайности робкій, который въ такомъ затруднительномъ выборѣ, гдѣ онъ рисковалъ своей головой, поколебался послушаться своихъ выгодъ и честолюбія, обыкновенно единственныхъ руководителей его поступковъ. Княгинѣ Дашковой удалось его убѣдить рѣшиться. Онъ былъ когда-то любовникомъ ея матери, и она считалась плодомъ этой связи. Панинъ питалъ къ ней чувство живѣйшей нѣжности, но эта нѣжность была да-

леко не родительской. Княгиня Дашкова, которую не удерживали угрызенія совѣсти, когда нужно было достичь цѣли, уступила, какъ говорятъ, во время, чего желалъ графъ Панинъ, и онъ обязался служить императрицѣ. Фактъ тотъ, что княгиня Дашкова, хотя была безъ мужа, жившаго въ Москвѣ, родила черезъ немного мѣсяцевъ послѣ революціи. Еще дѣломъ княгини Дашковой было, какъ говорятъ, то, что она первая обратилась къ казачьему гетману, Кириллу Разумовскому, командиру одного изъ трехъ гвардейскихъ полковъ, къ князю Волконскому, генералъ-майору того-же гвардейскаго корпуса, къ Глѣбову, генералъ-прокурору сената, къ новгородскому архіепископу и къ главнымъ представителямъ духовенства. Агентомъ княгини въ этихъ интригахъ, гдѣ нужно было столько же ловкости, сколько и смѣлости, былъ піемонтецъ по имени Одаръ, который говорилъ однажды Бретейлю:

„Я рожденъ въ бѣдности; я видѣлъ, что въ мірѣ только деньги имѣютъ значеніе; я хочу ихъ имѣть; я пойду, чтобы достать ихъ, сегодня вечеромъ поджечь дворецъ; когда я ихъ буду имѣть, я вернусь въ свою страну и буду жить вполнѣ честнымъ человѣкомъ, какъ и другіе“.

Такъ и случилось: революція совершилась, Одаръ возвратился въ Ниццу, его родной городъ, осыпанный милостями Екатерины, и умеръ тамъ нѣсколько лѣтъ спустя, убитый молніей. Всѣ эти приверженцы императрицы думали только содѣйствовать благополучію великаго князя Павла, а въ такомъ случаѣ Екатерина должна бы была удовлетвориться регенствомъ въ теченіе долгаго малолѣтства ея сына [1]).

Къ счастію для ея самолюбія она вдругъ нашла орудія болѣе дѣятельныя, болѣе рѣшительныя и преданныя исключительно ей; это были ея тайные служители, которые одни проложили ей путь къ трону.

Въ то время, какъ всѣ восхваляли романическое постоянство Екатерины къ Понятовскому и ея отчаяніе, она безъ вѣдома всѣхъ и безъ большого огорченія утѣшалась вдали отъ

[1]) „Это не было намѣреніемъ графа Чернышева, Панина и нѣкоторыхъ другихъ, которые стояли во главѣ революціи, возвести императрицу на тронъ. Они хотѣли только, чтобы она была регентшей въ продолженіи малолѣтства своего сына“.

— Донесеніе Ширлея, 10 марта 1768 г.

„Панинъ жаловался на неблагодарность императрицы и говорилъ одному своему другу, что отъ него зависѣло въ время революціи провозгласить императоромъ великаго князя: это было одно изъ рѣшенныхъ условій“.

— Донесеніе Дюрана 7 сентября 1773 г.

своего возлюбленнаго. Предметомъ ея выбора былъ Григорій Орловъ, офицеръ, состоящій при Петрѣ Шуваловѣ, благородный, если это угодно, только тѣмъ, что не былъ рожденъ въ рабствѣ, бѣдный и не имѣющій другой заслуги, кромѣ атлетическаго сложенія. Величайшая тайна не переставала скрывать эту постыдную связь, о началѣ которой никогда точно не могли узнать. По наклонностямъ ли, или по привычкѣ, Орловъ не переставалъ вести свой образъ жизни, не имѣя иного общества, кромѣ своихъ товарищей, низшихъ офицеровъ гвардейскихъ полковъ, среди которыхъ были его два брата, Алексѣй и Владиміръ. Тайная протекція Екатерины доставила ему по смерти Петра Шувалова должнсть артиллерійскаго казначея и чинъ капитана.

Однако, Орловъ обратилъ на себя вниманіе и пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность своимъ упорнымъ слѣдованіемъ всюду за своей повелительницей и Екатерина первая смѣялась надъ этимъ тайнымъ обожателемъ, о счастливой судьбѣ котораго никто, безъ исключенія, и не подозрѣвалъ. Бретейль писалъ послѣ революціи 9 октября;

„Орловъ очень красивый мужчина. Онъ пюбимъ царицей уже много лѣтъ, а я вспоминаю день, когда она показывала мнѣ его, какъ смѣшную личность и разсказала о его сумасбродныхъ чувствахъ. Впрочемъ, говорятъ, что это довольно большой дуракъ“.

Орловъ, знакомый болѣе, чѣмъ кто-либо, съ опасеніями императрицы, убѣжденный въ томъ, что только одна революція могла бы ее спасти, воодушевленный самою пылкою страстью, явился въ рукахъ Екатерины такимъ дѣятельнымъ, такимъ сильнымъ орудіемъ, что въ той темной средѣ, въ которой онъ вращался, подозрѣнія не могли коснуться его. Среди волненія, которое привело въ возбужденіе гвардейскіе полки, его мятежныя рѣчи легко нашли себѣ откликъ. Его братья, нѣкоторые друзья помогли ему распространить самые устрашающіе призывы, а серебро, которое онъ черпалъ полными пригоршнями изъ своей кассы, дало вѣсъ ихъ убѣжденіямъ.

„Большая часть заговорщиковъ, писалъ Брейтель 9 октября, состоитъ изъ голяковъ, которые были лейтенантами или капитанами, а главнымъ образомъ изъ негодяевъ, обитающихъ во всякихъ городскихъ притонахъ“.

Въ то время какъ Панинъ, Чернышевъ, Разумовскій и другіе учитывали съ холоднымъ спокойствіемъ выгоды перемѣны, Орловъ, его братья и ихъ товарищи сѣяли духъ мятежа въ войскахъ петербургскаго гарнизона; а генералы и командиры, кото-

рые по большей части были посвящены въ тайные замыслы императрицы, покровительствовали своей умышленной слѣпотой волненію, изъ котораго они расчитывали теперь извлечь выгоду.

Эти происки, охватившіе всѣ слои общества съ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ, являлись прочнымъ основаніемъ для революціи. Но нужно помѣстить внѣ этихъ маневровъ истинную причину происшествія, которое возвело на тронъ Екатерину. Княгиня Дашкова, вѣроятно, была права, когда въ разговорѣ съ Дидро она свела на нѣтъ заслуги свои и другихъ въ этомъ дѣлѣ; она говорила, что все совершилось благодаря невидимымъ нитямъ, которыя свели ихъ всѣхъ безъ ихъ вѣдома; что если кто и далъ серьезный толчекъ этой авантюрѣ, такъ это самъ Петръ III своими безразсудствами, презрѣніемъ къ своему народу, своими пороками, глупостью и отвращеніемъ, которое не переставалъ внушать своей распутной общественной жизнью; что они всѣ устремились къ той же цѣли по общему желанію и что между собой они такъ мало сговаривались, что дѣло сильно было до того ускорено, что ни она, ни императрица никто объ этомъ и не думали: за три часа до переворота не было никого, кто бы не думалъ, что онъ будетъ еще черезъ три года.

Однако Екатерина была близка къ паденію. Съ каждымъ днемъ это становилось все очевиднѣе. Петръ рѣшилъ развязаться съ нею тѣмъ или другимъ способомъ. Въ день торжественнаго празднества по случаю заключенія мира съ Пруссіей императоръ во время пьянства отдалъ приказъ ее арестовать и заточить въ монастырь. Его дядя, принцъ Голштинскій, „человѣкъ слабаго и ограниченнаго ума“, говоритъ Фридрихъ, разубѣждалъ его въ этомъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ описываетъ это Беранжеръ, уполномоченный Франціи во время отсутствія Бретейля, въ своемъ донесеніи отъ 29 іюня:

„Было бы слишкомъ долго и слишкомъ скучно разсказывать Вамъ все, что произошло здѣсь во время празднествъ, по поводу заключенія мира. Всѣ видѣли русскаго монарха, утопающимъ въ винѣ, не могущаго ни держаться, ни произнести слова, бормочащаго министру Пруссіи пьянымъ тономъ:

„Выпьемъ за здоровье нашего короля. Онъ сдѣлалъ милость поручить мнѣ полкъ для его службы: я надѣюсь, что онъ мнѣ не дастъ отставки. Вы можете его увѣрить, что если онъ прикажетъ я пойду воевать въ адъ со всей моей властью“.—„Ваше Величество можетъ быть спокойно, отвѣтила шутя Воронцова. Король Прусскій видитъ въ васъ слишкомъ хорошаго слугу, чтобъ я могла убѣдиться, что онъ васъ когда-нибудь отпуститъ“.

Кромѣ этого унизительнаго зрѣлища для императрицы, она терпитъ со стороны царя лицъ очень непріятныхъ, которымъ она отвѣчаетъ только самыми почтительными словами и слезами. Нація раздѣляетъ ея горе, и выражаетъ свои безсильныл желанія для нея".

Екатерина писала впослѣдствіи, что это началось съ того дня, какъ она стала прислушиваться къ предложеніямъ, которыя ей дѣлали со смерти Елизаветы.

Было другое обстоятельство, которое заставляло ее не меньше слѣдить за ея вѣрностью: она была снова беременна. Но несмотря на то, что неудовольствіе увеличивалось съ каждымъ днемъ, заговоръ не былъ еще въ состояніи открыться, и вспышку его откладывали на время послѣ отъѣзда императора въ Голштинію, время которой было не далеко. Между тѣмъ государь отправился въ свой деревенскій домъ въ Ораніенбаумѣ: Его отсутствія изъ Петербурга было достаточно, чтобы причинить очень опасное возбужденіе, если можно вѣрить Беренжеру, который писалъ 6-го іюля:

„Это не мѣшало императору жить въ полномъ невѣдѣніи.

Онъ проводилъ свое время въ Ореніенбаумѣ въ обученіи своихъ солдатъ, даетъ балы и устраиваетъ оперы. Онъ увезъ съ собою самыхъ красивыхъ женщинъ, мужей которыхъ я вижу грустно гуляющихъ въ садахъ города".

Два дня спустя, 28 іюня—7 іюля, разразилась въ Петербургѣ революція. Многія описанія этого страннаго происшествія были опубликованы; описаніе Рульера, конечно, самое вѣрное и самое точное, такъ какъ онъ разсказываетъ только то, что видѣлъ или слышалъ, и онъ во всемъ согласуется съ донесеніями Беренжера и Бретейля. Разсказъ англійскаго министра отличается отъ него нѣкоторыми подробностями малой важности.

Вотъ что пишетъ Кейтъ 2—13 іюля [1]):

---

[1]) Попутно съ описаніями Рульера и донесеніями Кейта не безинтересно бросить взглядъ на разсказъ Екатерины объ этой революціи, который она писала сама или диктовала. Онъ написанъ въ формѣ письма и, повидимому, адресованъ Понятовскому. Несмотря на то, что онъ былъ уже печатанъ, онъ мало извѣстенъ, и было бы интересно его найти здѣсь:

„Петръ III совершенно лишился разсудка, котораго у него и безъ того было немного: онъ шелъ на проломъ; онъ хотѣлъ распустить гвардію, онъ хотѣлъ для этого обратитъ ее въ полевыя войска, разсчитывая замѣнить ихъ войсками Голштиніи, которыя должны

„Послѣднюю пятницу, около девяти часовъ утра, когда я готовился отправиться въ Петергофъ, чтобъ встрѣтить тамъ императора, одинъ изъ моихъ слугъ вбѣжалъ ко мнѣ въ комнату съ взволнованнымъ лицомъ, и сказалъ мнѣ, что было большое волненіе въ противоположномъ концѣ города и что войска, возмутившись, сомкнулись, говорили только о томъ, что нужно свергнуть императора. Онъ не могъ сказать мнѣ другихъ подробностей, ни отвѣтить ни на одинъ вопросъ, которые я ему предлагалъ, чтобы узнать: была ли императрица въ городѣ? Спустя четверть часа англійскій купецъ, жившій здѣсь, пришолъ и сообщилъ мнѣ, что императрица была въ городѣ, что гвардія и другія войска гарнизона провозгласили ее императрицей и самодержицей и что она находилась въ настоящее время въ Казанскомъ соборѣ, чтобы слушать обѣдню и молебенъ по этому случаю. Онъ прибавилъ, что князь Георгій Голштинскій Готторпъ былъ арестованъ, когда пытался выйти изъ города. Этотъ разсказъ былъ скоро подтверженъ съ другихъ сторонъ и мы узнали, что всѣ должностныя лица и всѣ

были остаться въ городѣ; онъ хотѣлъ перемѣнить вѣроисповѣданіе, жениться на Елизаветѣ Воронцовой, развестись со мной и заключить меня въ тюрьму.

Въ день празднованія мира съ королемъ Пруссіи, послѣ того какъ оскорбилъ меня публично за столомъ, онъ приказалъ вечеромъ арестовать меня. Мой дядя, князь Георгій, заставилъ его отмѣнить это приказаніе. И съ этого дня я стала прислушиваться къ предложеніямъ, которыя мнѣ дѣлали со смерти императрицы Елизаветы. Былъ проэктъ взять его въ его комнатѣ и заточить его, какъ нѣкогда княгиню Анну и ея дѣтей. Онъ удалился въ Ораніенбаумъ. За нами слѣдовало большое количество капитановъ полковъ гвардіи. Судьба этого секрета была въ рукахъ трехъ братьевъ Орловыхъ, изъ которыхъ, какъ Остенъ помнитъ, онъ видѣлъ старшаго, который слѣдовалъ за мной вездѣ и дѣлалъ тысячу глупостей; его страсть ко мнѣ была всѣмъ извѣстна, и все было сдѣлано для него въ этомъ отношеніи. Эти люди чрезвычайно рѣшительные, и очень любимые, большею частью солдатъ, когда они служили въ гвардіи. Я больше всего обязана этимъ людямъ: весь Петербургъ свидѣтель этому. Духъ войскъ былъ подготовленъ; въ заговорѣ было 30 или 40 офицеровъ и около десяти тысячъ солдатъ. Въ этомъ числѣ не было ни одного измѣнника въ продолженіи трехъ недѣль; было четыре отдѣльныхъ партіи, главы которыхъ собирались для исполненія, а дѣйствительная тайна была въ рукахъ трехъ братьевъ. Панинъ хотѣлъ, чтобы это было въ пользу моего сына; но они не захотѣли ни за что на это согласиться. Я была въ Петергофѣ, Петръ III жилъ и пилъ въ Ораніенбаумѣ. Было рѣшено, что въ случаѣ измѣны не будутъ ждать его возвращенія, но созовутъ войска и провозгласятъ меня. Ихъ усердіе ко мнѣ сдѣлало то, что измѣна могла совершиться. Разнесся слухъ, 27-го, что я арестована. Солдаты приходятъ въ волненіе; одинъ изъ нашихъ офицеровъ ихъ успокаиваетъ.

вліятельныя особы, которыя находились въ городѣ присягали на вѣрность императрицѣ, какъ это уже сдѣлали гвардія и другія военныя части.

Эта неожиданная революція, совершилась и окончилась менѣе чѣмъ въ два часа, безъ того чтобы пролилась хотя одна капля крови, или былъ бы совершенъ хоть одинъ актъ насилія; и всѣ части города, немного отдаленные отъ дворца, и въ особенности улица, гдѣ я жилъ, также какъ большая часть подданныхъ ея высочества, были такъ спокойны, какъ если бы ничего необыкновеннаго не произошло. Единственно новая вещь, это нѣсколько пикетовъ, разставленныхъ въ началѣ мостовъ и на углахъ улицъ, и нѣсколько патрулей кавалеріи, чтобы поддерживать общественное спокойствіе.

Какъ только войска соединились утромъ, многіе отряды были посланы по дорогѣ къ Петергофу, чтобъ помѣшать всякому извѣстію, посланному императору, и они исполнили это порученіе такъ быстро и съ такой точностью, что ни одинъ человѣкъ не

Приходитъ одинъ солдатъ къ капитану Пассеку, главѣ одного отдѣленія, и говоритъ ему, что я безусловно потеряна. Онъ увѣрилъ его, что имѣетъ извѣстія обо мнѣ. Солдатъ, встревоженный за меня, идетъ къ другому офицеру и говоритъ ему то же самое; этотъ послѣдній не принадлежалъ къ заговору; испуганный, услышавъ, что офицеръ отослалъ солдата, не арестовавъ его,—онъ идетъ къ старшему, этотъ послѣдній приказалъ арестовать Пассека, и отправилъ раппортъ въ продолженіи ночи въ Ораніенбаумъ; весь полкъ въ волненіи, и смятеніе среди нашихъ заговорщиковъ. Они рѣшили сначала прислать ко мнѣ второго брата Орлова, чтобъ отвезти меня въ городъ, и два остальныхъ пошли сказать вездѣ, что я туда прибыла. Гетманъ, Волконскій и Панинъ участвовали въ тайнѣ.

Я находилась почти одна въ Петергофѣ, съ женщинами, которыя мнѣ служили, забытая повидимому всѣми. Мои дни были тѣмъ не менѣе очень безпокойны, такъ какъ я регулярно узнавала, что замышлялось за и противъ меня. 28-го, въ шесть часовъ утра Алексѣй Орловъ входитъ въ мою комнату, будитъ меня, и говоритъ мнѣ съ большимъ спокойствіемъ: „Пора вставать; все готово, чтобы васъ провозгласить". Я спросила его о подробностяхъ, онъ мнѣ сказалъ: „Пассекъ арестованъ". Я больше не колебалась; одѣлась какъ можно скорѣе, не обращая вниманіе на свой туалетъ; я сѣла въ карету, которая его привезла. Другой офицеръ былъ въ роли лакея у дверцы; третій выѣхалъ мнѣ на встрѣчу, за нѣсколько верстъ отъ Петергофа. Въ пяти верстахъ отъ города, я встрѣтила старшаго Орлова съ княземъ Барятинскимъ младшимъ. Послѣдній уступилъ мнѣ свое мѣсто въ каретѣ, такъ какъ мои лошади были совершенно измучены. Мы должны были высадиться въ казармахъ Измаиловскаго полка. Было только двѣнадцать человѣкъ и барабанъ забилъ тревогу. Вотъ приходятъ солдаты, меня цѣлуютъ, цѣлуютъ мнѣ ноги, руки, одежду, называютъ меня своей спасительницей.

могъ пройти кромѣ Леонида Александровича Нарышкина, шталмейстера, и князя Романа Воронцова

Около восьми часовъ вечера императрица выѣхала на лошади изъ города во главѣ двѣнадцати или четырнадцати тысячъ человѣкъ пѣхоты и артиллеріи, и взяла путь въ Петергофъ, чтобы застигнуть императора во дворцѣ или въ Ораніенбаумѣ или вездѣ, гдѣ она его ни найдетъ; и на слѣдующій день, послѣ обѣда пришло извѣстіе, что его величество отказался отъ короны, безъ того, чтобъ былъ нанесенъ хоть одинъ ударъ.

Вотъ подробности, которыя я могъ собрать и которыя кажутся вѣрными, хотя я не гарантирую подлинность всего. Это дѣло затѣялось давно, но выполненіе его было ускорено арестомъ, за два дня, одного изъ заговорщиковъ, вслѣдствіе нѣсколькихъ неосторожно сказанныхъ словъ. Въ страхѣ, чтобъ заговоръ не былъ открытъ, тѣ кто къ нему стояли близко, приняли рѣшеніе приступить немедленно къ дѣлу, и вслѣдствіе этого одинъ изъ трехъ братьевъ Орловыхъ, офицеръ гвардіи, былъ посланъ, чтобъ

Двое приводятъ подъ руки священника съ крестомъ; и они начинаютъ мнѣ присягать. Кончивъ это, меня просятъ сѣсть въ карету. Священникъ съ крестомъ идетъ впереди. Мы отправились въ Семеновскій полкъ. Этотъ вышелъ намъ навстрѣчу, съ крикомъ: ура! Мы пошли въ Казанскій соборъ, гдѣ я вышла. Преображенскій полкъ прибылъ съ криками: ура! говоря мнѣ: „Мы просимъ прощенья, что пришли послѣдними, насъ задержали наши офицеры; но вотъ четыре, которыхъ мы ведемъ арестованными, чтобъ доказать вамъ свое усердіе; такъ какъ мы хотимъ того же чего и наши братья хотятъ“. Конная гвардія прибыла потомъ; послѣдняя была въ безумной радости, которой я никогда не видѣла. Они кричали, плача, объ освобожденіи ихъ родины, эти сцены происходили между садомъ гетмана и Казанской улицей. Конная гвардія была въ сборѣ, офицеры были впереди. Такъ какъ я знала, что мой дядя, князь Георгій, которому Петръ III далъ этотъ полкъ, былъ имъ ужасно ненавидимъ, я послала пѣшія войска къ моему дядѣ, чтобъ просить его остаться въ своемъ домѣ, боясь несчастнаго случая для него.

Но напрасно; его полкъ отдѣлился, чтобъ арестовать его; его домъ разорили и причинили ему самому вредъ; я пошла въ новый зимній дворецъ, гдѣ синодъ и сенатъ были въ сборѣ. Наскоро составили манифестъ и присягу. Оттуда я вышла и обошла пѣшкомъ всѣ войска, тутъ было больше четырнадцати тысячъ человѣкъ гвардіи и полевые полки. Какъ только меня увидѣли, поднялись крики восторга, которые повторялъ многочисленный народъ. Я пошла въ старый зимній дворецъ, чтобъ предпринять необходимыя мѣры и прикончить дѣло. Тамъ мы совѣщались, и было рѣшено, что я пойду во главѣ войскъ въ Петергофъ, гдѣ Петръ III долженъ былъ обѣдать. Былъ расставленъ караулъ по всей дорогѣ и съ минуты на минуту къ намъ приходили свѣдѣнія. Я отправила адмирала Талызина въ Кронштадтъ. Пріѣзжаетъ канцлеръ Воронцовъ, чтобы упрекнуть

сообщить это обстоятельство императрицѣ, и представить ей необходимость для нея вернуться въ Петербургъ, не теряя времени. Орловъ прибылъ въ Петергофъ между тремя и четырьмя часами утра и проникнувъ въ спальню ея величества, онъ сообщилъ ей опасность, которой она подвергалась, послѣ чего, лишь только она одѣлась, она вышла изъ дворца черезъ заднюю дверь, и въ сопровожденіи Орлова безъ одной прислуги ни того, ни другого пола, послѣ многихъ приключеній, какъ то усталость и паденіе лошадей, она прибыла въ Петербургъ около шести часовъ, и прямо отправилась въ казармы Измайловскаго полка, который она нашла въ вооруженіи, готовымъ ее принять, со своимъ полковникомъ во главѣ, гетманомъ Разумовскимъ. Ея величество отправилась въ Семеновскій полкъ, а затѣмъ въ Преображенскій, и сопровождаемая ими была отведена во дворецъ, гдѣ все произошло такимъ образомъ, какъ я сказалъ выше.

Я долженъ замѣтить, что полкъ гвардейской кавалеріи, въ которомъ князь Георгій былъ полковникомъ, былъ первымъ ко-

---

меня въ моемъ отъѣздѣ изъ Петергофа. Его повели въ церковь, чтобы присягнуть мнѣ; это былъ мой отвѣтъ; затѣмъ прибыли князь Трубецкой и графъ Александръ Шуваловъ, также прибывшіе изъ Петергофа, чтобъ увѣриться въ войскахъ и убить меня. Ихъ также повели присягать безъ всякаго усилія.

Послѣ того, разославъ всѣхъ нашихъ курьеровъ, и взявъ всѣ предосторожности, около десяти часовъ вечера, я одѣлась въ форму войскъ, объявивъ себя полковникомъ, при невыразимо радостныхъ крикахъ. Я сѣла на лошадь и мы оставили немного народу отъ каждаго полка для охраны моего сына, который остался въ городѣ.

Такъ я была во главѣ войскъ, и мы шли всю ночь къ Петергофу. Прибывъ къ малому монастырю, вице-канцлеръ Голицынъ пришолъ принести мнѣ письмо очень лестное отъ Петра III. Я забыла сказать, что при выходѣ изъ города три солдата присланные изъ Петергофа, чтобъ роспространить манифестъ въ народѣ, дали его мнѣ говоря:— „Смотри, вотъ что Петръ III поручилъ намъ; мы его даемъ тебѣ и мы счастливы имѣть случай присоединиться къ нашимъ братьямъ.“ Послѣ этого перваго письма отъ Петра III пришло второе, принесенное генераломъ Михаиломъ Измайловымъ, который бросился къ моимъ ногамъ и сказалъ: „Считаете вы меня честнымъ человѣкомъ“. Я ему отвѣтила: Да.—„Итакъ! Пріятно имѣть дѣло съ умными людьми; императоръ предлагаетъ отказаться; я приведу его вамъ послѣ его отреченія свободно; я избѣгу междуусобной войны въ моей странѣ.“ Я безъ затрудненія поручила ему это дѣло, и онъ его отправился исполнять.

Петръ III свободно отказался отъ престола въ Ораніенбаумѣ, окруженный 1500 голштинцевъ и прибылъ съ Елизаветой Воронцовой, Гудовичемъ и Михаиломъ Измайловымъ въ Петергофъ, гдѣ для охраны его личности, я дала ему пять офицеровъ и нѣсколько солдатъ. Это было 29 іюня, день святого Петра, въ полдень. Пока

торый взбунтовался и показалъ больше всѣхъ злобы противъ своего полковника и послѣдняго правленія; что всѣ части дали клятву не колеблясь, исключая нѣсколькихъ офицеровъ кирасирскаго полка императора, которые сначала въ ней отказали, и нѣкоторые изъ нихъ, я думаю, еще находятся подъ арестомъ, такъ какъ они упорствуютъ въ своемъ отказѣ.

Что касается императора, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго свѣдѣнія, ни малѣйшаго подозрѣнія объ этомъ дѣлѣ до самой середины дня. Въ то время, когда онъ отправлялся изъ Ораніенбаума въ Петергофъ, онъ встрѣтилъ слугу, посланнаго шталмейстеромъ Леонидомъ Нарышкинымъ, который извѣщалъ его о томъ, что происходило въ городѣ. Его величество отправился въ Петергофъ, гдѣ онъ узналъ о бѣгствѣ императрицы: до тѣхъ поръ она была скрываема отъ дамъ и другихъ придворныхъ горничными ея величества, которыя говорили, что императрица была нездорова и въ постели. Съ этого момента несчастный императоръ, казалось, потерялъ голову, и въ его поведеніи было лишь отчаяніе и сму-

---

готовили обѣдъ для всѣхъ, солдаты вообразили, что Петръ III былъ приведенъ фельдмаршаломъ княземъ Трубецкимъ, и что послѣдній старался примирить насъ. И вотъ они останавливаютъ всѣхъ проходяшихъ, между ними гетмана, Орловыхъ и многихъ другихъ, говоря, что уже три часа они меня не видятъ, что они умираютъ отъ страху, какъ бы этотъ старый мошенникъ Трубецкой не обманулъ меня, сдѣлавъ, говорили они, „фальшивое примиреніе между тобой и твоимъ мужемъ, чтобы тебя не погубили, тебя, а также и насъ; но мы ихъ разорвемъ вклочки“; это было ихъ выраженіе. Я начала говорить съ Трубецкимъ и сказала ему: „пожалуйста сядьте въ карету, пока я обойду пѣшкомъ войска“. Я разсказала ему все, что происходило, онъ уѣхалъ въ городъ очень перепуганный, а я была принята неслыханными радостными восклицаніями, послѣ чего я послала, подъ предводительствомъ Алексѣя Орлова, сопровождаемаго четырьмя избранными офицерами и отрядомъ людей мягкихъ и благоразумныхъ, сверженнаго императора за двадцать семь верстъ отъ Петергофа въ мѣстечко, называемое Ропши, очень маленькое, но очень пріятное, пока приготовляли почетныя и приличныя комнаты въ Шлиссельбургѣ, и чтобы имѣли время приготовить ему подставныхъ лошадей. Но Богъ распорядился иначе: отъ страху съ нимъ сдѣлался ударъ, который продолжался три дня, а на четвертый прекратился. Онъ чрезвычайно пилъ этотъ день, такъ какъ онъ имѣлъ все, что хотѣлъ, кромѣ свободы. Между тѣмъ онъ просилъ у меня только свою любовницу, свою собаку, своего негра и скрипку; но боясь скандала и опасаясь увеличить броженіе въ умахъ, я послала ему только три послѣднихъ вещи. Почечная рѣзь возобновилась съ осложненіемъ на мозгъ, онъ былъ два дня въ этомъ состояніи, откуда послѣдовала сильная слабость, и несмотря на помощь врачей онъ скончался, прося лютеранскаго священника. Я боялась, чтобъ офицеры его не отравили, такъ они его ненавидѣли. Я заставила изслѣдо-

щеніе, и никакого рѣшенія не было принято до самаго поздняго вечера. Тогда его величество со всей своей свитой, мужчинами и женщинами сѣлъ въ лодку, которая была на якорѣ противъ Петергофа, и отправился на веслахъ къ Кронштадту, въ надеждѣ быть тамъ принятымъ. Но Толызинъ, адмиралтейскій коммисаръ, и вице-адмиралъ Мардисонъ, которые были посланы туда утромъ изъ Петербурга, опередили его и, когда императоръ подошелъ къ порту, ему не только отказали пустить его войти въ портъ, несмотря на то, что онъ заявлялъ, кто онъ, но ему грозили, что прикажутъ стрѣлять въ него. Этотъ случай увеличилъ смущеніе и отчаяніе, и его лодка также какъ и остальныя, которыя его сопровождали, повернули къ другому берегу, каждая беря другое направленіе, нѣкоторыя въ Петергофъ, остальныя въ Ораніенбаумъ. Въ числѣ послѣднихъ находился императоръ съ нѣкоторыми слугами. Въ субботу утромъ узнавъ, что императрица приближается съ такой большой силой, онъ послалъ князя Голицына, вице консула, и генерала-майора Измайлова къ императрицѣ съ нѣ-

---

вать его, и, конечно, не было найдено ни малѣйшаго слѣда; онъ имѣлъ здоровый желудокъ, но воспаленіе въ кишкахъ и апоплексическій ударъ унесъ его; его сердце было чрезвычайно мало и было поражено.

Послѣ его отъѣзда изъ Петергофа мнѣ посовѣтывали ѣхать прямо въ городъ, я предвидѣла, что войска этимъ опечалятся; я распространила слухъ объ этомъ, подъ предлогомъ узнать, въ которомъ часу они могутъ выступить въ дорогу. Послѣ 3-хъ дней такой большой усталости, они назначили въ десять часовъ вечера: „лишь бы только, она поѣхала съ нами". Я отправилась съ ними; и на половинѣ дороги я остановилась отдохнуть на дачѣ Куракина и бросилась одѣтая на постель. Одинъ офицеръ снялъ мнѣ сапоги. Я проспала 2 съ половиною часа, и потомъ мы снова отправились въ дорогу къ Екатерингофу; я сѣла на лошадь; полкъ гусаръ шелъ впереди, потомъ моя свита изъ кавалергардовъ; потомъ сейчасъ же слѣдовалъ весь мой дворъ; за мною шли войска гвардіи, по ихъ старшинству, и три полевыхъ полка. Я вступила въ городъ при радостныхъ кликахъ и я такъ ѣхала въ Лѣтній дворецъ, гдѣ меня ждалъ дворъ, синодъ, сынъ и всѣ мои приближенные. Я пошла къ обѣднѣ, потомъ пропѣли молебенъ; потомъ пришли меня поздравлять, меня не спавшую съ пятницы, съ 6 часовъ утра, почти что не ѣвшую и не пившую. Я была очень довольна, когда легла спать въ воскресенье вечеромъ.

Только что я заснула, въ полночь, какъ капитанъ Пассекъ вошелъ въ мою комнату и разбудилъ меня говоря: „наши люди страшно пьяны; одинъ гусаръ, въ томъ же состояніи, прошелъ мимо нихъ и закричалъ: къ оружію! 3 тысячи Пруссаковъ приближаются и хотятъ у насъ отнять нашу мать; послѣ этого они взяли оружіе и пришли узнать о Вашемъ здоровьи, говоря, что вотъ уже 3 часа, что они васъ не видѣли и что они спокойно уйдутъ домой, какъ только увидятъ, что вы здоровы; они не слушаютъ ни своихъ начальниковъ.

сколькими предложеніями; и спустя нѣсколько времени Измайловъ вернулся, принося актъ отреченія, который императоръ подписалъ, а затѣмъ онъ сѣлъ въ экипажъ съ этимъ генераломъ, отправился въ Петергофъ, и съ тѣхъ поръ его больше не видѣли, и я не могъ узнать, куда его отвезли. Говорятъ, что въ актѣ отреченія была статья, обѣщающая императору свободу отправиться въ Голштинію.

Императрица, проведя ночь въ деревенскомъ домѣ князя Куракина, вернулась вчера утромъ на лошади въ Петербургъ, и прослушавъ обѣдню въ новой церкви адмиралтейства, которую освѣщали въ этотъ день, она пошла прямо въ лѣтній дворецъ со своимъ сыномъ великимъ княземъ, гдѣ всѣ безъ различія были приняты въ продолженіи многихъ часовъ, и были допущены къ ея рукѣ.

Я слышалъ, что гетманъ Кириллъ Разумовскій, Виллебуа и графъ Панинъ, гувернеръ великаго князя, имѣли главное значеніе въ этой революціи, а за ними братья Орловы были самыми

ни даже Орловыхъ". И вотъ я опять на ногахъ; и чтобы не пугать караулъ дворца, состоявшій изъ батальона, я пошла первая къ нимъ и сказала имъ причину моего выхода въ такой часъ. Я сѣла потомъ въ мою карету съ двумя офицерами и поѣхала къ войскамъ и имъ сказала, что я чувствую себя хорошо, и пусть они идутъ спать и дадутъ мнѣ покой, что я только что легла, не спавъ три ночи; и что я желаю, чтобы впередъ они слушались своихъ офицеровъ. Они мнѣ отвѣтили, что ихъ встревожили этими проклятыми Пруссаками, что они всѣ хотятъ умереть за меня. „Ну хорошо, сказала я, я васъ благодарю, но идите спать". Послѣ этого они мнѣ пожелали доброй ночи и много здоровья и ушли, какъ ягнята, домой, обращая все время глаза къ моей каретѣ, уходя. На другой день они просили передать мнѣ извиненія и очень жалѣли, что разбудили меня.

Нужно цѣлую книгу, чтобы описать поведеніе каждаго изъ начальниковъ. Орловы блистаютъ искусствомъ умѣть управлять умами, осторожностью, смѣлостью, большими и малыми подробностями, большимъ присутствіемъ духа и авторитетомъ, даннымъ имъ этимъ поведеніемъ. У нихъ много хорошаго разума великодушной храбрости, патріотизма до восторженности, и они очень честные люди привязанные со страстью къ моей особѣ и соединены между собой, какъ рѣдкіе братья. Ихъ пятеро, но только трое были здѣсь. Капитанъ Пассекъ очень отличился, оставаясь цѣлыхъ 12 часовъ подъ арестомъ, хотя солдаты ему открыли двери и окна; и это для того, чтобы не поднимать шуму до моего прибытія къ его полку, хотя онъ могъ быть арестованнымъ каждую минуту и отвезеннымъ въ Ореніенбаумъ и тамъ быть представленнымъ къ допросу. Къ счастію этотъ приказъ Петра III-го пришелъ тогда, когда я уже была въ Петербургѣ. Княгиня Дашкова, младшая сестра Елизаветы Воронцовой, которая хотя и хочетъ приписать себѣ честь всего это-

дѣятельными и тѣ, которые были раньше въ заговорѣ. Самое странное, что было во всемъ этомъ, это то, что мѣстомъ для сборовъ былъ домъ княгини Дашковой, молодой дамы моложе двадцати лѣтъ, дочери графа Романа Воронцова, сестры любимицы Елизаветы и племянницы канцлера. Нѣтъ сомнѣнія, что она сыграла большую роль въ зарожденіи и исполненіи всего заговора съ самого начала и до конца.

Несчастный императоръ, казалось, никого такъ не любилъ, какъ гетмана, и два дня передъ революціей онъ обѣдалъ у маршала Разумовскаго, и оба брата приняли его съ большимъ знакомъ уваженія, съ усердіемъ и привязанностью, и лишь только онъ уѣхалъ, чтобы вернуться въ Ораніенбаумъ, гетманъ отправился прямо въ Петербургъ, чтобы обдумать всѣ мѣры съ императрицей.

Въ отношеніи причинъ этой революціи извѣстно, что конфискація земель была главной причиной, а также презрѣніе къ духовенству. Вторая причина строгая дисциплина, которую импе-

---

го переворота, была плохо принята изъ за своей родственницы, и ея 19 лѣтъ не заставили никого слушать ее.

Она утверждала, что все шло черезъ нее и такимъ образомъ доходило до меня. Несмотря на это уже 6 мѣсяцевъ я имѣла переписку съ началнниками; и она не знала даже имени перваго. Это вѣрно, что она очень умна, но она попорчена ея удивительнымъ чванствомъ и ворчливымъ настроеніемъ, она ненавидима начальниками и другъ легкомысленныхъ, которые ее посвящали въ то, что знали, а это были ничтожныя подробности. Иванъ Шуваловъ самый подлый и низкій человѣкъ, писалъ, какъ говорятъ, Вольтеру, что женщина 19 лѣтъ перемѣнила правленіе этой имперіи: разувѣрьте пожалуйста этого великаго писателя. Нужно было скрыть отъ Дашковой пути другихъ ко мнѣ, пять мѣсяцевъ назадъ, когда она еще ничего не знала и четыре недѣли тому назадъ ей говорили самое меньшее, что можно. Сила ума князя Барятинскаго, который скрывалъ отъ любимаго брата, адъютанта бывшаго имгератора, этотъ секретъ, не потому, чтобы это былъ сообщникъ, не потому, что его надо бояться, но только какъ отъ лишняго, заслуживаетъ похвалы. Въ кавалергардахъ, одинъ офицеръ, называемый Шитру 22-хъ лѣтъ, и одинъ оберъ-офицеръ 17 лѣтъ Потемкинъ, распоряжались всѣмъ съ храбростью и дѣятельно.

Вотъ почти вся наша исторія. Все дѣлалось, я вамъ признаюсь, подъ моимъ особеннымъ руководствомъ; и подъ конецъ я сама все прервала, задерживая отъѣздъ загородъ, такъ какъ онъ мѣшалъ исполненію плана, а все было готово уже 15 дней. Бывшій императоръ, узнавъ о смятеніи въ городѣ, не послѣдовалъ совѣту стараго фельдмаршала Миниха, такъ какъ ему въ этомъ помѣшали молодыя женщины его свиты; Минихъ ему совѣтовалъ броситься въ Кронштадтъ или уйти съ немногимъ количествомъ людей къ арміи, и когда онъ поѣхалъ на лодкѣ въ Кронштадтъ, городъ уже былъ нашъ

раторъ пытался ввести въ войска, особенно въ войскахъ гвардіи, которыя привыкли къ большой свободѣ. Ихъ неудовольствіе возросло вслѣдствіе рѣшенія императора взять съ собой въ Германію большую часть этого войска, для своей экспедиціи противъ Даніи. Эта война была, во первыхъ, непріятна всей націи, которая видѣла къ сожалѣнію себя вовлеченной въ новые расходы и новыя опасности для побѣды герцогства Шлезвига, разсматриваемаго какъ предметъ самъ по себѣ, безъ цѣны и абсолютно безразличный для Россіи, и это послѣ того, какъ императоръ только что пожертвовалъ, благодаря своей дружбѣ къ прусскому королю, побѣдой, сдѣланной русской арміей, и которая могла быть очень важна государству; тѣмъ не менѣе лишь желаніе мира заставило его оправдать.

Много другихъ мелкихъ обстоятельствъ, очень преувеличенныхъ, извращенныхъ и представленныхъ въ ложномъ свѣтѣ, способствовали паденію этого несчастнаго царя, который имѣлъ много превосходныхъ качествъ и который не совершилъ ни одного рѣзкаго и жестокаго поступка въ продолженіи своего царствованія, но который своимъ отвращеніемъ къ дѣламъ, чѣмъ онъ обязанъ своему плохому образованію, и печальнымъ выборомъ своихъ любимцевъ, которые его на это одобряли, привелъ всѣ дѣла въ безпорядокъ, и въ заблужденіи, въ которомъ онъ находился, бывъ увѣренъ въ любви народа, за тѣ великіе блага, которые онъ ему сдѣлалъ при своемъ восшествіи на престолъ, онъ впалъ въ безпечность и въ темноту, которыя были для него фатальны.

Я не могу удержаться, чтобы не прибавить, что я самъ и нѣсколько другихъ лицъ, мы, каюсь, замѣтили недавно въ этомъ принцѣ замѣтную перемѣну, съ тѣмъ что было нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе; нескончаемый круговоротъ, въ которомъ онъ жилъ, и лесть противныхъ царедворцевъ, окружавшихъ его, до извѣстной степени измѣнили его умъ. Чтобы закончить, я долженъ признаться, что я не подозрѣвалъ, что этотъ переворотъ произойдетъ такъ быстро, но я всегда думалъ, что его удаленіе изъ имперіи для него будетъ гибельно, и поэтому я старался всѣми возможными средствами отвратить его отъ ихъ предполагаемой от-

---

хорошимъ поведеніемъ адмирала Талызина, который обезоружилъ генерала Ливерса, прибывшаго туда отъ императора. Когда Талызинъ туда пришелъ, одинъ портовой офицеръ своей собственною волею угрожалъ этому несчастному князю, что онъ будетъ стрѣлять изъ пушекъ по его лодкѣ. Наконецъ Богъ все привелъ къ желанному имъ концу, и все это больше чудо, чѣмъ заранѣе обдуманные и исполненные планы; такъ много счастливыхъ случайностей могли встрѣтиться только по волѣ Всевышняго“.

правки явными намеками ему самому и такъ же представляя опасность этой мѣры тѣмъ, кто имѣлъ возможность давать ему совѣты.

Отецъ и сестра княгини Дашковой все еще плѣнники. Говорятъ, что императоръ пожелалъ только три вещи: свою жизнь, и чтобы съ его фавориткой и съ его адъютантомъ Гудовичемъ хорошо обращались. Вчера вечеромъ, около 10 часовъ, я получилъ извѣстіе, которое мнѣ предписывало находиться сегодня утромъ при дворѣ въ 11 часовъ. Я туда отправился. Я тамъ нашелъ всѣхъ инстранныхъ министровъ. Мы были вскорѣ проведены къ Ея Величеству, и мы имѣли честь поцѣловать ея руку. Дѣлая это, я воспользовался этимъ случаемъ и сказалъ ей приличную этому случаю любезность отъ имени короля; она ее хорошо приняла и отвѣтила на нее въ хорошихъ выраженіяхъ. Въ общемъ, я былъ очень хорошо принятъ. Лица, которыя тамъ больше всего выдѣлялись, были: Орловъ, о которомъ я уже говорилъ, онъ носилъ ленту ордена Св. Александра и ключъ камергера".

Донесенія повѣреннаго по дѣламъ Франціи содержатъ нѣсколько подробностей о поведеніи Петра, которыхъ не зналъ еще Кейтъ. Они доказываютъ, что нельзя было показать болѣе слабости, чѣмъ показалъ этотъ злочастный царь. Онъ имѣлъ съ собой въ Ораніенбаумѣ 1500 голштинцевъ, которые дали бы себя убить за него, и у него не было храбрости дать имъ приказъ. Минихъ, который ему остался вѣренъ до конца, совѣтовалъ Петру убѣжать, отправиться въ армію, находившуюся на границахъ Пруссіи, возвратиться во главѣ своихъ испытанныхъ войскъ и снова получить корону. Но онъ не былъ способенъ слѣдовать подобнымъ совѣтамъ, которые требовали силы и твердости ума и характера, которыхъ онъ никогда не имѣлъ. Онъ пассивно подчинился своей судьбѣ, даже не жалуясь на превратности ея, низвергавшіе его изъ величайшихъ почестей въ крайнюю бѣду. Беренжеръ писалъ отъ 13-го іюля (новаго стиля):

„Императоръ, видя себя окончательно въ безвыходномъ положеніи, написалъ письмо императрицѣ, въ которомъ признавалъ свои вины и предлагалъ помириться съ нею и раздѣлить власть. Императрица совершенно не отвѣтила. Онъ ей послалъ немного времени спустя другое письмо, въ которомъ просилъ у нея прощенія, пенсіи и позволенія удалиться въ Голштинію. Императрица послала ему черезъ генерала Измаилова актъ отреченія отъ престола, съ приказаніемъ подписать его и ему объявить ,что совсѣмъ не могутъ отвѣчать за его жизнь, если онъ вздумаетъ защищаться. Этотъ офицеръ отправился въ Ораніенбаумъ въ сопровожденіи

только одного слуги и представилъ ему этотъ актъ для подписи, и такъ какъ онъ сталъ увертываться, Измаиловъ ему сказалъ: „Вы господинъ моей жизни, но пока я васъ арестую именемъ государыни“. Онъ ему снялъ его орденскую ленту и отвезъ его изъ Ораніенбаума въ Петергофъ, гдѣ онъ былъ отведенъ въ помѣщеніе, которое онъ занималъ, будучи великимъ княземъ, лишенъ всѣхъ знаковъ его сана и одѣтъ въ халатъ, изъ котораго онъ не вышелъ до тѣхъ поръ, пока не погибъ совсѣмъ. Такимъ образомъ кончилась эта трагедія 10-го іюля въ семь часовъ вечера. Она показалъ самую большую трусость въ продолженіи всего этого событія“.

И еще отъ 16-го іюля (новаго стиля):

„Императоръ попросилъ свою собаку мопса, негра Нарцисса, скрипку, романы и нѣмецкую библію“.

Переворотъ совершился, не встрѣчая даже малѣйшаго сопротивленія. Сторонники регенства, тѣ самые, которые его формнено постановили, обѣщая свою поддержку, приняли, не говоря ни слова, свершившіяся событія. Тѣ изъ заговорщиковъ, которые, если вѣрить донесенію отъ 28 октября Бретейля, думали возвести Ивана на престолъ,—удержались отъ малѣйшаго протеста.

Екатерина царствовала безъ спора, но тѣ, которые больше другихъ принимали участіе въ ея возвышеніи, чувствовали, что ей будетъ трудно, пока Петръ живъ, пользоваться мирно короною, которую ей далъ счастливый случай. Не могли не знать, что этотъ герцогъ, ненавидимый дворянствомъ и солдатами, былъ очень любимъ простымъ народомъ, а даже въ Россіи, гдѣ съ народомъ такъ мало считаются вообще, должны считаться съ нимъ во многомъ во время переворота. Чувствовалось уже, что будетъ очень трудно, чтобы не сказать невозможно, удовлетворить требованія и претензіи всѣхъ тѣхъ, которые по гордости или любви къ новизнѣ, участвовали въ заговорѣ, замѣчали въ войскахъ волненіе и буйство, которые ихъ могли довести до всякой крайности. Не потому, что несчастный Петръ, погруженный въ тупое уныніе, побѣжденный, обезоруженный, покинутый всѣми, былъ бы съ виду опасенъ. Онъ принималъ безъ ропота жалкія условія, въ которыя его ошибки и злая судьба его поставили. Тѣмъ не менѣе, пока онъ былъ живъ, Екатеринѣ было чего бояться, такъ какъ будь онъ въ самой тѣсной тюрьмѣ, за бастіонами Шлиссельбурга, его имя могло служить словомъ лозунга. Императрица была, конечно, недоступна этимъ соображеніямъ и ея лучшіе друзья рѣшили освободить ее отъ всякаго безпокойства по этому поводу.

Петръ III былъ увезенъ изъ Петергофа, какъ видѣли уже раньше, и изъ Ораніенбаума, куда онъ былъ раньше привезенъ, его отвозили постепенно въ крѣпость Шлиссельбурга на Ладожскомъ озерѣ. 19 іюля утромъ, когда онъ отдыхалъ въ маленькомъ деревенскомъ домикѣ, очень уединенномъ, Алексѣй Орловъ, командовавшій стражей и младшій оберъ-офицеръ, называемый Тепловъ, вошли въ его комнату. Что они тамъ дѣлали, никогда этого не узнали навѣрное. Когда они оттуда вышли, Петръ III былъ мертвъ. Беренжеръ, въ своемъ донесеніи отъ 21 августа, говоритъ формально, по донесенію лакея, не оставлявшаго императора, что онъ былъ сначала отравленъ, и такъ какъ ядъ не очень скоро подѣйствовалъ, то былъ задушенъ. Девять лѣтъ спустя Дюранъ повѣренный по дѣламъ Франціи въ Вѣнѣ, писалъ отъ 4 мая 1771 года:

„Никто ему не говорилъ о смерти Петра III-го, графъ Алексѣй Орловъ самъ заговорилъ объ ужасной исторіи, онъ говорилъ въ разныхъ случаяхъ, что онъ очень горевалъ о человѣкѣ, у котораго было столько человѣколюбія, и что онъ долженъ былъ противъ своего убѣжденія сдѣлать то, что отъ него потребовали.Этому генералу, физическая сила котораго изумительна, было поручено удавить своего государя, и кажется, что угрызенія совѣсти его преслѣдуютъ“.

Объявили, что Петръ умеръ отъ геморроидальной спазмы. Его трупъ былъ выставленъ у всѣхъ на виду въ одной изъ церквей Петербурга, для того, чтобы клеветники не могли бы когда нибудь, по примѣру Лжедимитрія, принять его имя, и каждый могъ видѣть по его почернѣвшему лицу и по оцарапанной шеѣ слѣды преступленія, которое тщетно старались скрыть. Кейтъ удовольствовался тѣмъ, что писалъ отъ 20 іюля (новаго стиля):

„Я получилъ отъ русскаго министра бумагу такого содержанія: „Государственный министръ Россіи считаетъ своею обязанностью извѣстить иностранныхъ министровъ, что бывшій государь, имѣя ужасную спазму, которыми часто былъ обезпокоенъ, умеръ вчера“. Императоръ умеръ въ маленькомъ загородномъ домикѣ, принадлежащемъ казнѣ, и его тѣло было перевезено оттуда ночью съ воскресенья на понедѣльникъ въ Невскій монастырь, гдѣ онъ теперь выставленъ для поклоненія публики. Тысячи народу толпятся тамъ, чтобы его видѣть“.

И три дня спустя отъ 23-го:

„Императоръ похороненъ въ Невскомъ монастырѣ во вторникъ утромъ, безъ церемоній. Члены первыхъ пяти классовъ присутствовали, по приказанію, при погребеніи“.

Беренжеръ, который не считалъ себя обязаннымъ такъ сдерживаться, какъ Кейтъ, писалъ въ то же самое число, 23-го іюля, слова, служащія какъ бы моралью ко всему выше сказанному:

„Какая картина для самого народа, разсуждая хладнокровно! Съ одной стороны внукъ Петра І-го, лишенный трона и убитый; съ другой внукъ царя Ивана томящійся въ цѣпяхъ; тогда какъ принцесса Ангальтъ присваиваетъ себѣ корону ихъ предковъ, начиная царствованіе съ цареубійства“.

Трудно не спросить себя, какое участіе принимала Екатериня въ смерти мужа. Требовала ли она ея отъ своихъ фанатическихъ сектантовъ или, какъ сдѣлалъ ея внукъ Александръ въ подобномъ же случаѣ, удовольствовалась выгодой этого убійства, котораго она не приказывала, но допустила дѣлать? Въ первыя минуты даже тѣ, которые были менѣе всего расположены судить ее снисходительно, считали ее невинной.

Беренжеръ, напримѣръ, писалъ отъ 23-го іюля:

„Я не подозрѣваю въ этой принцессѣ такой ужасной души, чтобы думать, что она участвовала въ смерти царя. Но такъ какъ тайна самая глубокая будетъ вѣроятно всегда скрывать отъ общаго свѣдѣнія настоящаго автора этого ужаснаго убійства, подозрѣніе и гнусность останутся на императрицѣ, которая пожинаетъ отъ него плоды“.

Всетаки, если вѣрить Бретейлю и судить но фактамъ, сообщеннымъ имъ, остается мало сомнѣній въ винѣ Екатерины.

Этотъ посланникъ писалъ отъ 28-го октября:

„Въ день, въ который рѣшено было сократить дни Петра III-го, императрица получила извѣстіе объ этомъ ужасномъ исполненіи въ полдень. Это было время показаться при дворѣ. Она собрала потомъ интимный совѣтъ изъ тѣхъ, которые могли узнать о концѣ ея мужа и рѣшали, сообщать ли въ тотъ же день въ сенатъ о смерти Петра III-го. Большинство было за то, чтобы скрыть это еще сутки отъ сената и народа. Послѣ этого рѣшенія царица показалась, какъ всегда, вечеромъ при дворѣ. На другой день, день назначенный для объявленія о смерти императора, Екатерина сдѣлала видъ, что узнала это вмѣстѣ съ публикою, плакала, не выходила и показывала свое горе. Я зналъ всѣ ужасныя причины, требовавшія этой трагической сцены, но я не знаю, правъ ли я, она мнѣ также отвратительна, какъ и событіе, вызвавшее ее. Я знаю уже давно и мнѣ это сообщили съ времени моего возвращенія, что ея принципы таковы:

нужно быть стойкой въ своихъ рѣшеніяхъ и лучше плохо сдѣлать, чѣмъ мѣнять рѣшеніе, а главное, только дураки нерѣшительны“.

Петръ III былъ искренно сожалѣемъ только Фридрихомъ, который выражалъ, во многихъ мѣстахъ исторіи семилѣтней войны, свои чувства.

Конечно,—благодарность по отношенію къ этому принцу, иллюзіи, которыя ничто не оправдывало. Правда, что теряя его, онъ терялъ много, болѣе, чѣмъ союзника, болѣе чѣмъ друга, можно сказать преданнаго слугу. Узнавъ о переворотѣ, Фридрихъ писалъ графу Финкенштейну:

„Вотъ русскій императоръ свергнутъ съ престола супругой; этого ожидали. Эта принцесса безконечно умна и имѣетъ тѣ же наклонности, какъ и покойная. У нея нѣтъ никакой религіи, она только прикидывается набожной..... Это второй томъ закона греческаго императора и его супруги, Адріана и Маріи Медичи. Бѣдный императоръ хотѣлъ подражать Петру I-му, но у него не было его генія“,

IX.

Екатерина не была женщиной способной раскаиваться или имѣть угрызенія совѣсти. Если бы она была способна ихъ имѣть, она скоро бы выздоровѣла, такъ какъ она не замедлила радоваться тому, что избавилась отъ мужа. Меньше чѣмъ черезъ 6 недѣль послѣ переворота, 20-го августа Кейтъ писалъ:

„Плохое настроеніе и недовольство, которое тлѣло и бродило глухо со времени переворота въ войскахъ гвардіи, дошло до того, что вспыхнуло на этихъ дняхъ въ видѣ открытаго возмущенія. Солдаты Семеновскаго полка дрались съ оружіемъ въ рукахъ этою ночью, и съ большею трудностью офицеры уговорили ихъ. То же самое возмущеніе продолжалось двѣ ночи подрядъ, хотя меньше, и это дало серьезныя опасенія правительству. Большое количество офицеровъ и солдатъ было арестовано и ихъ скрыли. Опасность въ данную минуту миновала“.

Несмотря на мѣры, принятыя императрицею, употреблявшею по очереди то хитрость, то суровость, то же волненіе царило въ гарнизонахъ Петербурга. Тамъ образовывались заговоры всякаго рода, одни для того, чтобы свергнуть Екатерину съ престола и отдать корону ея сыну, великому князю Павлу; другіе, дать им-

перію Ивану. Ни одни, ни другіе не были, дѣйствительно, опасны; они достигли только того, что покрѣпче заперли бѣднаго Ивана въ Шлисельбургской крѣпости и внушили Екатеринѣ видъ боязни, смѣшанной съ ненавистью, противъ ея сына, въ которомъ оно привыкла видѣть соперника.

Здѣсь намъ нужно проститься съ Кейтомъ. На другой же день послѣ возстанія онъ писалъ Георгу Гренвилль, государственному секретарю по иностраннымъ дѣламъ:

„Вы можете легко себѣ представить огорченіе, которое мнѣ причинило это внезапное возстаніе, еще болѣе потому, что кромѣ благодарности, которую я былъ долженъ воздавать несчастному императору за всѣ доброты и расположенія, выказанныя имъ мнѣ, я замѣчаю, что этотъ переворотъ вліяетъ сильно на общій ходъ дѣлъ... Вы, навѣрное, уже замѣтили, что я не имѣю счастія быть въ милости у императрицы и я имѣю особыя причины быть въ этомъ увѣреннымъ. Это меня обязываетъ, какъ вѣрнаго слугу короля, вамъ объявить, что дѣла Его Величества будутъ страдать, проходя черезъ мои руки“.

Два дня спустя, Кейтъ писалъ еще:

„Я болѣе и болѣе увѣренъ, что служеніе Его Величеству требуетъ при этомъ дворѣ другого министра, а не меня; и потому я возобновляю мою просьбу о томъ, чтобы я былъ отозванъ“.

Англійскій кабинетъ понялъ безъ труда причины настойчивости Кейта, и какъ только это было возможно, далъ ему преемника; это былъ Джонъ Гобартъ, графъ де-Букингамширъ, котораго мы будемъ называть лордомъ Букинчгамъ, чтобы приноровиться къ обычаю. По его прибытіи въ Москву, гдѣ былъ тогда дворъ для коронованія императрицы, новый посланникъ Англіи былъ пораженъ выраженіемъ меланхоліи, которой было проникнуто лицо Екатерины. Лордъ Букингамъ писалъ отъ 23-го ноября 1762 года:

„Императрица сказала мнѣ вчера вечеромъ въ разговорѣ, что съ нѣкотораго времени она была разсѣянной въ обществѣ и что она незамѣтно пріобрѣла эту привычку, она не знала почему“.

Лордъ Букингамъ приписывалъ это расположенію къ заботамъ и грусти, броженію, которое продолжало царить въ войскахъ и особенно въ войскахъ гвардіи. Онъ писалъ немного дней спустя отъ 8-го ноября:

„6 офицеровъ гвардіи, выразившихся немного свободно, разжаловали сегодня утромъ и отослали потомъ до конца ихъ жизни въ самую отдаленную провинцію государства“.

Поторопимся сказать, что печаль и разсѣянность императрицы выдавали усталость чисто физическую, если вѣрить де Бретейлю, который писалъ около этихъ чиселъ, 28 октября, что Екатерина была въ эту минуту „занята прекращеніемъ безпорядковъ, произведенныхъ выкидышемъ, въ которомъ Петръ III былъ такъ же невиненъ, какъ и не освѣдомленъ“.

Сужденіе, вынесенное лордомъ Букингмомъ объ Екатеринѣ, было со всѣхъ сторонъ очень выгодное для той выдающейся женщины, на которую были устремлены взгляды всей Европы. Можно было видѣть, что онъ былъ очарованъ. Онъ писалъ отъ 25-го ноября:

„По моимъ наблюденіямъ, императрица своими талантами, своимъ образованіемъ и своимъ трудолюбіемъ превышаетъ всѣхъ въ этой странѣ. Стѣсненная обязательствами, которыя она заключила въ послѣднее время, сознавая трудность своего положенія и боясь опасностей, которыми до сихъ поръ она считала себя окруженной, она не можетъ еще рѣшиться открыто поступать по своему желанію и освободиться отъ нѣсколькихъ лицъ изъ ея двора, которыхъ она презираетъ за характеръ и способности. Она принимаетъ всѣ мѣры, чтобы получить довѣріе и расположеніе своихъ подданныхъ. Если ей это удастся, она воспользуется полученной властью для блага своего государства“.

Де Бретейль писалъ почти въ то же время отъ 9-го января 1763 года:

„Кромѣ Панина, который имѣетъ болѣе привычку, чѣмъ большіе таланты или познанія, у этой принцессы нѣтъ никого, кто бы могъ служить ея планамъ управленія и величія. Несмотря на это нужно, чтобы она слушала и исполняла по большей части совѣты этихъ старыхъ русскихъ, которые, сознавая выгоду ихъ положенія, надоѣдаютъ ей постоянно, то съ соблюденіемъ ихъ предразсудковъ, касающихся государства, то съ ихъ частными интересами. Это любопытное зрѣлище смотрѣть въ пріемные при дворѣ дни на трудныя усилія, которыя дѣлаетъ императрица, чтобы нравиться своимъ подданнымъ, на свободу большинства, на крайнюю назойливость, съ которой они съ нею говорятъ и просятъ постоянно объ ихъ дѣлахъ и мысляхъ. Для меня, знающаго характеръ этой принцессы и видящаго съ какой несравненною милостью и граціей она примѣняется къ нимъ, я могу себѣ представить, чего ей это стоитъ и насколько она увѣрена, что обязана такъ дѣлать. Въ одинъ изъ послѣднихъ придворныхъ пріемныхъ дней, она была болѣе уставши отъ множества разговоровъ и особенно отъ Бестужева, мертвецки-пьянаго и разговора котораго она избѣгала, но онъ былъ длиненъ и очень оживленъ съ той и

съ другой стороны. Кончая его, императрица приблизилась ко мнѣ и меня спросила, видѣлъ ли я когда нибудь охоту на зайца? На что я ей отвѣтилъ, что да, она сказала: вы должны находить, что все, что дѣлается со мною здѣсь, очень на нее походитъ, меня подняли и быстро толкаютъ, хотя чтобы я ни сдѣлала, чтобы избѣгнуть предъявленій и предположеній, которыя не всегда основаны на смыслѣ и честности. Несмотря на это, я отвѣчаю всѣмъ настолько, насколько могу удовлетворить и когда я не могу чего либо сдѣлать, я даю себѣ трудъ объяснить почему".

Екатерина была хорошаго мнѣнія объ умѣ Бретейля; она любила бесѣдовать съ нимъ; итакъ, по его донесеніямъ можно лучше всего ее судить. Насъ такимъ образомъ простятъ за то, что мы часто предоставляемъ ему слово. Онъ писалъ еще отъ 23-го февраля 1763 года, донося о длинномъ разговорѣ, бывшемъ у него съ Екатериной:

„Императрица выразила мнѣ довѣріе относительно ея личнаго положенія и говорила со мною съ тщеславіемъ о высокомъ ея мнѣніи о своемъ величіи и могуществѣ. Она повторяла разъ тридцать: „государство такое обширное и такое могущественное, какъ мое". Она мнѣ говорила о нѣсколькихъ проэктахъ, касающихся блага его внутренней жизни. Она очень распространялась о ея прежнихъ разсчетахъ, и теперешнемъ могуществѣ. Она мнѣ сказала, что вступая въ Россію, она всегда мечтала здѣсь царствовать одна. Она ко всему этому приплетала благословеніе неба и любовь ея подданныхъ. Она говорила, что съ эпохи ея восшествія на тронъ, она не вѣрила въ судьбу и ея гордость имѣла этому массу доказательствъ какъ пріятныхъ, такъ и полезныхъ для нея. Несмотря на это, послѣ всѣхъ этихъ прекрасныхъ описаній, императрица мнѣ призналась, что она несчастлива и что ей надо было управлять людьми, которыхъ невозможно удовлетворить; что она старательно искала средство сдѣлать ея подданныхъ счастливыми; но она чувствовала, что имъ нужно нѣсколько лѣтъ, чтобы привыкнуть къ ней. Наконецъ, очевидно гордясь своими успѣхами и красотой своего положенія, эта принцесса дала мнѣ увидѣть, что она безпокойна и что душа ея не чувствуетъ себя хорошо... У нея голова кружится отъ сознанія, что она императрица, но отъ этого она еще болѣе смутна и взволнована. Вы въ этомъ были бы болѣе увѣрены, если бы могли видѣть безпокойство и чувства лицъ, которые имѣютъ во всемъ ея довѣріе. Интриги и продѣлки только волнуютъ ее, а національный характеръ русскихъ для того и созданъ, чтобы ихъ увеличивать. Никогда еще дворъ не былъ такъ терзаемъ партіями; онѣ растутъ съ каждымъ днемъ; а императрица показываетъ

только слабость и неувѣренность, недостатки ранѣе не показывавшіеся въ ея характерѣ“.

Де-Бретейль писалъ еще мѣсяцъ спустя, отъ 19-го марта:

„Боязнь потерять то, что императрица имѣла смѣлость взять, такъ ясно замѣтна въ ея ежедневномъ поведеніи, что всякій, хотя немного имѣющій власть, чувствовалъ бы себя сильнѣе ея. Удивительно, какъ эта принцесса, которая всегда слыла за храбрую, слаба и нерѣшительна, когда нужно рѣшить какой нибудь малѣйшій вопросъ, который можетъ потерпѣть возраженіе внутри страны. Ея тонъ высокомѣрный, гордый, чувствуется только въ вещахъ, находящихся извнѣ, потому что какъ только опасность не ея личная, она надѣется нравиться ея подданнымъ“.

У Екатерины было много причинъ для безпокойства. Она знала лучше, чѣмъ кто нибудь другой, что ея положеніе непрочно. Она хотѣла, правда, какъ и писалъ Лордъ Букингамъ отъ 3 февраля 1763-го года, вести себя такъ, какъ будто бы она чувствовала себя въ совершенной безопасности. Она выѣзжала ночью, въ Петербургѣ, въ открытыхъ саняхъ и съ очень маленькой свитой; и даже, когда она ѣхала въ Сенатъ, съ ней было только два лакея, стоявшихъ за каретой. Но она знала, что видъ подчиненія и рабства, который она видѣла всюду, скрывалъ зачатки возстанія, которыхъ самая бдительная полиція съ трудомъ могла найти слѣды.

Бретейль писалъ отъ 19-го марта:

„Отправляютъ въ Сибирь самымъ скорѣйшимъ образомъ партію недовольныхъ, но не всѣ туда попадутъ“

Лордъ Букиннгемъ, почти въ тѣ же числа, выражался такъ въ своемъ донесеніи отъ 21-го февраля:

„Большой безпорядокъ царитъ внутри страны. Не видно болѣе общаго довольнаго вида и удовлетворенности, какъ было 2 мѣсяца тому назадъ, и много людей осмѣливаются выразить недовольство мѣрами, принимаемыми дворомъ“.

Причиной или вѣрнѣе предлогомъ глухого волненія, которое было замѣтно теперь при дворѣ и въ арміи, былъ очевидный фаворъ, которымъ императрица почтила Григорія Орлова. Сейчасъ же послѣ переворота она дала ему титулъ графа, такъ же какъ и двумъ его братьямъ Алексѣю и Владиміру; она его назначила камергеромъ и не проходило мѣсяца, чтобы она его не осыпала новыми благодѣяніями, деньгами, должностями и чинами. Лордъ Букингимъ писалъ:

„Пристрастіе императрицы къ графу Орлову и знаки отличія, которыя она ему даетъ, прибавляются день ото дня, и оби-

жаютъ многихъ. Это было бы еще ничего, если бы она сдѣлала и удовольствовалась только однимъ подаркомъ, часами украшенными брилліантами, стоющими около 500 фунтовъ стерлинговъ, хотя въ этой странѣ очень мало денегъ, а ихъ много тратятъ".

Чѣмъ главное были недовольны важные чиновники, министры, это то, что былъ по ихъ мнѣнію выскочка небольшого значенія и онъ одинъ пользовался довѣріемъ императрицы. Екатерина хорошо сознавала, чего не хватало ея фавориту. Такимъ образомъ, особенно въ первое время, она дѣлала видъ, что исполняетъ свой долгъ благодарности по отношенію къ нему и его братьямъ и дѣлала видъ, что не отличаетъ ихъ другъ отъ друга. Уже видѣли въ какихъ выраженіяхъ она говорила объ нихъ въ ея отзывѣ о переворотѣ, отзывѣ, написанномъ ей самой или отъ ея имени. Эти похвалы были умышленно преувеличены и она знала это лучше, чѣмъ кто либо другой на свѣтѣ, что онѣ не были справедливы. Но въ этомъ документѣ, который она должна была сдѣлать публичнымъ, она какъ бы обращалась къ цѣлой Европѣ, у которой хотѣла имѣть о себѣ хорошее мнѣніе и порицаніе которой хотѣла отвратить. Она такъ не говорила въ Петербургѣ, и она была болѣе стѣснена оправданіемъ своего фаворита. Де Бретейль писалъ въ своемъ донесеніи отъ 23 февраля 1763 г.:

„Императрица говорила мнѣ такъ объ ея окружающихъ и хотѣла мнѣ указать на Орловыхъ и я думаю, какъ бы извиниться за нихъ, сказала: я не веду пріятный образъ жизни, и я знаю, что люди, окружающіе меня, мало образованы, но я имъ обязана тѣмъ, что я есть; они полны храбрости и честности, и я увѣрена, что они меня не продадутъ".

Что главное причиняло общее недовольство противъ Григорія Орлова, это было менѣе его фаворъ, который возбуждалъ только зависть и ревность, но его претензіи, болѣе или менѣе выраженныя. Орловъ не довольствовался добрыми милостями своей государыни, тѣмъ, что былъ заваленъ почетомъ и имуществомъ, тѣмъ, что имѣлъ больше всѣхъ власти при дворѣ; онъ хотѣлъ большаго, надѣясь ни много, ни мало, какъ раздѣлить тронъ его любовницы. Странная вещь и которой съ трудомъ вѣрится, хотя она и была подтверждена освѣдомленными современниками, гордая Екатерина, не была далека отъ мысли удовлетворить притязанія своего фаворита. Была даже небольшая партія при дворѣ, которая ее на это открыто толкала. Болѣе чѣмъ кто либо другой, Бестужевъ побуждалъ императрицу къ этому безумному поступку. Онъ былъ призванъ торжественно изъ ссылки, но въ награду за прежнія услуги, онъ получилъ только мѣсто въ совѣтѣ и большую пенсію. Екатерина слишкомъ хорошо его знала, что-

бы ему довѣрить дѣятельную часть въ ея правленіи. Бестужевъ не могъ утѣшиться, что онъ не былъ возстановленъ въ должности канцлера, которая была оставлена за его преемникомъ Воронцовымъ, онъ главное оттого и присоединился къ фавориту, надѣясь получить, благодаря его поддержкѣ, старое мѣсто. Если мы должны вѣрить тому, что писалъ де Бретейль отъ 18 мая 1763 года, Бестужевъ съ согласія императрицы уговорилъ нѣсколько епископовъ адресовать ей просьбу, чтобы ее умолять выбрать себѣ мужа изъ ея подданныхъ, того, котораго она найдетъ болѣе достойнымъ этой чести. Екатерина спросила совѣтъ, какой отвѣтъ она должна дать на эту просьбу.

Канцлеръ, Панинъ, Разумовскій и нѣкоторые другіе сильно воспротивились даже противъ мысли о замужествѣ императрицы, и ей даже утрировали опасности, которымъ она подвергалась, если она унизится до того, что выйдетъ замужъ за Орлова. Между тѣмъ по Москвѣ, гдѣ находился дворъ, распространился слухъ, что Екатерина хочетъ присоединить своего фаворита къ правленію и сейчасъ же вспыхнуло народное возстаніе, въ которомъ приняли участіе много солдатъ гвардейскихъ полковъ. У однихъ было на устахъ имя Ивана, другіе громко требовали, чтобы имъ показали великаго князя, жизнь котораго, говорили они, въ опасности; всѣ проклинали Орлова. Это былъ только мятежъ, у котораго не было ни начальника, ни плана, и онъ былъ скоро усмиренъ. Самыя точныя изысканія не могли доказать, что здѣсь былъ заговоръ. Англійскій посланникъ писалъ отъ 25-го августа 1763 года:

„Лица, участвовавшія въ послѣднихъ смутахъ, отрицаютъ присутствіе какого либо намѣренія противъ Ея Величества. Они признаются, что ихъ единственной заботой было удаленіе графа Орлова отъ фавора, которымъ онъ пользовался.

Его считаютъ такимъ выскочкой и при этомъ дворѣ, гдѣ почти всѣ таковы, исключая только царствующую семью, которая видитъ вездѣ враговъ. Самыя разозленные противъ него это тѣ, которые принимали съ нимъ вмѣстѣ участіе въ послѣднемъ переворотѣ и считаютъ себя неизмѣримо болѣе достойными, чѣмъ онъ".

Когда все немного успокоилась, Екатерина стала себя держать съ привычной ей ловкостью. Большое количество солдатъ было строго наказано, чтобы утвердить дисциплину, которая была очень ослаблена, но настоящіе виновники были пощажены. Можетъ быть, боялась она наказать слишкомъ много уважаемыхъ лицъ, быть можетъ, тѣхъ, которыя стояли ближе всего къ ней.

Ей все же нужна была жертва, и вотъ на княгиню Дашкову обрушился весь ея гнѣвъ.

Видѣли уже, какое большое участіе принимала эта женщина, въ переворотѣ или по меньшей мѣрѣ, что ей было приписано. Никто въ этомъ ничего не лишился; она же, наоборотъ, потеряла довѣріе и дружбу своей государыни, обрекшей ее съ тѣхъ поръ, не знаютъ почему, своей непримиримой ненависти. Въ описаніи приведенномъ выше, Екатерина отказывала ей даже вь такой заслугѣ, какъ участіе въ событіяхъ, возложившихъ корону на ея голову, и она хотѣла убѣдить въ этомъ весь свѣтъ. Де-Бретейль писалъ отъ 13-го сентября 1762 года, нѣсколько дней спустя послѣ своего возвращенія въ Петербургъ:

„Царица велѣла меня спросить, знаю ли я Вольтера, чтобы меня побудить исправить его мысли о роли, которую играла княгиня Дашкова".

Всецѣло отвергнутая, съ сердцемъ изъязвленнымъ такой неблагодарностью, княгиня Дашкова, приняла не жалуясь опалу: она примирилась съ мужемъ и поѣхала къ нему въ Москву. Она тамъ и находилась, когда вспыхнулъ послѣдній мятежъ, и Екатерина увѣрила себя, правда или нѣтъ, что Дашкова въ немъ участвовала. Такъ какъ ей не хватало даказательствъ, императрица сдѣлала видъ, что хочетъ употребить милосердіе по отношенію къ своему прежнему другу, и съ оскорбляющимъ сожалѣніемъ, предложила ей все просить, если она ей „откроетъ разговоры, если она что либо слышала", это она писала ей своей собственной рукой. Беренжеръ, оставшійся повѣреннымъ по дѣламъ Франціи, со времени отъѣзда де-Бретейля въ Швецію, намъ сохранилъ въ донесеніи отъ 15-го іюля 1763 года, отвѣтъ княгинѣ Дашковой; онъ былъ составленъ въ такихъ выраженіяхъ:

„Государыня, я ничего не слыхала; но даже если бы я и слышала что нибудь, я бы не сказала. Чего Вы требуете отъ меня? Чтобы я умерла на эшафотѣ? Я готова на него взойти".

Екатерина удовлетворилась тѣмъ, что удалила ее изъ Москвы, гдѣ она была сборнымъ пунктомъ для недовольныхъ, а ихъ было много въ этой старинной столицѣ, которая всегда была началомъ оппозиціи. Лоръ Букингамъ писалъ отъ 28-го іюня:

„Княгиня Дашкова была послана со своимъ мужемъ въ Ригу. Раздражающее поведеніе этой дамы много способствовало лишенію ея уваженія иипедатрицы. Ея гордостъ была слишкомъ велика, для того чтобы искать какъ бы успокоить ея государыню или же чтобы подчниться ея немилости; и со временъ переворота, ее всегда подозрѣвали, что она возбуждадаетъ и ободряетъ недовольныхъ настоящимъ правительствомъ".

Такъ какъ мы уже говорили объ этомъ предметѣ, прибавимъ, что немного времени спустя Екатерина, по настояніямъ

графа Панина, позволила княгинѣ Дашковой вернуться въ Петербургъ. Преемникъ лорда Букингама, Макартей, писалъ отъ 12-го марта 1765 года:

„Княгиня Дашкова, жившая здѣсь въ большомъ уединеніи со смерти своего мужа, рѣшила, наконецъ, оставить эту столицу и поѣхать жить въ Москву. Уже давно ей было запрещено показываться при дворѣ, но въ моментъ ея отъѣзда, быть можетъ навсегда, Ея Величество по просьбѣ Панина, котораго считаютъ ея отцомъ и который не переставалъ показывать ей выраженія чисто-отцовской нѣжности, согласилась принять ее передъ отъѣздомъ.

Она была принята, какъ она и могла ожидать, съ большой холодностью и гордостью. Всѣ, кажется, радуются ея отъѣзду. Хотя ей только 22 года, она уже участвовала въ полдюжинѣ заговоровъ.

Первый удался, но такъ какъ она нашла себя награжденной не по ея услугамъ, она вступила въ другія авантюры, которыя не удались. Она за это была наказана только потерей милости ея государыни. Это женщина изумительной силы ума, непоколебимаго мужества и смѣлости, способная предпринять невозможныя вещи, чтобы удовлетворить минутную страсть: характеръ очень опасный для этой страны, особенно если онъ соединяется съ очаровательными манерами и красотой. Потому что, несмотря на общую грубость Русскихъ, женщины здѣсь имѣютъ большую власть, какъ и у болѣе образованныхъ народовъ".

Княгиня Дашкова не долго оставалось въ Москвѣ. Она вернулась въ Петербургъ въ 1767 году и видѣла Екатерину, которая была къ ней болѣе внимательна, что доказываетъ насколько она ея боялась, замѣчаетъ Ширлей. Въ 1770 году она отправилась въ Парижъ, гдѣ познакомилась съ Дидро, оставившимъ намъ прекрасный ея портретъ. Потомъ она поѣхала въ Лондонъ, гдѣ, если вѣрить Горацію Вальполю, очень нравилась, и на нее любовались.

Несмотря на это, каковы бы ни были всѣ заботы, Екатерина охотно ихъ забывала. Лордъ Букингамъ писалъ отъ 1-го августа 1763-го года:

„Жизнь императрицы, это смѣшеніе легкомысленныхъ забавъ съ усиленнымъ занятіемъ дѣлами, которыя, благодаря препятствіямъ, искусно разсѣяннымъ на ея дорогѣ, и разнообразію ея проэктовъ, ничего еще не произвели. Ея планы многочисленны и обширны, но очень несоотвѣтственны средствамъ, которыми она располагаетъ".

Такъ раздѣленная, жизнь Екатерины текла не безъ прелести. Но въ минуту, когда она всего менѣе этого ожидала, неожиданное событіе пришло ее призвать къ обязанностямъ ея положенія и заставило ее забыть въ ужасномъ страхѣ тщеславные планы о славѣ, о которыхъ она любила мечтать. Выдержка изъ донесенія. Беренжера, хотя немного позднѣйшей эпохи, чѣмъ та, до которой мы дошли, даетъ въ немногихъ словахъ и довольно точно состояніе ума Екатерины. Онъ писалъ отъ 9-го апрѣля 1765 года:

„Малѣйшіе мрачные признаки причиняютъ императрицѣ ужасныя волненія. Но она иногда принимаетъ за важные намеки такъ мало вѣроятные и ни на чемъ не основанные. И только послѣ длинныхъ и точныхъ изысканій удается успокоить ея страхъ и разсѣять ея подозрѣнія".

Екатерина не ошибалась, постоянно дрожа. Каждую минуту, казалось, пропасть открывалась подъ ея ногами. Лѣтомъ въ 1764 году, когда въ обществѣ Орлова и другихъ завсегдатаевъ того и другого пола она проѣзжала прибрежныя Балтійскія губерніи, событіе, противъ котораго она думала были приняты всѣ возможныя мѣры, чуть было не поколебало ея тронъ.

Иванъ, какъ уже видѣли, находился въ Петербургѣ во время переворота. Екатерина захотѣла его видѣть, потомъ отослала его въ Шлиссельбургъ, гдѣ хотя съ нимъ и обращались съ заботой и съ уваженіемъ, которыхъ заслуживало его несчастіе, онъ былъ тѣсно ограниченъ и за нимъ наблюдали. Лордъ Букингамъ писалъ отъ 25-го августа 1763-го года:

„Относительно Ивана мнѣнія различны: одни говорятъ, что онъ совершенный идіотъ; другіе же, что ему недостаетъ только образованія и что онъ скрываетъ свои способности".

Имя Ивана часто произносилось въ происходившихъ мелкихъ возмущеніяхъ, народныхъ или военныхъ, но, казалось, никто не думалъ серьезно о немъ, а еще менѣе о томъ, чтобы сдѣлать лозунгъ изъ его имени или изъ его личности. Всѣ ошибались, и вотъ что писалъ лордъ Букингамъ отъ 20 іюля 1764 г.:

„Лейтенантъ Мировичъ, который былъ въ гарнизонѣ Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ содержался князь Иванъ, уговорилъ сначала солдатъ, которыми командовалъ. Затѣмъ онъ явился къ коменданту и потребовалъ, чтобы тотъ сейчасъ же освободилъ князя, а когда комендантъ отказался это сдѣлать, онъ велѣлъ его связать. Послѣ этого онъ заставилъ охрану пороховыхъ магазиновъ сдать всѣ запасы его солдатамъ. Шумъ, произведенный

этими движеніями, встревожилъ капитана и лейтенанта, изъ которыхъ одинъ находился въ спальнѣ князя, а другой въ передней. Мировичъ, снова убѣждая своихъ людей, подошелъ къ покоямъ князя и требовалъ со страшными угрозами въ случаѣ отказа, чтобы императоръ, какъ онъ его называлъ, былъ выведенъ къ нимъ. Оказавъ нѣкоторое сопротивленіе, капитанъ и лейтенантъ оказались въ опасности быть побѣжденными, они заявили Мировичу, что, если онъ будетъ упорствовать, то подвергнетъ этимъ опасности жизнь князя, такъ какъ данныя инструкціи приказываютъ имъ умертвить его въ случаѣ, если они не окажутся въ силахъ сохранить его. Мировичъ былъ глухъ ко всякимъ увѣщеваніямъ; онъ разбилъ дверь, чѣмъ поставилъ тѣхъ въ печальную необходимость исполнить данныя имъ приказанія. Первый ударъ, нанесенный капитаномъ-лейтенантомъ по имени Ухотинскій, разбудилъ несчастнаго молодого человѣка, который спалъ въ своей кровати. Онъ оказывалъ энергичное сопротивленіе, пока не сломалась его сабля; онъ получилъ 8 ранъ прежде, чѣмъ испустилъ дыханіе. Тогда офицеры передали его трупъ Мировичу и его солдатамъ, говоря, что теперь они могутъ сдѣлать его своимъ императоромъ, если это имъ угодно. Мировичъ вынесъ трупъ Ивана передъ гарнизономъ, покрылъ его знаменемъ, а затѣмъ распростерся со всѣми солдатами передъ нимъ и поцѣловалъ его руку. Потомъ, снявъ съ себя офицерскій знакъ, шарфъ и саблю, онъ положилъ ихъ возлѣ трупа и, обращаясь къ Корсакову, командиру только что прибывшаго смоленскаго полка, и указывая на трупъ, сказалъ: „Вотъ вашъ императоръ; вы можете сдѣлать со мной, что хотите.

Превратная судьба разрушила мои планы. Я не жалуюсь на свою участь, но я оплакиваю участь моихъ бѣдныхъ согражданъ и невинную жертву моихъ замысловъ“. Затѣмъ онъ поцѣловалъ унтеръ-офицеровъ и сдался, какъ и его солдаты.

Были захвачены печатныя прокламаціи, которыя указывали на предполагавшійся переворотъ, и заподозрѣли, что княгиня Дашкова играла въ этомъ какую-то роль“.

Мировичъ былъ казакъ, дѣдъ котораго былъ разоренъ за службу подъ знаменами Мазепы. Съ безпокойнымъ характеромъ, слѣдствіемъ бѣдности, Мировичъ не могъ примириться съ упадкомъ своей семьи; онъ возымѣлъ намѣреніе снова поднять ее дѣяніемъ, которое представлялось его воображенію легкимъ и которое, можетъ быть, было таковымъ.

Его процессъ былъ обставленъ всей невѣроятной строгостью, такъ какъ никто не могъ подумать, что одинъ человѣкъ, изолированный, попытался бы совершить подобный поступокъ.

Всѣ розыски были тщетны: его сообщниковъ не нашли и, несмотря на всю угодливость судей, княгиня Дашкова не могла быть подвергнута преслѣдованіямъ за государственную измѣну, какъ того желала Екатерина. Лордъ Букингамъ писалъ 18-го сентября:

„Процессъ Мировича близится къ концу. Онъ выказалъ много благопристойности и рѣшимости. Нѣкоторые изъ его судей приписываютъ его стойкость жестокосердію и въ тайномъ засѣданіи упрекали его въ этомъ. Онъ отвѣчалъ, что считаетъ себя уже не существующимъ въ этомъ мірѣ, знаетъ то, долженъ ждать только позорной смерти и что готовъ съ мужествомъ ее перенести, думая искупить этимъ совершонное преступленіе. Ему предложили назвать его сообщниковъ. Онъ отвѣчалъ, что таковыхъ не имѣлъ и предполагаетъ, что не захотятъ, чтобы онъ обвинилъ невинныхъ; обращаясь къ генералъ-прокурору, онъ спросилъ, желаетъ ли тотъ, чтобы онъ обвинилъ его? Во всякомъ случаѣ онъ оплакиваетъ горе солдатъ и унтеръ-офицеровъ, которыхъ онъ вовлекъ своимъ безумствомъ въ кратковременное заблужденіе".

А 21 сентября:

„Мировичъ вчера присужденъ къ колесованію, Императрица смягчила приговоръ, назначивъ обезглавленіе".

28 сентября:

„Мировичъ велъ себя въ послѣднія минуты, какъ и въ теченіе всего процесса, т. е. съ большой покорностью провидѣнію".

Это событіе произвело тяжелое впечатлѣніе на Екатерину. Смѣлость Мировича явилась новымъ доказательствомъ того, на что способны ея подданные. Ея долговременное спокойствіе, обыкновенно невозмутимое, было этимъ встревожено. Не меньшее впечатлѣніе произвели разсужденія, которыя позволила себѣ высказать ея свита относительно неустойчивости ея власти и будущихъ случайностей. Лордъ Букингамъ писалъ въ своемъ донесеніи 11 сентября:

„Процессъ Мировича еще не оконченъ. Въ продолженіи хода этого процесса обнаружилось много вещей, довольно непріятныхъ для императрицы; особенно выказываемое нѣкоторыми изъ судей стараніе узнать, достаточно ли была обоснована та настоятельная необходимость умертвить Ивана, на которую ссылаются оба офицера. Лица, часто видящія императрицу замѣчаютъ, что она находится въ сильно угнетенномъ состояніи духа; кажется, что для нея теперь несчастное происшествіе въ Шлиссельбургѣ рисуется въ болѣе мрачномъ свѣтѣ, чѣмъ когда она получила пер-

вое извѣстіе о немъ. Однако все, въ чемъ ее можн о у прекну это то, что она не позволила принцу Брауншвейгскому съ семьей выѣхать изъ Россіи, какъ это предполагалось при ея вступленіи на престолъ. Эта мѣра была одобрена и весьма рекомендована самыми разсудительными совѣтниками императрицы, но была отвергнута большинствомъ голосовъ.

Говорятъ, что нѣкоторые изъ представителей духовенства просили императрицу установить порядокъ престолонаслѣдія для того, чтобы предупредить опасное замѣшательство, которое не замедлило бы произойти въ случаѣ смерти великаго князя, и что она имъ очень грубо отвѣтила, положительно запрещая имъ касаться этого щекотливаго вопроса".

И 14 сентября слѣдующее:

„Нѣсколько лицъ хотятъ предложить императрицѣ предоставить свободу членамъ Брауншвейгской фамиліи и назначить дѣтей наслѣдниками на случай, если великій князь ее не переживетъ. Положеніе чрезвычайно щекотливое".

Лордъ Букингемъ писалъ еще отъ 18 сентября:

„Мнѣ сказали, что на время удовлетворятся позволеніемъ Брауншвейгской фамиліи выѣхать изъ Россіи и что имъ положатъ содержаніе".

Екатерина слушала, позволяла говорить и даже, можетъ быть, по своей привычкѣ обѣщала, но принцъ Брауншвейгскій и его дѣти остались въ ихъ жестокомъ заключеніи среди льдовъ Двины, гдѣ и были скоро позабыты и Екатериной и тѣми, кто больше всего сожалѣлъ о ихъ участи.

X.

Здѣсь открывается новая фаза въ жизни Екатерины. Съ этого времени она окончательно укрѣпилась на тронѣ и не боялась больше, что чья-либо рука отниметъ у нея корону. Но, если ея власть стала прочна и болѣе не подвергалась опасности, все же ей не дано было наслаждаться безоблачнымъ спокойствіемъ. Въ то время, какъ во внѣшнихъ дѣлахъ могущество Россіи принимало все возрастающіе размѣры, ея дворъ представлялъ арену неслыханныхъ интригъ, о которыхъ трудно имѣть представленіе.

Чтобы нарисовать подобную картину во всей ея наготѣ, нужно было бы имѣть перо Прокопа, такъ какъ только дни упадка Восточной Римской Имперіи могли бы сравниться съ развращенностью русскаго двора въ царствованіе Екатерины Великой. Болѣе чѣмъ когда-либо мы ограничимся приведеніемъ донесеній

англійскихъ и французскихъ дипломатическихъ агентовъ. Они одни могутъ внушать довѣріе въ качествѣ очевидныхъ свидѣтелей. За Екатериной, въ первую половину ея царствованія, самымъ значительнымъ лицомъ при русскомъ дворѣ былъ ея фаворитъ Григорій Орловъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ писали по этому поводу англійскіе посланники.

Лордъ Букингамъ писалъ 21 августа 1764 г.:

„Возрастающій фаворъ графа Орлова возбуждаетъ неудовольствіе, которое можетъ имѣть роковыя послѣдствія. До настоящаго времени онъ не входилъ въ дѣла внѣшнія, но во всемъ, что касается внутреннихъ, его рѣшенія абсолютны. Недавно онъ принялъ надменныя манеры, которыя тѣ, кто помнитъ его первые шаги, не могутъ переваривать безъ негодованія, хотя и скрытаго, но тѣмъ не менѣе очень сильнаго.

Онъ, кажется, забылъ о почтеніи и уваженіи, подобающемъ императрицѣ и говоритъ съ нею тономъ человѣка, знающаго всю величину своего вліянія и умѣющаго имъ пользоваться. Отъ нѣкоторыхъ, близкихъ къ императрицѣ я слышалъ что, какъ они думаютъ, она хранитъ мысль выйти за него замужъ. Если она поддастся своей привязаности, она неминуемо довершитъ свою гибель".

Еще 28 сентября 1764 г.:

„За эти послѣдніе мѣсяцы у имератрицы происходили частыя ссоры съ ея фаворитомъ, который иногда даже публично не оказывалъ ей не только подобающаго уваженія, но и самаго обыкновеннаго вниманія. Послѣ этого всѣ убѣждаются, что они какъ бы супруги, потому что, если бы положеніе графа Орлова не было упрочено связью такого рода, онъ не рискнулъ бы поступать съ ней такъ грубо. Но можно также объяснить эти сцены глупостью молодого выскочки, полнаго тщеславія и пользующагося слабостью любящей женщины.

Однако Ея Императорское Величество обращаетъ вниманіе не только на своего фаворита, но и на другихъ, а въ особенности на одного превосходнаго и милаго человѣка, который достоинъ ея расположенія. Онъ руководимъ хорошими совѣтами и имѣетъ нѣкоторые шансы на успѣхъ".

Лордъ Букингамъ намекаетъ безъ сомнѣнія на одного молодого офицера, по имени Виссенскаго, которому покровительствовалъ графъ Панинъ.

Лордъ Каткартъ писалъ 17 марта 1669 г.:

„Графъ Орловъ человѣкъ пріятный, вѣжливый, великодушный, доступный, и его обращеніе съ императрицей очень почти-

тельно. Онъ мало образованъ, но имѣетъ замѣчательный природный умъ, безъ малѣйшихъ претензій, что составляетъ въ этой странѣ похвалу, которую можно дать очень немногимъ людямъ.

За послѣдніе годы онъ много работалъ надъ своимъ образованіемъ и не безъ успѣха; имѣя случай разговаривать съ нимъ на одномъ вечерѣ, когда онъ, разгоряченный танцами выпилъ лишній стаканъ вина, я нашелъ возможность убѣдиться, что это милый человѣкъ, искренній, правдивый и полный добрыхъ чувствъ".

По этимъ разнорѣчивымъ сужденіямъ и такимъ различнымъ описаніямъ можно составить портретъ этого фаворита. Послѣ него самымъ значительнымъ лицомъ при дворѣ былъ графъ Панинъ, гувернеръ великаго князя, сначала вице-канцлеръ, а позднѣе канцлеръ. Въ теченіе 20 лѣтъ, т. е. почти до конца дней своихъ, графъ Панинъ исправлялъ должность перваго министра и въ качествѣ такового былъ уполномоченъ вести иностранныя сношенія. Если судить по результатамъ, то Панинъ былъ дѣйствительно очень искусный министръ.

Уже слышали, какъ Бретейль говорилъ о немъ: „Кромѣ Панина, который болѣе трудолюбивъ, чѣмъ просвѣщенъ и свѣдущъ, у императрицы нѣтъ никого, кто могъ бы помогать ей въ управленіи и величіи". Англійскіе посланники, за исключеніемъ сэра Джемса Гарриса, отзываются о немъ благосклонно.

Вотъ по порядку чиселъ ихъ оцѣнки:

Лордъ Букингамъ писалъ 31 августа 1764 г.:

„Французскіе и австрійскіе агенты страшно дѣятельны въ ихъ усиліяхъ свергнуть Панина. Но въ государственныхъ дѣлахъ онъ необходимъ императрицѣ, и она не можетъ обойтись безъ него".

8 сентября:

„Панинъ одинъ ведетъ всѣ иностранныя дѣла. Вице-канцлеръ князь Голицинъ скорѣе мѣшаетъ, чѣмъ приноситъ пользу, даже въ мелочахъ, заниматься которыми позволено ему. Панинъ заботится также о великомъ князѣ: онъ слѣдитъ за его образованіемъ, сопровождаетъ, куда-бы тотъ ни пошелъ, обѣдаетъ съ нимъ и спитъ въ его спальнѣ. Прибавьте къ этому, что хотя онъ и свѣдущъ въ практикѣ дѣлъ, но лѣнивъ и никогда не спѣшитъ ихъ кончать.

Его здоровье слабо, а онъ любитъ удовольствія и развлеченіе. Впрочемъ, это достойный и очень умный человѣкъ".

Преемникъ лорда Будингама, сэръ Жоржъ Макартей писалъ 9 апрѣля 1765 г.:

„Панинъ, говоря правду, единственный министръ и онъ руководитъ всѣмъ управленіемъ.

Несмотря на примиреніе съ Орловымъ и царящее при дворѣ согласіе, онъ имѣетъ много враговъ, которые добиваются его паденія".

15 апрѣля 1766 г.

„Хотя Панинъ облеченъ полной министерской властью и всѣ дѣла продолжаютъ зависѣть отъ него, я сильно опасаюсь, какъ бы онъ не потерялъ отчасти своего вліянія.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ возгорѣлся сильной страстью къ графинѣ Строгоновой, дочери перваго канцлера Воронцова. Она обладаетъ рѣдкой красотой и замѣчательнымъ умомъ, образовавшимся благодаря всѣмъ преимуществамъ воспитанія и путешествіями. Вотъ уже годъ, какъ она разошлась со своимъ мужемъ по причинѣ нѣкоторыхъ ухаживаній, въ которыхъ она не могла себѣ отказать и которыя онъ не могъ одобрить; такъ какъ онъ хочетъ жениться на княжнѣ Трубецкой и она горитъ нетерпѣніемъ получить полную свободу, они хлопочутъ теперь съ одинаковымъ стараніемъ съ обѣихъ сторонъ о полномъ разводѣ; это, какъ говорятъ, единственная вещь, на которой они сошлись, и несмотря на то, что греческая религія разсматриваетъ бракъ, какъ священнодѣйствіе, я все таки думаю, что они достигнутъ исполненія ихъ желаній, такъ какъ императрица, кажется, покровительствуетъ ихъ требованіямъ. Страсть Панина отличается необычайной пылкостью, и дама и ея родители старательно работаютъ надъ тѣмъ, чтобы не дать ей охладѣть. Даже сама графиня Воронцова ведетъ интригу своей дочери. Результаты этой несчастной связи таковы, что всѣ дѣла остановились, а Панинъ начинаетъ терять уваженіе, такъ какъ нельзя легко простить страсть школьника человѣку его лѣтъ, его ранга и съ его опытностію. Его враги не замедлили ухватиться за этотъ случай, чтобы представить непристойность и дурной примѣръ такой слабости въ министрѣ Ея Величества, который сверхъ того воспитатель Великаго Князя. Я долженъ замѣтить, что Орловы казались какъ никогда сильно утвердившимися въ милости царицы, и если имъ представится случай погубить Панина, конечно, они не замедлятъ имъ воспользоваться."

Эта любовь между тѣмъ не продлилась долго, такъ какъ Ширлей писалъ спустя два года, 10 марта 1768 г.:

„Панинъ въ самомъ близкомъ будущемъ собирается же-

ниться на графинѣ Шереметьевой.. Его связь съ графиней Строгоновой, причинившая ему столько вреда, кончилась“

Сэръ Георгъ Макартей писалъ еще 22 іюня 1766 г. Митшелю, своему коллегѣ въ Берлинѣ:

„Графъ Панинъ главный, если не единственный министръ; императрица совѣтуется съ нимъ обо всемъ и ничего не дѣлаетъ безъ него. Всѣ внутреннія и внѣшнія дѣла проходятъ черезъ его руки. Это навѣрное неподкупный человѣкъ и хотя онъ и не безъ недостатковъ, какъ то гордость, упрямство и безпечность, по моему мнѣнію онъ во многомъ самый способный человѣкъ въ этой странѣ, для того высокаго поста, который онъ занимаетъ. Князь Голицынъ вице канцлеръ очень вѣжливъ и хорошо воспитанъ, но природа не наградила его большими талантами, а онъ не постарался развить то немногое, что онъ получилъ. Онъ совсѣмъ не въ силѣ, и какъ министръ скорѣе годится для смотра, чѣмъ для довѣрія. Императрица очень замѣчательная женщина, и своимъ прилежаніемъ и своими знаніями стоитъ безконечно выше своихъ подданныхъ. Графъ Орловъ, кажется, съ недавнихъ поръ принялъ рѣшеніе, достойное и болѣе разумнаго человѣка, чѣмъ онъ: очень мало касаться общественныхъ дѣлъ и совсѣмъ не касаться дѣлъ иностранныхъ, а спокойно наслаждаться своимъ хорошимъ состояніемъ и настоящимъ счастьемъ“.

Соперничество фаворита и канцлера было главнымъ происшествіемъ при дворѣ въ эти годы. Каждый хотѣлъ превзойти силой и вліяніемъ, но Екатерина сохраняла одинакое равновѣсіе между своимъ любовникомъ и своимъ первымъ министромъ; тотъ и другой были ей одинаково необходимы; тотъ и другой были глубоко заинтересованы, оберегая себя, а Екатерина проводила свое время, примиряя обоихъ. Сэръ Макартей писалъ 27 ноября 1766 г.:

„Панинъ съ виду въ лучшихъ отношеніяхъ съ графомъ Орловымъ и, безъ сомнѣнія, онъ былъ бы недоволенъ видѣть на его мѣстѣ фаворита съ умомъ и достоинствомъ“.

И еще 16 декабря того же года:

„Фаворитъ, кажется, въ лучшихъ отношеніяхъ съ Панинымъ и затѣмъ онъ сдѣлался такимъ лѣнивымъ, что я не опасаюсь за революціи въ этой сторонѣ администраціи. Его братъ, графъ Алексѣй Орловъ, болѣе любезнаго характера, и такъ какъ въ тоже время онъ обладаетъ большимъ умомъ, то я думаю, что только совершенно полная увѣренность въ успѣхѣ могла бы его заставить его предпринять что либо противъ Панина“.

Лордъ Каткартъ охарактеризовалъ очень хорошо этого ми-

нистра, рисуя картину внутреней жизни двора, въ своей депешѣ отъ 17 марта 1769 г.:

„Императрица обладаетъ большимъ умомъ, прилежаніемъ въ дѣлахъ и желаніемъ выполнять свои обязанности самодержицы съ достоинствомъ и пользой, даже по отношенію къ послѣднимъ своимъ подданнымъ, это трудно было бы представить, если бы не видѣть собственными глазами.

Въ различные департаменты своего правленія она назначаетъ разнаго рода людей; и я убѣжденъ, что она ихъ выбираетъ, слѣдуя тому, на что она ихъ хочетъ употребить, и по ихъ способностямъ. Но такъ какъ Ея Величество находитъ необходимымъ извлекать возможно болѣе пріятную сторону изъ своихъ минутъ отдыха, чтобы успокоиться отъ усталости часовъ работы и прилежанія, она не ищетъ развлеченій, которыя, занимая умъ, служатъ источникомъ для тѣхъ, у кого никогда не было серьезныхъ занятій; но предпочитаетъ предметы и общество, которые болѣе всего способны ее развлечь, какъ она говоритъ сама. Поэтому люди, составляющіе ея общество въ большинствѣ случаевъ молоды и очень веселы, или способные по своему настроенію слѣдовать по стопамъ болѣе молодыхъ. Отсюда особенная категорія фаворитовъ, на счетъ которыхъ могутъ ошибаться всѣ тѣ, которые знаютъ лишь поверхностно характеръ двора. Панинъ быть можетъ единственный человѣкъ изъ этого двора, который не заботится быть причисленнымъ къ этой послѣдней категоріи и это не подходитъ ни къ образу его ума, ни къ его привычкамъ. Онъ предпочитаетъ быть скорѣе полезнымъ, чѣмъ пріятнымъ. Графъ Захарій Чернышевъ какъ разъ на оборотъ, хотя почти однихъ и тѣхъ же лѣтъ съ Панинымъ, стоитъ во главѣ всѣхъ развлеченій малыхъ апартаментовъ. Его сила кажется больше, и дѣйствительно онъ обладаетъ многимъ и какъ министръ, и какъ свѣтсткій человѣкъ; онъ въ одно и тоже время и полезенъ, и пріятенъ.

Въ общемъ люди, которые составляютъ часть общества государыни, не имѣютъ претензію слыть дѣловыми людьми, несмотря на то, что много милостей проходитъ по ихъ руслу.

Что касается Панина, онъ составляетъ исключеніе въ этой странѣ: у него скорѣе умъ и характеръ нѣмца“.

Гуннингъ, который много разъ велъ дѣла въ отсутствіи Лорда Каткарта, довольствовался тѣмъ, что писалъ въ своей первой депешѣ отъ 3 іюля 1772 г.:

„Я нашелъ въ разговорѣ и манерахъ Панина большое присутствіе правдивости“.

Это было не то качество, которое находилъ въ немъ французскій агентъ де-Корберонъ, который писалъ 9 апрѣля 1778 г.:

„Графъ Панинъ самый старый министръ этого двора: онъ долженъ его знать. Онъ, навѣрное, его знаетъ и его путешествія, въ совокупности съ опытностью, которую онъ вынесъ о своей странѣ, моглибы придать его талантамъ преимущество при сравненіяхъ разнаго рода. Но графъ Панинъ слабъ, какъ всѣ фавориты двора и его сила иногда безполезна. Сладострастнаго темперамента, лѣнивый только же по системѣ, какъ по привычкѣ, такимъ образомъ онъ возчаграждаетъ себя тѣмъ малымъ вліяніемъ, который онъ имѣетъ на умъ его властительницы. Величественный въ манерахъ, мягокъ, честный по отношенію къ иностранцамъ, которыхъ онъ очаровываетъ при своемъ приближеніи, нѣтъ выраженія, которое для него неизвѣстно, но успѣхъ рѣдко слѣдуетъ за обѣщаніями, которыя онъ вамъ сдѣлалъ, и если онъ съ виду рѣдко противорѣчитъ, надежды которыя поэтому зарождаются, почти всегда напрасны. Хитрость замѣчается въ его характерѣ, но это разсудительная и опасная хитрость Мазарини, заслуживающая скорѣе названія лукавства, но болѣе субтильная, которая состоитъ изъ осторожностей и которая, окруженная тысячью аксесуаровъ любезности, заставляетъ забыть того, кто говоритъ съ нимъ, о дѣлахъ, что онъ стоитъ передъ первымъ министромъ императрицы и достигаетъ того, что отвлекаетъ отъ предмета своей миссіи, и забываютъ о той важности, которая нужна въ этомъ обольстительномъ и опасномъ разговорѣ".

Гаррисъ и самъ прежде, чѣмъ сдѣлаться врагомъ графа Панина, такъ какъ онъ не могъ убѣдить его войти въ политику англійскаго кабинета, выражался приблизительно въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какъ и его предшественники. Онъ писалъ 26 января 1778 г. немного спустя по своемъ пріѣздѣ въ Петербургъ:

„Очень хорошая натура, очень большое честолюбіе и чрезвычайная лѣнь, вотъ каковы главнѣйшія черты характера графа Панина. Онъ хочетъ, чтобы его считали открытымъ и прямодушнымъ, и говоря о дѣлахъ, онъ выражаетъ достоинство, которое, какъ онъ думаетъ, подобаетъ первому министру самой большой имперіи свѣта.

Я былъ бы несправедливъ по отношенію къ нему, если бы не добавилъ, что онъ выше лихоимства и что во всѣхъ переговорахъ, въ которые онъ входитъ, одинъ онъ поступаетъ съ честностью и достойно.

Для всѣхъ очевидно, что онъ одинъ пользуется довѣріемъ императрицы во всемъ томъ, что касается иностранныхъ дѣлъ, такъ какъ другія особы, пользующіяся милостію государыни касаются лишь внутренняго управленія и дѣлъ двора. Можно было бы предположить, что нѣкоторые изъ тѣхъ, которые имѣютъ сво-

бодный доступъ къ особѣ Ея Величества, могли бы благодаря большой благосклонности, которой они пользуются въ нѣкоторые моменты, измѣнить ея взгляды. Но они принадлежатъ къ той категоріи людей, у которыхъ и въ мысляхъ нѣтъ заниматься общественными дѣлами; легкомысленные, необузданные, они не могутъ остановиться ни на одномъ предметѣ. Репутація, рѣшительный характеръ императрицы и ея счастливая судьба даютъ мѣсто ловкимъ государственнымъ людямъ; и надо надѣяться, что ея здравый разсудокъ, котораго у ней очень много, одержитъ верхъ надъ ея склонностью къ удовольствіямъ, которая все болѣе овладѣваетъ ей по мѣрѣ того, какъ она подвигается въ лѣтахъ".

Екатерина сильно уважала графа Панина, но быть можетъ менѣе за его заслуги, которыя онъ оказалъ ей въ управленіи государствомъ и въ выполненіи расширенія ея плановъ, чѣмъ за его скромный характеръ, который былъ для нея гарантіей главной опасности, которой она могла страшиться. Петръ III поручилъ ему воспитывать Великаго Князя и въ награду за его участіе въ переворотѣ Екатерина оставила за нимъ это важное назначеніе. Конечно, это не было предохранительнымъ средствомъ противъ нападковъ враговъ. Увѣренный въ уваженіи и довѣріи къ нему Великаго Князя, онъ презиралъ измѣнчивую судьбу двора, отданную тайнамъ и подчиненную капризамъ фаворитовъ. Екатерина свыклась съ мыслью видѣть въ своемъ сынѣ противника, это это было также общее мнѣніе. Лордъ Букингамъ писалъ 28 сентября 1764:

„Несмотря на то, что поведеніе Императрицы послѣ ея возвращенія изъ Москвы и въ особенности за послѣднія шесть недѣль, заставило потерять ея уваженіе и любовь большого числа ея подданныхъ, между тѣмъ ея самые большіе враги такъ страшатся опасности и посрамленія, которыя будутъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ для меньшинства, что въ настоящее время нечего бояться революціи. Смерть Великаго Князя была бы во истину фатальнымъ случаемъ для государыни; такъ какъ расположеніе мыслей въ публикѣ теперь таково, что не было бы возможно увѣрить, что смерть произошла естественнымъ путемъ".

Онъ писалъ такъ-же въ этомъ же самомъ донесеніи:

„Если государыня справедливо разсмотритъ свое собственное положеніе, она должна почувствовать что прочность ея трона сдѣлается очень ненадежной, когда сынъ ея достигнетъ зрѣлаго возраста и осторожность должна бы ей посовѣтовать приготовиться добровольно къ отставкѣ, которая можетъ сдѣлаться необходимой Для тѣхъ, кто часто видитъ Великаго Князя съ нею, очевидно,

что у ней нѣтъ къ нему любви и что иногда она имъ пренебрегаетъ. Какъ онъ ни молодъ, но это производитъ на него впечатлѣніе и это вызываетъ нѣкоторое злопамятство къ судьбѣ отца. Графъ Орловъ сильно ухаживаетъ за нимъ, и такъ какъ онъ прерываетъ его занятія и онъ пользуется развлеченіями, присущими его лѣтамъ, онъ нѣкотораго рода фаворитъ".

Сэръ Р. Макартей писалъ 12 марта 1765 г.:

„По всему видно, что императрица въ настоящее время твердо сидитъ на тронѣ, и я увѣренъ, что она твердо сохранитъ свой авторитетъ еще впродолженіи многихъ лѣтъ. Но нѣтъ никакой возможности предвидѣть то, что произойдетъ, когда Великій Князь приблизится къ зрѣлости".

Ширлей, наоборотъ, находилъ, что Екатеринѣ нечего бояться. Вотъ какъ онъ выражался по этому поводу въ своей депешѣ отъ 31 іюля 1768:

„Несмотря на благопріятное впечатлѣніе, которое всѣ выносятъ отъ Великаго Князя, я могу васъ увѣрить, что у него ни достаточно храбрости, ни достаточно рѣшимости, чтобы дѣйствовать противъ своей матери. Слабость его характера равна слабости его тѣлосложенія. Затѣмъ въ такой странѣ какъ Россія, не можетъ быть иныхъ революцій какъ только дворцовыхъ. Дворъ состоитъ въ настоящее время изъ двухъ сортовъ людей, тѣхъ которые воспитали себя въ предшествующія царствованія и тѣ, которые обязаны своей судьбой императрицѣ. Среди первыхъ съ трудомъ найдется одинъ, заслуживающій достоинства, который не принималъ бы участія въ послѣднемъ переворотѣ, а тѣ, которые держались въ сторонѣ, въ большинствѣ случаевъ осторожны и ведутъ себя такимъ образомъ, чтобы не дать зародиться противнымъ подозрѣніямъ. Большинство изъ тѣхъ, которые обязаны своимъ величіемъ государынѣ, были неизвѣстны до ея восшествія на престолъ и они потеряли бы все, если бы императрица потеряла бы свою корону. Всѣ тѣ, которымъ извѣстенъ характеръ Панина, убѣждены, что самъ онъ отъ себя не способенъ на смѣлое дѣйствіе: онъ слишкомъ лѣнивъ. Его друзья такъ хорошо его знали, что когда княгиня Дашкова въ первый разъ говорила ему о проэктѣ лишитъ государя трона, она сочла нужнымъ сказать ему, что все уже было приготовлено и спросила его, что пойдетъ ли она на такую низость, чтобы выдать ее и сдѣлаться недостойнымъ того довѣрія, которымъ государыня готова располагать къ нему и которое навѣрняка онъ потеряетъ въ томъ случаѣ, если будетъ раздумывать хотъ минуту присоединиться къ ней".

Было бы не безинтересно составить себѣ, по тѣмъ раз-

личнымъ сужденіямъ, выраженными английскими дипломатами, портретъ Великаго Князя, который обрисовывалъ посланный изъ Версаля. Сабатье писалъ 20 апрѣля 1770:

„Все что я могъ собрать изъ болѣе или менѣе надежныхъ источниковъ, это то, что Великій Князь отъ рожденія добрый и честный, великодушный и благодѣтельный, что онъ обладаетъ умомъ, что онъ схватываетъ и усваиваетъ легко предметы, любитъ образовывать себя и что онъ вынесъ пользу изъ уроковъ своихъ учителей. Но я сильно ошибусь, если скажу, что его чувства живы и глубоки. Строгость Панина, его положеніе, его отвращеніе къ матери—все это толкнуло его на самое обдуманное притворство, которое производитъ впечатлѣніе естественнаго расположенія. Его настойчивость пробиваетъ иногда его принужденность, на которую онъ себя обрекъ; его считаютъ мстительнымъ, цѣльнымъ и независимымъ въ свохъ мнѣніяхъ. Часто обнаруживалъ онъ гордость своей души.

Надо опасаться того, что обуздывая его полетъ, не переупрямили бы зачатки опредѣленнаго характера, и не дали бы мѣсто фальши, затаенной глухой ненависти и, быть можетъ, малодушію, и что то возвышенное воспитаніе, которое сумѣли ему дать, какъ бы не было задушено преждевременными экзерсцизами многочисленныхъ командъ и ужасомъ, который внушаетъ ему мать. Это чувство господствуетъ надъ другими и должно непремѣнно служить основаніемъ его добрымъ и злымъ предначертаніямъ.

Правда, что императрица, которая достаточно жертвуетъ для всего наружнымъ видомъ, по отношенію къ сыну совсѣмъ его не соблюдаетъ. Для него у нея всегда видъ и тонъ властительницы и къ этому она часто прибавляетъ сухость и обидное невниманіе, которыя возмущаютъ молодого князя. Никогда она не обращалась съ нимъ по матерински; онъ передъ ней лишь почтительный и скромный подданный, и очевидно, что такое неблагопристойное и варварское обхожденіе зависитъ исключительно отъ ея сердца, которое она не подчиняетъ принципамъ высшаго воспитанія, что по отношенію къ сыну она держится въ размѣрѣ должнаго приличія, вызванны необходимостью и та вражда, которую она тщательна скрываетъ, является результатомъ той любви, которую приноситъ вся нація въ свидѣтельство сочувствія жертвѣ ея узурпаторства. Итакъ, Великій Князь держитъ себя съ ней, какъ передъ судьей; между тѣмъ вездѣ у него видъ непринужденный и совсѣмъ не застѣнчивый. Онъ выражается красиво и легко, хочетъ нравится самой внимательной вѣжливостью и любезными рѣчами всѣмъ, кто къ нему приближается. Онъ наблюдаетъ безъ

афектаціи все, что происходитъ на его глазахъ, но его упрекаютъ въ томъ, что онъ любитъ доносы и не брезгуетъ ничѣмъ, чтобы быть освѣдомленнымъ обо всемъ, насколько онъ можетъ. Это результатъ національнаго чувства, боязни и необходимости ознакомленія со своимъ государствомъ.

У него чрезвычайно развитъ вкусъ къ нарядамъ: онъ очень изысканъ и, какъ кажется, занятъ всѣмъ этимъ внѣшнимъ вздоромъ, который обожаетъ русская молодежь, несмотря на напрасныя заботы его матери вернуть его къ тому, что она называетъ англійской простотой.

Какъ я знаю, онъ очень мало симпатизируетъ этой націи. Его склонность влечетъ его столько же къ намъ, поскольку непреодолимая оппозиція ко всему тому, къ чему склонна его мать. Какъ то случилось говорить уму съ восхищеніемъ о Франціи и фрацузахъ. Онъ хочетъ чтобы все, что имѣетъ въ своемъ употребленіи, было бы изъ Парижа, и это изъ преклоненія передъ нашими модами, что онъ принимался нѣсколько разъ за тѣхъ и высмѣивалъ, кто насъ критиковалъ въ его присутствіи. Когда графъ Орловъ показался при дворѣ, выстриженнымъ въ кружокъ и его примѣру послѣдовали другіе, онъ сказалъ, что онъ выгонитъ перваго изъ своего дома, который попробуетъ только подражать этому неблагородному убору.

Ничего не обнаруживаетъ пока въ немъ могущественной любви по всему военному, которая развивается своимъ порядкомъ, пока не обѣщая быть господствующей страстью. Его физическое развитіе такъ медленно подвигается для его лѣтъ, его наклонности такъ мѣняются, что трудно имѣть точное представленіе о томъ, чѣмъ бы онъ былъ въ другомъ положеніи.

„Сабатье писалъ еще 19 августа:

„Вамъ вѣроятно сообщали, что во время сверженія съ престола Петра III, молодой Великій Князь, которому неосторожно сообщали, что его отецъ хотѣлъ его умертвить, былъ такъ сильно напуганъ, что съ тѣхъ поръ развитіе его сильно повредо лось. Въ этомъ ребенкѣ произошелъ такой удивительный переворотъ который оставилъ на немъ хворость, похожую на падучую болѣзнь."

Гунингъ писалъ 4 августа 1772 г.:

„Думаютъ, что Великому Князю не безизвѣстно, на какой онъ находится почвѣ. У него нѣтъ недосгатка въ разсудкѣ, но то критическое положеніе въ которомъ онъ находится, подчинило его естественныя наклонности притворству, качество, которое онъ унаслѣдовалъ отъ своей матери, которая владѣетъ имъ въ совер-

шенствѣ, съ виду кажется, что онъ безразличенъ ко всему и не думаетъ ни о чемъ, какъ только о ребяческихъ и легкомысленныхъ удовольствіяхъ. Его воспитаніе было въ постыдномъ пренебреженіи, быть можетъ, съ умысломъ, что въ большой степени можно отнести и къ сладострастному и лѣнивому характеру Панина, который за исключеніемъ честности и безкорыстія, не обладаетъ никакимъ качествомъ, которое-бы можно было пожелать его ученику.

„Очевидно по тому воспитанію, которое ему дала Екатерина, и по выбору лицъ, поставленныхъ къ нему, что съ раннихъ поръ онъ былъ предметомъ безпокойства и если бы въ Панинѣ она не нашла человѣка, на котораго она могла бы безстрашно положиться, эти опасенія давнымъ бы давно натолкнули бы ее на какую нибудь эксцентричность, каковы бы ни были ея послѣдствія“.

По поводу воспитанія великаго князя скажемъ еще, что въ числѣ его наставниковъ былъ одинъ изъ убійцъ Петра III. Де Корберонъ писалъ 9 апрѣля 1779 г.:

„Среди учителей великаго князя я вижу Теплова, очень ловкаго человѣка, свѣдущаго въ знаніяхъ исторіи и политики, но болѣе низкаго по своимъ принципамъ, чѣмъ по чрезвычайной подлости, которой онъ выдѣляется. Панегиристъ Маккіавели и знакомый съ большими преступленіями, въ которыхъ онъ участвовалъ, онъ долженъ былъ разъяснять своему ученику какъ необходимое эту варварскую политику, которая порабощаетъ желѣзомъ людей, которыхъ она обманула благодаря своей ловкости, и показывалъ ему кулаки, ядъ и цѣпи, какъ полезные инструменты этихъ вѣнценосныхъ убійцъ, этихъ знаменитыхъ чудовищъ исторіи. которыхъ наши ослѣпленные отцы превратили въ героевъ“.

Гуннингъ писалъ еще въ своей депешѣ отъ 4 августа 1772 г.:

„Довѣріе, которое императрица питаетъ къ Панину, дѣлаетъ честь ея разсудку, но оно не основано на почетѣ и уваженіи, которая она имѣла бы къ нему; есть много данныхъ такъ думать. Его оппозиція браку, который она хотѣла заключить съ Орловымъ въ 1763 г., и его объявленіе, что если будутъ на этомъ настаивать, онъ возведетъ на тронъ великаго князя, не было и никогда не будетъ ею забыто, и его привязанность къ великому князю, который питаетъ къ нему сыновью любовь и думаетъ, что въ немъ его спасеніе, совсѣмъ непріятна императрицѣ и фамиліи Орловыхъ. Я болѣе чѣмъ увѣренъ, что, если бы Панинъ предложилъ бы отставку отъ должности министра, когда его братъ генералъ

удалился со службы, и что онъ бы и сдѣлалъ, если бы его не отговаривалъ Калдеронъ, императрица рѣшилась бы ее принять. Настоящій мотивъ, заставившій ее довѣрить ему заботы и воспитаніе великаго князя и одинаково какъ бы возвратившій корону въ ея руки, это то, что императрица убѣждена, что онъ не обладаетъ ни талантомъ, ни рѣшительностью, ни дѣятельностью, необходимыми, чтобы попробовать одѣть корону на главу молодого великаго князя, если бы даже и у самого великаго князя обнаружилось достаточно храбрости, чтобы ее взять, что еще очень сомнительно. Но ничего нѣтъ невозможнаго, что другіе, болѣе предпріимчивые, которыхъ судьба еще не устроена, охотно попробуютъ взяться за подобное дѣло, которое, какъ было уже видно, не кажется такимъ трудомъ".

Быть можетъ, Екатерина и была права, смотря на своего сына, какъ на врага. Онъ былъ имъ въ дѣйствительности во мнѣніи цѣлой націи, которая смотрѣла на нее какъ бы въ нѣкоторомъ родѣ на узупаторшу и на прощала ей, что она занимаетъ тронъ во вредъ тому, кого считали сыномъ Петра III. Сомнѣваться по этому поводу не было позволено Екатеринѣ, и если бы въ этомъ была бы необходимость, она бы убѣдилась въ чувствахъ своихъ подданныхъ по возмущенію, которое разразилось въ Петербургѣ въ 1771 г. Лордъ Каткартъ писалъ объ этомъ 10 августа:

„Чернь ничего не хочетъ болѣе, какъ лишить трона императрицу и возвести на него великаго князя. Какъ только распространился слухъ о его нездоровьи и думали, что онъ въ опасности, чернь забила тревогу, подозрѣвая, что его отравили, и и нисколько не стѣснялась обвинять очень высокихъ особъ.

Въ эту минуту императрица почувствовала, помимо волненій матери, опасность, угрожавшую ей, если великій князь умретъ. Такъ какъ его болѣзнь тянулась и такъ какъ знали, что его жизнь въ опасности, распространился слухъ, что онъ былъ плѣнникомъ и слышали, какъ большое количество офицеровъ и унтеръ-офицеровъ гвардіи жаловалось, что они ожидали каждый день, что ихъ призовутъ дѣйствовать, а они не знали, кого въ этомъ случаѣ надо имъ слушаться."

Это движеніе было только отчасти усмирено, и на будущій годъ, почти въ то же время, оно чуть было не повторилось. Гуннингъ писалъ отъ 4 августа 1772 года:

„Результатъ моихъ освѣдомленій не оставляетъ мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія о существованіи нѣсколькихъ заговоровъ, и хотя въ нихъ не участвуетъ никто изъ значительныхъ лицъ, им-

пэратрица, какъ увѣряютъ меня, знаетъ, что они были устроены лицами, стоящими высоко, но по многимъ причинамъ она отказывается отъ всякихъ разъясненій. Однако же она не пренебрегаетъ никакими предосторожностями, чтобы охранить себя отъ всякаго внезапнаго покушенія. Нѣтъ уголка въ садахъ и окрестностяхъ Петергофа, который и есть мѣсто наиболѣе опасное, гдѣ бы не было часовыхъ тогда, когда она тамъ находится".

Правда въ томъ, что несмотря на всѣ усилія, Екатерина не была популярна. Много причинъ этому способствовали, воспоминаніе о происхожденіи ея власти, плохое внутреннее управленіе и болѣе чѣмъ все остальное знаніе ея чувствъ по отношенію къ ея народу. Въ глубинѣ сердца Екатерина имѣла къ своимъ подданнымъ глубокое презрѣніе, и хотя она и слыла за хорошую актрису, она не всегда хорошо владѣла собою и не могла удержать своихъ чувствъ.

Не имѣя возможности достичь любви, она не щадила ничего, чтобы поразить воображеніе и польстить тщеславію русскихъ. Это и объясняетъ характеръ чванства и пустой славы, которыми были пропитаны ея предпріятія, какъ внутри, такъ и извнѣ. Во всякомъ дѣлѣ она искала только эффекта. Было трудно очевидцамъ ошибаться въ этомъ.

Не такъ было заграницей, гдѣ довѣряли только наружному виду. Всего болѣе были обмануты во Франціи, гдѣ благодаря ея большому умѣнію, у нея было много сторонниковъ и почитателей.

Еще въ началѣ своего царствованія Екатерина, знавшая власть общественнаго мнѣнія и всю выгоду имѣть его на своей сторонѣ, сочла за благо никогда не терять изъ виду философовъ Парижа, которые въ награду за ея ласки и лесть и уважая ея добрыя намѣренія, подозрѣваемыя ими въ ней, не щадили для нея похвалъ. Для этой же цѣли, она просила Д'Аламбера взять на себя воспитаніе великаго князя, и призвала ко двору Гримма и Дидро и отослала ихъ осыпанныхъ милостями, восхищенными ея умомъ и значеніемъ и полными благодарности за отличія, выказанныя имъ и отъ которыхъ они были далеки у французскаго правительства.

„Со мной поступали, писалъ Дидро при своемъ возвращеніи изъ Петербурга, какъ съ представителемъ честныхъ и умныхъ людей моей страны". Екатерина поддерживала усердную переписку съ Вольтеромъ, перо котораго имѣло тогда большую власть и взамѣнъ этого Вольтеръ неутомимо превозносилъ и защищалъ ту, которую фамиліарно называлъ своей Като (Cateau).

„Я ея рыцарь противъ всѣхъ, писалъ онъ госпожѣ де Деф-

фондъ. Я знаю, что ее обвиняютъ въ какихъ то пустякахъ по отношенію къ ея мужу; но это дѣла семейныя, въ которыя я не вмѣшиваюсь; въ общемъ и недурно, когда есть ошибка, которую надо исправить, это заставляетъ дѣлать большія усилія, чтобы получать общее уваженіе и восхищеніе."

Изъ всѣхъ комедій, которыя дала Екатерина своимъ подданнымъ для того, чтобы ихъ занять, а главное для того, чтобы привлечь къ себѣ одобренія цивилизованной Европы, ни одна не имѣла большого отблеска, какъ то, это ей нравилось называть „собраніемъ чиновъ Имперіи". Георгъ Макартей писалъ отъ 6-го февраля 1767 года:

„Государыня за послѣднее время оказываетъ гораздо менѣе вниманія иностранной политикѣ и, кажется, всѣ мысли ея направлены на внутреннее правленіе. Всѣ государственные чины будутъ созваны, чтобы обсудить и установить новый сводъ законовъ. Штаты будутъ состоять изъ 1100 до 1200 депутатовъ изъ всѣхъ сословій, чиновъ и всѣхъ родовъ службы и всѣхъ народностей, находящихся подъ русскою властью, христіанъ, язычниковъ или магометанъ".

Ширлей, оставшійся повѣреннымъ по дѣламъ Англіи, послѣ отъѣзда господина Макартея, писалъ отъ 24-го августа 1767 года:

„Собраніе депутатовъ сдѣлалось теперь главнымъ занятіемъ императрицы; она этимъ занята, повидимому, всецѣло, занята въ ущербъ другимъ дѣламъ. Русскіе ни о чемъ другомъ не говорятъ и не думаютъ, и видя представителей столькихъ народностей, такихъ различныхъ по костюмамъ, обычаямъ и религіи, какъ Самоѣды, Казаки, Болгаре, Татары и т. д. которыхъ они считаютъ, не безъ основанія, всецѣло зависящими отъ русскаго правительства, собранныхъ въ ихъ столицѣ, они готовы къ тому, чтобы рѣшить, что они теперь самая умная, самая счастливая и самая могущественная нація въ мірѣ; и будетъ совершенно лишней попытка ихъ убѣдить, что это собраніе далеко отъ того, чтобы быть противовѣсомъ деспотической власти ихъ государыни. Этими мѣрами и другими, имъ подобными, довольно блестящими, чтобы ослѣпить глаза Русскихъ, власть императрицы растетъ день ото дня и эта власть дошла уже до того, что эта государыня считаетъ себя настолько сильной, чтобы унизить гвардію, поставившую ее на тронъ. Чтобы сдѣлать эту комедію, насколько возможно полной, депутаты отправились всѣ вчера къ императрицѣ, чтобы ей предложить званіе великой, умной и матери отечества".

Эта политика Екатерины, которая имѣла и хорошія и дурныя стороны, была разбираема съ такою же правдою, какъ и безпристрастностью Ширлеемъ въ его донесеніи отъ 10-го марта 1768 года:

„Такъ какъ императрица чувствовала, что ея власть на корону очень ненадежна, она со времени своего восшествія на престолъ старалась получить любовь своихъ подданныхъ. Въ государствѣ подобномъ Россіи, гдѣ царь имѣетъ столько власти, самое счастливое, что можетъ быть, это если онъ находитъ, что въ его интересахъ управлять государствомъ съ справедливостью и умѣренностью.

Эта страна уже чувствовала хорошіе результаты такой политики, пожалуй даже болѣе въ началѣ этого царствованія, чѣмъ теперь, потому что государыня сдѣлалась болѣе смѣлой, по мѣрѣ того какъ она себя чувствовала въ безопасности и имѣла болѣе довѣрія къ своей власти. Не возможно быть болѣе дѣятельной, лучше знать способности своего народа и быть болѣе внимательной къ улучшенію ихъ быта. Она въ высшей степени подозрительна и скрытна съ тѣми, которые не раздѣляютъ слѣпо ея взглядовъ. Она увѣрена только въ Орловыхъ. Она считаетъ ихъ интересы какъ бы за свои собственные, и она старается, чтобы раздача всѣхъ должностей военныхъ и штатскихъ проходила черезъ ихъ руки. Въ первое время намѣреніе императрицы было показать, сколько она даетъ себѣ труда, чтобы сдѣлать ея подданныхъ счастливыми, но такъ какъ ея намѣренія не были очень чисты, ея дѣйствія, какъ фальшивые камни, имѣли больше блеску, чѣмъ цѣнности. Есть русскіе, которые чуютъ эту правду, но такъ какъ лесть и слѣпое подчиненіе сдѣлались для многихъ путемъ для достиженія власти, счастья и состоянія, эти же и есть самые рьяные превозносители до небесъ того, что исходитъ отъ императрицы.

Эта лесть и прекрасный внѣшній лоскъ всего того, что дѣлается въ это царствованіе, распространяются вездѣ безъ достаточной критики и привлекаютъ похвалы французскихъ писателей.

Теперь въ модѣ хвалить русскую императрицу. Съ тѣхъ поръ какъ она видитъ всеобщее восхищеніе, ея тщеславіе возросло до того, что она считаетъ себя выше всего челевѣческаго рода и видитъ себя непреложно сидящей на тронѣ.

Наконецъ, чтобы укрѣпиться еще болѣе, зная безпокойное настроеніе своихъ подданныхъ, главный предметъ ея политики это занять ихъ насколько возможно и внутри страны и извнѣ. Эта причина вмѣстѣ съ ея тщеславіемъ заставила ее принять

такое живое участіе въ польскихъ дѣлахъ, и эта же причина, приподнятая еще гордостью, заставила, ее сдѣлаться законодательницею страны. Но чтобы это дѣлать въ полной безопасности, она постаралась, чтобы въ комиссіи, назначенной составить новые законы, находились лица, расположенныя слушать только ея приказанія и которыя сдѣлаютъ торжественную выставку ея великодушія, справедливости и умѣренности".

Съ этой же самой цѣлью Екатерина просила у Дидро общій планъ занятій и съ большимъ шумомъ основывала академіи, университеты, школы для обученія своего народа. Но когда ея цѣль была достигнута, когда ученая Европа долго говорила о ея великодушныхъ намѣреніяхъ, когда парижскіе философы, противоставляя нетерпимость французскаго правительства либеральнымъ идеямъ русской императрицы, объявили, что свѣтъ идетъ съ востока, Екатерина оставила неоконченными учрежденія, которыя она начала строить съ большими затратами, чтобы помѣщать ея школы и академіи, и занялась другими вещами. Вся эта сторона характера Екатерины очень ясно указана въ донесеніи Гуннинга, который писалъ отъ 4 августа 1772 года:

„Что бы ни говорили, императрица здѣсь совершенно не популярна. И вовсе не въ этой странѣ она этого хочетъ. Она не любитъ свой народъ и не пріобрѣла любви подданныхъ. Главнымъ двигателемъ къ достиженію великихъ предпріятій было безконечное желаніе славы, и желаніе пріобрѣсти ее гораздо сильнѣе ее занимаетъ, чѣмъ благо страны, управляемой ею.

Это заключеніе можно вывести, не дѣлая несправедливости, послѣ безпристрастнаго изученія всего въ этомъ государствѣ. Если бы не подозрѣвали, что это желаніе руководитъ ею, нужно было бы обвинить ее въ безразсудствѣ и безуміи, чтобы предпринимать столько большихъ работъ общественной пользы, каковы: основаніе гимназій и академій съ очень широкими планами и съ громадными затратами и несмотря на это оставлять ихъ несовершенными и не оканчивая даже строеній, для нихъ предназначенныхъ. Очень вѣроятно, что расточаются громадныя суммы безъ очевидной пользы для страны и не менѣе видимо, что этого достаточно, чтобы распространить слухъ объ учрежденіяхъ между иностранцами, которые не могутъ видѣть развитіе и результатъ подобныхъ предпріятій.

Этотъ же принципъ вводитъ она во внѣшнюю политику и это позволило прусскому королю направлять ее, съ привычной ему ловкостью, какъ ему нравилось и въ свою пользу. Если бы не эта слабость, императрица была бы дѣйствительно исключи-

тельной личностью, такъ какъ мало вещей, которыхъ она непредприняла бы, съ присущей ей храбростью и талантомъ приводить ихъ къ хорошему концу".

Нѣсколько лѣтъ спустя, французскій агентъ, донесенія котораго мы уже приводили, де-Корберонъ пишетъ отъ 9-го апрѣля 1778 года:

„Екатерина, это удивительная государыня, то законодательница, то воительница, но всегда женщина, представляетъ изумительное и непослѣдовательное сочетаніе храбрости и слабости, познаній и неспособности, твердости и колебанія, переходя отъ времени до времени къ самымъ противуположнымъ крайностямъ, она представляется внимательному наблюдателю въ тысячѣ различныхъ видовъ, и напрасно захочетъ онъ найти настоящую ея личность, и разочарованный, кончаетъ тѣмъ, что ставитъ ее въ разрядъ первыхъ актрисъ, не найдя ей мѣста между великими государями. Человѣколюбивая и чувствительная въ своихъ частныхъ поступкахъ и вообще въ своемъ поведеніи, будетъ слишкомъ сказать, что она обязана своей первой изъ этихъ добродѣтелей своему самолюбію, а второй—нѣжной и тонкой организаціи, достоянію ея пола. Но не соблазнялись ли думать такимъ образомъ искавшіе цѣль ея дѣйствій, которыя такъ превозносятся вдали отъ нея. Я ихъ разсматриваю здѣсь потому, что здѣсь надо ихъ видѣть, и можно въ тишинѣ и непосредственномъ раздуміи разсматривать сколько угодно оборотную сторону этой медали, блескъ которой ослѣпляетъ тѣхъ, которые не могутъ подойти къ ней близко".

Де Корберонъ говоритъ въ другой выдержкѣ изъ этого же донесенія:

„Искусства и науки имѣютъ здѣсь академіи, но эти академіи имѣютъ мало занятій, еще меньше учениковъ. И какъ ихъ образовать въ народѣ, гдѣ только придворные, военные, рабы и отсутствіе средняго сословія?"

Въ то время, какъ парижскіе философы восхваляли умъ и знанія Семирамиды Сѣвера, болѣе ясновидящіе наблюдатели и нисколько не заинтересованные, то есть дипломатическіе агенты Франціи и Англіи, посланные въ Россію, рисовали менѣе лестную картину и, навѣрное, болѣе точную, о состояніи ея имперіи. Они представляли ея войска, изъ-за которыхъ было столько шума въ Европѣ, недовольными, истощенными болѣзнями и усталостью, плохо накормпенные, плохо одѣтые, предоставленные алчности офицеровъ и администраторовъ; сами офицеры усталые отъ службы; народъ, истощенный рекрутскимъ наборомъ, который превосходилъ

силы народа, общественая казна въ крайней нищетѣ и принуждена, чтобы удовлетворить необходимыя нужды, прибѣгнуть къ постыднымъ уловкамъ; общественный кредитъ ничтоженъ и не внушаетъ никакого довѣрія иностраннымъ капиталистамъ; страна, угнетенная ужасными налогами; деньги плохой пробы и въ недостаточномъ количествѣ для обращенія. Въ нравственномъ отношеніи положеніе Русской имперіи было не лучше. Даже въ высшихъ классахъ общества не было, если вѣрить свидѣтельствамъ, которымъ нельзя отказать въ справедливости, не было ни воспитанія, ни образованія, ни честности: только грубая гордость, производившая впечатлѣніе издали и принимавшая видъ силы и величія. Главнымъ образомъ въ отношеніяхъ русскаго общества съ иностранными державами и были видны его пороки. Никто не указывалъ на нихъ болѣе точно, какъ Макартей, который писалъ отъ 7-го января 1766 года:

„Хотятъ судить эту страну, такъ же какъ и другія націи, и по успѣхамъ, которые мы думаемъ она сдѣлала въ наукахъ и искусствахъ, заключаемъ, что она стоитъ на уровнѣ своихъ сосѣдей. Но тѣ, которые постарались бы изучить обычаи, правленіе и политику Россіи, открыли бы сейчасъ же, что этотъ народъ совершенно не цивилизованъ, что онъ еще въ варварскомъ безначаліи, и что головы, покрытыя видимыми нами французскими париками, тѣ же самыя, закутанныя сто лѣтъ тому назадъ въ шапки изъ кожи дикихъ звѣрей“.

И еще отъ послѣдующаго 22-го февраля:

„Наша ошибка по отношенію къ Россіи та, что мы на нее смотримъ, какъ на цивилизованную націю, и такъ съ нею и поступаемъ. Она совершенно не заслуживаетъ этого названія и несмотря на выгодное мнѣніе для Россіи, сдѣланное людьми не видившими ее, я не боюсь сказать, что королевство Тибетъ или государство Попа Ивана могутъ быть удостоены того же названія. Нѣтъ ни одного министра въ этой имперіи, который зналъ бы латынь и нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ не имѣетъ самыхъ элементарныхъ понятій о литературѣ. Гордость дочь невѣжества, и вы не должны удивляться, видя этотъ дворъ, пропитанный гордостью и тщеславіемъ. Я буду очень простъ, называя Кларке и Тиллотсона совѣту Константинополя и призывая авторитетъ Гроціуса и Пуффендорфа, говоря съ русскими министрами“.

Тотъ же посланникъ писалъ еще отъ 25-го марта 1766 года:

„Манера договариваться у русскихъ министровъ состоитъ кажется въ томъ, чтобы представить безъ церемоніи ихъ грубыя

мысли, какъ ультиматумъ, который долженъ быть безусловно принятъ тѣми, которые договариваются съ ними. У нихъ такое сумасбродное мнѣніе о ихъ собственной власти и они такъ увѣрены, что имъ нечего бояться другихъ націй, что они воображаютъ, что это манера разговаривать самая подходящая къ ихъ условіямъ, къ состоянію ихъ дѣлъ и интересовъ. Но если принять во вниманіе, сколько лести и авансовъ получили Русскіе отъ имени самыхъ опасныхъ для Европы націй, если подумать о блестящихъ успѣхахъ, которые за послѣдніе годы постоянно увѣнчивали ихъ армію и политику, не надо удивляться, найдя ихъ надутыми этой надменостью, которая сопровождаетъ всегда счастіе и успѣхъ".

Такъ выражаются, почти въ тѣхъ же словахъ, одинъ за другимъ всѣ посланники Англійскаго кабинета въ Петербургѣ. Посланники Версальскаго кабинета не говорятъ иначе; но такъ какъ у нихъ не было намѣренія соединиться съ Россіей тѣснымъ союзомъ, ихъ наблюденія относится больше къ состоянію общества. Объ этомъ предметѣ у нихъ самый строгій судъ. Сабатье дошелъ до того, что писалъ въ своемъ донесеніи отъ 2-го марта 1770 года:

„Большинство лицъ, составляющихъ дворъ, не имѣютъ другихъ страстей, какъ низкая и неукротимая зависть, любовь къ золоту и всѣ несчастныя приправы къ грубому и чванному тщеславію. Дружба, добродѣтель, нравы, деликатность, честность—здѣсь слова, лишенныя смысла. Ихъ единственный принципъ—выгода, и для этого желаніе поддержать ихъ начальниковъ и креатуръ".

Если вѣрить другому французскому посланнику, Екатерина не имѣла лучшаго мнѣнія о ея придворныхъ и слугахъ. Дюранъ писалъ отъ 25-го іюля 1775 года:

„Имѣя недавно 27 человѣкъ вокругъ нея, императрица воспользовалась случаемъ, чтобы имъ сказать: если бы я вѣрила вамъ тѣмъ или другимъ, нѣтъ никого, кто бы не заслуживаетъ, чтобы ему отрѣзали голову: предположеніе которое даетъ почувствовать исключительную, личную злость при этомъ дворѣ, судя по роду оскорбленій, которымъ предаются живущіе при немъ".

XI.

Какъ ни были многочисленны заботы внутренняго правленія въ имперіи и планы внѣшняго расширенія, которыхъ однихъ было бы достаточно, чтобы занять самый обширный умъ, они не были однако способны всецѣло заполнить жизнь Екатерины. У нея достаточно оставалось праздныхъ часовъ, и она искала въ легкомысленныхъ удовольствіяхъ нѣкотораго отдохновенія отъ усталости

и дѣловыхъ заботъ. Къ несчастію Екатерину очень трудно было развлечь. Дюранъ писалъ 4 мая 1773 г.:

„Трагедія ей не нравится, комедія вызываетъ скуку; она не любитъ музыку; столъ ея совсѣмъ не изысканъ; въ карты играть не любитъ; въ саду она любитъ только розы; однимъ словомъ у нея только вкусъ къ тому, чтобы сооружать и управлять своимъ дворомъ, такъ какъ тотъ, которымъ она управляетъ, составляетъ ея самую большую страсть въ цѣломъ свѣтѣ".

До сихъ поръ, по крайнѣй мѣрѣ съ виду, Екатерина была вѣрна Орлову. Ея придворные и приближенные все таки не ждали этого момента, чтобы заподозрѣть, что постоянство въ любви не было въ числѣ прочихъ добродѣтелей ихъ государыни.

Нѣсколько разъ она казалась сильно увлеченной, но эти увлеченія были мимолетны и всегда держались тщательно въ секретѣ, и Орловъ по прежнему сохраняетъ свое положеніе съ титуломъ фаворита, занимая первое мѣсто какъ въ ея расположеніи, такъ и въ довѣріи. Привычка, боязнь скандала, нѣкотораго рода благодарность за услуги, которыя она не могла легко забыть, всегда и быстро принимали верхъ надъ зарождающимся увлеченіемъ и прелестями новизны. Каждый разъ счастливый претендентъ, въ тотъ моментъ, когда думалъ, что уже держится на вершинѣ почестей, былъ отправляемъ, награжденный богатыми подарками, безъ права въѣзда, въ отдаленную провинцію. Между тѣмъ всѣмъ стало ясно, что Екатерина не благоволила больше къ Орлову и по мѣрѣ того, какъ она отъ него отдалялась, и та пылкая страсть, которую онъ чувствовалъ къ своей любовницѣ, сильно успокоилась.

Гуннингъ писалъ 4 августа 1772 г.:

„Фаворитъ такъ же мало популяренъ, какъ императрица, несмотря на всѣ усилія, которыя онъ прилагалъ, чтобы заставить себя любить. У него есть нѣсколько хорошихъ качествъ, но нѣтъ большихъ талантовъ; онъ не осторожень и разсѣянъ въ удивительной степени; онъ часто отлучается отъ императрицы, чтобы ѣхать на охоту, или развлечься въ обществѣ, мало похожемъ на то серьезное общество, которое окружаетъ ее. У нихъ трое дѣтей, которыя еще живы. Они помѣщены въ домѣ одного человѣка, который былъ лакеемъ государыни въ бытность ея Великой Княгиней и который былъ возведенъ до ранга камергера, но безъ права, между прочимъ, появленія при дворѣ: его фамилія Зоринъ. Онъ одинъ заботится объ этихъ дѣтяхъ. Императрица ихъ видитъ иногда, но рѣдко. Многіе думаютъ, что была тайная свадьба передъ коронованіемъ и что это было благодаря требованію обществен-

наго мнѣнія, а не изъ за церемоніи, и что Панинъ никогда не хотѣлъ на это согласится“.

Около того время, какъ повѣренный по дѣламъ Англіи писалъ эти предыдущія строки, а Орловъ находился въ Валахіи, занятый на конгрессѣ въ Токшіани и велъ переговоры о мирномъ трактатѣ съ Оттоманской Портой, стали замѣчать, что Екатерина возгорѣлась страстью, такой же пылкой, какъ и внезапной, къ молодому подпоручику гвардіи, по фамиліи Васильчиковъ. Безъ всякаго сомнѣнія, если бы это зависѣло только отъ нея, это увлеченіе, какъ и предшествующія, оставалось бы въ секретѣ. Но это былъ слишкомъ удобный случай для враговъ Орлова, и они ухватились за него съ поспѣшностью, въ особенности графъ Панинъ, который въ теченіе столькихъ лѣтъ напрасно боролся, чтобы разбить довѣріе и вліяніе фаворита, теперь не забылъ ничего, чтобы вывести на свѣтъ и открыто разгласить о вкусѣ его повелительницы. Онъ не удовольствовался тѣмъ, что сдѣлался въ нѣкоторомъ родѣ патрономъ Васильчикова, помогая ему совѣтами своей опытности. По его наущенію Великій Князь, всегда такой сдержанный, но ненависть котораго къ Орлову была непримирима, казалось открыто привѣтствовалъ выборъ его матери. Екатерина казалась благодарной этому одобренію, что дѣлало не болѣе чести сыну, чѣмъ его матери. Но на этотъ разъ она была по настоящему влюблена, и забывая свои лѣта,—ей было 43 года, пренебрегая тѣмъ, чтобы принуждать себя, какъ она поступала до сихъ поръ, она отдавалась своей страсти съ пыломъ, характеризующимъ всѣ ея чувства. Между тѣмъ ничего не оправдывало, ни даже извиняло подобное увлеченіе къ предмету ея страсти, въ особенности, если вѣрить, какъ писалъ французскій посланный Дюранъ, въ своей депешѣ отъ 18 марта 1774 г., что это былъ Васильчиковъ, который задушилъ Петра III и что Алексѣй Орловъ только подоспѣлъ къ концу катастрофы“.

Орловъ быстро узналъ, что онъ былъ принесенъ въ жертву. Тотчасъ же, не безпокоясь за послѣдствія, онъ порываетъ конгрессъ, на которомъ онъ былъ представителемъ отъ императрицы, и пріѣзжаетъ на всѣхъ парахъ въ Петербургъ. Его пріѣздъ сильно испугалъ Екатерину.

Сабатье писалъ 30 октября 1772:

„По возвращеніи Орлова съ конгресса, императрица выказала очень большой испугъ Внутренняя стража дворца была увеличена вдвое; перемѣнили замки; всѣ были на ногахъ впродолженіи нѣсколькихъ ночей“.

Говоря правду возбужденіе разжалованнаго фаворита, казалось, не знало границы, такъ какъ тотъ же посланный писалъ передъ этимъ 2 октября:

„Графъ Орловъ ведетъ себя такъ, какъ человѣкъ, который хочетъ вернуть свое прежнее состояніе или дать себя запереть, чтобы ничего не сказать больше".

Что было еще болѣе опасно, это рѣчи Алексѣя Орлова. Гуннингъ писалъ съ первыхъ же дней, какъ только стало извѣстно о связи императрицы, 15 сентября:

„Возвышеніе новаго фаворита могло бы быть причиной нѣкоторыхъ измѣненій. Слышали, какъ говорилъ Алексѣй Орловъ, что это онъ, который посадилъ императрицу на тронъ".

Алексѣй Орловъ ни въ чемъ не походитъ на своего брата и несмотря на то, что онъ получилъ самую большую часть въ милостяхъ и щедротахъ, которыми наградила Екатерина всю его семью, онъ былъ скроменъ и старался выказать свою благодарность, служа со рвеніемъ и способностью своей повелительницѣ. Екатерина выказала ему чрезвычайное довѣріе. Его имя рѣдко встрѣчается въ депешахъ англійскихъ и французскихъ посланниковъ, такъ какъ онъ мало значилъ при дворѣ и не входилъ ни въ какія интриги и партіи. Лордъ Каткартъ писалъ 26 марта 1771:

„Графъ Алексѣй Орловъ гигантскаго роста, но очень пропорціоналенъ; у него очень благородное лицо, несмотря на огромный шрамъ, который онъ въ молодости получилъ поперекъ лица при фехтованіи. Его манеры замѣчательно просты, но не безъ того достоинства, которое сопровождаетъ огромное состояніе и чрезвычайную скромность. Въ общемъ, онъ любимъ и при своемъ благосостояніи онъ ведетъ себя такъ, что не привлекаетъ зависти. По французски онъ не говоритъ." Между тѣмъ Екатерина очень желала укротить своего прежняго любовника и удалить его честнымъ образомъ. Она дѣлала ему самыя великолѣпныя предложенія, которыя онъ даже не хотѣлъ слушать. Гуннингъ писалъ 25 сентябрь 1772 года:

„Участь Орлова еще не рѣшена. Предложенія онъ отвергнулъ и настаиваетъ на томъ, чтобы видѣть императрицу".

Несмотря на свои опасенія, они могли ей казаться основательны, зная настолько, какъ она знала, Орлова и его братьевъ; Екатерина менѣе всего на свѣтѣ была расположена пожертвовать своимъ новымъ фаворитомъ. Ея страсть къ Васильчикову казалось ее преобразила.

Честолюбіе, любовь къ славѣ, тщеславіе уступили мѣсто чувству еще потому болѣе пылкому, что она долго его дожидалась.

Удалившись въ свой дворецъ, недоступная для всѣхъ, она отдавалась своей любви съ пыломъ, который поражалъ тѣхъ, которые думали, что лучше ее знаютъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Гуннингъ описывалъ положеніе двора въ своей депешѣ отъ 8 октября:

„Графъ Орловъ и его братья, конечно, заслужили всѣ знаки щедрости, которыми ихъ осыпала императрица, такъ какъ имъ однимъ она обязана своей короной. Преемникъ, который его замѣнилъ, послужитъ быть можетъ самымъ яркимъ примѣромъ ея слабости и кладетъ самое большое пятно на характеръ императрицы, и это навѣрное убавитъ то высокое мнѣніе, которое вообще имѣли и по заслугамъ объ этой женщинѣ

Когда я былъ освѣдомленъ объ этой новой связи, которая образовалась немного времени спустя по моемъ пріѣздѣ, я не хотѣлъ этому вѣрить, такъ какъ ни особа Васильчикова, ни его заслуги не придавали правдоподобности этому слуху. Въ то время эта связь должна была оставаться въ секретѣ, но она была очень благопріятнымъ случаемъ для того, чтобы свергнуть Орлова, чтобы ею не воспользовался напримѣръ Панинъ, который вошелъ въ эти низкія, лакейскія интриги, недостойныя честнаго человѣка и въ особенности перваго министра большой имперіи. Неосторожность графа Орлова, который прервалъ конгрессъ въ Токшіани, чтобы предупредить своимъ быстрымъ возвращеніемъ тѣ опасности, которыя ему угрожали, доставила благовидный предлогъ для императрицы, чтобы его не принять. Между тѣмъ говорятъ, что какъ видно по ней она раскаивается, что ея нѣжность къ нему возвратилась и что это причина ея безпокойства.

„Графъ Захарія Чернышевъ, несмотря на то, что онъ нелюбитъ Орлова, смотритъ на всѣ эти перемѣны, какъ не выгодныя въ его интересахъ по причинѣ вліянія, которое онѣ даютъ Панину. Императрицѣ, конечно, мало онъ нравится, но его манера вести дѣла болѣе ей пріятна, чѣмъ Панина, бездѣятельность и лѣнь котораго оставляютъ дѣла накапливаться во всѣхъ департаментахъ.

Необходимо во что бы то ни стало, чтобы гдѣ нибудь была бы дѣятельность и прилежаніе, въ особенности еще потому, что сама императрица, которая была до послѣдняго время неутомима, какъ кажется отвратилось отъ какого либо серьезнаго занятія и болѣе всего расположена жить въ свое удовольствіе и развлекаться болѣе, чѣмъ когда либо“.

Орловъ утомился понапрасну жаловаться и онъ согласился замолчать и удалиться. Онъ согласился на то, что ему дали сто тысячъ рублей серебромъ, грамоту на пенсію въ сто пятьдесятъ

тысячъ, ослѣпительный серебрянный сервизъ и землю съ шестью тысячами крестьянами. Посланный Франціи, Сабатье, писалъ по этому поводу 30 октября:

„Графъ Орловъ объявляетъ, что онъ могъ бы жить въ кабакѣ, не сожалѣя о прошедшемъ величіи, но что онъ скорбитъ, видя, что императрица выставила себя на позоръ всей Европы".

Скажемъ мимоходомъ, что какъ разъ ко время этихъ событій, Марія Терезія пожаловала Григорію Орлову титулъ принца Священной Имперіи.

Замѣститель Сабатье, Дюранъ, писалъ 19 января 1773 г.:

„Графъ Орловъ, наконецъ, уѣхалъ позавчера, чтобы отправиться въ Ревель. Великій князь во время его пребыванія въ Петербургѣ высказывалъ къ нему много ненависти и отвращенія, чувство, которое бы разразилось съ большимъ блескомъ и силой, безъ заботъ, которыя употребилъ Панинъ, чтобы его сдержать".

Самое рѣзкое разногласіе царитъ между депешами повѣреннаго въ дѣлахъ Англіи и посланника отъ Версальскаго кабинета, по поводу расположенія Екатерины относительно стараго и новаго фаворита. Такъ напримѣръ, Гуннингъ писалъ 16 октября 1772 г.:

„У императрицы внѣ всякаго сомнѣнія большія непріятности; это ясно видно по ея лицу. Огромная сумма, которую она заплатила за молчаніе и удаленіе Орлова, доказываетъ какъ важно, какъ она думаетъ, для нее быть съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Между тѣмъ есть основаніе думать, что она сожалѣетъ о немъ, и что ей надоѣлъ и она стыдится за своего новаго фаворита".

И еще слѣдующаго 16 января:

„Императрица не успѣла еще принять рѣшеніе дать замѣстителя Орлову, какъ уже и раскаялась и рѣшилась на то, чтобы призвать его къ себѣ обратно. Поводъ къ этому второму рѣшенію былъ столько же основанъ на политикѣ, какъ и на признательности; онъ и его братья были, дѣйствительно, единственные люди въ ея имперіи, на которыхъ она могла вполнѣ положиться. Но она встрѣтила непреодолимыя препятствія.

Нѣкоторыя рѣчи Панина, съ самыми жестокими выраженіями, и нѣкоторыя выраженія, которыя сорвались у великаго князя и ея подданныхъ, дали ей почувствовать, что необходимо, изощрить всю свою хитрость, чтобы имѣть возможность выполнить этотъ планъ въ полной безопасности, и она думаетъ теперь, что она сможетъ въ недалекомъ будущемъ произвести сближеніе между великимъ княземъ и Орловымъ".

Что касается этого послѣдняго пункта, всѣ усилія Екатерины были увѣнчаны полнымъ успѣхомъ, такъ какъ лордъ Каткартъ писалъ слѣдующаго 21 мая:

„Лучшія отношенія, кажется, царятъ въ настоящее время между приверженцами великаго князя и графа Орлова. Но трудно предвидѣть, сколько время продлится это спокойствіе".

Въ противуположность Гуннингу, посланникъ Франціи, Сабатье, выражался такъ въ своей депешѣ отъ 30 октября 1762 г.:

„Императрица не переставая пишетъ Васильчикову самыя пламенныя записки; она ему дѣлаетъ постоянные подарки, не зная границъ; она распространяется о невѣрностяхъ, о презрѣніи и обидахъ, которыя она, какъ говоритъ, вытерпѣла со стороны графа Орлова".

Въ дѣйствительности оказывается, что послѣ удаленія своего прежняго любовника, Екатерина, которая больше его не боялась, дала открыто разразиться своему злопамятству. Ея негодованіе было даже очень продолжительно, такъ какъ Дюранъ писалъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ 4 мая 1773 г.:

„Императрица сказала одному довѣренному лицу: „у меня есть обязанности къ семьѣ Орловыхъ; я ихъ наградила имуществомъ и почестями; я всегда буду имъ протежировать и они могутъ быть мнѣ полезны; но мое рѣшеніе принято. Я страдала впродолженіи одиннадцати лѣтъ; теперь я хочу жить по моей фантазіи и въ полной независимости. Что касается графа, онъ можетъ дѣлать все, что ему пріятно, отъ него зависитъ путешествовать или оставаться въ имперіи, пить, охотиться, имѣть любовницъ; онъ возвратится къ прежнимъ должностямъ, если онъ возмется за работу. Если онъ будетъ вести себя хорошо, онъ сдѣлаетъ себѣ честь; если онъ поведетъ себя плохо, то покроетъ себя стыдомъ".

Онъ покроетъ себя стыдомъ, возразила особа, которая мнѣ только что передала бесѣду своей монархини. Природа не сдѣлала изъ него ничего, какъ только русскаго крестьянина и имъ онъ останется до конца. Онъ любитъ такъ же, какъ и ѣстъ; онъ столько же удовлетворяется какой нибудь калмычкой или финкой, какъ и самой хорошенькой придворной женщиной, словомъ, бурлакъ, каковъ онъ и есть на самомъ дѣлѣ. Между тѣмъ у него природный умъ и онъ не злой. Его страсть, — это скупость".

Дюранъ писалъ еще слѣдующаго 13 августа, по поводу Орлова, недостатки котораго казались болѣе очевидными послѣ его опалы:

„Его вниманіе занимаютъ только ребяческіе поступки. Если иногда онъ и кажется занятымъ важными дѣлами, то безъ всякой выдержки, если онъ объ этомъ говоритъ, его мысли сталкиваются и указываютъ лишь на молодость сердца, недостатокъ воэпитанія, жадность къ славѣ, выраженіе дурного вкуса и дѣятельность безъ всякаго повода, онъ взбалмошенъ и не умѣя пользоваться своимъ довѣріемъ и своими богатствами, отъ этого все же не менѣе стремится ихъ сохранить".

Екатерина между тѣмъ не была такъ увлечена своимъ новымъ фаворитомъ, какъ хотѣла съ нимъ разсѣяться отъ постояннаго предмета ея заботъ, т. е. отъ безпокойствъ, которыя ей причинялъ ея сынъ. Въ видахъ того, что она хотѣла вознаградить его за одобреніе, которое онъ высказалъ по поводу возвышенія Васильчикова, Екатерина, казалось, немного отказалась отъ своей строгости и холодности по отношенію къ нему. Но вскорѣ она возвратилась къ своимъ первымъ чувствамъ отвращенія и недовѣрія, и ничто ужъ не могло ихъ умѣрить. Гуннингъ, писалъ 8 октября 1772 г.:

„Великій Князь. который ненавидѣлъ Орловыхъ, въ сущности былъ доволенъ возвышеніемъ новаго фаворита, хотя это не могло ему помѣшать критиковать поведеніе матери по этому поводу съ той же точки зрѣнія, какъ это дѣлаютъ всѣ. Всѣ ожидали и я думаю, что самъ Великій Князь на это разсчитывалъ, что его мать сохранитъ ему нѣкоторую независимость, что при его совершеннолѣтіи и у него будетъ особое состояніе. Но случилось совершенно противуположное и ввели даже нѣкотораго рода принужденіе, его гувернеръ относится къ нему съ тѣмъ же авторитетомъ, какъ и прежде. Въ этотъ день не было сдѣлано никакихъ пожалованій для того, чтобы никто не могъ бы быть ему обязаннымъ".

Екатерина думала съ нѣкотораго время женить Великаго Князя, столько же для того, чтобы быть увѣренной въ продолженіи рода, какъ и дать ему нѣкотораго рода развлеченіе. Фридрихъ II зналъ о ея намѣреніи, и въ планахъ упрочить и безъ того тѣсный союзъ Пруссіи и Россіи, потому что тогда какъ разъ производился раздѣлъ Польши, онъ содѣйствовалъ тому, что палъ выборъ Екатерины на вторую изъ дочерей ландграфа Гессенскаго, старшая дочь котораго была замужемъ за королевскимъ принцемъ Пруссіи. Этотъ союзъ заключился въ дѣйствительности 10 октября 1772 г. Онъ не имѣлъ результатовъ, которыхъ ожидала Екатерина.

Какъ разъ наоборотъ, великій князь, злоупотребляя той малой независимостью, которую она была принуждена ему дать, выставлялъ на показъ популярность, которой онъ пользовался, и съ тѣхъ поръ онъ не старался скрывать чувство отвращенія, которое онъ питалъ къ своей матери, и забавлялся тѣмъ, что при всякой встрѣчѣ шокировалъ ея вкусы и привычки. Изъ слѣдующихъ выдержекъ изъ депешъ англійскихъ посланниковъ будетъ видно, какъ вырисовывалась эта перемѣна.

Лордъ Каткартъ писалъ 3 декабря 1773 г.:

„Нѣкоторые изъ друзей Великаго князя посовѣтовали ему не подчеркивать въ такой сильной степени свою популярность, какъ это дѣлалъ онъ до сихъ поръ. Этотъ совѣтъ ему не понравился и онъ не послѣдовалъ ему. Кой какія ребяческія выраженія, вырвавшіяся у него послѣдній разъ, причинили большое безпокойство императрицѣ. За нѣсколько дней до его отъѣзда въ Царское село великому князю подали за ужиномъ блюдо сосисокъ, которыя онъ особенно любитъ, и онъ нашелъ въ немъ въ большомъ количествѣ кусочки стекла.

Тотчасъ же внѣ себя отъ гнѣва онъ всталъ изъ за стола и, взявъ кушанье, онъ прямо направился въ покои императрицы и сказалъ ей съ большимъ пыломъ, что судя по этому онъ ясно видѣлъ, что его хотѣли отравить.

Императрица была чрезвычайно взволнована этимъ подозрѣніемъ также какъ и небрежностью слугъ, которые были этому причиной. Думаютъ, что она увезла его съ собой въ Царское село, чтобы имѣть случай открыть, что не было ли это у великаго князя мимолетная мысль, вызванная этимъ обстоятельствомъ или же недовѣріе болѣе укоренившееся, а также, чтобы имѣть болѣе продолжительные и частые случаи его выпытывать и узнать въ совершенствѣ характеръ великой княгини“.

И еще въ другой выдержкѣ изъ той же самой депеши строки, которыя заставляютъ улыбаться:

„Дидро съ императрицей въ Царскомъ селѣ, гдѣ онъ продолжаетъ свои политическія интриги. Всѣ его письма его корреспондентамъ являются панегириками императрицѣ, которую онъ обрисовываетъ, какъ существо выше человѣческаго. Его похвальбы великому князю не были менѣе грубы, но говорятъ къ чести этого молодого принца, онъ выказалъ столько же презрѣнія этой низкой лести, какъ и отвращенія къ зловреднымъ принципамъ этого мнимаго философа“.

При этихъ событіяхъ лордъ Каткартъ покинулъ Петербургъ, и его первый секретарь, Гуннингъ сдѣлавшійся повѣреннымъ въ дѣлахъ, писалъ 17 декабря 1773 г.:

„Нѣсколько дней тому назадъ сообщили Великому Князю, что графъ Салтыковъ былъ приставленъ къ нему, чтобы слѣдить, за его дѣйствіями. Его Высочество съ привычной ему живостью тотчасъ же пошелъ къ императрицѣ, и не довольствуясь тѣмъ, что подѣлился съ ней этимъ мнѣніемъ, онъ назвалъ ей автора его. На что императрица, послѣ того какъ убѣдила его въ лживости этого донесенія, велѣла написать письмо камергеру Матушкину, въ которомъ она ему говорила, что въ предыдущія царствованія его поведеніе было бы наказано кнутомъ, но такъ какъ она его приписывала болѣе его глупости, чѣмъ дурному намѣренію, тощадя его семью, она не будетъ доводить дѣло до такой крайности и что она желаетъ только, чтобы онъ показывался ей на глаза насколько возможно рѣже.“

Тотъ же самый Гуннингъ писалъ еще 22 февраля 1774 г.:

„Великій Князь признался императрицѣ, что по наущенію Кальдерона онъ былъ виновенъ въ поступкѣ, противномъ его обязанностямъ по отношенію къ Ея Величеству. Какой это былъ поступокъ, я не могъ это еще открыть, но онъ долженъ былъ быть очень непріятенъ для нея, такъ какъ она сильно вспылила и сказала, что онъ хочетъ, чтобы ей привели этого несчастнаго, другими словами Кальдерона съ веревкою на шеѣ. Не проходитъ дня, который не принесъ бы случая, способнаго увеличить безпокойство и замѣшательство императрицы.“

И спустя три дня 25 февраля:

„Поступокъ, о которомъ я говорилъ въ моей послѣдней депешѣ, въ которомъ признался Великій Князь, что совершилъ но по наущенію Кальдерона и который такъ сильно обидѣлъ императрицу, теперь я могу вамъ сказать, въ чемъ онь состоялъ. Онъ не касался ничего другого, какъ присоединить Великаго Князя къ управленію. Чтобы достигнуть этого, онъ далъ Кальдерону полныя права, подписанныя и съ приложеніемъ печати, въ силу которыхъ Кальдеронъ долженъ былъ принять необходимыя мѣры, чтобы вырвать у императрицы ея согласіе.

Стыдъ и угрызеніе совѣсти впродолженіи долгаго времени удерживали Великаго Князя сознаться во всемъ императрицѣ и по всей вѣроятности онъ этого бы не сдѣлалъ, еслине боязнь возвращенія Кальдерона не заставила его такъ поступить. Видно, что Кальдеронъ, находя, что этотъ проэктъ который долженъ былъ дать власть въ его руки, не былъ такъ легко осуществимъ, какъ онъ раньш воображалъ, покинулъ всѣ надежды относительно Великаго Князя и приблизился къ императрицѣ за нѣсколько мѣсяцевъ до его отъѣзда. Было открыто что онъ дѣ-

лалъ попытки расторгнуть бракъ Великаго Князя и Великой княгини спустя немного время послѣ того, какъ онъ былъ заключенъ. Это то болѣе всего разсердило Ея Императорское Величество. Также открыли, что въ то-же время, какъ онъ мечталъ удовлетворить такимъ образомъ свое честолюбіе, онъ совершалъ, чтобы раздобыть себѣ денегъ, невѣроятные подлоги и что онъ заставилъ Датскій дворъ заплатить себѣ за мнимыя услуги".

Всѣ эти обстоятельства сильно волновали Екатерину. Къ счастью для нея Великій Князь выказывалъ сильную любовь къ своей женѣ и такъ какъ это была очень хитрая особа, которая, не обладая большимъ умомъ, имѣла его достаточно, чтобы руководить своимъ мужемъ, Екатерина постаралась привлечь ее для своихъ интересовъ. Она достигла этого безъ труда, но она должна была платить за ея услуги страннымъ образомъ, который конечно стоилъ ей немного. Вотъ что, Фридрихъ разсказываетъ по этому поводу въ послѣдней части своихъ мемуаровъ:

„Поведеніе Великой Княгини не таково, какое должно было ожидать отъ особы ея положенія. Она пріѣхала въ Петербургъ ко времени интригъ и партій и когда весь дворъ былъ возбужденъ интригами иностранныхъ министровъ. Министры Франціи и Испаніи пускали все въ ходъ, чтобы посѣять плевелы между Россіей, Австріей и Пруссіей. Чтобы выполнить ихъ намѣренія, они считали нужнымъ образовать партію, которой бы они могли располагать и они вообразили, что, посвятивъ Великую Княгиню въ ихъ интересы, остальное они сдѣлаютъ безъ труда.

Чтобы достигнуть этой цѣли, они заручились однимъ графомъ Разумовскимъ, привязаннымъ къ особѣ Великаго Князя. Этотъ, отдавшись въ ихъ вѣдѣніе, достигъ такой наглости, что сдѣлался любовникомъ Великой Княгини, къ которой, благодаря милостямъ своего господина, онъ имѣлъ свободный доступъ. Черезъ полтора года послѣ свадьбы она сдѣлалась беременна; но всѣ говорили на ухо другъ другу, что это не было отъ ея мужа."

Въ это время Екатерина имѣла другія причины безпокойствъ, и болѣе серьезныя. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ казакъ съ Дону, настоящее имя котораго было Пугачевъ, выдавалъ себя за Петра III и поднималъ провинціи внутри государства, смѣло сопротивляясь кулакомъ мужика всѣмъ войскамъ, которыя высылали противъ него. Вездѣ, гдѣ онъ появлялся, онъ находилъ приверженцевъ и послѣ каждаго пораженія, когда его считали подавленнымъ окончательно, онъ появлялся вскорѣ вновь, болѣе сильный чѣмъ прежде. Онъ находилъ неисчерпаемую поддержку среди деревенскаго населенія, которое шло къ нему толпой на

встрѣчу и кланялась ему какъ спасителю, такъ какъ, то что создавало силу этого дерзкаго авантюриста, была ненавистная администрація правленія.

Гуннингъ писалъ 25 февраля 1774 г.:

„Замѣтно, что настроеніе императрицы очень измѣнилось съ нѣкотораго времени, и что въ ней не находятъ больше той привѣтливости и той снисходительности, которая ее такъ отличала. Затруднительное положеніе ея дѣлъ разстраиваетъ ея умъ и здоровье, тѣмъ болѣе, что одна изъ бѣдъ, которыя терпитъ страна, есть продолженіе войны съ Турціей, въ которой считаютъ ее отвѣтственной. Правда, что она причиняетъ почти всемірное неудовольствіе.

Но императрица кажется хочетъ не слушать жалобы, которыя поднимаются со всѣхъ сторонъ; со дня на день она становится нервнѣе и изъясняется въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ. Несмотря на то, что большинство чиновниковъ управленія заслуживаютъ порицанія, которое на нихъ возводятъ, она ихъ поддерживаетъ тѣмъ неменѣе и то что самое странное, она имъ совсѣмъ не довѣряетъ, такъ какъ довѣряетъ дѣйствительно только Орлову. Несмотря на распространившееся неудовольствіе, нѣтъ причинъ ожидать революціи въ близкомъ будущемъи эта небольшая боязнь, которую въ настоящее время имѣетъ императрица передъ великимъ княземъ и попытками, которыя могли сдѣлать его приверженцы, дѣлаютъ ее болѣе безразличной, чѣмъ она была бы иначе, къ мнѣнію объ ней и ея управленіи".

Екатерина прибѣгала къ странному средству, чтобъ избѣжать своихъ враговъ: она взяла другого любовника.

Преемникъ, котораго она дала Васильчикову, былъ менѣе молодъ, но онъ былъ способенъ принять участіе въ управленіи страной, такъ какъ, кажется, Екатерина съ грустью раздѣляла свое довѣріе отъ своихъ милостей. Гуннингъ писалъ 15 марта 1774 г.:

„Мы видимъ здѣсь перемѣну декораціи, которая на мой взглядъ заслуживаетъ больше вниманія, чѣмъ какое бы то ни было изъ событій, случившихся съ начала этого царствованія. Васильчиковъ, который имѣлъ слишкомъ ограниченный умъ, чтобъ имѣть какое нибудь вліяніе въ дѣлахъ и раздѣлятъ довѣріе своей госпожи, имѣетъ теперь преемника, который обѣщаетъ обладать и тѣмъ и другимъ въ высшей степени.

Если я скажу, что выборъ императрицы одинаково порицается и партіей великаго князя и Орловыми, которые казалось бы и тѣ другіе ибыл и удовлетворены состояніемъ, въ которомъ находились дѣло съ нѣкотораго времени, вы не удивитесь, что онъ

причинилъ всеобщее удивленіе и даже ужасъ; и я самъ, если бы я не зналъ этой страны, разсматривая причины дѣйствій, я бы боялся фатальныхъ послѣдствій этого событія.

Но такъ какъ здѣсь могло бы быть легкомысленно выводить заключенія изъ такого недавняго событія, я ограничусь въ настоящій моментъ ознакомленіемъ васъ съ именемъ и характеромъ человѣка, который такъ неожиданно былъ поставленъ на глаза всѣмъ.

Это генералъ Потемкинъ, который прибылъ мѣсяцъ тому назадъ изъ арміи, гдѣ онъ былъ въ продолженіи всей войны, и гдѣ, говорятъ мнѣ, былъ поголовно ненавидимъ.

Въ моментъ революціи онъ былъ унтеръ-офицеромъ въ гвардіи и такъ какъ онъ былъ другомъ Орлова и принималъ большое участіе въ этомъ дѣлѣ, онъ былъ возвышенъ до званія придворнаго.

Эта должность дала ему возможность часто приближаться къ императрицѣ, и его поведеніе было таково, что возбуждало ревность его патрона графа Орлова. Впослѣдствіи, я не знаю подъ какимъ предлогомъ, онъ былъ посланъ въ Швецію, и по возвращеніи онъ жилъ въ изгнаніи до начала войны, гдѣ онъ получилъ чинъ генералъ-майора, и съ тѣхъ поръ всегда оставался въ арміи. Онъ гигантскаго, непропорціональнаго роста и его физіономія очень непріятна.

Судя по описаненію его характера, которое мнѣ сдѣлали, онъ обладаетъ большимъ знаніемъ людей и большей разборчивостью, чѣмъ обыкновенно всѣ русскіе и несмотря на то, что онъ явно распущеннаго нрава, онъ имѣетъ тѣсныя связи съ духовенствомъ. Съ этими качествами и благодаря безпечности тѣхъ, съ кѣмъ ему приходится бороться, онъ долженъ конечно льстить себя надеждой надѣяться на высоту, которой жаждетъ его безграничное честолюбіе".

Гуннингъ писалъ еще на третій день послѣ 18 марта:

„Новый любимецъ, который знаетъ, я предполагаю, что занимаемое имъ мѣсто не нравится Орловымъ, кажется ухаживаетъ очень настойчиво за Панинымъ, надѣясь этимъ средствомъ сдѣлать великаго князя менѣе враждебнымъ къ своему возвышенію. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ милости, императрица оказываетъ больше вниманія великому князю и даетъ доказательства непривычнаго отличія Панину, который кажется вполнѣ доволенъ этимъ расположеніемъ, какъ это и естественно, что онъ доволенъ всѣмъ тѣмъ, что относится къ уменьшенію вліянія Орловыхъ. Остается только узнать, удовлетворенъ ли также графъ Захарій Черны-

вешъ, видя на такомъ мѣстѣ, человѣка, который превосходитъ его въ талантахъ и въ ловкости".

Ясно, что Екатерина дала понять великому князю и его гувернеру, который имѣлъ столько на него вліянія, что лучшее средство, чтобы быть съ нею въ хорошихъ отношеніяхъ, это быть друзьями ея новаго любовника. Великая княгиня, которая имѣла очень большія основанія щадить императрицу, присоединилась къ графу Панину, чтобъ убѣдить великаго князя стать на сторону Потемкина. Это то, что заставило писать англійскаго посла Гуннинга 29 апрѣля 1774 г.:

„Какія бы безпокойства ни имѣла императрица въ это последнее время, можно сказать съ увѣренностью, что поведеніе великаго князя въ нихъ не входитъ, такъ какъ въ настоящее время есть много причинъ быть довольной имъ. Она сказала недавно, что она обязана великой княгинѣ въ томъ, что ей возвращенъ сынъ и что будетъ заботой ея жизни исполнить этотъ долгъ.

Дѣйствительно, она пользовалась всѣми случаями, чтобы быть пріятной принцессѣ, которая несмотря на свой небольшой умъ, имѣла большое вліяніе на великаго князя и кажется до сихъ поръ примѣняла съ большимъ успѣхомъ уроки, которыя ея мать, ландграфиня, ей конечно преподала.

Въ настоящее время великій князь, кажется, чувствуетъ себя хорошо только въ ея обществѣ и принимаетъ только молодого графа Разумовскаго. Желаніе стать популярнымъ, которое очевидно въ поведеніи великаго князя, кажется, окончательно исчезло, и онъ замѣнилъ его другой крайностью: желаніемъ быть любезнымъ до чрезмѣрности съ всѣми, кто его окружаетъ. Эта перемѣна, которая можетъ быть только пріятна императрицѣ, можетъ быть и комедія, но я признаюсь, судя по тому, что я слышалъ въ это послѣднее время и видѣлъ отъ него, я не расположенъ приписать все это разсчету. Въ положеніи, въ которомъ находится князь, трудно опредѣлить его характеръ по его поступкамъ, до сихъ поръ можно сказать ихъ не было, но онъ охотно воспринимаетъ впечатлѣнія, которыя ему внушаютъ безъ труда и которыя легко изсчезаютъ. Императрица же можетъ выборомъ лицъ, которыхъ она ставитъ около него, внушать ему до извѣстной степени чувства, которыя она хочетъ въ немъ видѣть".

Потемкинъ не былъ ординарнымъ человѣкомъ. Онъ ни въ чемъ не былъ похожъ на своихъ предшественниковъ. То, что было достаточно, чтобы удовлетворить ихъ, не удовлетворяло его. Его состояніе приняло неслыханные размѣры. Его вліяніе и довѣріе

къ нему сдѣлались громадны съ перваго же дня милости къ нему. Такъ Гуннингъ могъ писать 6 мая:

„Поведеніе новаго любимца подтверждаетъ все то, что я слышалъ о живости его ума и его проницательности, но оно показываетъ мало разсудка и осторожности. Онъ въ чрезвычайной милости, его возвышеніе соразмѣрно съ этимъ быстро“.

И четыре дня спустя 10 мая:

„Потемкинъ дѣйствительно пріобрѣлъ, если принять во вниманіе съ какихъ поръ онъ въ милости, гораздо больше власти, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ, и онъ не теряетъ случая доказывать ее. Онъ достигъ, благодаря своему авторитету и несмотря на сопротивленіе сената, того, что распологаетъ фермой водки, главной статьей доходовъ короны, способомъ, который по всей вѣроятности не въ интересахъ короны“.

И 17 мая:

„Хотя ни въ одной странѣ любимцы не возвышаются такъ быстро, нѣтъ примѣровъ даже здѣсь возвышенія такого быстраго, какъ Потемкина. Къ великому удивленію большинства членовъ тайнаго совѣта, генералъ Потемкинъ занялъ мѣсто среди нихъ“

И два дня спустя, 27 мая:

„Потемкинъ продолжаетъ жить въ самой тѣсной дружбѣ съ Панинымъ, онъ дѣлаетъ видъ въ совѣтѣ, что онъ управляется его мнѣніемъ, и когда есть раздѣленіе голосовъ, онъ становится на его сторону“.

Вліяніе и авторитетъ графа Панина, которые распространялись особенно на веденіе иностранныхъ дѣлъ, причиняли въ первое время мало огорченія Потемкину, такъ какъ въ настоящее рвемя онъ только добивался стать господиномъ во внутреннихъ дѣлахъ. То, чего онъ желалъ прежде всего, это управленія военнымъ министерствомъ, должность, которую занималъ графъ Захарій Чернышевъ который не былъ человѣкомъ, охотно покидающимъ ее. Потемкинъ также не былъ расположенъ выгнать его, такъ какъ видѣлъ. Екатерина любила достаточно этого министра и она охотно не отказывалась отъ своихъ старыхъ слугъ. Чтобъ достигнуть своей цѣли, новый любимецъ выбралъ окольный путь, который ему и удался, какъ это увидятъ. Гуннингъ писалъ 27-го мая 1774 г.:

„Расходы Россіи многимъ превосходятъ доходы, такъ что теперь должны всѣмъ служащимъ государства за восемь мѣсяцевъ оклада. Затрудненія, въ которыхъ находится управленіе, дали

поводъ къ разслѣдованію, которое было произведено надъ состояніемъ кассъ разныхъ министерскихъ департаментовъ. Открыли громадные дефициты и большіе злоупотребленія".

Объясненіе этого разслѣдованія находится въ позднѣйшей депешѣ, того же англійскаго посланника, который писалъ 26 іюля:

„Меня увѣряютъ, что графъ Чернышевъ признался, что онъ употребилъ на свои личныя расходы сто тысячъ рублей, принадлежащихъ кассѣ его министерства. Какъ на извиненіе онъ указалъ на запутанность своихъ дѣлъ"

Ударъ былъ нанесенъ: такъ Гуннингъ могъ писать съ 14 іюня:

„Генералъ Потемкинъ только что назначенъ вице-президентомъ военнаго министерства, съ назначеніемъ главнокомандующимъ".

Это былъ первый шагъ, но этого не было достаточно для Потемкина; нѣсколько дней спустя, 21-го іюля Гуннингъ писалъ:

„Генералъ Потемкинъ присоединенъ къ графу Захару Чернышеву въ военный департаментъ. Это такой большой ударъ, нанесенный послѣднему, что несмотря на всю снисходительность и легкость съ которой онъ подчинялся всему, чему не могъ препятствовать, онъ не могъ долго оставаться на должности, которую занималъ. Какими бы способами ее не исполнилъ его преемникъ, состояніе дѣла не потеряетъ много отъ перемѣнъ, но если разсматривать характеръ любимца императрицы, которому она кажется хочетъ исключительно довѣрить бразды правленія, нужно бояться, что она куетъ себѣ цѣпи, отъ которыхъ легко не освободится. Это послѣднее назначеніе очень встревожило Орловыхъ. Говорятъ, что результатомъ его было больше, чѣмъ объясненіе, и что горячій споръ имѣлъ мѣсто по этому случаю между княземъ и императрицей. Добавляютъ, что она была больше смущена, чѣмъ когда бы то ни было, и что она побудила его путешествовать, что онъ и разсчитываетъ сдѣлать по возвращеніи изъ Москвы".

Между тѣмъ Потемкинъ, увѣренный въ обладаніи полнымъ довѣріемъ своей госпожи, довольный повышеніемъ, на которое онъ такъ быстро поднялся, казалось, занятъ лишь тѣмъ, чтобы быть пріятнымъ Екатеринѣ, и отвлечь ее отъ серьезныхъ дѣлъ правленія легкими развлеченіями, въ которыхъ принималъ участіе со спокойствіемъ и легкостью, что было чертой его характера. Большинство современниковъ дали себя обмануть неожи-

даннымъ превращеніемъ изъ честолюбиваго въ человѣка удовольствій. Гуннингъ писалъ 23 августа 1774 г.:

„По скольку я могъ судить изъ разговоровъ, которые имѣлъ съ Потемкинымъ, онъ не кажется одареннымъ талантами и достоинствами, которые обыкновенно въ немъ признавали.

Онъ показываетъ, наоборотъ, лишь большую легкость характера и вкусъ самый опредѣленный къ наиболѣе пустымъ удовольствіямъ".

Правда, что въ это время Екатерина имѣла большую необходимость быть отвлеченной отъ заботъ, которыя ей причиняло возстаніе Пугачева, которое она несмотря на усилія не могла подавить. Гуннингъ писалъ 9 сентября 1774 г.:

„Гдѣ бы Пугачевъ не являлся, онъ увѣренъ, что найдетъ приверженцевъ, и несмотря на то, что онъ постоянно бываетъ побитъ въ своихъ встрѣчахъ съ войсками, ему легко возстановить свои силы и появиться вновь болѣе опаснымъ, чѣмъ прежде".

И 25 сентября слѣдующее:

„Одинъ офицеръ принесъ извѣстіе, что Пугачевъ былъ разбитъ между Царицынымъ и Астраханью. Отдавая отчетъ императрицѣ о состояніи дѣлъ въ провинціяхъ, изъ которыхъ онъ прибылъ, онъ сказалъ ей съ откровенностью, что всѣ тѣ, кто желаетъ ей добра, должны были знать давно, что недовольство народа почти всеобщее и что даже у входа въ столицу крестьяне не давали другого имени Пугачеву, какъ имя Петра III, что дворянство и духовенство начинали жаловаться, что имъ приходилось страдать столько же отъ императорскихъ войскъ, сколько и отъ Пугачевскихъ, и что нужно употребить всѣ средства, чтобы заставить изчезнуть такое настроеніе которое, начинало распространяться".

Тѣмъ не менѣе Пугачевъ долженъ былъ пасть въ этой неравной борьбѣ и доводя отчетъ объ этой добычѣ, Гуннингъ прибавляетъ въ своей депешѣ отъ 9-го декабря:

„Мнѣ говорятъ, что императрица дала полную власть сенату, чтобъ рѣшить судьбу Пугачева способомъ, который найдутъ подходящимъ, откуда слѣдуетъ, что нѣтъ основаній ожидать его помилованія, что, сказала она мнѣ сама, было бы неблагоразумно въ данномъ случаѣ".

Потемкинъ болѣе чѣмъ кто либо способствовалъ тому, чтобъ положить конецъ этой междоусобной войнѣ, которая при настрое-

ніи въ которомъ находилось деревенское населеніе и съ болѣе ловкимъ предводителемъ какъ Пугачевъ, могло легко принять громадные размѣры. Онъ распоряжался движеніемъ императорскихъ войскъ, и чтобъ быть болѣе увѣреннымъ, что его приказанія исполняются въ точности, онъ передалъ командованіе надъ ними своему родному брату. Екатерина имѣла другія обязательства предъ своимъ любимцемъ, за которыя она была ему благодарна. Благодаря ему она пользовалась въ своемъ внутреннемъ мірѣ спокойствіемъ, къ которому она не привыкла.

Гуннингъ писалъ 22 ноября 1774 г.:

„Съ тѣхъ поръ пока я нахожусь здѣсь, я еще не видѣлъ внутреннюю жизнь двора столь спокойной и съ такимъ малымъ количествомъ интригъ, какъ за послѣдній мѣсяцъ. Безпокойный и неугомонный умъ княжны Дашковой даже не былъ способенъ нарушить спокойствіе, которое здѣсь царило. Это можно съ увѣренностью приписать отсутствію графа Чернышева, который былъ главной причиной всѣхъ интригъ".

Дѣйствительно, Потемкинъ царилъ въ Петербургѣ, и его вліяніе было столь крѣпко основано, что никто не думалъ его поколебать. Одинъ князь Орловъ могъ, можетъ быть, нанести ударъ, такъ какъ Екатерина, вернувшись отчасти къ своимъ первымъ чувствамъ, имѣла къ нему наибольшее уваженіе. Но Орловъ мало заботился о большей или меньшей милости къ своему преемнику, онъ думалъ только о жизни въ мирѣ. Гуннингъ писалъ 22-го ноября 1774 г.:

„Безпечность князя Орлова помѣшала ему сдѣлать попытку испортить карьеру своему преемнику или положить предѣлы чрезвычайной власти, которой онъ пользовался".

Его братья не были такого покойнаго права и они возмущались величіемъ человѣка, который былъ ихъ созданіемъ и который помнилъ о нихъ только, чтобъ доказать имъ свое недоброжелательство.

Гуннингъ писалъ 20-го декабря 1774 г.:

„Семья графа Орлова, находя, что авторитетъ и вліяніе новаго любимца увеличивались съ каждымъ днемъ и не видя близкихъ шансовъ, чтобъ уменьшить его значеніе, рѣшили, говорятъ, покинуть службу".

Потемкинъ, казалось, не обращалъ никакого вниманія на досаду и недовольство братьевъ князя Орлова. Онъ былъ больше

занятъ тѣмъ, чтобъ подорвать вліяніе единственнаго министра, котораго онъ не могъ затмить и котораго было труднѣе умалить, чѣмъ Захара Чернышева. Потемкинъ не желалъ мѣста графа Панина, а тоже не желалъ вмѣшиваться въ дѣла его департамента, совсѣмъ на оборотъ, если вѣрить Гуннингу, который писалъ 22-го ноября.

„Потемкинъ занимается еще меньше, если это возможно, иностранными дѣлами, чѣмъ это дѣлалъ князь Орловъ“

Тѣмъ не менѣе, такъ какъ онъ не имѣлъ той необходимости въ поддержкѣ графа Панина, и такъ какъ со своимъ завистливымъ характеромъ Потемкинъ не могъ воздержаться, чтобъ не возбудить недовѣрія къ большому вліянію и авторитету этого министра, онъ скрытно прилагалъ всѣ свои усилія около Екатерины, чтобы если не разрушить, то по крайней мѣрѣ уменьшить его вліяніе. Съ этой цѣлью онъ представилъ и выдвинулъ, какъ его соперника, и судя по предположеніямъ, чтобъ ему наслѣдовать, одного дипломата, имя котораго было ему уже рекомендаціей: это былъ никто иной, какъ сынъ стараго канцлера Остермана, но который былъ далеко отъ того, чтобъ унаслѣдовать умъ и способности своего отца. Гуннингъ писалъ 25 мая 1775 г.:

„Вліяніе графа Панина на Императрицу видимо уменьшается, и меня увѣряютъ, что два или три различныхъ дѣла были окончены въ это послѣднее время Остерманомъ, по секрету отъ Панина“.

XII.

Екатерина не могла похвастаться долгое время хорошими отношеніями со своей невѣсткой, и она не замедлила замѣтить, что, дѣлая видъ, что она проповѣдуетъ подчиненіе великому князю, своему мужу, она возбуждала его, наоборотъ, считаться и взять независимость по отношенію къ своей матери. Когда она сдѣлала это грустное открытіе, Екатерина удвоила строгость и ревность по отношенію къ своему сыну и перестала быть снисходительной къ поведенію великой княгини, преступную любовь которой она покрывала. Если вѣрить французскому агенту, она дошла до того, что сдѣлала извѣстнымъ великому князю связь его жены съ графомъ Андреемъ Разумовскимъ, о которой только онъ не зналъ, такъ какъ ничто не было болѣе извѣстнымъ при дворѣ. Дюранъ писалъ 4-го октября 1774 г.:

„Вліяніе Потемкина идетъ все впередъ, между тѣмъ какъ Екатерина не замѣчаетъ, что ея сынъ подъ его вліяніемъ. Ея

политика идетъ дальше, она ищетъ способа вернуть этого недовѣрчиваго сыни и старается, чтобъ отдалить ее, увѣренная что самъ по себѣ онъ не способенъ встать противъ нея или ей сопротивлятся. Онъ имѣетъ любимца и въ тоже время питаетъ пылкую любовь къ великой княгинѣ. Его мать считала долгомъ предупредить, что графъ Разумовскій воспользовался его дружбой, чтобы перенести свои желанія на принцессу. Это отвратительное признаніе причинило великому князю огорченіе, которое онъ старался напрасно разсѣять. Княгиня заставила его, наконецъ, сказать причину огорченія, и она узнала это лишь для того, чтобъ проливать слезы въ продолженіи нѣсколькихъ дней и чтобъ показать князю злобность доноса, который стремился къ тому, чтобъ положить раздоръ между ними".

Къ несчастью для Екатерины ея сынъ былъ мало расположенъ имѣть къ ней довѣріе. Онъ, наоборотъ, имѣлъ живую и глубокую любовь къ своей женѣ. Онъ повѣрилъ ея протестамъ и ея слезамъ, онъ полюбилъ ее больше, когда думалъ, что она ненавидима его матерью, и самъ удвоилъ ненависть и недовѣріе къ Екатеринѣ. Болѣе чѣмъ всегда онъ старался причинить ей непріятность во всѣхъ дѣлахъ, и особенно въ томъ, что было самымъ чувствительнымъ для императрицы, хвастаясь своей популярностью, которая дѣйствительно была велика. Это поведеніе сдѣлалась особенно явно во время пребыванія Екатерины въ Москвѣ въ 1775 г.

Какова бы ни была видимость раболѣпства, которое окружало ее при дворѣ и въ Петербургѣ, городѣ до нѣкоторой степени населенномъ общественными дѣятелями, она не была любима своими подданными и ни въ одномъ мѣстѣ своего государства она не была менѣе любима чѣмъ, въ Москвѣ. Министръ Англіи, Гуннингъ, также какъ весь иностранный дипломатическій корпусъ, сопровождалъ императрицу и писалъ изъ Москвы 6-го февраля 1775 г.:

„Императрица въ сопровожденіи великаго князя и великой княгини совершила торжественный въѣздъ въ столицу. Народъ, который толпился при ея пріѣздѣ едва издалъ нѣсколько радостныхъ восклицаній, и не выказалъ никакихъ признаковъ удовлетворенія. Пріѣздъ императрицы далеко не пріятенъ обывателямъ этого города, не болѣе пріятенъ дворянству, чѣмъ народу, и ея величество это знаетъ, такъ же какъ и то, что къ ней чувствуютъ мало любви: она также знаетъ неблагопріятное мнѣніе ихъ о императрицѣ, и сознаетъ, что настроеніе, которое они выказали въ данномъ случаѣ должно способствовать къ его увеличенію. Дѣйствительно, къ счастью императрицы, Пугачевъ

былъ слишкомъ лишенъ разсудка, чтобъ быть способнымъ составить какой-нибудь планъ, такъ какъ если бы онъ пошелъ на Москву, нѣтъ никакого сомнѣнія, что все населеніе присоединилось бы къ нему, и естественная нерѣшительность большинства дворянъ помѣшала бы имъ предпринять какія бы ни было мѣры, чтобъ противостоять ему, и въ этомъ случаѣ пожаръ распространился бы по всей странѣ".

Французскій посолъ разсказываетъ, что ни въ одномъ случаѣ холодность и антипатія жителей Москвы не показали себя болѣе открытыми, чѣмъ въ годовщину рожденія императрицы. Дюранъ писалъ 8 мая 1775 г.:

„Императрица не могла скрыть своего удивленія, видя такъ мало людей пришедшихъ, чтобы ухаживать за ней въ день, когда балъ и ужинъ должны были привлечь во дворецъ высшіе классы очень населеннаго города. Она говорила о этой малочисленности такимъ образомъ, что показала, что она этимъ унижена".

Екатерина выбрала этотъ день, чтобъ обнародовать извѣстіе, которое было способно возбудить если не энтузіазмъ, то по крайней мѣрѣ благодарность населенія большого города. Дюранъ писалъ въ этой же депешѣ 8 мая:

„Императрица уменьшила налогъ на соль, и начальникъ полиціи вышелъ съ поспѣшностью изъ дворца чтобъ сообщить народу объ облегченіи, которое главнымъ образомъ относится къ нему. Вмѣсто радостныхъ восклицаній, къ которымъ она приготовилась, эти крестьяне и мужики, сдѣлали крестное знаменіе и, даже не говоря между собой, разошлись. Императрица, находясь у окна, не могла удержаться, чтобъ громко не сказать: какое тупоуміе! Но остальные изъ зрителей почувствовали, что ненависть народа къ Екатеринѣ столь велика, что ея благодѣянія принимаются съ безразличіемъ".

Въ отмщеніе великій князь, казалось, былъ богомъ всѣхъ классовъ населенія Москвы. Онъ не могъ показаться, чтобъ не быть принятымъ радостными восклицаніями, которыя страшно противорѣчили съ сдержанностью, которую выказывали его матери. Для него, очарованнаго этимъ вниманіемъ, которое льстило его честолюбію, этого было вполнѣ достаточно, и онъ велъ себя такимъ образомъ, чтобъ скорѣй увеличить, чѣмъ уменьшить добрый пріемъ, который ему дѣлали.

Гуннингъ писалъ 27 марта 1775 г.:

„Популярность, которую великій князь выказалъ, въ день когда онъ вошелъ въ городъ во главѣ своего полка, разговари-

вая съ людьми, которые его окружали и позволяя толпѣ совершенно отдѣлиться отъ его полка, и видимое удовольствіе, которое выказывали, причиняло большое неудовольствіе и по всей вѣроятности воспрепятствуютъ, чтобъ ему дали еще подобный случай показаться такъ въ народѣ".

Эта популярность, которая доставляла удовольствіе великому князю, очень обижала Екатерину, которая мстила за нее способомъ, не дѣлающимъ чести ея уму. Дюранъ писалъ изъ Москвы 8 мая 1775 г:.

„Императрица въ день своего рожденія подарила великому князю часы малой стоимости, а Потемкину сумму въ 50,000 рублей, сумма, въ которой великій князь очень нуждался и напрасно просилъ. Этотъ отказъ и это предпочтеніе озлобляли все больше и больше молодого князя противъ своей матери и противъ любимца, который располагалъ всѣмъ, тогда какъ послѣдній, который долженъ былъ бы быть на тронѣ, находился въ нуждѣ".

Великій князь не дожидался этого момента, чтобъ возненавидѣть отъ всего сердца любимца, который, конечно, чтобъ быть пріятнымъ императрицѣ, пересталъ имѣть къ нему уваженіе, должное по его положенію и его происхожденію. Гуннингъ писалъ 27 марта 1775 г.:

„Меня увѣряютъ, что нѣкоторый споръ имѣлъ мѣсто между великимъ княземъ и Потемкинымъ, такъ какъ послѣдній требовалъ, чтобы рапортъ полка великого князя былъ обращенъ ему".

Справедливо, что князь не имѣлъ счастья возбуждать къ себѣ уваженіе и почтеніе людей, которые его близко видѣли, если мы должны вѣрить тому, что писалъ англійскій посолъ въ этой же депешѣ отъ 27 марта:

„Поведеніе великаго князя въ это послѣднее время, во многихъ отношеніяхъ, такъ похоже на поведеніе его отца (Петръ III), что оно дало лицамъ, которыя способны судить, непріятныя опасенія по отношенію къ примѣненію, которое онъ могъ сдѣлать въ одинъ изъ дней своего вліянія. Меня увѣряютъ, что Панинъ не имѣетъ ни малѣйшаго на него вліянія и узнаетъ съ глубокимъ огорченіемъ всѣ признаки, которые онъ подаетъ безъ конца, легкомыслія и неосторожности, впрочемъ такъ же, какъ и великая княгиня".

Екатерина вмѣсто того, чтобы взять на себя вину и за плохое образованіе, которое она ему дала, и за недружелюбное отношеніе ея сына и заботы, которыя онъ ей причинялъ, дѣлала въ этомъ отвѣтственной великую княгиню. До извѣстной степени, она была

права, такъ какъ княгиня болѣе пустая, чѣмъ честолюбивая, переносила съ раздраженіемъ то, что занимала очень маленькое мѣсто при дворѣ, къ которому была призвана, чтобъ царствовать. Счастье, которое пошло на встрѣчу самымъ сокровеннымъ желаніемъ Екатерины, освободило ее отъ такого источника непріятностей и затрудненій. Великая княгиня умерла, родивъ мертваго ребенка и Оакъ, который замѣстилъ Гуннинга, писалъ немного спустя 26-го апрѣля 1776 г.:

„Великій князь былъ въ продолженіи двухъ дней въ несказанномъ отчаяніи. Князь Генрихъ Прусскій почти не покидалъ его все это время. Императрица выказала по этому случаю наибольшую любовь къ своей невѣсткѣ, оставаясь постоянно около нея въ послѣднія минуты и выказывая большое безпокойство".

Если можно вѣрить Фридриху, поѣздка князя Генриха, его брата, въ Петербургъ, не имѣла другой цѣли, какъ только „предупредить послѣдствія, которыя могло имѣть неудовольствіе императрицы" вслѣдствіе поведенія великой княжны, поведенія, добавляетъ немного наивно Фридрихъ, „которое не было такимъ, какое должно было ожидать отъ человѣка ея происхожденія".

Только что князь Генрихъ былъ принятъ, продолжаетъ онъ, великая княгиня умерла. Князь, присутствовавшій при этой сценѣ, помогалъ императрицѣ, поскольку это зависило отъ него. Онъ особенно заботился о великомъ князѣ, пораженномъ этимъ зрѣлищемъ, такъ же для него новымъ, какъ и печальнымъ. Князь не покидалъ его, способствуя не только возстановить его здоровье, но верхомъ его искусства было примирить окончательно мать съ сыномъ, несогласіе и вражда которыхъ очень увеличились со свадьбы великой княгини и заставляли бояться, что произойдутъ печальныя послѣдствія и для одного и для другого. Императрица была очень тронута услугой, которую князь Генрихъ ей оказалъ и съ этого времени его вліяніе увеличивалось со дня на день.

Скоро онъ извлекъ изъ него пользу. Императрица была намѣрена вновь женить поскорѣй своего сына; князь предложилъ ей принцессу Вюртебмергскую, внучку короля Пруссіи, которая была сейчасъ же принята. Горе великаго князя было дѣйствительно непродолжительно. Онъ женился въ сентябрѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года на принцессѣ Вюртембергской, которой Екатерина могла только похвастаться, такъ какъ она была во всемъ противоположность первой великой княжнѣ.

Дѣйствительно, было всегда только одно мнѣніе объ этой княжнѣ, которая, казалось, была одарена очень хорошими качествами. Съ перваго момента своего прибытія въ Россію она сдѣла-

лась всѣми любима и уважаема и съумѣла привлечь къ себѣ уваженіе и довѣріе своего мужа.

Оакъ писалъ 13 сентября 1776 г.:

„Придворные говорятъ съ большими похвалами о принцессѣ Вюртембергской и они хвалятъ также ея красоту, какъ и манеры. Великій князь, кажется, чувствуетъ къ ней нѣжность, которая обѣщаетъ принцессѣ, что она не будетъ имѣть меньше власти надъ нимъ, чѣмъ ея предшественница и благодаря превосходству своего ума она сдѣлаетъ вѣроятно лучшее изъ него примѣненіе".

И 15-го октября слѣдующее:

„Великая княгиня продолжаетъ плѣнять всѣхъ лицъ, которыя ее окружаютъ, своей вѣжливостью и милостью. Такъ, кажется, въ настоящее время царитъ больше гармоніи внутри императорской семьи, чѣмъ когда бы то ни было".

Оакъ писалъ еще 29 іюля 1777 г.:

„Первая великая княгиня управляла великимъ княземъ деспотично, не давая себѣ даже труда оказывать ему хотя малѣйшее расположеніе, эта же самымъ мягкимъ и очаровательнымъ способомъ, далеко не имѣя большого на него вліянія. Это можетъ быть не дѣлаетъ чести характеру и уму великаго князя".

Заботы и безпокойство, которыя причинили Екатеринѣ плохое поведеніе ея невѣстки и ея смерть, не были тѣмъ не менѣе способны отвлечь ее отъ ея личныхъ дѣлъ, Потемкинъ все оставался въ званіи любимца: онъ имѣлъ ея довѣріе, какъ никто и никогда не имѣлъ до него, его авторитетъ во всѣхъ дѣлахъ управленія былъ безграниченъ, и уваженіе, которымъ онъ пользовался было абсолютно. Гуннингъ писалъ:

„Потемкинъ, въ день своего ангела получилъ поздравленія отъ всего дворянства и отъ всѣхъ классовъ общества. Императрица подарила ему сто тысячъ.

Но какими бы ни были пріятности Потемкина и его усилія, чтобъ стать обсолютнымъ властелиномъ сердца и ума Екатерины, онъ чувствовалъ, что это было невозможной вещью. Заговоръ устроенный маршаломъ Романцовымъ, въ который вошли всѣ придворные, завидующіе власти любимца, представилъ при дворѣ и въ интимности императрицы соперника, который понравился съ перваго взгляда и былъ хорощо принятъ. Это былъ молодой человѣкъ по имени Завадовскій родомъ изъ Украины, который послѣ того какъ былъ суфлеромъ въ труппѣ придворного театра, сдѣлался секретаремъ и помощникомъ Романцова. Онъ перешелъ на службу къ Екатеринѣ въ должности яе личнаго секретаря которая давала ему свободный доступъ къ ней. Преемникъ Гуннинга

Оакъ писалъ 12 января 1776 г.:

„Императрица ничинаетъ видѣть въ другомъ свѣтѣ вольности, которыя позволяетъ себѣ ея любимецъ. Отставка, которую ему передалъ графъ Алексѣй Орловъ, отъ всѣхъ его должностей оскорбила его до такой степени, что онъ заболѣлъ. Тѣмъ не менѣе начинаютъ говорить между собою на ухо, что лицо, которое было поставлено около нея маршаломъ Романцовымъ, имѣетъ много шансовъ получить полное ея довѣріе“.

Разсуждая такимъ образомъ, видимо совершенно не считались со страннымъ характеромъ императрицы, а также ея любимца. Екатерина взяла новаго любовника, болѣе молодого и болѣе пріятнаго, но она сохранила все свое довѣріе къ Потемкину, и этотъ не показалъ никакой ревности къ этому подчиненному сопернику. Не только онъ остался при дворѣ, но онъ сохранилъ свое вліяніе и власть въ управленіи, и Оакъ могъ писать 2-го февраля 1776 г.:

„Власть любимца, т. е. Потемкина повидимому болѣе обширна, чѣмъ когда либо“.

Недовольный тѣмъ, что онъ покинутъ партіей, Потемкинъ занимался наоборотъ утвержденіемъ своей позиціи и онъ преслѣдовалъ безъ устали немилость единственнаго министра, который на него набрасывалъ тѣнь. Англійскій уполномоченный писалъ 16 февраля 1776 г.:

„Враги Панина воспользовались его отсутствіемъ, чтобы интриговать противъ него, и я слышалъ, что разговоры, которые они ведутъ на его счетъ, такого рода, что если они не увѣрены въ успѣхѣ, то они въ высшей степени не осторожны

Всѣ знаютъ честолюбіе и любовь къ интригамъ графа Ивана Чернышева, и милость къ нему князю Потемкина очевидна“.

Оакъ писалъ еще 8-го марта слѣдующее:

„Говорятъ, что желаніе Панина доставить своему племяннику послѣ себя наслѣдованіе въ министерствѣ есть предлогъ для Потемкина, который смотритъ на князя Репнина завистливымъ окомъ, располагать мѣстомъ канцлера до возвращенія этого посланника, и есть достаточно людей, которые думаютъ, что Потемкинъ самъ мѣтитъ на постъ премьеръ-министра: онъ, конечно, имѣетъ достаточно честолюбія, чтобъ претендовать на это, а его покровительница имѣетъ достаточно милости къ нему, чтобъ дать ему это удовлетвореніе. Этотъ разсчетъ съ его стороны кажется тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что замѣчаютъ, что съ нѣкотораго времени онъ видимо больше интересуется иностранными дѣлами,

чѣмъ дѣлалъ это прежде. Министры Франціи и Испаніи за нимъ упорно ухаживаютъ, и съ успѣхомъ."

Если Потемкинъ не огорчался милостями Екатерины къ Завадовскому, то онъ съ нетерпѣніемъ переносилъ, что графъ Орловъ оставался при дворѣ, и особенно то, что императрица имѣла уваженіе къ нему. Тѣмъ не менѣе Орловъ не сохранилъ ни одной изъ тѣхъ многихъ должностей и мѣстъ, которыя Екатерина поручала ему, и онъ повидимому принялъ безъ сожалѣнія положеніе частнаго лица. Это поведеніе ему дѣйствительно вернуло если не любовь, то по крайней мѣрѣ уваженіе его госпожи. Тѣмъ не менѣе онъ не выказывалъ никакого желанія вступить въ водоворотъ двора, въ заговоры и въ интриги, изъ которыхъ онъ вышелъ противъ своего желанія, и только боязнь не понравиться или повредить своимъ братьямъ его удерживала отъ того, чтобъ совершенно удалиться изъ Петербурга. Оакъ писалъ 8 марта 1776 г.:

„Князь Орловъ продолжаетъ пользоваться хорошимъ обращеніемъ императрицы. Онъ кажется еще не принялъ окончательно рѣшенія по поводу своей отставки. Думаютъ, что онъ ждетъ, чтобъ рѣшиться, возвращенія своего брата, графа Алексѣя Орлова, который долженъ со дня на день прибыть".

Но ничто не было въ состояніи разувѣрить и успокоить Потемкина, такъ какъ англійскій уполномоченный писалъ нѣсколькими днями позже, 19 марта:

„Посѣщенія, которыя императрица сдѣлала князю Орлову во время его болѣзни, дали мѣсто очень горячему спору между нею и ея любимцемъ Потемкинымъ, и несмотря на то, что онъ пользуется въ настоящее время абсолютнымъ авторететомъ, есть люди, которые съ увѣренностью предсказываютъ его паденіе, какъ близкое событіе. Но я думаю, что это предсказываютъ, потому что этого хотятъ, такъ какъ нѣтъ никакихъ симптомовъ. Доказательствомъ дурного мнѣнія, которое имѣютъ о его характерѣ, служитъ вѣра, которую придаютъ носящемуся слуху, будто онъ далъ яду графу Орлову. Дѣйствительно, его ревность ко всѣмъ тѣмъ, кто получаетъ хотя малѣйшій признакъ вниманія со стороны императрицы, очень велика, и онъ ее выказываетъ способомъ, который не можетъ ее сдѣлать лестной для его госпожи, но наоборотъ внушать отвращеніе".

Несмотря на ссоры, которыя причинялъ Екатеринѣ странный и требовательный характеръ Потемкина, онъ сохранялъ не меньше ея довѣрія. Чрезвычайныя почести, которыя онъ получилъ въ это время отъ двухъ дворовъ, тѣснѣйшимъ образомъ связанныхъ

съ Россіей, показывали ясно высокое мнѣніе, которое имѣли въ Вѣнѣ, такъ же какъ въ Берлинѣ, о его всемогущемъ вліяніи на свою властительницу. Марія Терезія пожаловала Потемкину титулъ князя священной Имперіи. Фридрихъ не хотѣлъ остаться позади и далъ ему самое дорогое, что имѣлъ.

Оакъ писалъ 16 апрѣля 1776 г.:

„Принцъ Генрихъ Прусскій прибылъ сюда, и вчера князь Потемкинъ имѣлъ честь получить изъ рукъ его императорскаго высочества орденъ чернаго орла“.

Между тѣмъ англійскій уполномоченный писалъ 31-го мая:

„Завадовскій былъ объявленъ въ званіи любимца и получилъ въ подарокъ три тысячи крестьянъ“.

Было бы не правильно заключить изъ этого, что Потемкинъ впалъ въ немилость, такъ какъ немного дней спустя, 7-го іюня, Оакъ писалъ еще:

„Императрица купила князю Потемкину домъ, за который заплатила сто тысячъ рублей. Она ему дала столько же для обмебелировки и увеличила его пенсію до семидесяти пяти тысячъ рублей“.

Казалось тѣмъ не менѣе, что Потемкинъ былъ только докучливъ, вопреки угодливости, которую онъ выказывалъ, такъ какъ онъ долженъ былъ удалиться отъ двора подъ предлогомъ самымъ почетнымъ, это вѣрно, и пятнадцать дней спустя послѣ его отъѣзда, 16 іюля, Оакъ писалъ:

„Завадовскій былъ произведенъ въ чинъ генералъ-майора и получалъ двадцать тысячъ рублей деньгами и тысячу крестьянъ“.

Придворные, какъ всегда обманутые наружнымъ видомъ, вообразили, что Потемкинъ уѣхалъ, чтобъ больше не вернуться. Оакъ, который не могъ привыкнуть къ русскимъ нравамъ, писалъ 12 іюля:

„Высокомѣріе поведенія князя Потемкина, въ то время когда онъ былъ при власти, ему создало столько враговъ, что онъ долженъ благоразумно ожидать притѣсненій въ своей немилости, и это не будетъ вещью ни удивительной, ни неожиданной, если увидятъ его въ концѣ своихъ дней въ монастырѣ, такъ какъ онъ всегда показывалъ любовь къ монастырской жизни, и это могло бы быть лучшимъ убѣжищемъ для него противъ разочарованія и безсильнаго честолюбія. Говорятъ, что его долги превышаютъ двѣсти тысячъ рублей“.

Тѣмъ естественнѣе было объяснить отставку князя Потемкина, такъ какъ императрица казалось совершенно вернулась къ сво-

имъ первымъ чувствамъ къ князю Орлову. Англійскій уполномоченный писалъ со 2-го іюля.:

„Вліяніе Орлова у императрицы, кажется, въ настоящее время такъ велико, какъ никогда".

И 5-го ноября слѣдующее:

„Князь Орловъ имѣетъ, конечно, въ настоящее время наибольшее вліяніе у своей госпожи, хотя безпечность его характера не позволяетъ ему этимъ воспользоваться, чтобы услужить своимъ друзьямъ или повредить врагамъ".

Къ несчастью князь Орловъ принялъ тѣмъ временемъ рѣшеніе, которое приводило въ отчаяніе его семью и друзей. Оакъ писалъ 12-го ноября:

„Графъ Алексѣй Орловъ отложилъ свой отъѣздъ въ надеждѣ, что ему удастся убѣдить своего брата оставить намѣреніе, которое онъ недавно принялъ: жениться на Зиновьевой, своей кузинѣ, одной изъ придворныхъ дамъ императрицы, къ которой онъ давно привязанъ узами болѣе чѣмъ неразрывными. Императрица, несмотря на просьбы семьи князя Орлова, отказалась употребить свое вліяніе, чтобъ препятствовать этому браку".

Къ браку Орлова со своей кузиной было препятствіе болѣе сильное, чѣмъ неудовольствіе его семьи, но онъ былъ человѣкъ, который не останавливался ни передъ какимъ препятствіемъ. Оакъ писалъ 14 го февраля 1777 г.:

„Князь Орловъ, чтобъ превозмочь всѣ препятствія, которыя воздвигались къ его женитьбѣ на Зиновьевой, и которыя заключались въ ихъ близкомъ родствѣ, прибѣгъ къ средству доказать, что она была подложнымъ ребенкомъ, и когда это удалось, онъ уѣзжаетъ въ скоромъ времени въ Москву, гдѣ должна произойти свадебная церемонія".

Эта связь не имѣла другихъ послѣдствій кромѣ того, что напугала родныхъ и друзей Орлова. Императрица не была этимъ разсержена, совсѣмъ наоборотъ. Оакъ писалъ 3 іюля:

„Князь Орловъ, кажется, въ настоящее время единственно занятъ мыслью отпраздновать въ ближайшемъ времени свою свадьбу. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ имѣетъ большое вліяніе у императрицы, и онъ его сохранитъ, при какой бы ни было милости, въ которой другіе могутъ находиться, и какъ бы ни велика была его безпечность: онъ могъ быть склоненъ испытать дружбу своей госпожи".

И 1-го іюля слѣдующее:

„Новая княгиня Орлова обѣдала съ императрицей нѣсколько дней тому назадъ“.

Между тѣмъ отсутствіе Потемкина не было продолжительно и его кратковременное удаленіе отъ двора не заключало въ себѣ немилости. Чувства Екатерины къ нему были все тѣ же, и его возвращеніе было отмѣчено особеннымъ доказательствомъ милости:

Потемкинъ имѣлъ съ этихъ поръ помѣщеніе при дворцѣ своей госпожи.

Тѣмъ не менѣе придворные упорствовали думать, что онъ не имѣетъ никакого вліянія и имъ стоило большого труда отдаться дѣйствительности и очевидной ясности. Оакъ, который могъ быть мало проницательнымъ наблюдателемъ, раздѣлялъ ихъ заблужденіе, какъ и видѣли, но въ концѣ концовъ онъ долженъ былъ сознаться, что онъ былъ обманутъ. Онъ писалъ 16-го мая 1777 г.:

„Начинаютъ подозрѣвать съ большой справедливостью, что князь Потемкинъ на хорошей дорогѣ, чтобъ возвратить полноту своей власти. Дѣйствительно, отношенія, которыя императрица сохранила съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ дала ему открытаго соперника, были таковы, что удивляли всѣхъ, кто зналъ его характеръ, недружелюбіе князя Орлова къ нему и вліяніе, которымъ пользуется послѣдній, и это было приписано только чрезвычайной добротѣ императрицы, но ни коимъ образомъ не остатку любви съ ея стороны. Его возстановленіе было бы первымъ примѣромъ этого рода, и если не нужно это приписать простому капризу императрицы, оно доказываетъ постоянство вліянія въ этомъ любимцѣ, которое можетъ имѣть важныя послѣдствія“.

Потемкинъ не былъ неблагодарнымъ, и тронутый дружбой и довѣріемъ своей госпожи, исполнялъ обязанности, которыя она ему поручала, способомъ который только могъ быть пріятенъ Екатеринѣ. Эта странная женщина уже утомилась Завадовскимъ. Это былъ всѣмъ извѣстно, такъ какъ англійскій уполномоченный могъ писать 20-го мая 1777 г.:

„Замѣчаются признаки, предшествующіе немилости къ Заводовскому, для котораго готовятъ, говорятъ, подарки большой цѣнности.

Многіе приписываютъ уединеніе, которому отдался князь Орловъ съ нѣкотораго времени, столько же плохому настроенію отъ этой перемѣны, сколько нездоровью“.

Потемкинъ не былъ человѣкомъ, огорчающимся немилостью къ своему преемнику: наоборотъ, это было ему случаемъ доказать

преданность и благодарность, которую онъ говорилъ, что имѣлъ къ своей госпожѣ.

Это то, что заставило сказать Оака въ своей депешѣ 10 іюня 1777 г.:

„Князь Потемкинъ находится въ настоящее время на верху величія. Онъ недавно получилъ доказательства особеннаго отличія и подарки большой цѣнности, и думаютъ, что его пенсія будетъ увеличена до размѣра пенсіи графа Орлова, такъ какъ кажется цѣль его честолюбія быть его соперникомъ во всемъ. Онъ подражалъ ему въ томъ, что не выказывалъ никакой ревности, и даже говорятъ, что онъ представилъ самъ кандидата къ замѣстительству Завадовскаго, отставку котораго ожидаютъ въ скоромъ времени".

Оакъ былъ въ этотъ разъ хорошо освѣдомленъ. Потемкину было поручено найти преемника Завадовскому. Его выборъ палъ на венгерскаго офицера, по имени Зоричъ.

Онъ былъ на русской службѣ и пріѣхалъ ко двору, чтобы просить повышенія. Потемкинъ, которому онъ представился, нашелъ его способнымъ понравиться императрицѣ и представилъ его ей. Зоричъ былъ принятъ, и вліяніе Потемкина скоро распространилось, какъ никогда.

Оакъ писалъ 13 іюня:

„Завадовскій готовъ къ отъѣзду, чтобы вернуться на свою родину. Новый фаворитъ повысился съ маіора до полковника гвардіи гусарскаго полка и онъ получилъ очень значительные подарки деньгами и крестьянами; но если судить по его характеру и характеру его покровителя, есть серьезныя основанія думать, что онъ будетъ играть лишь второстепенную ропь. Успѣхъ этого дѣла намѣтилъ князю Потемкину линію поведенія, которой онъ не замедлитъ послѣдовать въ будущемъ. Кажется, что онъ сбросилъ съ себя свою безпечность и сдѣлался болѣе поворотливымъ и болѣе осторожнымъ. Проэктъ женитьбы графа Орлова, въ совокупности съ его обыденной лѣнью, сдѣлаетъ его еще менѣе опаснымъ соперникомъ и по совокупности всѣхъ этихъ причинъ я увѣренъ болѣе, чѣмъ когда либо и въ прочности вліянія князя Потемкина: по крайней мѣрѣ на это есть всѣ данныя.

Очень естественно представить себѣ, что всѣ эти вещи не могутъ нравиться великому князю и меня увѣряютъ, что онъ, выразилъ свое порицаніе въ очень мало умѣренныхъ выраженіяхъ. но которыя такъ же мало дѣйствительны, какъ и неосторожны"

И 20 іюня:

„Завадовскій уѣхалъ вчера въ Украйну. Онъ получилъ

нѣсколько дней тому назадъ землю съ четырьмя тысячами крестьянами въ Бѣлороссіи, какъ и Васильчиковъ. Онъ сошелъ со сцены съ очень хорошимъ состояніемъ и не создавъ себѣ ни одного врага впродолженіи всего времени, какъ былъ фаворитомъ".

Екатерина безъ сожалѣнія дала удалиться Завадовскому, такъ какъ ея новый фаворитъ очень ей нравился и изъ чувства снисхожденія, котораго нельзя достаточно похвалить, она захотѣла, чтобы ея подданные одобрили ея удачную любовную связь. По крайней мѣрѣ такъ можно заключить изъ слѣдующей выдержки изъ депеши Оака отъ 17 іюня:

„Императрица возвратилась въ прошлое воскресеніе въ Петербургъ, и по всей вѣроятности, съ единственною цѣлью показать публикѣ своего новаго фаворита: это вещь не невѣроятная, такъ какъ она практиковалась уже нѣсколько разъ".

При этихъ событіяхъ Екатерина получила удовлетвореніе, къ которому она была очень чувствительна. Это былъ визитъ Густава III, который никогда не могъ нахвалиться ею и который всегда показывалъ видъ, что не ведетъ себя иначе, какъ по совѣтамъ русскихъ министровъ. Оакъ писалъ 17 іюня:

„Вчера утромъ пріѣхалъ сюда король Швеціи, подъ именемъ графа де Готландъ. Императрица приняла его съ большими знаками дружбы и почтенія и она казалась такъ растроганной при своемъ первомъ свиданіи съ Шведскимъ королемъ, что пролила радостныя слезы.

Въ общемъ обѣ эти высочайшія особы кажутся вполнѣ удовлетворенными одинъ другимъ".

И 20 іюня:

„Шведскій король показываетъ видъ, что онъ очарованъ во всѣхъ отношеніяхъ сдѣланнымъ ему пріемомъ и обращеніемъ, и его большая привѣтливость и вѣжливость согласуются съ планомъ сохранять самое строгое инкогнито".

Все улыбалось Екатеринѣ, и Потемкинъ пожиналъ награду за свои хорошія услуги. Повѣренный по дѣламъ Англіи писалъ 8 іюля:

„Князь Потемкинъ не только наслаждается теперь въ самой высшей степени милостями императрицы, но онъ такъ-же въ лучшихъ отношеніяхъ съ великимъ княземъ. Думаютъ, что онъ обязанъ этимъ суммою денегъ, которою онъ далъ ему отъ государыни, и эта услуга поселила между ними такое согласіе, что великій князь ѣздилъ, нѣсколько дней тому назадъ, вмѣстѣ съ княземъ обѣдать въ Стрѣльну".

Екатерина была болѣе великодушна къ Зоричу и она не заставила его нуждаться въ деньгахъ.

Оакъ писалъ 26 сентября:

„Новый фаворитъ получилъ нѣсколько дней тому назадъ землю въ Ливоніи, которая стоитъ 200 тысячъ рублей и сверхъ того доходъ шести послѣднихъ лѣтъ, находящійся подъ секвестромъ и который достигаетъ восьмидесяти тысячъ, считая серебромъ. Также ведутся переговоры для пріобрѣтенія ему земли, принадлежащей князю Адаму Чарторійскому, которая стоитъ сто пятьдесятъ тысячъ дукатовъ. Въ день коронованія императрицы онъ будетъ возведенъ до ранга генералъ-маіора и причисленъ по всей вѣроятности къ кавалергардамъ“.

И 31 октября.:

„Внутренняя жизнь двора не представляетъ ничего новаго, если не дать этого названія черезвычайной расточительности, съ которой осыпаютъ богатствами новаго фаворита, который успѣлъ за то короткое время, что онъ въ милости, получить болѣе, чѣмъ кто либо изъ его предшественниковъ. Императрица подарила ему немного дней тому назадъ великолѣпный домъ по сосѣдству съ дворцомъ. Въ то же время его патронъ, князь Потемкинъ, пользуется самой обширной властью и несмотря на огромныя богатства, которыми онъ уже былъ награжденъ, онъ получаетъ довольно часто значительные подарки. Императрица обѣдала съ нимъ немного дней тому назадъ и подарила ему восемьдесятъ тысячъ рублей и табакерку, украшенную драгоцѣнными камнями высокаго достоинства“.

Счастье Зорича было между тѣмъ не очень продолжительно, такъ какъ въ одной изъ первыхъ депешъ новаго посланника Англіи Гарриса отъ 13 февраля 1778 г. читаемъ слѣдующее:

„Настоящій фаворитъ, Зоричъ, кажется находится на склонѣ. Онъ получилъ и расточилъ огромное состояніе; но что дѣлаетъ честь человѣку, достигшему такого высокаго ранга, это то, что онъ употреблялъ свое вліяніе для того, чтобы дѣлать добро и оказывать услуги людямъ, которыхъ онъ считалъ забытыми. Очень вѣроятно, что Потемкину будетъ поручена забота отыскать ему замѣстителя я уже слышалъ, хотя и не могу никакъ утверждать, что онъ остановилъ уже свое вниманіе на нѣкоемъ Ашаровѣ, лейтенантѣ Московской полиціи“.

Тотъ же посланникъ писалъ еще 13 февраля въ частномъ письмѣ:

„Ашаровъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, хорошо сложенъ; я не могу говорить о его личности, такъ какъ я не знаю. Зоричъ

ожидаетъ, что его отошлютъ, но говорятъ, что онъ рѣшится требовать удовлетворенія у своего замѣстителя. „Я хорошо знаю, говорилъ онъ какъ-то, что я долженъ взлетѣть, но, клянусь Богомъ, я обрѣжу уши тому, кто займетъ мое мѣсто". Гаррисъ сдѣлавшись уже сэромъ Гаррисъ и наконецъ лордомъ Манмесбури пріѣхалъ изъ Берлина, гдѣ онъ былъ представителемъ своей страны въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и у него была спеціальная миссія договориться съ Россійскимъ дворомъ объ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ. Всѣ его дипломатическіе таланты провалились въ этомъ предпріятіи, такъ какъ въ продолженіи всего своего долгаго царствованія Екатерина никогда, не согласилась связать себя какимъ либо наступательнымъ союзомъ: „выраженіе наступательное, говорилъ Панинъ, было ей противно". Въ отместку Гаррисъ оставилъ намъ самую точную и полную картину внутренней жизни Россійскаго двора въ теченіе пяти лѣтъ его посольства.

XIII.

Немного дней спустя по своемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, Гаррисъ писалъ 13 февраля въ одномъ частномъ письмѣ:

„Я не достаточно долго еще здѣсь, чтобы имѣть возможность выразиться особенно точнымъ образомъ о тѣхъ различныхъ личностяхъ, которыя составляютъ дворъ и высшее общество

Мнѣ кажется что здѣсь очень много блеску и очень мало нравственности во всѣхъ отношеніяхъ. Лесть и раболѣпіе характеризуютъ низшій классъ; тщеславіе и гордость — классъ высшій, Легкій, но блестящій лакъ прикрываетъ какъ въ томъ, такъ и другомъ классѣ, грубые и невѣжественные умы. Ихъ развлеченія. ихъ квартиры и число ихъ слугъ совершенно азіатскіе".

Тѣмъ не менѣе Гаррисъ выражался свободно, и столько, сколько мы можемъ судить, сравнивая его сужденія съ сужденіями его предшественниковъ онъ выражается съ точностью о императрицѣ и о главныхъ лицахъ ея двора. Выше видѣли, что писалъ онъ по поводу Панина. Онъ также говоритъ въ своей депешѣ отъ 13 февраля:

„Я боюсь, что Потемкинъ, оба Чернышева и Шуваловъ не преданы всецѣло политикѣ Франціи, но что мнѣ въ нихъ больше всего нравится, это ихъ дебоширства, ихъ легкомысліе и почти никакой опредѣленности, твердости въ мысляхъ. Между тѣмъ это люди, которые по всей вѣроятности будутъ управлять страною послѣ смерти императрицы. Ея репутація, ея рѣшительный умъ,

ея таланты и любовныя связи, даютъ у нея мѣсто ловкимъ государственнымъ людямъ и опытнымъ генераламъ и надо надѣяться, что ея здравый смыслъ, котораго у нея много, положитъ предѣлъ ея расположенію къ лѣни и вкусамъ къ сладострастію, которые какъ кажется возрастаютъ у ней съ годами".

Онъ писалъ еще 27 мая:

„Внутренняя жизнь двора представляетъ изъ себя спектакль распущенности и безпорядка, которыя невозможно себѣ представить. Лѣта не ослабляютъ страсти императрицы, наоборотъ, онѣ становятся болѣе сильными съ годами; и присматриваясь къ нимъ вблизи, я нахожу что преувеличиваютъ хорошія качества императрицы и убавляютъ ея недостатки".

Уже спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего пребыванія въ Петербургѣ, Гаррисъ осмѣлился составить сужденіе не совсѣмъ обширное и тонкое, какъ о характерѣ и умѣ Екатерины, такъ и о положеніи ея имперіи.

Объ этомъ писалъ онъ въ своей депешѣ отъ 31 іюля 1778 г., въ которой онъ говоритъ:

„Я постараюсь въ этомъ письмѣ представить вашему сіятельству мои мысли объ этой странѣ, какъ о ея величинѣ и ея доходахъ, такъ и о системѣ управленія. Мое описаніе мало будетъ походить на тѣ, которыя дѣлали другіе, и по этому поводу оно быть можетъ не заслужитъ полнаго довѣрія; но это мой долгъ представлять вещи такъ, какъ онѣ мнѣ кажутся.

Огромное пространство Россійской Имперіи и укрѣпленность ея границъ, безъ сомнѣнія, дѣлаютъ ее желательнымъ союзникомъ и почти недоступнымъ врагомъ. Различныя отрасли торговли, которыя остальной Европѣ необходимо изъ нея извлекать, и малое количество тѣхъ, которыя эта страна должна получать въ обмѣнъ, упрочиваютъ ея независимость и ея богатство. Такимъ образомъ Россія занимаетъ очень важное мѣсто между Европейскими державами; но можно спорить на счетъ того, способна ли она возвыситься до той высокой репутаціи, которой она пользуется, или до того господства, о которомъ она разглашаетъ. Преимущества, которыя были перечисленны, суть исключительно послѣдствіе ея положенія: они существовали прежде, чѣмъ этотъ народъ цивилизовался, и они останутся, если бы даже онъ вернулся когда либо къ состоянію варваровъ, изъ котораго онъ вышелъ еще такъ недавно. Чтобы имперія могла имѣть превосходство на сторонѣ, надо чтобы ея политическая система была одинаково умна и тверда. Чтобы она была уважаема внутри, надо, чтобы она имѣла точныя основы управленія и чтобы ея администрація была бы увѣрена и

недоступна распаденію. Я долженъ признаться, что съ тѣхъ поръ какъ я пребываю въ этой странѣ, я напрасно искалъ такую систему и такія правила; и это совершенно напрасно, что я пытался открыть, на чемъ были основаны безграничныя похвалы, которыя я слышалъ со всѣхъ сторонъ этому управленію. Въ неограниченной монархіи все зависитъ отъ расположенія и характера правителя; такимъ образомъ главною моей задачей было подвергнуть строгой критикѣ все, относящееся къ императрицѣ.

Сколько я могу судить по моимъ собственнымъ наблюденіямъ и по разъясненіямъ, которыя я получаю отъ хорошо освѣдомленныхъ и безпартійныхъ людей, мнѣ кажется, что императрица обладаетъ силою мужского ума, упорствомъ въ проведеніи плановъ и неустрашимостью въ ихъ выполненіи. Но у нея не достаетъ болѣе мужскихъ добродѣтелей, какъ то разсужденіе, умѣренность въ благосостояніи и вѣрность въ сужденіи. Взамѣнъ этого, она обладаетъ въ высшей степени тѣми слабостями, которыя вообще приписываютъ ея полу: любовь къ лести и тщеславіе, которое съ этимъ нераздѣльно, неохота выслушивать и слѣдовать спасительнымъ, но непріятнымъ совѣтамъ и склонность къ сладострастію, которая доводитъ ее до такихъ эксцессовъ, которыя покрываютъ позоромъ каждую женщину, въ какихъ бы условіяхъ она ни находилась.

Если подвести итогъ событій за тѣ шестнадцать лѣтъ, которыя протекли со времени восшествія ея на престолъ и подвергнуть ихъ безпристрастному обсужденію, то увидятъ, что по большей части они являются послѣдствіемъ того характера, который я ей приписываю.

Если мы разсмотримъ ея операціи въ Польшѣ, то мы найдемъ, что послѣ того, какъ она дала этой странѣ короля, случай, который можно только похвалить, она то поддерживая его съ слишкомъ большимъ рвеніемъ, то предоставляя его собственнымъ его силамъ, довела эту республику до отчаянія и анархіи. Изъ той же самой политики вступила она въ войну съ Турціей, которая фатально привела ее къ заключенію трактата, который ничто не можетъ оправдать и который, кромѣ того что оставилъ несмываемое пятно на ея царствованіи, усилилъ двѣ единственныя державы, которыхъ она могла еще бояться и далъ имъ въ будущемъ вліяніе надъ Польшей, одинаковое съ ея собственнымъ.

Оборотъ, который приняли дѣла въ Швеціи, доказываетъ, что мѣры въ Россіи были такъ же плохо согласуемы, какъ и ведены. То довѣріе, которое она питала къ своему вліянію, заставило ее пренеберечь совѣтами ея друзей и достаточно было двадцати четырехъ часовъ, чтобы опрокинуть превосходство Россіи

въ Стокгольмѣ; и Швецiя вмѣсто того, чтобы находиться въ состоянiи зависимости, сдѣлалась теперь предметомъ страха и зависти.

Чтобы наверстать эти событiя, Ея Императорское Величество заключила два союза: одинъ съ Данiей, другой съ Пруссiей. Она не извлекла еще ни одной выгоды изъ перваго; а благодаря второму Петербургскiй дворъ уже нѣсколько лѣтъ приведенъ къ безпрекословному повиновенiю Берлинскому и онъ находится въ настоящее время въ самомъ большомъ затрудненiи, не будучи въ силахъ ни избѣжать слова трактата, ни выполнить его, не преувеличивъ страданiй, которыя угрожаютъ Россiи.

Если мы перейдемъ къ критикѣ внутренней администрацiи Имперiи, я боюсь, что результатъ будетъ не болѣе утѣшительный. Никуда не годное недоразумѣнiе, источникъ котораго въ боязни и безпечности, опрокинуло все, что называлось бы закономъ или справедливостью. Сильные угнетаютъ по ихъ желанiю слабыхъ; низшiе грабятъ и воруютъ съ полной безопасностью. Это положенiе вещей, которое не можетъ измѣниться, дало поводъ разразиться мятежу въ самомъ сердцѣ имперiи, и если бы во главѣ его стояли бы люди одаренные умомъ или храбростью, онъ поколебалъ бы все до основанiя. Не было войскъ, что противупоставить ему, половина имперiи была объята паническимъ страхомъ, и это же чувство возмущенiя, которое воодушевляло Пугачева, заражало другую половину.

Онъ дошелъ до Москвы на разстоянiе нѣсколькихъ дней ходу и дворъ думалъ уже удалиться въ Ригу, какъ онъ былъ разбитъ, благодаря недостатку рѣшимости и умѣнiя, и видимое спокойствiе было возстановлено. Но не смотря на это, недовольство на самомъ дѣлѣ не было еще потушено; боялись того, что если произойдетъ какое нибудь народное бѣдствiе, пожаръ возгорится снова. Небрежность гражданскихъ чиновниковъ, вожделенiе офицеровъ, которые занимались въ Москвѣ грабежомъ, въ соединенiи съ голодомъ были причиной чумы, которая опустошила Москву въ 1771 году. Погибло сто двадцать тысячъ человѣкъ; и одинъ архiепископъ былъ разорванъ на части на ступеняхъ алтаря. [1])

---

[1]) Лордъ Каткартъ писалъ 8 октября 1771 г.:

„Извѣстiя, которыя я только что получилъ изъ Москвы, очень печальны. Населенiе этой столицы, покинутое властями и доведенное до отчаянiя опасностью, которая растетъ день отъ дня, и лишенными всякаго смысла мѣрами полицiи, не находитъ другого источника, гдѣ бы искать довѣрiя, какъ въ чудесахъ, которыя приписываютъ нѣкоторымъ иконамъ. Архiепископъ, человѣкъ хорошаго рода и ума, замѣтивъ всю опасность давать причастiя большому количеству людей уже зараженныхъ эпидемiей одному за другимъ, одной

Въ противовѣсъ этимъ событіямъ мы можемъ поставить только на видъ устройство нѣсколькихъ нѣмецкихъ колоній, учрежденіе нѣкоторыхъ школъ для образованія монашества обоего пола и много щедрости, расточительности и роскоши.

Сводъ законовъ, начертанный властною рукой самой императрицы, никогда не изучался; онъ остается въ академическомъ депо и есть много основаній, дѣлающихъ его невозможнымъ для введенія въ практику.

Таково, осмѣливаюсь сказать, дѣйствительное состояніе имперіи. Цвѣтущая торговля и возрастаніе прихода возвратили бы ей скоро подъ разумной администраціей ея силу и могущество. Тщеславіе императрицы служитъ препятствіемъ этого рода улучшенію. Ея льстецы увѣрили ее, что Россія самая большая имперія во всемъ свѣтѣ; ея счастливые успѣхи утвердили въ ней эту мысль; и никогда не удастся заставить ее увидѣть положеніе ея имперіи въ настоящемъ свѣтѣ. Великія событія одни могутъ привести ее къ этому.

Она почувствуетъ тогда свою неспособность играть первенствующую роль, на которую она претендуетъ, и необходимость убѣдитъ ее, что она должна обращаться съ большей осторожностью со своими друзьями и менѣе легкомысленно со своими врагами, какъ это она дѣлала до сихъ поръ".

и той ложкой, что требуется греческимъ обрядомъ, сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія, которыя не понравились, и наконецъ приказалъ убрать нѣкоторыя изъ чудотворныхъ иконъ, вокругъ которыхъ тѣснилась толпа, чтобы избѣжать распространенія заразы; бунтъ былъ послѣдствіемъ этихъ разумныхъ предосторожностей.

Народъ забилъ тревогу, крича, что архіепископъ обворовываетъ церковь и святотатствуетъ. Всю ночь звонили въ колокола; народъ собрался; архіепископскій дворецъ былъ взятъ приступомъ и уничтоженъ; все было истреблено; содержимое погребовъ было выпито. Архіепископу посчастливилось скрыться и спастись бѣгствомъ въ одинъ монастырь, отдаленный на восемь верстъ отъ города. Колокола звонили цѣлую ночь и было совершено много распутства. На другой день народъ прибѣжалъ къ монастырю, куда скрылся архіепископъ. Ждали пока онъ оканчивалъ богослуженіе и посвящалъ одного въ священники. Послѣ этого ворвались въ его святилище и разорвали его на части. Всѣ прибѣжища, которыя полиція устроила для зачумленныхъ, были разорены, больные оттуда были изгнаны; докторовъ травили и угрожали имъ смертью.

Трупы закапываютъ въ церквахъ. Отрядъ войска, который вошелъ въ городъ, чтобы возстановить тамъ порядокъ, былъ встрѣченъ залпами изъ ружей и разсѣянъ послѣ того, какъ потерялъ нѣсколько сотъ людей.

Графъ Григорій Орловъ былъ посланъ въ Москву съ неограниченными полномочіями."

Приблизительно въ то же время посланный Версальскаго кабинета де Корберонъ рисовалъ въ своей депешѣ отъ 9-го апрѣля 1778 г. нелестную картину положенія Россіи, и показавъ скрытыя подъ прекраснымъ видомъ слабости, онъ заканчиваетъ слѣдующими строками, которыя могли бы служить также заключеніемъ къ словамъ англійскаго посланника:

„Какъ, скажутъ, управляется это государство, какъ можетъ оно держаться?

Я почти что ручаюсь, что оно управляется случаемъ и держится своимъ естественнымъ равновѣсіемъ, похожимъ на тѣ большія массы, громадный вѣсъ который укрѣпляетъ ихъ и которыя противустоятъ всѣмъ аттакамъ и уступаютъ только непрерываемымъ приступамъ развращенности и старости".

Десять мѣсяцевъ спустя Гаррисъ, пользуясь предлогомъ назначенія лорда Веймута на мѣсто государственнаго секретаря вмѣсто умершаго лорда Суффолькъ, рисуетъ болѣе полную картину двора Петербурга. Онъ писалъ отъ 3-го іюня 1779 года, новому шефу своего департамента:

„Мѣсто, занимаемое этимъ дворомъ во всѣхъ большихъ дѣлахъ Европы, успѣхи, увѣнчавшіе его политику и въ тоже время апатія и неспособность его правительства, такія несовмѣстныя повидимому вещи, что потомство этому не повѣритъ. Иностранцы, которые могутъ судить о Россіи по большимъ событіямъ, на которыя ея вмѣшательство, ея вѣсъ произволятъ впечатлѣніе, должны думать, что это государство управляется особенною властью и что трудно найти недостатокъ въ какой-нибудь главной части правленія. Съ другой стороны, живя въ этомъ государствѣ и видя несовершенныя и непостепенныя формы плановъ ея политики и нечистые способы ихъ осуществленія, нельзя удержаться отъ удивленія, что это государство не терпитъ пораженія въ своихъ начинаніяхъ, Правда, когда оно имѣетъ успѣхъ, это конечно дѣло случая, неожиданный результатъ того состоянія смѣшенія и безначалія, въ которомъ находятся государства Европы. Осмѣлюсь сказать, родъ счастливой судьбы фатально сопровождаетъ всѣ поступки этого двора; этотъ же случай не только предохранилъ его отъ угрожавшихъ опасностей и возвелъ его на ступени величія и силы болѣе высокой даже, чѣмъ честолюбіе его царицы этого хотѣло и когда либо могло достичь. Что эти событія не имѣютъ другой причины, чѣмъ та, на которую я указываю и что Россія, по крайней мѣрѣ въ настоящій моментъ, зависитъ отъ этого перевѣса, таковы событія, которыя ваша свѣтлость, приметъ безъ затрудненія; я не буду на этомъ останавливаться. То въ чемъ можно правда сомнѣваться, что это высшее вліяніе

можетъ быть продолжительнымъ; и чтобы дать возможность вашей свѣтлости взвѣсить его прочность и продолжительность, я возьму на себя смѣлость описать характеръ, настроенія и принципы лицъ, управляющихъ этимъ государствомъ.

Императрица давно подготовила свой умъ къ царствованію, еще ранѣе чѣмъ она взяла бразды правленія въ свои руки. Она была одарена высокими качествами и воспользовалась длинными свободными часами, которые имѣла, когда еще была великою княгинею, чтобы приготовить матеріалы, сдѣлавшіе изъ первыхъ 7—8 лѣтъ ея царствованія самую блестящую эпоху въ исторіи Россіи. Она правила тогда систематично, правильно и съ достоинствомъ.

Мы должны считать ея первой политической ошибкой моментъ, когда она позволила Прусскому королю имѣть такое сильное вліяніе на ея политику. Вскорѣ послѣ этого наступилъ роковой раздѣлъ Польши, революція въ Швеціи и послѣ всѣ эти связи, противныя природѣ и, тѣ ея неудачныя мѣры, свидѣтелями которыхъ мы были. Ея характеръ и ея частное поведеніе получили еще роковой ударъ, когда она лишила милости графа Орлова, хотя онъ и не былъ одаренъ блестящимъ умомъ, онъ былъ очень честный и неподкупный человѣкъ. Онъ отодвигалъ отъ нея ядъ лести, которую она теперь жадно слушаетъ, а такъ какъ она его страстно любила, то ради него подавляла въ себѣ недостойныя наклонности, которымъ теперь всецѣло предалась. Ея дворъ, которымъ она управляла съ большимъ достоинствомъ и внѣшней благопристойностью, сдѣлался мало по малу ареной безнравственности и разврата. Этотъ упадокъ наступилъ такъ быстро, что несмотря на то, что я такъ еще недавно въ этой странѣ, совершилась полная революція нравовъ и привычекъ. Нельзя теперь надѣяться, что императрица сумѣетъ выбраться изъ этой тины, развѣ лишь чудомъ; нельзя въ такихъ годахъ, когда уже почти поздно исправляться, ждать какой-нибудь счастливой перемѣны и въ общественномъ поведеніи и въ частной жизни.

Князь Потемкинъ управляетъ ею всецѣло. Онъ хорошо знаетъ ея слабости, ея желанія и ея страсти, и онъ ими пользуется по своему желанію. Кромѣ этой власти, которую онъ имѣетъ надъ нею, онъ держитъ ее въ постоянномъ страхѣ великимъ княземъ и онъ ее увѣрилъ, что онъ единственный человѣкъ въ мірѣ, могущій открыть всякій заговоръ противъ нея съ этой стороны и защитить ее въ этомъ случаѣ. Онъ успѣлъ съ замѣчательнымъ умѣніемъ уничтожить вліяніе своего самаго опаснаго врага, графа Алексѣя Орлова, заставивъ императрицу повѣрить, что онъ предпочиталъ ей великаго князя; онъ сдѣлалъ графа Орлова предметомъ снисходительнаго сожалѣнія, не переставая повторять, что

его умъ страдалъ отъ легкаго параличнаго удара и смѣясь надъ его глупой женитьбой.

Этимъ же пріемомъ онъ возбудилъ въ умѣ императрицы чувство недовѣрія и презрѣнія ко всѣмъ остальнымъ членамъ правленія. Онъ ей изобразилъ графа Панина и князя Рѣпнина всецѣло зависящими отъ великаго князя; вице-канцлера и нѣсколькихъ другихъ, имена которыхъ неизвѣстны вашей свѣтлости, онъ представилъ какъ простыхъ канцелярскихъ служителей, не достойныхъ вниманія Ея Императорскаго Величества.

Итакъ, съ одной стороны онъ потворствуетъ ея господствующей страсти, съ другой держитъ насторожѣ, возбуждая опасенія, которыя она естественно имѣетъ, онъ упрочиваетъ за собой этимъ продолжительное вліяніе, какого еще не было дано ни одному фавориту неограниченнаго монарха. Я сдѣлаю несправедливость по отношенію къ князю Потемкину, если не прибавлю, что онъ имѣетъ необыкновенный умъ, твердые взгляды и живой темпераментъ, и если бы онъ желалъ употребить на управленіе имперіею хотя половину тѣхъ трудовъ, которые онъ тратитъ въ придворныхъ интригахъ, мы увидѣли бы Россію въ совершенно другомъ положеніи".

Какъ всѣ его предшественники, Гаррисъ занялся живо, по своемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, тѣмъ чтобъ рѣшить, что нужно думать и предсказать объ умѣ и характерѣ наслѣднаго принца.

Онъ писалъ въ одномъ изъ своихъ первыхъ донесеній отъ 13-го февраля 1778 года:

„Великій князь и великая княгиня живутъ въ добромъ согласіи. Великая княгиня держитъ себя очень умно и осторожно и она всѣми любима. Что касается великаго князя, онъ очень измѣнился къ лучшему и хотя онъ и не обѣщаетъ быть когда либо великимъ человѣкомъ, онъ все же пошелъ гораздо дальше, чѣмъ ожидали".

Гаррисъ былъ менѣе сдержанъ въ частномъ письмѣ, писанномъ имъ отъ 1-го мая:

„Великій князь не вмѣшивается ни во что. Я желаю одного, чтобы онъ не соблазнился той неурядицей, какая царитъ здѣсь во всѣмъ, и чтобы онъ не рискнулъ на предпріятіе, отъ котораго онъ неизбѣжно погибнетъ. Я знаю, что есть злые умы, толкающіе его на этотъ путь".

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя отъ 1-го октября 1778 года Гаррисъ писалъ начальнику своего департамента—лорду Суффольку:

„Вотъ уже нѣсколько времени прошло, какъ я обѣщалъ Вашей свѣтлости сообщить всѣ свѣдѣнія, которыя я могу получить относительно ума и характера наслѣдника престола, и я не хочу болѣе запаздывать изложить все на бумагѣ, все, что я могъ собрать, касающееся этого принца.

Великій князь съ дѣтства былъ порученъ заботамъ графа Панина и кромѣ него еще Остервальду, ливонскому дворянину, теперь сенатору. Я не нахожу, что они подчинили его правильной системѣ воспитанія или что они получили на этотъ счетъ указанія императрицы, которая хотя и произвела полезныя реформы въ воспитаніи своихъ подданныхъ, не отдала въ то же время ни должнаго вниманія, ни такого же попеченія о успѣхѣ воспитанія ея сына.

Великій князь получилъ отъ Остервальда достаточныя свѣдѣнія объ внутреннемъ правленіи страны, а графъ Панинъ далъ ему сносные взгляды на современную исторію Европы. Низшіе учителя научили его пріятнымъ искусствамъ и постаралась немного образовать его въ наукахъ. Кажется, онъ собралъ немного плодовъ отъ этого воспитанія; и такъ какъ онъ неловокъ и такъ какъ его манеры были грубы, большая часть его времени была употреблена на танцы, верховую ѣзду, французскій языкъ, и въ этомъ онъ прекрасно преуспѣлъ. Я не отдалъ бы справедливости его воспитателямъ, если бы не сказалъ, что они не внушили ему никого порочнаго принципа, но, напротивъ, очень старались образовать его нравственный характеръ, и думаю что ихъ спасительные уроки поправили много природныхъ недостатковъ, и что онъ сталъ лучше, чѣмъ бы былъ, если былъ бы предоставленъ самому себѣ.

До времени его женитьбы великій князь былъ въ полной зависимости.

Никто не былъ допущенъ къ нему безъ разрѣшенія императрицы; и если у него есть какое нибудь сыновнее почтеніе, онъ обязанъ имъ скорѣе страху, чѣмъ любви.

Было очевидно вскорѣ послѣ его брака съ принцессой Дармштадской, что она легко нашла секретъ управлять имъ, и такъ абсолютно, что она заставила его удалить небольшое число собесѣдниковъ, которыхъ онъ, казалось, предпочиталъ; и въ выборѣ своего общества, въ своихъ удовольствіяхъ, въ манерѣ думать, онъ былъ всецѣло подчиненъ ея вліянію. Она ему не позволяла развивать свой умъ; онъ былъ легокъ и живъ, онъ сдѣлался тяжелымъ и апатичнымъ. Она въ свою очередь была подъ вліяніемъ своего любовника, графа Андрея Разумовскаго, который те-

перь въ Вѣнѣ на пути въ Неаполь, а онъ съ своей стороны получалъ наставленія, какъ и большую часть своихъ доходовъ, отъ Бурбонскаго дома. Императрица замѣтила такое поведеніе своей невѣстки и сдѣлала ей выговоръ, но безупѣшно. Эта молодая принцесса была горда и рѣшительна, и если бы смерть не остановила бы ее, въ теченіе ея жизни была бы навѣрное борьба между этими знаменитыми личностями. Ваша свѣтлость конечно знаетъ о странныхъ письмахъ, которыя были найдены въ ея бумагахъ послѣ ея смерти; и можно только восхищаться, что она оставила такія доказательства противъ себя: ничего нѣтъ удивительнѣе, какъ изумительное милосердіе, съ которымъ поступили съ лицами, замѣшанными въ ея интересахъ. Я очень затрудняюсь рѣшить, нужно ли приписать это милосердіе доброму и доброжелательному характеру императрицы или же вообще крайней слабости правленія. Хотя великій князь не имѣлъ никакой причины жалѣть объ этой потерѣ, нужно было все-таки все краснорѣчіе принца Генриха Прусскаго, какъ онъ самъ говорилъ мнѣ, чтобы уговорить его думать о вторичной женитьбѣ.

Характеръ теперешней великой княгини совершенно противоположенъ характеру первой, и великій князь выглядитъ теперь совершенно иначе. Она нѣжна, любезна и проникнута глубокимъ сознаніемъ долга жены. Она охотно бесѣдуетъ, она весела и умѣетъ себя держать. Ея любезность и вниманіе заслуживаютъ расположенія ея мужа; онъ нѣжно ее любитъ. Они теперь совершенно счастливы вмѣстѣ, но я боюсь за продолжительность ихъ счастія при такомъ безнравственномъ и такъ составленномъ дворѣ.

Великій князь говоритъ легкомысленно съ женщинами и это имъ льститъ; а что касается великой княгини, она будетъ одарена рѣдкой степенью рѣшимости и честности, если избѣжитъ безчисленныхъ козней, которыя будутъ разсыпаны на ея дорогѣ и которыхъ ни одна императрица въ этой странѣ не избѣгла.

Политика великаго князя прусская, какъ раньше она была французскою; и если онъ не перемѣнится, онъ будетъ такъ же смѣшонъ своимъ предпочтеніемъ къ прусскому королю, какъ и его отецъ (Петръ III). Его путешествіе въ Берлинъ, уроки графа Панина и склонность великой княгини къ ея семьѣ поддерживаютъ его въ этомъ направленіи.

Онъ очень умѣренъ: онъ ѣстъ мало, пьетъ еще меньше, и правильною жизнью, которую ведетъ, укрѣпилъ свое отъ природы слабое тѣлосложеніе.

Хотя онъ живо чувствуетъ свое отдаленіе изо-всѣхъ дѣлъ,

и даже часто на что жалуется, у него нѣтъ все-таки достаточно рѣшимости, чтобы сдѣлаться хоть немного независимымъ.

Онъ дрожитъ за послѣдствія каждаго немного смѣлаго дѣла, и онъ такъ привыкъ склонять голову передъ высшею властью, что первый выдастъ того, кто ему ее предложитъ. Въ это послѣднее время представлялись случаи безъ конца и будутъ еще болѣе представляться, но если будетъ возстаніе, онъ можетъ быть его цѣлью, но, конечно, не причиной

Говоря со мной, онъ иногда въ теченіе часа выражаетъ большую любовь къ Императору и безпокойство за него, много презрѣнія къ шведамъ и отвращеніе къ французамъ и заботится о насъ и нашихъ дѣлахъ.

Какъ и его отецъ, онъ дѣлаетъ себѣ игрушки изъ военныхъ дѣлъ и, хотя онъ носитъ чинъ перваго адмирала, онъ совершенно несвѣдущъ въ морскихъ дѣлахъ.

Однимъ словомъ, не имѣя особыхъ качествъ, онъ имѣетъ довольно ума, и если онъ будетъ вѣренъ своимъ симпатіямъ и превозможетъ свою робость, которая можетъ быть только слѣдствіе его молодости и его положенія, онъ будетъ управлять страной съ меньшимъ, быть можетъ, блескомъ, но съ такимъ умомъ, какъ никто изъ его предшественниковъ послѣ Петра I-го".

Гаррисъ писалъ еще отъ 31 декабря 1778 года:

„Несогласіе между императрицею и великимъ княземъ увеличивается день ото дня. Она съ нимъ обращается съ полнымъ равнодушіемъ и можно даже сказать съ презрѣніемъ. Что касается его онъ не даетъ себѣ труда скрывать свое плохое настроеніе и даетъ ему свободу, когда смѣетъ, и тогда въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ. Ему всетаки не хватаетъ рѣшимости и твердости и никогда, если только онъ не будетъ принужденъ, у него не хватитъ храбрости встать во главѣ партіи.

Великая княгиня держитъ себя удивительно хорошо, она избѣгаетъ съ большимъ стараніемъ не понравиться фаворитамъ императрицы или же своему мужу и своему двору".

И еще отъ послѣдующаго 9 февраля:

„Князь Потемкинъ и его приверженцы обращаются съ великимъ княземъ и великою княгинею, какъ съ лицами безъ всякаго значенія.

Великій князь оскорбленъ этимъ презрѣніемъ, и онъ это показываетъ въ разговорѣ, но это все, что онъ смѣетъ. Великая княгиня ведетъ себя съ большей осторожностью и осмотрительностью".

Не безинтересно присоединить къ портрету великаго князя начертанному Гаррисомъ, портретъ набросанный въ то же время

французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, еще болѣе потому, что по мнѣнію Гарриса, этотъ посланникъ долженъ былъ быть хорошо освѣдомленнымъ, особенно въ мелочахъ, которыя обыкновенно ускользаютъ отъ иностранныхъ дипломатовъ. Въ моментъ пріѣзда французскаго министра, Гаррисъ писалъ отъ 20-го сентября 1779 года:

„Я не знаю госродина де Веракъ; я слышалъ, что онъ болѣе любезенъ въ обществѣ, чѣмъ въ кабинетѣ, но даже если онъ получитъ милости императрицы, его нужно менѣе бояться, чѣмъ теперешняго повѣреннаго по дѣламъ, кавалера де Корберонъ, который хотя и безъ особенныхъ заслугъ, но пріобрѣлъ себѣ долгимъ пребываніемъ въ этой странѣ свободный доступъ ко всѣмъ лакеямъ и второстепеннымъ факторамъ большихъ русскихъ домовъ и такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ большое вліяніе на своихъ хозяевъ, онъ часто подговаривалъ злые умы тогда, когда я менѣе всего этого ожидалъ".

Ясно, что англійскій посланникъ не былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ скромнымъ уполномоченнымъ версальскаго двора, но это не значитъ, что де Корберонъ не зналъ многихъ вещей, о которыхъ и не подозрѣвалъ Гаррисъ съ самыхъ первыхъ мѣсяцевъ своего пребыванія въ Россіи. Вотъ что писалъ де Корберонъ про великаго князя въ своемъ донесеніи отъ 9-го февраля 1778 г.:

„Екатерина угадала своего сына, и не давая въ своей совѣсти мѣсто угрызеніямъ и волненіямъ, она постаралась ихъ предупредить.

Новая Семирамида, постоянно пугавшаяся послѣднихъ минутъ своего мужа, видѣла въ своемъ сынѣ мстителя, и глухая къ природѣ, она почувствовала только необходимость пойти на встрѣчу удару, угрожавшему ей. Тѣмъ не менѣе, не рѣшаясь на преступленіе и его послѣдствія, она думала что наслажденіе, котораго рано она узнала приманки и цвѣты, будетъ средствомъ наиболѣе вѣрнымъ, и она его примѣнила на своемъ замѣстителѣ и наслѣдникѣ. Молодой князь, жадный до наслажденій, могъ ли онъ избѣжать такого рода удовлетворенія, сдѣланнаго для его лѣтъ? Онъ предался чувственнымъ удовольствіямъ, толкаемый человѣкомъ, котораго помѣстили около него, „тайнаго министра наслажденій", который шелъ навстрѣчу его желаніямъ, нашелъ путь къ его довѣрію и служилъ такъ же хорошо матери, какъ казался преданнымъ сыну. На это темное мѣсто былъ поставленъ человѣкъ еще болѣе темный, французъ парикмахеръ, который своимъ мастерствомъ, своею ловкостью и любезностью достигъ того, что игралъ свою роль съ большимъ успѣхомъ.

Среди глухихъ и темныхъ продѣлокъ, которыя постепенно утоляли страсти великаго князя, его первая супруга, которую онъ очень любилъ, его поддерживала, его охраняла съ такой же силой, какъ и граціей. Эта молодая княгиня, удивительная для своихъ лѣтъ, своими главными качествами достигла бы до того, что подняла бы своего мужа выше его самого, и присоединила бы къ его природному уму знаніе и нервность, которыхъ быть можетъ лишила его природа. Она была менѣе политична, чѣмъ должна была быть, она не считала нужнымъ скрывать свои намѣренія и средства; тѣ и другія показались подозрительными; ее стали остерегаться и „министръ тайныхъ удовольствій", сдѣлавшийся еще болѣе необходимымъ, показалъ изворотливость и ширь своихъ талантовъ.

Онъ приготовлялъ въ тишинѣ ядъ ревности, которымъ и воспользовались противъ этой необыкновенной женщины. Самолюбіе великаго князя было вооружено противъ нея. Она умерла, и воспоминаніе о ней угасло вмѣстѣ съ ея жизнью и оно живетъ лишь только въ сердцахъ людей, оцѣнившихъ ее, но слабо въ сердцѣ кназя, не понявшаго ея утраты.

Та, которая ее замѣнила, нравится своему супругу очарованіемъ своей молодости, свѣжести и можетъбыть его превосходствомъ надъ нею. Ея умъ и ея характеръ не таковы, чтобы развиться на мѣстѣ, занимаемомъ ею.

Узкій кругозоръ мыслей и познаній будетъ держать ее всегда въ посредственности и ничто не обнаруживаетъ съ ея стороны, что бы тонкіе наблюдатели могли бы счесть за ловкость ея дѣйствій. Принцесса Вюртембергская, великая княгиня, императрица— она будетъ только женщиной и ничѣмъ больше.

Видятъ, что въ мнѣніяхъ про великую княгиню и про ея личныя качества не было разногласія во всѣхъ этихъ показаніяхъ. Де Веракъ въ свою очередь писалъ отъ 15 октября 1780 г.:

„Великая княгиня занята только мыслями о счастіи своего мужа. Она присоединяетъ къ очень пріятному и благородному лицу много веселья, нѣжности и умѣніе находить всегда пріятныя вещи тѣмъ, съ кѣмъ она разговариваетъ".

Въ первыхъ донесеніяхъ Гарриса находятся, хотя въ маломъ количествѣ, нѣсколько любопытныхъ подробностей. Вотъ напримѣръ о роскоши Петербургскаго двора, онъ писалъ отъ 17-го марта 1787 года.

„По случаю рожденія сына великаго князя (Александра) главнѣйшіе сановники давали роскошныя празднества: праздникъ Потемкина ему стоилъ 50.000 рублей. Императрица дала одинъ

изъ тѣхъ карнаваловъ, роскошь и тонкій вкусъ которыхъ превосходятъ все, что можно себѣ представить. Посуда за десертомъ была украшена драгоцѣнными камнями и стоила больше 2-хъ милліоновъ стерлинговъ; а за столами, гдѣ играли въ макао, игра, которая теперь въ модѣ, императрица давала брилліантъ въ 50 рублей всѣмъ тѣмъ, которые имѣли 9: она ихъ раздала такимъ образомъ сто пятьдесятъ штукъ".

Въ частномъ письмѣ отъ 27-го мая 1778 г. Гаррисъ выражался такъ:

„Надо быть одареннымъ сверхчеловѣческимъ терпѣніемъ, чтобъ имѣть дѣло съ людьми безпечными, которые неспособны выслушать вопросъ и дать благоразумнаго отвѣта. Вы съ трудомъ повѣрите, что графъ Панинъ не посвящаетъ дѣламъ болѣе получаса въ день. Нѣсколько дней назадъ, Оакъ, котораго обокрали на большую сумму, нашолъ шефа полиціи, первое судебное лицо въ государствѣ, власть котораго громадна, раскладывающимъ въ семь часовъ утра пасьянсъ грязными картами".

XIV.

Нужно оставить область управленія, чтобы вернуться къ скандальной хроникѣ двора и послушать Гарриса, который заставитъ насъ присутствовать при странныхъ перепетіяхъ любви Екатерины Великой. Кажется, что шефъ полиціи Ашаровъ не пришелся по вкусу, и Потемкинъ принявшись опять за поиски, открылъ гвардейскаго сержанта, который, казалось ему, долженъ былъ понравиться его милостивой повелительницѣ. Онъ поспѣшилъ дать ему высшій чинъ, и присоединить его къ ея свитѣ; мы читаемъ въ телеграммѣ Гарриса отъ 27-го мая 1778 г. разсказъ о представленіи ко двору этого претендента:

„Князь Потемкинъ представилъ нѣсколько дней назадъ въ Царскомъ Селѣ императрицѣ въ минуту, когда она уѣзжала въ театръ, рослаго офицера изъ гусаръ, одного изъ своихъ адъютантовъ. Она его осмотрѣла съ большимъ вниманіемъ несмотря на то, что Зоричъ тутъ присутствовалъ. Едва императрица удалилась, фаворитъ осыпалъ Потемкина самыми рѣзкими и обидными оскорбленіями и вызвалъ его на дуэль. Потемкинъ отказался драться. По окончаніи спектакля, Зоричъ послѣдовалъ за императрицей въ ея аппартаменты, бросился къ ея ногамъ и признался ей въ томъ, что онъ сейчасъ сдѣлалъ, говоря, что несмотря на доброту и почести, которыми она его осыпала, онъ былъ равнодушенъ ко всему и дорожилъ только ея любовью и и кэ милостями. Его поведеніе произвело впечатлѣніе. Когда По-

темкинъ явился, онъ былъ плохо принятъ и Зоричъ, казалось былъ въ большой милости въ продолженіи одного или двухъ дней. Потемкинъ покинулъ тогда Царское село и возвратился въ Петербургъ. Императрица приказала Зоричу послѣдовать за нимъ и пригласить его ужинать, однимъ словомъ „уладить дѣло, такъ какъ она не любила ссоръ". Этотъ ужинъ состоялся недавно и Зоричъ и Потемкинъ въ настоящее время хорошіе друзья, по крайней мѣрѣ на видъ, но Потемкинъ, большой плутъ, кончитъ тѣмъ что продастъ его. Рѣшено его отставить, и Зоричъ рѣшилъ перерѣзать горло своему преемнику".

Гаррисъ писалъ нѣсколько дней спустя 2-го іюля:

„Смѣлое поведеніе Зорича произвело только минутное впечатлѣніе. Та снисходительная и полезная роль, которую играетъ князь Потемкинъ, взяла верхъ надъ всякимъ другимъ соображеніемъ. Князь Зоричъ получилъ нѣсколько дней назадъ окончательную отставку. Она ему была дана самой императрицей въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ, но онъ принялъ ее совершенно инымъ образомъ, забывъ съ кѣмъ онъ говоритъ, онъ дѣлалъ ей самыя горькіе упреки, нарисовалъ ей ея непостоянство въ яркихъ краскахъ и предсказалъ ей самыя несчастныя послѣдстія ея поведенія. Меня увѣряютъ, что этотъ разговоръ ее смутилъ, но не внесъ никакихъ перемѣнъ въ уже принятый планъ. Князь Зоричъ приговоренъ къ путешествію, и въ то же время онъ получилъ большую пенсію, большую сумму денегъ и землю съ семью тысячами крестьянъ. Его преемникъ, по имени Корсакъ, не будетъ объявленъ, пока онъ не уѣдетъ. Рѣзкій характеръ князя Зорича не позволяетъ съ увѣренностью занять публично его мѣсто, пока онъ присутствуетъ.

Дворъ и городъ заняты всецѣло этимъ событіемъ, и мнѣ непріятно прибавлять, что оно даетъ мѣсто неблагопріятнымъ размышленіямъ, и унижаетъ въ глазахъ иностранцевъ репутацію императрицы и уваженіе къ ней государства".

Гаррисъ писалъ еще 9 іюля слѣдующее:

„Внутренняя жизнь дворца представляетъ странную картину. Князь Зоричъ несмотря на то, что былъ великолѣпно награжденъ не успокоился и несмотря на то что онъ былъ отставленъ, онъ не удаляется и сохраняетъ всѣ привеллегіи фаворита. Дерзкій онразговоръ к оторый онъ имѣлъ съ императрицей, заставляетъ ее бояться раздражить этотъ неистовый умъ. Неувѣренность и страхъ императрицы невѣроятны. Князь Орловъ нѣсколько дней назадъ сдѣлалъ ей указанія на послѣдствія, которыя ея поведеніе бу-

детъ имѣть рано или поздно. Казалось, одинъ моментъ она пришла въ себя и послала Завадовскому приказаніе вернуться ко двору, имѣя полное намѣреніе возстановить въ старыхъ правахъ этого простого и спокойнаго человѣка. Но генералу Потемкину, который хорошо знаетъ характеръ Императрицы и имѣетъ больше ловкости, чѣмъ всякій свѣтскій человѣкъ, чтобъ достигнуть своихъ плановъ, удалось разрушить это хорошее намѣреніе. Корсакъ былъ введенъ къ ней въ критическій моментъ, и въ то время когда я пишу, императрица находится въ виллѣ Потемкина на границѣ Финляндіи, гдѣ она старается забыть свои безпокойства и заботы о государствѣ въ обществѣ своего любимца, вульгарное имя котораго Корсакъ было уже передѣлано въ Корсакова, которое лучше звучитъ.

Тѣмъ временемъ Завадовскій прибылъ сюда, и такъ какъ чтобъ уговорить его пріѣхать, надо было, чтобъ Орловъ просилъ его самъ, онъ спрашиваетъ князя, зачѣмъ онъ былъ обезпокоенъ въ своемъ уединеніи.

Великій князь чувствуетъ глубоко неприличное поведеніе матери, и несмотря на то, что онъ былъ замѣчательно неостороженъ, онъ сдѣлался очень сдержаннымъ.

Графъ Панинъ и графъ Орловъ, которые были прежде непримиримы, теперь близкіе друзья, и благодаря вмѣшательству Панина графъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ великимъ княземъ, который былъ однако пріученъ графомъ Панинымъ смотрѣть на графа Орлова какъ на величайшаго и опаснѣйшаго врага".

Гаррисъ писалъ 19 іюля,:

„Ничто не измѣнилось во внутренней жизни двора со времени моего послѣдняго донесенія. Корсаковъ пользуется любовью и всѣми милостями, которыя сопровождаютъ всякаго новаго фаворита; предсказываютъ однако, что его господство будетъ короткимъ. Зоричъ былъ въ неизвѣстности. Завадовскій въ награду за поспѣшность вернуться ко двору, долженъ получить назначеніе въ сенатъ, несмотря на сопротивленіе Потемкина, воля котораго выше всего. Если его вліяніе будетъ продолжаться и если императрица не выкажетъ силу ума, которой она несомнѣнно одарена, могутъ произойти большія несчастія. Царитъ всеобщее неудовольствіе; и если общее отчаяніе и несчастіе заставляютъ народъ высказывать свои жалобы, невозможно предсказать до какихъ предѣловъ это дойдетъ въ странѣ такой, какъ эта. Графъ Панинъ и его братъ благодаря своей репутаціи неподкупныхъ людей и князь Орловъ и его братья, благодаря своей популярности, единственные друзья, на которыхъ императрица могла бы расчиты-

вать; но всѣ они отвернулись, но конечно они никогда не пойдутъ впередъ и дѣла будутъ обстоять, какъ они есть".

И наконецъ 10 іюня:

„Вчера новый любимецъ былъ въ первый разъ представленъ публикѣ. Онъ ведетъ себя болѣе прилично, и кажется принимаетъ безконечныя похвалы, которыми его осыпаютъ придворные, холоднѣе, чѣмъ это дѣлалъ его предшественникъ".

Корсаковъ не сохранилъ однако долго милости Екатерины, такъ какъ съ 21-го августа Гаррисъ могъ писать:

„Новый любимецъ близокъ къ своему закату. У него слабая грудь и онъ харкаетъ кровью, то что дѣлаетъ его недостаточно чистоплотнымъ на должности, которую онъ занимаетъ. Есть много конкурентовъ на эту должность; нѣкоторые имѣютъ опору у князя Потемкина, другихъ поддерживаютъ Орловъ и графъ Панинъ, такъ какъ эти два лица дѣйствуютъ въ настоящее время согласно: есть также такіе, которые не имѣютъ другой рекомендаціи кромѣ того впечатлѣнія, которое они произвели на императрицу. Потемкинъ присоединился къ князю Орлову и Панину, чтобы помѣшать успѣху этихъ независимыхъ людей. Но такъ какъ императрица была два раза обманута, она, кажется, въ этотъ разъ рѣшила сдѣлать сама свой выборъ. Потемкинъ, дерзость котораго равнялась его силѣ, пришолъ въ такое негодованіе съ досады, что онъ не располагаетъ одинъ этой должностью, что удалился отъ двора на нѣсколько дней, и онъ согласился вернуться только благодаря обѣщанію, которое было ему дано, что майоръ, за которымъ онъ экстренно послалъ въ Крымъ, будетъ представленъ императрицѣ. Во время его отсутствія, другая партія выдвинула сына армянскаго купца и побочнаго сына покойнаго канцлера Воронцова. Судьба этихъ молодыхъ людей пока неопредѣленна. Но кажется уже вѣрнымъ, что Корсаковъ будетъ посланъ въ Спа для возстановленія своего здоровья.

Такъ какъ послѣднія остатки приличія, которыя еще сохранились нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, когда я прибылъ сюда, совершенно исчезли, и такъ какъ удовлетвореніе этой постыдной страсти въ настоящее время сдѣлалась болѣзнью, укоренившееся въ крови, я не буду удивленъ, что если вмѣсто одного любимца мы увидимъ нѣсколькихъ и что это излишество будетъ имѣть результатомъ разрушеніе организма лица, которое это совершаетъ".

Эти постыдныя открытія тутъ не останавливаются: они въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ составляютъ единственное содержаніе депешъ Гарриса, который писалъ 9 сентября слѣдующее:

„У меня большія основанія вѣрить, что въ скоромъ времени настоящій любимецъ будетъ отосланъ, и будетъ имѣть преемникомъ служащаго въ канцеляріи Панина, по имени Страхова: это молодой человѣкъ съ хорошей репутаціей, но который по своему положенію, также какъ по своей внѣшности и своему уму, не могъ считаться кандидатомъ на этотъ высокій постъ. Императрица замѣтила его въ первый разъ на балу, въ Петергофѣ 28-го іюня, и онъ обязанъ судьбѣ, благодаря которой онъ такъ близокъ къ тому, чтобъ быть удостоеннымъ свободнаго, обдуманнаго выбора императрицы, такъ какъ несмотря на то, что онъ въ зависимости отъ Панина, кажется я могу утверждать, что министръ не былъ бы менѣе удивленъ, узнавъ на кого палъ выборъ, чѣмъ были бы удивлены остальные, когда это станетъ извѣстно. Пока это еще большая тайна, которую знаютъ немногіе. Если эта связь будетъ продолжаться и станетъ постоянной, она кончится тѣмъ, что возбудитъ немилость къ Потемкину; вліяніе графа Панина станетъ отъ этого болѣе сильнымъ и если онъ останется въ союзѣ съ Орловымъ, это событіе будетъ имѣть результаты самые благопріятные для ихъ власти".

И еще 25-го того же мѣсяца:

„Потемкинъ попалъ въ милость. Онъ пробовалъ, какъ только могъ долго, противиться сдѣланному выбору. Онъ употребилъ всѣ средства, которые могла подсказать ему его ловкость и его вліяніе на императрицу. Онъ даже посмѣлъ угрожать и велъ самый непристойный разговоръ. Но, когда онъ замѣтилъ, что онъ не извлечетъ никакой выгоды изъ такого поведенія и что императрица рѣшила держаться своего собственнаго выбора, онъ перешелъ на самый мягкій и униженный тонъ, какой только можно себѣ вообразить. Онъ просилъ и получилъ прощеніе и предложилъ свои услуги, чтобъ устроить все по желанію императрицы самымъ деликатнымъ и скорымъ образомъ; его услуги были съ большой готовностью приняты, и если я хорошо освѣдомленъ, въ этотъ же моментъ Потемкинъ пошелъ обѣдать къ Панину съ единственной цѣлью извѣстить его, что императрица нашла новое назначеніе одному изъ его чиновниковъ. Ловкость и тонкость князя Потемкина въ этихъ случаяхъ не можетъ быть сравнена ни съ чѣмъ, какъ только съ неловкостью и апатіей князя Орлова, который если бы болѣе настойчиво старался воспользоваться своимъ вліяніемъ, безъ труда разбилъ бы своего соперника; онъ вновь завоевалъ бы старую власть, и государство почувствовало бы ея спасительные результаты. Но, вмѣсто того чтобъ воспользоваться этими обстоятельствами, онъ счелъ умѣстнымъ шутить по этому поводу и съ такой несдержанностью, что онъ крайне оскорбилъ императрицу.

Потемкинъ жилъ уже нѣсколько мѣсяцевъ открыто въ преступной связи съ одной своей племянницей, придворной дамой императрицы. Въ ихъ ссорѣ императрица ему вмѣнила это въ преступленіе и упрекала въ безчестіи, которое отражалось на ея дворѣ. Въ этотъ же вечеръ онъ уговорилъ князя Голицына жениться на ней, они были обручены съ большимъ торжествомъ при дворцѣ, и свадьба будетъ отпразнована подъ покровительствомъ императрицы."

Тѣмъ временемъ, и въ моментъ, когда меньше всего ожидали новый актеръ появился на сценѣ, тотъ самый ужасный Алексѣй Орловъ, который показывался только въ самыхъ важныхъ обстоятельствахъ.

Гаррисъ писалъ 2 октября:

„Въ противоположность ожиданіямъ всѣхъ князь Алексѣй Орловъ прибылъ сюда прошедшую среду. Его присутствіе произвело большой переполохъ между настоящими любимцами, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ уже много аудіенцій у императрицы. Потемкинъ наружно показываетъ необыкновенно хорошее расположеніе духа и безразличіе. Я имѣлъ честь эту ночь играть за столомъ императрицы, гдѣ были и тотъ и другой, и невозможно описать одну сцену, въ которую входили въ шутку всѣ чувства, которыя могутъ показывать умъ человѣка, и которыя были тѣмъ не менѣе скрыты всѣми актерами съ самымъ совершеннымъ притворствомъ".

И еще 16 того же мѣсяца:

„Я приложилъ всѣ старанія, чтобы узнать, пріѣхалъ ли князь Алексѣй Орловъ по экстренному приказанію своей государыни, и о томъ что произошло съ его пріѣзда, и я наконецъ въ состояніи доложить вашему величеству, и думаю, что неосторожная женитьба его брата и желаніе спасти падающее вліяніе его семьи были главными причинами путешествія князя Алексѣя Орлова.

Положеніе дѣлъ иностранныхъ и внутреннихъ и его преданость, доказанная императрицѣ, не оставляли никакого сомнѣнія, какимъ образомъ онъ будетъ принятъ, и что это доказательство привязанности будетъ хорошо принято въ этомъ критическомъ случаѣ. Событія подтвердили его предположенія. Императрица и вообще всѣ смотрѣли на него, какъ на единственнаго человѣка, который могъ бы сохранить или вѣрнѣе возстановить честь и достоинство государства, и я искренно желаю, чтобъ эта вѣра въ его честь была бы достаточно сильна, чтобъ побѣдить опасныя привычки расточительности и слабости, которыя взяли такую большую власть во время его отсутствія надъ умомъ государыни.

Я могу поручиться за достовѣрность слѣдующаго разговора: нѣсколько дней спустя по пріѣздѣграфа Орлова, императрица послала за нимъ и послѣ того какъ высказала большія похвалы его характеру и горячо выразила свою благодарность за услуги, которыя онъ ей оказалъ, она сказала, что хочетъ потребовать отъ него одну вещь болѣе важную для ея покоя, чѣмъ все, что она просила до этихъ поръ. „Сдѣлайтесь, сказала она ему, другомъ Потемкина, добейтесь отъ этого необыкновеннаго человѣка, чтобъ онъ былъ болѣе остороженъ въ своемъ поведеніи, болѣе внимательнымъ въ выполненіи тѣхъ большихъ обязательствъ, которыя онъ на себя принялъ, чтобъ онъ искалъ себѣ друзей и чтобъ онъ пересталъ меня мучить взамѣнъ уваженія и дружбы, которыя я къ нему питаю. Ради Бога, добейтесь его дружбы, чтобъ я была еще въ этомъ вамъ обязана, и помогите моему домашнему благополучію, какъ вы помогли блеску и славѣ моего царствованія." Если такая рѣчь въ устахъ государыни, разговаривающей со своимъ подданнымъ, необычна, отвѣтъ не менѣе необычаенъ:

„Вы знаете, отвѣтилъ графъ Орловъ, я вашъ рабъ, моя жизнь къ вашимъ услугамъ.

Если Потемкинъ нарушаетъ покой вашъ, дайте ваши приказанія: онъ исчезнетъ моментально, вы не услышите больше о немъ. Но, съ моимъ характеромъ и моей репутаціей, чтобъ я вступилъ въ интриги двора, чтобъ я искалъ дружбы субъекта, котораго я долженъ презирать какъ человѣка, и котораго я не могу не считать самымъ большимъ человѣкомъ въ государствѣ, ваше величество мнѣ проститъ, если я откажу".

Императрица расплакалась и графъ Орловъ удалился, но онъ вернулся нѣсколько минутъ спустя и добавилъ:

„Я знаю, что безъ сомнѣнія Потемкинъ не имѣетъ привязанности къ вашему величеству, что во всемъ онъ считается лишь съ личнымъ интересомъ, что единственный его большой талантъ плутовство, что онъ ищетъ всѣми способами отвлечь ваше величество отъ дѣлъ и усыпить васъ въ сладострастной темнотѣ, чтобъ захватить высшую власть. Онъ причинилъ существенный вредъ вашему Орлову, разорилъ вашу армію, и то, что хуже всего, онъ унизилъ вашу репутацію въ глазахъ свѣта и онъ лишилъ васъ любви вашихъ вѣрныхъ подданныхъ

Если вы хотите освободиться отъ столь опаснаго человѣка моя жизнь къ вашимъ услугамъ, но если вы хотите медлить съ нимъ, я не могу быть вамъ полезенъ, чтобъ исполнять мѣры, для которыхъ притворство и лесть самыя важныя качества"

Императрица была очень смущена этими странными словами.

она созналась графу Орлову, что она была убѣждена въ правотѣ всего, что онъ говорилъ о Потемкинѣ, она его благодарила въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ за его предложенія, но она сказала, что не можетъ даже поддержать мысль такого рѣзкаго дѣйствія, она сознала, что ея характеръ измѣнился и жаловалась, что ея здоровье значительно пошатнулось. Она просила графа Орлова и не думать покидать Петербургъ, такъ какъ ей непремѣнно понадобятся его мнѣніе и его присутствіе.

Я не вижу, чтобъ была какая нибудь перемѣна въ обращеніи императрицы съ Потемкинымъ. Что касается его, онъ сталъ вѣжливъ, что для него непривычно. Возвышеніе Страхова остается между тѣмъ въ нерѣшимости, и я съ трудомъ могу увѣрить, что императрица рискнетъ взять новаго любимца, пока графъ Орловъ не удалится.

Внутренняя жизнь двора представляетъ каждый день новое зрѣлище, и здравый смыслъ и великолѣпныя качества императрицы исчезаютъ среди заботъ, которыя ей причиняютъ Потемкинъ и ея любимецъ.

Алексѣй Орловъ сохраняетъ молчаніе и несмотря на то, что съ нимъ обходятся съ большимъ уваженіемъ, ясно, что императрица сохранила чувство досады отъ послѣдняго разговора, который она имѣла съ нимъ. Онъ остается здѣсь по ея просьбѣ.

Екатерина была такъ мало потрясена увѣщаніями Алексѣя Орлова, что ея слабость къ Потемкину у нея прорвалась скоро въ видѣ неслыханной милости. Англійскій посланникъ писалъ 1-го декабря 1778 г.:

„Потемкинъ послѣ того какъ употреблялъ по очереди убѣжденія, злость и отчаяніе, получилъ наконецъ отъ императрицы обѣщаніе, что онъ будетъ назначенъ курляндскимъ герцогомъ. Графъ Штакельбергъ, его произведеніе, его увѣряетъ, что его избраніе будетъ санкціонировано польскимъ королемъ; но онъ надѣется получить согласіе прусскаго короля, убѣдивъ императрицу дѣйствовать во всѣхъ случаяхъ согласно его намѣреніямъ".

Правдоподобно, что Екатерина думала купить немного спокойствія этой уступкой, такъ какъ Гаррисъ писалъ четыре дня спустя 4-го декабря:

„Императрица продолжаетъ быть очень возбужденной; состояніе ея ума находится въ безпрерывномъ волненіи; она появляется въ публикѣ настолько рѣдко, насколько позволяетъ ей благопристойность; она все еще находится въ дурномъ расположеніи духа и нѣтъ въ ней обычной веселости".

Свобода, которой злоупотреблялъ графъ Алексѣй Орловъ, имѣла результатъ, который легко было предвидѣть. Онъ отдалилъ отъ себя императрицу и не былъ въ состоянiи съ одного удара разбить Потемкина, что было повидимому невозможной вещью, почему, влiянiе этого особеннаго фаворита сдѣлалось только еще больше. Гаррисъ писалъ по этому поводу 18-го декабря:

„Разговоръ, который произошелъ между императрицей и графомъ Алексѣемъ Орловымъ не имѣлъ другого результата, какъ только поселилъ между ними холодность и усилилъ влiянiе и авторитетъ князя Потемкина".

Сила этого фаворита, въ дѣйствительности, была безгранична. Гаррисъ, который договаривался о тѣсномъ союзѣ между Англiей и Россiей, до сихъ поръ ничего не могъ добиться, потому что графъ Панинъ былъ противъ какого либо единенiя съ англiйскимъ кабинетомъ, Екатерина также не была расположена къ этому. Наоборотъ Орловы, въ особенности графъ Алексѣй, очень желали, чтобы императрица стала на этотъ новый путь, который освободилъ бы ее отъ зависимости отъ короля прусскаго — но, не имѣя влiянiя, они ничего не могли сдѣлать Англiйскому посланнику; очевидно, ничего не оставалось какъ попытаться перетянуть на свою сторону Потемкина; онъ долженъ былъ обратиться къ нему, если только хотѣлъ достигнуть успѣха. Гаррисъ писалъ 31 декабря:

„Графъ Алексѣй Орловъ сильно совѣтовалъ мнѣ поговорить съ княземъ Потемкинымъ. Онъ, сказалъ графъ мнѣ, всемогущъ теперь и такъ ревнивъ къ своей власти, что ничто не можетъ быть сдѣлано безъ его ходатайства. Если онъ безразличенъ къ союзу съ Англiей, ходатайство у него можетъ его убѣдить въ вашу пользу. Если онъ вамъ будетъ противодѣйствовать, то помните, что лесть и добрыя рѣчи могутъ заставить измѣнить рѣшенiе такого непостояннаго ума, какъ его.

Но если даже онъ и былъ бы хорошо расположенъ къ вамъ и вы осмѣлились бы имъ пренебречь, вы можете быть увѣрены, что онъ пошелъ бы противъ васъ".

Гаррисъ послѣдовалъ этому совѣту, и съ этого момента онъ вошелъ въ тѣсныя отношенiя съ Потемкинымъ, которыя несмотря на это не послужили ему ничѣмъ, такъ какъ ходъ поведенiя, рекомендованный графомъ Панинымъ, слишкомъ согласовался съ политикой Россiи, для того чтобы съ нимъ такъ легко разстались. Потемкинъ былъ очевидно искрененъ въ поддержкѣ, которую съ тѣхъ поръ онъ не переставалъ оказывать дѣйствiямъ англiйскаго кабинета. Но Екатерина доказала въ этомъ столкно-

веніи, что она умѣли при необходимости устоять противъ своего всемогущаго фаворита, когда этого требовалъ интересъ ея имперіи. Не такъ б.ло во внутренней жизни двора, гдѣ ея слабость слишкомъ очевидная для всѣхъ, заставляла часто забывать, что за ея нерѣшительнымъ, непостояннымъ, чувственнымъ характеромъ, подпадающемъ всякаго рода вліяніямъ, скрывался глубокій умъ и замѣчательный политическій инстинктъ.

Графъ Алексѣй Орловъ не безъ основаній сознавалъ свое собственное ничтожество и непреодолимую власть Потемкина. Гаррисъ писалъ въ той же депешѣ отъ 31 декабря 1778:

„Послѣ страннаго разговора, которымъ я подѣлился съ вашей свѣтлостью, императрица мало по мало лишила своего довѣрія и благосклонности графа Алексѣя Орлова; она ему отказала въ нѣкоторыхъ незначительныхъ милостяхъ, которыя онъ просилъ для ея незаконнаго сына; и наконецъ она заставила его своимъ обращеніемъ прибѣгнуть къ методѣ, практикуемой вообще русскими, когда имъ плохо при дворѣ, это удалиться къ себѣ, подъ предлогомъ болѣзни. Она имѣла слабость передать князю Потемкину о происшедшемъ у нея съ Орловымъ, Потемкинъ же сумѣлъ убѣдить ее, что все это произошло только вслѣдствіе личной непріязни и ревности. Графъ Орловъ не показывался при дворѣ уже три мѣсяца; а рѣчь его двухъ братьевъ, такъ какъ они выражаютъ очень свободно, что у нихъ на умѣ, была рѣчью людей обезкураженныхъ, злобныхъ и которые предвидятъ, что они не могутъ расчитывать на возвращеніе къ прежнему своему положенію.

Страховъ продолжаетъ секретно видиться съ Ея Императорскимъ Величествомъ, но у него незамѣтно никакого внѣшняго отличія, которое обнаруживало бы его фаворъ. Онъ былъ воспитанъ въ домѣ покойнаго камергера Воронцова и помѣщенъ къ графу Панину его правителемъ канцеляріи Бакунинымъ, который тоже привязанъ къ этой семьѣ. Страховъ человѣкъ невысокихъ достоинствъ и прилежанія, онъ преданъ низкому плутовству и ведетъ дурныя знакомства; но его репутація безукоризнена, и мнѣ говорили, что теперь, когда онъ пользуется нѣкотораго рода независимостью, его друзья находятъ его упрямымъ и необходительнымъ. Фаворитъ дня, который носитъ всѣ отличія (клейноды) и который пользуется общественнымъ почетомъ этого амплуа, все тотъ же самый Корсаковъ; это добрый малый, очень глупый и всецѣло находящійся въ распоряженіи князя Потемкина и графини Брюссъ. Эти двѣ особы кажутся въ настоящее время неограниченными господами ума императрицы. Потемкинъ превосходитъ себя во всемъ, что касается серьезныхъ дѣлъ и удовольствій; графиня вмѣшивается только въ удовольствія и все

это подъ тѣмъ же предлогомъ, подъ которымъ въ минувшія времена дворянину было поручено пробовать вина и кушанья, прежде чѣмъ ихъ преподнесутъ властителю.

Ненасытная жажда богатствъ и власти настолько велика въ князѣ Потемкинѣ, что онъ непрестанно составляетъ новые проэкты возвышенія для самого себя и надоѣдаетъ императрицѣ въ томъ что убѣждаетъ ее привести ихъ въ исполненіе. Въ настоящее время онъ вбилъ себѣ въ голову сдѣлаться верховнымъ герцогомъ или Казани, или Курляндіи".

Гаррисъ писалъ 12 января 1779 г:

„Въ своей частной жизни императрица дѣлается день ото дня болѣе распутной и болѣе разсѣянной, и ея общество часто состоитъ изъ самаго низкаго класса ея придворныхъ. Ея здоровье замѣтно страдаетъ отъ той жизни, которую она ведетъ; и размышленія, которыя она должна сдѣлать, если безпристрастно разсмотрѣтъ результаты ея настоящаго поведенія, должны будутъ безъ сомнѣнія ее сократить".

И еще 29 того же мѣсяца:

„Потемкинъ знаетъ какъ надо взяться, чтобы руководить страстями императрицы, и онъ поддерживаетъ ее въ состояніи постояннаго возбужденія. За послѣднее время онъ такъ ревниво оберегаетъ свою власть, что онъ не выноситъ, что бы кто нибудь, за исключеніемъ ея фаворита и его самого, находился бы наединѣ съ нею. Суммы, которыя онъ извлекаетъ изъ особой шкатулки императрицы, непостижимо велики и такъ какъ онъ никогда ни за что не платитъ, никто не можетъ угадать, какое употребленіе онъ изъ нихъ дѣлаетъ".

Наконецъ въ письмѣ отъ 9 февраля Гаррисъ пишетъ:

„Дворъ вотъ уже пятнадцать дней, какъ представляетъ собой постоянную сцену безпорядка и интригъ. Императрица выразила намѣреніе смѣнить своего фаворита и въ ряды ихъ выдвинулось очень большое количество кандидатовъ. Друзья Страхова надѣялись, что ему будетъ позволено выказать публично ту степень благосклонности, которой онъ наслаждается такъ долго въ тайнѣ; но его неумѣніе вести себя, въ соединеніи съ его упрямствомъ сдѣлало эти планы невыполнимыми, и Ея Императорское Величество вѣроятно остановила бы свой выборъ на Левасковѣ, маіорѣ Семеновскаго полка, если бы не одинъ молодой человѣкъ по фамиліи Свисковскій, протежируемый госпожей. Брюссъ, не представился ей, чтобы замѣнить Корсакова, и не ударилъ бы себя кинжаломъ, отчаиваясь быть предпочтеннымъ. Рана не смертель-

на, но хотя и старались скрыть отъ императрицы настоящій мотивъ сумасшедшаго поступка, все это ей не причинило большого безпокойства, и весь эпизодъ вѣроятно послужитъ причиной того, что Корсаковъ останется на своемъ мѣстѣ до весны. Потемкинъ и госпожа Брюссъ больше не дѣйствуютъ сообща; и князь настолько ревнуетъ къ тому вліянію, которое эта дама пріобрѣла надъ его госпожей, что онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы поставить на ея мѣсто двоюродную сестру маршала Румянцева. Госпожа Брюссъ къ несчастью страстно влюбилась въ Корсакова, что сильно поможетъ князю въ выполненіи его проэкта, и разсуждая какъ то очень серьезно съ Орловыми объ этихъ событіяхъ, князь, такъ же какъ и его собесѣдники, высказались, что для нихъ не было бы невозможнымъ вновь возвратить благосклонность императрицы, они добавили, что ея характеръ такъ разнится отъ того, какимъ онъ былъ прежде, что они никогда бы не могли быть увѣрены, что удержатъ ея къ себѣ расположеніе, и что такого рода попытка непремѣнно навлечетъ на нихъ вражду Великаго Князя, съ которымъ для нихъ очень важно оставаться въ хорошихъ отношеніяхъ, такъ какъ они предвидятъ, что страшное безпокойство ума императрицы и та неправильная жизнь, которую она ведетъ, сократятъ ея дни и положатъ преждевременный конецъ ея существованію; что вслѣдствіи этого они уѣдутъ въ Москву, гдѣ они предпологаютъ жить въ самомъ полномъ уединеніи, хотя и готовые тотчасъ же изъ него выйти, если императрица будетъ въ нихъ нуждаться, такъ какъ какая бы перемѣна ни произошла въ ея отношеніяхъ къ нимъ, они не могутъ забыть, чѣмъ они обязаны ей".

Все осталось на время попрежнему, Корсаковъ занималъ по прежнему же почетное мѣсто фаворита, тогда какъ другой выполнялъ его обязанности. Нѣсколько мѣсяцевъ протекли такимъ образомъ, не приведя съ собою какого либо измѣненія. Возможно между тѣмъ подозрѣвать, не нанося оскорбленія Екатеринѣ, что за этотъ промежутокъ нѣсколько индивидуумовъ были поочередно, а быть можетъ даже и одновременно, удостоены чести ея благосклонности.

Но, казалось, контрабанда не удовлетворяла ее, и въ ожиданіи, что она встрѣтитъ среди нихъ одного, который удовлетворитъ ее во всѣхъ отношеніяхъ, она сохраняла Корсакова. Гариссъ, съ прошлаго марта сэръ Гариссъ, писалъ 18 августа 1779 г.:

„Ничего нѣтъ новаго во внутренней жизни двора. Каждый день ожидаютъ увидѣть нѣкаго Стіанова на смѣну Корса-

кова въ качествѣ титулованнаго фаворита. Это такое событіе, которое только и занимаетъ какъ того, такъ и другого. Оба суть созданія Потемкина, и перемѣна послужитъ только къ увеличенію его авторитета и силы и не окажетъ ни малѣйшаго вліянія на политическія дѣла. Стіановъ такой же младшій офицеръ, какимъ былъ и Корсаковъ".

И въ письмѣ отъ 20 сентября:

„Въ настоящее время не происходитъ ничего важнаго внутри дворца, фаворитъ, который долженъ былъ покинуть такъ скоро свое мѣсто, открыто его сохраняетъ и несмотря на то, что общественный говоръ даетъ ему каждый день новаго замѣстителя, я склоненъ думать, что Ея Императорское Величество не любитъ давать каждый годъ публикѣ новый предметъ для разговора, значеніе младшихъ адептовъ продолжаетъ быть въ колеблющемся состояніи, но это не оказываетъ никакого вліянія на общее поведеніе двора, который всецѣло руководится Потемкинымъ; что касается его, то онъ сохраняетъ первое мѣсто въ довѣріи и уваженіи своей повелительницы. Онъ подпалъ прежде вліянію своей второй племянницы, но съ тѣхъ поръ, какъ она вышла замужъ за князя Голицына, старшая Александра Энгельгардтъ, кажется, взяла надъ нимъ еще болѣе сильное владычество. Это очень пріятная молодая женщина, которая обладаетъ умомъ и особенной способностью вести дворцовыя интриги; у нея очень правильное представленіе о стоимости подарковъ. Ей уже удалось лишить графиню Брюссъ того хорошаго мнѣнія, которое имѣла о ней императрица, и если ея дядя не измѣнится въ своихъ чувствахъ къ ней, она сдѣлается, вѣроятно, наперстницей государыни".

Екатерина вышла наконецъ изъ своей нерѣшительности. Д. Гаррисъ сообщалъ объ этомъ важномъ случаѣ въ жизни русскаго двора депешей отъ 22 октября 1779 г.:

„Корсаковъ получилъ отставку изъ устъ самой императрицы вчера утромъ; а черезъ нѣсколько часовъ генералу Бецкому было поручено сообщить ему со словъ Екатерины, что она намѣрена отлично обезпечить его судьбу, но желала бы, чтобы онъ отправился путешествовать или женился бы. Его замѣстителя зовутъ Ланской; онъ уроженецъ Смоленской губерніи; онъ былъ кавалергардомъ, а съ поѣздки императрицы въ Петербургъ, онъ сдѣлался предметомъ вниманія Ея Императорскаго Величества. Потемкину, у котораго былъ въ виду другой, удалось до сихъ поръ задержать его назначеніе, но онъ рѣшился согласиться на это, получивъ въ день своего рожденія подарокъ въ 900,000

рублей землей и деньгами. Ланской молодъ, хорошо сложенъ и, какъ говорятъ, человѣкъ сговорчивый. У него многочисленная родня братьевъ и кузеновъ, появленіе большинства которыхъ вѣроятно будетъ замѣтно здѣсь. Это происшествіе усилило власть Потемкина, которую никто не сможетъ свергнуть, развѣ только, во что я съ трудомъ вѣрю, фактъ его женитьбы на его племянницѣ Александрѣ Энгельгардтъ".

Эта новая любовь поглотила на нѣкоторое время Екатерину, такъ какъ она возгорѣлась сильной нѣжностью къ Ланскому, такъ напримѣръ, англійскій посланникъ писалъ 26 февраля 1780 г.:

„Князь Потемкинъ сказалъ мнѣ: „Вы выбрали плохой моментъ. Новый фаворитъ опасно боленъ. Причина его болѣзни и ненадежность выздоравленія, такъ сильно потрясли императрицу что она не способна думать о чемъ либо другомъ, и всѣ помыслы ея о славѣ, достоинствѣ поглощены этой единственной страстью.

Она нервна до такой степени, что она отказывается отъ всего того, что только требуетъ усилія или дѣятельности".

XV.

Въ тотъ же самый 1780 годъ Екатерину посѣтилъ ея союзникъ императоръ Іосифъ II. Она поѣхала его встрѣтить въ Могилевъ, на границу своего государства, и привезла его съ собой въ Петербургъ, гдѣ онъ пробылъ довольно долго. Это посѣщеніе имѣло большую политическую важность, такъ какъ отсюда могъ возникнуть болѣе тѣсный союзъ между Россіей и Вѣнскимъ кабинетомъ. Поэтому то дипломатическій корпусъ въ Петербургѣ наблюдалъ съ большимъ вниманіемъ за малѣйшими случайностями въ отношеніяхъ этихъ двухъ великихъ и державныхъ государей. Сэръ Гаррисъ писалъ 14 іюля 1780 г.:

„Императоръ занимаетъ всѣ мысли императрицы. Его поведеніе было умно, полно достоинства и любезности и онъ оставитъ послѣ себя впечатлѣніе, которое не легко будетъ стереть".

И еще 25 іюля:

„Императоръ уѣхалъ изъ Петергофа въ среду. Онъ нанесъ навсегда очень сильный ударъ вліянію короля Прусскаго, ударъ настолько глубокій, что я сомнѣваюсь, чтобы вліяніе это вернулось.

Покидая императрицу, онъ сказалъ ей въ очень простыхъ и очень благородныхъ выраженіяхъ, что онъ показался передъ ней такимъ, какимъ былъ въ дѣйствительности, что онъ не злоупотребилъ ни малѣйшей искусственностью, ни малѣйшей хитростью, чтобы завоевать ея расположеніе и дружбу и что поэтому она въ состояніи судить о его характерѣ и его заслугахъ, и такъ какъ онъ твердо увѣренъ, что тотчасъ же какъ онъ уѣдетъ, будутъ пробовать клеветать на него и чернить его, онъ проситъ прежде чѣмъ довѣриться тому, что будутъ говорить, захотѣть только посовѣтоваться со своимъ собственнымъ сужденіемъ. Онъ добавилъ, что онъ не льстецъ, но что онъ не можетъ удержаться, чтобы не сказать ей искренне, что она превзошла ту высокую славу, которой она пользуется, и что онъ смотритъ на нѣсколько недѣль, проведенныхъ съ нею, какъ на самыя пріятныя и полезныя въ его жизни. Императрица такъ была растрогана тѣмъ тономъ, которымъ это было сказано, что заплакала; она обняла его съ сильнымъ волненіемъ и большимъ чистосердечіемъ и въ то время, какъ онъ цѣловалъ ея руку, она поцѣловала его. Это мнѣ было разсказано единственнымъ свидѣтелемъ этой своеобразной сцены".

Императоръ имѣлъ неменьшій успѣхъ и у молодаго двора, въ особенности у Великой Княгини. Министръ Франціи наоборотъ находилъ, что императоръ произвелъ умѣренное впечатлѣніе на императрицу, и онъ хвастался, что этотъ визитъ не будетъ имѣть тѣхъ послѣдствій, на которыя одни надѣялись, а другіе боялись. Де Веракъ писалъ 21 іюля:

„Пребываніе графа де Фалькенштейна произвело мало сенсаціи между русскими".

И де Корберонъ писалъ 25 того же мѣсяца:

„Съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ императоръ, даже не говорятъ политически о его пребываніи. Онъ произвелъ такъ мало сенсаціи за то время, что былъ здѣсь, что нѣтъ ничего удивительнаго, что его такъ легко забыли".

Екатерина была поражена умомъ Іосифа II, въ чемъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ этотъ принцъ, несмотря на свои недостатки, обладалъ имъ дѣйствительно въ большой степени; по крайней мѣрѣ такъ писалъ изъ Вѣны серъ Робертъ Кейтъ 8 августа 1780 г. Тотъ же посланникъ сохранилъ намъ въ своей отъ 19 октября депешѣ, написанной по французски, то сужденіе, которое Іосифъ II составилъ о Екатеринѣ и ея министрахъ:

„Императоръ мнѣ сказалъ, большое искуство состоитъ въ

томъ, чтобы сумѣть постигнуть характеръ русской императрицы и польстить ей. У нея, безъ сомнѣнія, отличный умъ, но она не можетъ дѣлать всего самостоятельно. Тотъ, кто сносится съ нею, никогда не долженъ терять изъ виду ея полъ, ни забывать, что женщина думаетъ и поступаетъ различно отъ мужчины. Я говорю по опыту, находя, что единственный способъ сохранить съ нею добрыя отношенія, это не баловать ее, не противорѣчить ей прямо, предоставить ей дѣйствовать по ея усмотрѣнію въ дѣлахъ малой важности, чтобы заставитъ ее принять столько возможно необходимые отказы, выказывать ей постоянное желаніе ей нравиться, и между тѣмъ въ то же время быть твердо увѣреннымъ поддерживать нѣкоторые главнѣйшіе принципы и вѣрное настоящее чувство собственнаго права; когда она выражаетъ желаніе къ вещи, которая можетъ быть выполнена, не поступаясь этими принципами, надо выказывать по отношенію къ ней любезность, какъ къ женщинѣ; но когда она настаиваетъ, на уступкахъ, которыя не должны быть ей сдѣланы, надо дать ей почувствовать, что за ней послѣдуютъ до тѣхъ поръ, пока захотятъ. Такимъ образомъ можно надѣятся жить съ нею на хорошей ногѣ, быть на сторожѣ противъ ея живости и настойчивости ея чувствъ и побѣждать ее только въ главныхъ пунктахъ; каждый державный вождь имѣетъ неоспоримое право извлечь наибольшую выгоду изъ своего собственнаго поведенія и строго согласовать его. Большое несчастіе для императрицы, что около нея нѣтъ никого, который осмѣлился бы сдерживать или даже прекращать первыя вспышки ея страстей. Графъ Остерманъ низкій, ничего не знающій человѣкъ; онъ ничего не дѣлаетъ и не имѣетъ никакого вѣса.

Что касается Безбородко, то это выскочка; онъ былъ маленькимъ секретаремъ, простымъ переводчикомъ у маршала Романцова и онъ сохраняетъ чувства такого рода людей. У него нѣкоторыя способности, навыкъ въ дѣлахъ; но онъ мало читалъ и не имѣетъ никакого понятія о высшей политикѣ и постоянныхъ интересахъ принцевъ. Когда его повелительница пользуется его перомъ и диктуетъ ему самое сильное выраженіе и часто самое непозволительное подъ вліяніемъ своихъ минутныхъ чувствъ, у секретаря не хватаетъ твердости, быть можетъ расположенія, исправить первыя и не обдуманныя изліянія; онъ излагаетъ письменно ея мысли со всей ихъ энергіей и незрѣлостью и, вѣроятно, говоритъ самому себѣ: это не мое дѣло взвѣшивать или думалъ о послѣдствіяхъ; пусть короли Франціи, Англіи или Императоръ выпутываются изъ этого дурного шага, какъ смогутъ. Таково положеніе императрицы, и кто бы ей

былъ вовлеченъ благодоря ему въ важныя дѣла, не долженъ терять изъ виду это обстоятельства.

—Но спрашиваю я, со времени опалы графа Панина, развѣ Потемкинъ не есть довѣренный совѣтникъ императрицы?

— Да, возразилъ императоръ, но это очень незначительный совѣтникъ. У него мало знаній и большая лѣнность и даже сама императрица выказываетъ своимъ обращеніемъ съ нимъ, или по меньшей мѣрѣ отзывается о немъ, какъ о своемъ ученикѣ въ политики и вообще какъ о человѣкѣ, который скорѣе нуждается въ томъ, чтобы имъ руководили, чѣмъ годномъ руководить другихъ. Она любитъ говорить: „онъ мой ученикъ; мнѣ обязанъ онъ всѣмъ своимъ знаніемъ въ дѣлахъ“. Вы повѣрите безъ труда, что когда она выражалась такимъ образомъ, особа, къ которой она обращалась, не простерла свою откровенность до того, чтобы сказать ей: „Да, сударыня, онъ вашъ ученикъ и, говоря по правдѣ, онъ очень мало дѣлаетъ вамъ чести“.

— Развѣ похоже на то, сказалъ я, что довѣріе и вліяніе князя Потемкина уменьшились?

— Нисколько, возразилъ императоръ, но въ политикѣ они никогда не были такими, какими ихъ всѣ воображали. Императрица не желаетъ разлучаться съ нимъ, подъ тысячью предлоговъ разнаго рода. Она не могла бы легко отъ него отдѣлаться, если бы даже у ней явилось желаніе. Нужно побывать въ Россіи, чтобы понять всѣ особенности положенія императрицы“.

Спустя шесть недѣль по отъѣздѣ императора другой визитеръ прибылъ въ Петербургъ: это былъ никто иной, какъ наслѣдный принцъ Пруссіи, вѣроятный наслѣдникъ короны, племянникъ Фридриха, который пріѣхалъ, чтобы постараться изгладить слишкомъ благопріятныя впечатлѣнія, который Іосифъ II могъ оказать на умъ Екатерины.

Совершенно другой успѣхъ ожидалъ этого принца. Сэръ Гаррисъ писалъ 8 сентября 1780 г.:

„Принцъ Пруссіи только что пріѣхалъ. Свиданіе, которое произошло вчера утромъ между нимъ и императрицей, обставленное большой церемоніей и съ большимъ этикетомъ, было, я думаю, мало удовлетворительно какъ для одного, такъ и для другого. Этотъ принцъ показался императрицѣ тяжелымъ, скрытнымъ и неловкимъ; и онъ нашелъ, что былъ принятъ холодно и съ высокомѣріемъ. Вечеромъ онъ мало преуспѣлъ; и императрица, несмотря на то, что находилась въ Эрмитажѣ, гдѣ она вообще бываетъ очень сообщительна, не обратила на него

болѣе вниманія, чѣмъ сколько этого требуетъ приличіе и самая простая вѣжливость".

И 22 сентября:

„Императрица съ каждымъ днемъ менѣе вѣжлива съ принцемъ Пруссіи, и она избѣгаетъ, насколько это возможно, его видѣть. Не было и не будетъ необычайныхъ празднествъ, и она кажется рѣшилась, судя по ея поведенію, дать понять, что это долженъ быть послѣдній визитъ съ этой стороны. Принцъ чувствительно этимъ уязвленъ и невѣроятно, что онъ забылъ бы или простилъ бы когда нибудь то глупое положеніе, въ которомъ онъ находится въ данный моментъ. Великій Князь и Великая Княгиня очень внимательны къ нему, а между тѣмъ и въ нихъ онъ не находитъ того чистосердечія, которое ожидалъ встрѣтить. Населеніе страны подражаетъ высшимъ и когда онъ бываетъ въ частныхъ домахъ, онъ туда вноситъ съ собою церемонію и скуку. Среди всѣхъ этихъ непріятностей онъ надѣялся найти утѣшеніе въ обществѣ своей любовницы, которая послѣдовала за нимъ сюда. Но строгость ея менторовъ и боязнь своего дяди заставили ее уѣхать. Князь Потемкинъ не выказываетъ ни малѣйшей заботы быть ему пріятнымъ и оказываетъ ему только самыя необходимыя услуги".

И еще 26 сентября:

„Поведеніе императрицы съ принцомъ де-Линь представляетъ самый рѣзкій контрастъ ея отношеніямъ къ принцу Прусскому. Ничего болѣе не оскорбляетъ этого послѣдняго и слѣдствіемъ этого было то, что императрица испытываетъ удовольствіе и удовлетвореніе въ обществѣ принца де-Линь, который обладаетъ талантомъ заставлять выслушивать подъ видомъ шутокъ, самыя важныя истины".

Нѣтъ ничего удивительнаго, что человѣкъ такого ума и такой любезный очень понравился Екатеринѣ, но въ данный моментъ то уваженіе, которое относилось къ принцу де-Линь, было въ особенности по адресу австрійца. Выдѣлить, обласкать принца де-Линь было для Екатерины косвеннымъ образомъ высказать свой вкусъ и уваженіе императору Іосифу II и показать свое отдаленіе отъ Прусскаго короля, которымъ она была недовольна. Тѣмъ не менѣе было бы очень трудно сказать, почему императрица Россіи такъ сильно охладѣла къ своему доброму союзнику Фридриху II. Фактъ между тѣмъ былъ очевиденъ. Сэръ Гаррисъ писалъ 6 октября:

„Отвращеніе императрицы къ Брандебургскому дому кажется такимъ же сильнымъ, какъ и внезапнымъ, и если оно

продлится, оно кончится тѣмъ, что порветъ союзъ, который существуетъ между Пруссіей и Россіей. Я былъ впродолженіи трехъ дней свидѣтелемъ того презрѣнія и пренебреженія, которыя императрица выказываетъ Прусскому принцу и я былъ пораженъ его терпѣніемъ и сдержанностью. Въ одинъ изъ этихъ послѣднихъ дней у Нарышкина она не пригласила его къ своему столу ни во время игры, ни во время ужина; она этого удостоила только меня самого, своего фаворита и князя Потемкина. На маскарадѣ она появилась замаскированной и тотчасъ же по ея пріѣздѣ она попросила меня сопровождать ее, говоря мнѣ: „Не покидайте меня за весь вечеръ. Я васъ дѣлаю моимъ рыцаремъ и хочу, чтобы вы защищали меня отъ всѣхъ докучливыхъ".

И еще 13 октября:

„Принцъ Прусскій уѣхалъ. До послѣдняго момента императрица сохраняла по отношенію къ нему то же самое поведеніе. Она проявляла всегда антипатію и скуку въ присутствіи высочайшаго гостя и, говоря о немъ, она всегда давала замѣтить, что у нея самое умѣренное мнѣніе о его талантахъ и заслугахъ. Несмотря на многочисленныхъ и могущественныхъ друзей, которыхъ прусскій король имѣетъ при этомъ дворѣ, я увѣренъ, что его племянникъ не достигъ ничего въ томъ, что онъ предпринялъ; что онъ скорѣе подтвердилъ, чѣмъ убавилъ хорошее мнѣніе, которое имѣетъ императрица о графѣ де-Фалькенштейнѣ (Іосифѣ II) и что онъ понизилъ шансы своего дяди, вмѣсто того, чтобы ихъ возвысить. Князь Потемкинъ не позволилъ своей племянницѣ сдѣлать для него ужинъ. Однимъ словомъ, принцъ Прусскій уѣхалъ недовольный и съ отвращеніемъ".

Сэръ Гаррисъ писалъ еще 17 ноября:

„Принцъ Прусскій уже почти забытъ и о немъ не говорятъ иначе, какъ съ нѣкотораго рода состраданіемъ, которое близко къ презрѣнію. Таково настоящее настроеніе, но я не отвѣчу за то, каково будетъ завтрашнее. Прусская партія многочисленна; она ловка, склонна къ интригамъ и такъ привычна къ господству, что не можетъ быть легко разбита".

Посланный Версальскаго кабинета сознавалъ дурной пріемъ, оказанный Прусскому принцу, но онъ вынесъ изъ него совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ сэръ Гаррисъ. Совершенно вѣрно, что то объясненіе, которое онъ даетъ поведенію Екатерины въ отношеніи этого принца, является загадкой, смыслъ которой мы не можемъ уловить. Де-Веракъ писалъ 6 октября:

„Частныя событія и чисто домашія дѣла вліяютъ вотъ уже съ мѣсяцъ непрестанно на настроеніе императрицы и возбуж-

даютъ ее до такой степени, что она совершенно не похожа на себя. Все что ее окружаетъ, страдаетъ отъ этого и наслѣдному принцу Пруссіи не посчастливилось пріѣхать сюда въ такой моментъ, когда его присутствіе могло только увеличить настроеніе императрицы изъ-за тѣхъ усилій, которыя она должна была дѣлать, чтобы постараться его скрыть. Я не сомнѣваюсь, что при совершенно другихъ обстоятельствахъ наслѣдный принцъ не непонравился бы такъ сильно императрицѣ.

Онъ присоединяетъ къ самой благородной внѣшности много обходительности, какъ кажется обладаетъ умомъ и знаніями и, никогда не теряя надлежащаго достоинства, онъ въ обществѣ выказываетъ себя очень любезнымъ".

И еще 31 октября того же мѣсяца:

„Прощаніе императрицы и наслѣднаго принца было очень трогательно. Говорятъ даже, что были пролиты слезы. Она выражалась въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ о своихъ чувствахъ къ Прусскому королю и я не сомнѣваюсь, что наслѣдный принцъ вынесъ уваженіе и что это путешествіе будетъ полезно въ видахъ Прусскаго короля".

Не находятъ ни въ депешахъ де Веракъ, ни у сэра Гарриса малѣйшаго слѣда событій, который приписываетъ имъ первый изъ нихъ. Но нельзя сомнѣваться въ ихъ существованіи, такъ какъ въ депешѣ отъ 9 ноября англійскаго посланника читаютъ слѣдующую выдержку:

„Князь Потемкинъ жалуется, что императрица разсердилась за тѣ чрезвычайныя милости, которыя онъ просилъ у нея для него самаго и для его семьи; и когда онъ торопилъ ее, чтобы она ему разрѣшила ихъ, она отправила его отъ себя, дѣлая ему упреки. Онъ жалуется также на вражду его враговъ, которые, говоритъ онъ, постоянно возбуждаютъ противъ него императрицу и которые кончили тѣмъ, что заставили ее думать, что у него ничего нѣтъ въ виду, кромѣ собственнаго честолюбія и своего возвышенія, слушая его, характеръ императрицы измѣнился, она болѣе чѣмъ когда либо недовѣрчива и подозрительна и она такъ избалована лестью, что не способна подвергнуть свой слухъ непріятной истинѣ. Онъ говоритъ, что ему наскучилъ дворъ; онъ говоритъ о томъ, что думаетъ удалиться и отправиться путешествовать; однимъ словомъ онъ ведетъ рѣчь недовольнаго фаворита, или который считаетъ себя въ немилости".

Сэръ Гаррисъ писалъ еще спустя немного дней, 11 декабря 1780 года:

„Императрица болѣе не молода; ея способности ослабѣ-

ваютъ, страсти ея дѣлаются болѣе сильными, и у ней нѣтъ больше той силы ума и той точности сужденій, которыя отличали ея дѣйствія въ первые годы ея царствованія". Былъ еще одинъ предлогъ, который могъ объяснить уменьшеніе довѣрія, на которое жаловался Потемкинъ. Екатерина была удовлетворена любовникомъ, котораго имѣла и пока длилась ея любовь она мало заботилась о томъ, чтобы нравиться Потемкину. Онъ самъ признавался въ этомъ сэру Гаррису, который писалъ 1 августа 1780 г.:

„Когда все хорошо идетъ, говорилъ мнѣ князь Потемкинъ, мое вліяніе мало, но кода у императрицы непріятности, она нуждается во мнѣ и тогда моя сила возвеличивается, какъ никогда. Скоро представится случай, добавилъ онъ, и я конечно воспользуюсь имъ тѣмъ или инымъ способомъ."

Между тѣмъ, если вѣрить министру Францiи, совсѣмъ другой чѣмъ онъ былъ удовлетворенъ милостью, которая оставляла его въ тотъ самый моментъ, когда онъ такъ горько жаловался. Де Веракъ писалъ 15 октяаря 1780 г.:

„Вліяніе Потемкина у императрицы или вѣрнѣе то владычество, которое онъ сумѣлъ одержать надъ ея умомъ, поддерживается со всею силой и дѣлаетъ его неограниченнымъ господиномъ надъ внутреннимъ управленіемъ государства и распорядительнымъ всевозможныхъ милостей. Если бы къ такой власти онъ присовокупилъ бы дѣятельный умъ и любовь къ работѣ, нѣтъ никаго сомнѣнія, что вліяніе въ дѣлахъ другихъ министровъ совершенно исчезло бы передъ его вліяніемъ. Но онъ лѣнивъ до такой степени, что ненавидитъ всякаго рода занятія и если исключить заботы, которыя онъ даетъ для сохраненія своей силы, все остальное ничто иное, какъ только чистое чванство. Между тѣмъ этотъ человѣкъ, который играетъ такую блестящую роль и необдуманная роскошь котораго превосходитъ собою многихъ царвующихъ особъ, кажется, что ему наскучило все, даже и его фаворъ. Бездѣлье доводитъ его до того, что цѣлые дни проводитъ въ томъ, что даетъ себя обмошеничивать въ карты пятн или шести льстецамъ. Невѣроятный безпорядокъ царитъ въ его дѣлахъ и въ его домѣ, и ему не хватаетъ 600,000 рублей чтобы оплачиватъ его фантазіи. Онъ обращается съ русскими съ презрѣніемъ и высокомѣріемъ, которые трудно себѣ представить, и безъ сомнѣнія они давно бы потеряли терпѣніе, если бы не нужда, которую они имѣютъ въ немъ и привычка къ рабству, не научили ихъ терпѣть все. Затѣмъ тѣ, которые его видятъ съ внутренней стороны, увѣряютъ, что онъ обладаетъ умомъ и знаніями, не-

смотря на то, что его манеры, его вкусы и образъ жизни носятъ характеръ странности.“

Потемкинъ еще потому былъ такъ разсерженъ, что не обладалъ въ данный моментъ тѣмъ же вліяніемъ, что какъ кажется близко принялъ къ сердцу переговоры, которые велъ сэръ Гаррисъ, чтобы вовлечь Россію въ наступательной и оборонительный союзъ съ Англіей. Екатерина упорно отказывалась выслушать всѣ предложенія, которыя ей дѣлались и держалась нейтралитета, который она называла „вооруженнымъ нейтралитетомъ“, который заключался въ томъ, чтобы держаться одинаковаго безразличія по отношеніи къ воюющимъ державамъ, другими словами къ Франціи и Англіи. Сэръ Гаррисъ приписывалъ графу Панину инціативу этой обнадеживающей политики. Въ этомъ онъ ошибался и этотъ министръ, который былъ чуть ли не въ опалѣ и и безъ всякаго вліянія, защищался, говоря, какъ передавалъ посланникъ Англіи въ своей депешѣ отъ 24 декабря 1780 г.:

„Тотъ кто думаетъ, что никто не вложилъ въ голову Ея Величества мысль о вооружённомъ нейтралитетѣ, ошибается, а тотъ кто думаетъ, что нѣтъ никого, кто бы былъ достаточно могущественъ, чтобы отнять ее у нея, одинаково ошибается“.

Это было дѣломъ для сэра Гарриса, а такъ же и для Потемкина, который привыкъ побѣждать, когда дѣло касалось пустяковъ и не могъ убѣдить себя, что для него было невозможнымъ управлять по его усмотрѣнію иностранной политикой Россіи и что Екатерина могла имѣть на этотъ случай установившіяся идеи. Англійскій посланникъ писалъ въ той же самой депешѣ отъ 24 декабря:

„Князь Потемкинъ сказалъ мнѣ, что онъ удивленъ неправильнымъ упорствомъ, которое онъ встрѣчалъ въ императрицѣ и котораго она никогда не выражала. Онъ приписывалъ частью мысли, которую его враги вкоренили въ умъ императрицѣ, что онъ добивался безграничной власти, глупости фаворита, который только былъспособенъ передавать сплетни и въ особенности ловкой лести Императора, который хотя и не былъ ей враждебенъ, сильно повредилъ ей, увѣряя императрицу, что она самая великая принцесса во всей Европѣ и что она не должна позволять никакому министру или фавориту управлять ея политикой. Онъ добавилъ, что прежде подобная рѣчь не была бы достаточна, чтобы вскружить ей голову, но вотъ уже два года ея умъ такъ странно понизился, ея способности такъ ослабѣли, а ея страсти такъ сильно одержали надъ всѣмъ вверхъ, что подобныя рѣчи дѣйствовали на нее съ гораздо большей силой...

Онъ сказалъ мнѣ: пусть вашъ министръ призадумается надъ характеромъ и поломъ императрицы, пусть онъ разсмотритъ. что льстить слабымъ, изъ которыхъ можно извлечь самыя большія выгоды,—вещь не постыдная; пусть дѣлаетъ онъ въ настоящее время то же, что дѣлалъ Прусскій король, что дѣлалъ Императоръ, пусть обратится къ ея страстямъ, къ ея чувствамъ и тогда она сдѣлается нашей наиболѣе постоянной й дѣятельной союзницей. Ради Бога, не стыдитесь совсѣмъ сами льстить ей: это единственный выходъ, чтобы заручиться ея благосклонностью. Она ждетъ только похвалъ и комплиментовъ. Давайте ей ихъ, а въ обмѣнъ она предоставитъ къ вашимъ услугу всю силу своего государства."

Сэръ Гаррисъ, какъ дѣлали многіе изъ его предшественниковъ, предпочиталъ прибѣгать къ такого рода аргументу, который считался обладающимъ наибольшимъ вѣсомъ при дворѣ, другими словами, что онъ платилъ большою цѣною за настоящія или предполагаемыя услуги всѣмъ тѣмъ большимъ или меньшимъ, которые могли быть полезны. По этому поводу и чтобы оправдать свою собственную щедрость, онъ писалъ 24 декабря 1780 г., шефу своего департаменту лорду Веймутъ:

„Ваша свѣтлость не можетъ представить себѣ той обширности порчи, которая практикуется въ этой странѣ, громадность просьбъ и безстыдную манеру, съ которой ихъ дѣлаютъ. Министры Франціи, Голландіи и даже Пруссіи самые щедрые въ этомъ отношеніи; и первый на моей памяти истратилъ безъ большого успѣха огромныя суммы. Онъ далъ денегъ двумъ роднымъ двоюроднымъбратьямъ графа Панина и вице канцлеру, изъ которыхъ каждый купилъ дома на сумму отъ четырехъ до 5 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Нѣтъ младшаго подчиненаго, который не ждалъ бы получить вознагражденіе и эти вознагражденія пропорціональны важности даннаго момента. Герцогъ Курляндскій тратитъ здѣсь 20,000 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, и можетъ похвастаться, что въ числѣ его пенсіонеровъ состоятъ графъ Панинъ. графъ Чернышевъ, графъ Остерманъ."

Все было безполезно. Екатерина оставалась неприступной, и Потемкинъ усталъ пытаться вовлечь ее на тотъ путь, куда хотѣлъ перетянуть ее англійскій кабинетъ. Ничего не доказало, что онъ также не имѣлъ части огромныхъ суммъ, которыя расточали на перерывъ представители державъ, ищущихъ тѣснаго союза съ Екатериной. Сэръ Гаррисъ писалъ 24 марта 1781 г.:

„Щедрость французскихъ и прусскихъ агентовъ непостижима. Императрица сама подаетъ примѣръ. Она подарила нѣ-

сколько дней тому назадъ князю Потемкину сумму въ сорокъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ, безъ того, чтобы былъ какой либо малѣйшій предлогъ для подобнаго рода щедрости, и этотъ особенный человѣкъ до такой степени избалованъ, что онъ не подумалъ, что за это стоило дать себѣ трудъ сказать спасибо“.

Въ данный моментъ вліяніе Потемкина возросло, какъ никогда, и эта огромная сумма была вѣроятно уплатой за новую услугу, которую онъ только что оказалъ своей властительницѣ.

Екатеринѣ наскучилъ Ланской, а Потемкинъ, котораго она посвятила въ тайну, поспѣшилъ найти ее достойнаго замѣстителя. Гаррисъ писалъ 18 мая:

„Я узналъ, что новый фаворитъ Мордвиновъ, который уже выполняетъ давно всѣ обязанности своего назначенія, получитъ черезъ нѣсколько дней публичное признаніе, а Ланской, который представитель почета, уступитъ ему свое помѣщеніе въ различныхъ дворцахъ“.

И еще 25 мая:

„Старый фаворитъ держится еще за одну ниточку и онъ не будетъ совершенно удаленъ до тѣхъ поръ, пока дворъ не переѣдетъ въ Петергофъ. Пока они остаются въ такомъ положеніи, дворъ представляетъ изъ себя зрѣлище замѣшательства, которое трудно себѣ представить, тѣмъ болѣе, что Ланской велъ себя хорошо, не давая ни малѣйшаго предлога къ немилости. Онъ не ревнивъ, не вѣтренъ, не дерзокъ; онъ жалуется на немилость, которая явно неминуема, въ такихъ патетическихъ выраженіяхъ, что приводитъ въ недоумѣніе свою властительницу и близкихъ, которыя не знаютъ, какъ отдѣлиться отъ него, не будучи осужденными за черствость.

Между тѣмъ его замѣститель усиленно добивается своихъ правъ, и состраданіе скоро уступитъ мѣсто другому чувству. Я слышалъ, какъ говорили, что князь Потемкинъ, власть котораго при подобныхъ приключеніяхъ безгранична, имѣетъ намѣреніе просить сумму въ 700,000 рублей“.

Гаррисъ писалъ еще слѣдующаго 6 іюня:

„Непостоянства этого двора представляютъ неисчерпаемый матеріалъ для моихъ донесеній, но никогда еще дворъ не представлялъ изъ себя такого замѣчательнаго спектакля, какъ въ данный моментъ. Императрица дѣлается день отъ дня болѣе подозрительной и вспыльчивой; упорствуя до странности и упрямо держась за свои собственныя мнѣнія, она или ревнуетъ или недовольна почти всѣми, кто къ ней приближенъ. Она, которая прежде была той госпожей, которой легче всего служить, теперь

сдѣлалась самой своенравной и непріятной; и ея слуги, равно какъ и ея министры, представляютъ изъ себя жертвы такой страшной перемѣны въ ея настроеніи. Она такъ раздражительна и такъ трудно ей угодить, что многіе изъ главныхъ лицъ государства просили или хотятъ просить о своемъ удаленіи. Генералъ Сиверсъ, губернаторъ нѣсколькихъ провинцій, человѣкъ большой вѣрности и заслугъ, получилъ отставку; маршалъ Голицинъ нѣсколько разъ добивался своей и меня увѣряютъ, что И. Бецкій хочетъ поступить такъ-же. Князь Потемкинъ, который болѣе, чѣмъ кто либо чувствуетъ этотъ переворотъ въ характерѣ императрицы, высказалъ ей очень серьезное желаніе сложить съ себя свои обязанности; и только когда получилъ формальный отказъ, онъ отступился отъ своихъ домогательствъ. Тѣмъ не менѣе, я очень далекъ отъ того, чтобы думать, что онъ дѣйствуетъ по доброй совѣсти, и я думаю, что отлично зная, что императрица не можетъ обойтись безъ него, онъ просто хотѣлъ усилить свое вліяніе, которое съ нѣкоторыхъ поръ замѣтно убавилось, но въ случаѣ если бы онъ и проигралъ въ этомъ пунктѣ, онъ выигралъ бы въ другомъ, который не менѣе интересенъ для него: онъ склонилъ императрицу купить для Ланского, который, кажется, вернулся къ милости, землю цѣною въ 500,000 р. Что меня тѣмъ не менѣе заставило бы думать, что Потемкинъ думаетъ покинуть дворъ, это то количество денегъ, которое онъ собираетъ, продавая свое имущество, своихъ лошадей и свои драгоцѣнности. Особа, которая въ настоящее время пользуется наибольшимъ вліяніемъ и возвышеніе которой возбуждаетъ во всѣхъ зависть, это Безбородко—секретарь императрицы.

Потворствуя всѣмъ ея капризамъ, онъ пріобрѣлъ ея уваженіе и довѣріе и онъ ей очень полезенъ своими замѣчательными способностями и удивительной памятью. Онъ исключительно вѣдаетъ внутреннее управленіе государства и онъ также имѣетъ значительную долю въ управленіи иностранными дѣлами“.

Спустя 15 дней, 25 іюля сэръ Гаррисъ писалъ еще слѣдующее:

„Князь Потемкинъ въ одинъ изъ послѣднихъ разговоровъ, которые я имѣлъ съ нимъ, выражался на счетъ императрицы съ большею свободой, чѣмъ онъ дѣлалъ до этого дня. Онъ часто обвинялъ ее въ легкомысліи, въ безпрестанной перемѣнѣ мнѣній и въ томъ, что она не дѣйствуетъ по системѣ: я ужъ столькс разъ давалъ доказательства этому въ моей кор-

респонденціи, что я не нуждался бы въ его подтверждeніи, чтобы быть увѣреннымъ въ этихъ фактахъ. Но теперь онъ не побоялся мнѣ сказать, что съ годами уменьшаются всѣ лучшія качества императрицы, что она сдѣлалась недовѣрчивой, боязливой и узкаго ума; всякій разъ, когда ей представляютъ какой-нибудь планъ, она подозрѣваетъ всегда эгоистическій разсчетъ въ томъ, кто ей его предлагаетъ; или если она вѣрила въ его искренность, она видѣла только гибель предпріятія, а не славу, которая отъ этого должна была получиться; ея честолюбіе исчезало при самой отдаленной возможности подвергнуться риску; и она была толька чувствительна лишь къ минутной лести, потому что она достигала ея дешевой цѣной.

При такихъ обстоятельствахъ совершилось паденіе лица, которому Екатерина болѣе всего была обязана и который болѣе, чѣмъ кто-либо способствовалъ Россіи подняться до той высоты, которую это государство занимало въ Европѣ. Уже съ давнихъ поръ графъ Панинъ не имѣлъ и тѣни того вліянія и довѣрія, которыми онъ пользовался впродолженіи столькихъ лѣтъ. Екатерина никогда не любила его и не одобряла, но находила только, что онъ необходимъ. Но по мѣрѣ того, какъ она перестала смотрѣть на его услуги, какъ на необходимыя, она постепенно отдалялась отъ него и ея немилость, хотя и незамѣтная, росла съ давнихъ лѣтъ. Власть, которую пріобрѣлъ Потемкинъ надъ своей госпожей, нанесла послѣдній ударъ канцлеру, который до тѣхъ поръ еще только поддерживалъ ее благодаря искусству и хитрости. Наконецъ насталъ моментъ, когда его гибель должна была сдѣлаться всѣмъ ясной,

Съ 24 марта этого года, сэръ Гаррисъ писалъ: „Императрица, какъ кажется, совершенно лишила довѣрія графа Панина".

Фактъ былъ очевиденъ и Панинъ счелъ нужнымъ удалиться на нѣкоторое время, чтобы дать пройти грозѣ. Гаррисъ писалъ 4 мая 1781 г.:

„Графъ Панинъ наконецъ рѣшился уѣхать въ деревню. Онъ просилъ и получилъ отпускъ на три мѣсяца, и онъ торопится, сколько есть силы, со своимъ отъѣздомъ". Отсутствіе ничѣмъ не послужило на пользу старому канцлеру. Екатерина считала себя счастливой, что не видитъ больше его огорченнаго лица, которое служило ей нѣмымъ упрекомъ въ ея неблагодарности и она твердо рѣшила не допускать его больше приблизиться къ ея особѣ. Англійскій посланникъ писалъ слѣдующаго 25 іюля:

„Нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы графъ Панинъ взялся бы

когда-либо снова за управленіе дѣлами. Онъ думаетъ вернуть сюда для воспитанія младшихъ князей. Эта идея не нравит императрицѣ, которая сказала съ гнѣвомъ, что она не видит что будетъ дѣлать графъ Панинъ въ этомъ случаѣ; что онъ всегд велъ себя такъ, какъ будто онъ былъ однимъ изъ членовъ семь и какъ будто ея дѣти и ея внуки принадлежали ему столь же, сколько и ей. Но,добавила она, если онъ думаетъ, что он снова утвердится въ обязанностяхъ перваго министра, онъ силь ошибается. Онъ никогда не будетъ при моемъ дворѣ ни кѣм другимъ, какъ только сидѣльникомъ".

Наконецъ сэръ Гаррисъ имѣлъ удовольствіе объяснить въ своей депешѣ отъ 18 сентября, что министръ, на котораго он смотрѣлъ, какъ на главное препятствіе успѣху въ его переговорахъ, былъ удаленъ:

„Прошлый вторникъ, 20 сентября (ст. стиля) вице-канцлеръ получилъ приказъ, подписанный императрицей, объявлявшій о томъ, что ей было угодно, чтобы съ этихъ поръ онъ занялся управленіемъ департамента иностранныхъ дѣлъ; чтобы всѣ акты и рескрипты подписывались бы имъ; чтобы онъ докладывалъ бы ей обо всемъ, что ему будутъ говорить иностранные министры и о ихъ отвѣтахъ, чтобы иностранная корреспонденція адресовалась бы ему и чтобы депеши писались бы имъ однимъ.

Это своеобразное и унизительное отрѣшеніе отъ должности графа Панина было обдумано императрицей недѣлю тому назадъ; но она держитъ свое рѣшеніе въ тайнѣ до его возвращенія, чтобы сдѣлать его для него если возможно еще болѣе непріятнымъ".

Такъ какъ это событіе было совершенно неожиданнымъ, и думали, что графъ Панинъ слишкомъ ловокъ и слишкомъ хорошо освѣдомленъ, чтобы такая унизительная опала могла пасть на него, это произвело огромную сенсацію; и такъ какъ онъ влечетъ съ собой въ немилость множество его сторонниковъ, то замѣтно недовольство, насколько это возможно при такомъ правительствѣ. Онъ очень угнетенъ и кромѣ потери власти и вліянія, онъ сожалѣетъ самымъ сильнымъ образомъ о своей неловкой поѣздкѣ на дачу. Онъ обвиняетъ своихъ родныхъ и друзей, что они плохо освѣдомляли его; онъ ихъ упрекаетъ въ ихъ небрежности и неблагодарности, и кротость его характера въ частной жизни совершенно покинула его. Въ обществѣ, какъ я былъ тому свидѣтелемъ нѣсколько разъ, онъ старается принять безразличный видъ, но это не въ его власти и его опасенія бе-

рутъ верхъ надъ притворствомъ и обманомъ. Если бы что нибудь было способно утвердить меня въ моемъ мнѣніи о его характерѣ, это только его рѣшеніе остаться здѣсь при этихъ событіяхъ, занять свое мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ, единственная должность, остающаяся ему и которая чисто почетная, и подчиниться тому, чтобы быть подъ начальствомъ людей, которыхъ до этого дня онъ считалъ ниже себя.

Вчера у меня былъ разговоръ по этому поводу съ княземъ Потемкинымъ. Онъ дѣлаетъ видъ, что осуждаетъ суровость этой мѣры, хотя признаетъ, что она справедлива. Онъ меня увѣрялъ, будто мои слова императрицѣ въ послѣднемъ мѣсяцѣ мартѣ были первой причиной опалы графа Панина, потому что съ тѣхъ поръ она стала искать и нашла достаточно истинныя улики того, что я ускорилъ. Онъ мнѣ всетаки посовѣтовалъ продолжать жить съ виду въ хорошихъ отношеніяхъ съ графомъ Панинымъ и я навѣрное удержусь отъ всякаго выраженія торжества или оскорбленія его въ опалѣ. Онъ прибавилъ, и эти слова произвели глубокое впечатлѣніе на меня: „вы знаете перемѣнчивость этого двора; онъ можетъ вернуться къ своимъ должностямъ и если вы будете относиться къ нему съ уваженіемъ во время его опалы, ему будетъ стыдно дѣйствовать явно противъ васъ, какъ онъ это дѣлалъ до сихъ поръ“. Я увѣренъ, что онъ не любитъ графа Панина, и что онъ, болѣе чѣмъ кто-либо другой, участвовалъ въ подготовленіи его опалы; но онъ еще менѣе любитъ Безбородко и его партію и съ большею завистію и безпокойствомъ видитъ успѣхъ, который они постепенно получаютъ въ довѣріи императрицы“.

Панинъ былъ пораженъ, узнавъ о своей опалѣ, хотя онъ давно долженъ былъ быть приготовленнымъ къ ней. Однако послѣ первыхъ волненій, онъ немного обнадежился. Джемсъ Гаррисъ писалъ, правда, отъ 21-го сентября:

„Графъ Панинъ немного оправился. Я провелъ вчера вечеръ съ нимъ и я его нашелъ болѣе спокойнымъ, чѣмъ въ послѣдній разъ, какъ я его видѣлъ. Онъ направилъ всю силу своихъ интригъ въ сторону великаго князя и великой княжны, и для этого не щадитъ ничего, чтобы ихъ убѣдить, что поѣхавъ въ Вѣну, они сдѣлаютъ визитъ ихъ самому злѣйшему врагу“.

И дѣйствительно, что всего больше угнетало стараго канцлера, это было совпаденіе, конечно разсчитанное, его отставки, съ близкимъ отъѣздомъ великаго князя, который долженъ былъ покинуть Петербургъ; какъ только великій князь уѣдетъ, Панинъ долженъ будетъ оставить всякую надежду войти

когда нибудь въ прежнюю милость. Ему необходимо было во что бы то ни стало помѣшать великому князю удалиться. Гаррисъ писалъ отъ 28-го сентября:

„Графъ Панинъ своими ловкими выходками почти совсѣмъ помѣшалъ путешествію великаго князя. Онъ такъ подѣйствовалъ на великую княгиню, что она рѣшительно объявила, что ничто не заставитъ ее оставить ея дѣтей.

Въ воскресенье и понедѣльникъ все было въ положеніи неопредѣленности и дворъ представлялъ странный видъ волненія и безпорядка. Я объ этомъ былъ увѣдомленъ во вторникъ и на другой день отправился въ Царское Село, гдѣ я нашелъ князя Потемкина, раздѣляющаго общее волненіе, и какимъ я его еще никогда не видѣлъ, почти въ отчаяніи. Онъ старался скрыть отъ меня свое состояніе, но замѣтивъ, что я былъ точно освѣдомленъ о происходившемъ, онъ откинулъ всякую сдержанность и говорилъ со мной свободно. Я поступилъ такъ же, и такъ какъ лучше его освѣдомленъ во всѣхъ подробностяхъ объ интригахъ графа Панина и средствахъ, употребляемыхъ имъ, то я горячо сталъ говорить о крайней необходимости не позволить ни малѣйшей перемѣны въ путешествіи. Онъ отправился къ императрицѣ и раньше чѣмъ я оставилъ Царское Село, я уже зналъ, что отъѣздъ, отложенный на неопредѣленное время, былъ назначенъ на воскресенье, то есть на послѣзавтра“.

Екатерина, возбужденная Потемкинымъ, была непоколебима и несмотря на ихъ недовольство и отвращеніе, великій князь и великая княгиня должны были удалиться, согласно плану, составленному ранѣе. Англійскій посланникъ писалъ отъ 2-го октября:

„Въ воскресенье вечеромъ въ 5 съ половиною часовъ ихъ императорскія высочества, великій князь и великая княгиня, уѣхали изъ Царскаго Села.

Одно лицо, которому я поручилъ быть свидѣтелемъ отъѣзда изъ Царскаго Села, сказало мнѣ, что невозможно выразить словами волненіе великой княгини. Прощаясь съ дѣтьми она упала въ обморокъ и ее отнесли въ карету раньше, чѣмъ она могла говорить. Она попробовала сказать нѣсколько словъ императрицѣ, но у нея не хватило голоса. Все ея поведеніе и манеры были не таковы, какъ у лица, отправляющагося въ пріятное путешествіе, но ссылаемаго. Садясь въ карету, она спустила шторы и велѣла кучеру гнать какъ можно скорѣе. Графъ Орловъ, князь Потемкинъ и главныя лица двора при-

сутствовали. Графъ Панинъ былъ около великаго князя, когда онъ садился въ карету и сказалъ ему нѣсколько словъ на ухо, на которыя не получилъ отвѣта. Императрица, проводившая великаго князя и великую княгиню до прихожей своихъ покоевъ, была очень растрогана и отправилась сейчасъ же къ своимъ внучатамъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что не только разлука съ дѣтьми была причиной особеннаго волненія ихъ императорскихъ высочествъ. Графъ Панинъ наполнилъ ихъ умъ боязнью, и они уѣзжаютъ въ самомъ сильномъ ужасѣ. Онъ играетъ въ большую игру, такъ какъ можетъ быть увѣренъ, что императрица знаетъ все его поведеніе и зачтетъ ему это. Она выказала ему въ этотъ день самое глубокое презрѣніе и ея манеры бросили большую тѣнь на его обычно спокойное и неподвижное лицо".

Нѣсколько дней спустя французскій министръ де-Веракъ давалъ отчетъ въ своемъ донесеніи отъ 5-го октября о подробностяхъ, сопровождавшихъ отъѣздъ великаго князя и великой княгини, и почти въ такихъ же выраженіяхъ, которыя употреблялъ англійскій посланникъ:

„Это была трогательная сцена, которую вы даже не можете себѣ представить. Слезы текли, раздавались рыданія, ихъ императорскія высочества не могли долго устоять этому трогательному зрѣлищу и отдались свободно волненію, охватившему ихъ. Великая княгиня, замѣтивъ графа Панина среди толпы, несмотря на тѣсноту бросилась къ нему въ объятья. Она упала въ обморокъ и была еще безъ чувствъ, когда ее отнесли въ карету. По дорогѣ изъ Царскаго Села до первой станціи они видѣли все тѣ же выраженія любви. Весь народъ, толпами сбѣгавшійся на ихъ пути, кричалъ и хотѣлъ бросаться подъ колеса ихъ кареты. Никто, конечно, не былъ такъ сильно разстроенъ ихъ отъѣздомъ, какъ графъ Панинъ; онъ опасно заболѣлъ.

Императрица безконечно обижена впечатлѣніемъ, которое произвелъ отъѣздъ великаго князя. Она и не подозрѣвала и не разсчитывала на выраженія такой привязанности, сильной и общей, выказанной народомъ къ ихъ императорскимъ высочествамъ. Чтобы то ни было, не захотѣли включить въ маршрутъ Москву, тѣ же сцены могли бы тамъ возобновиться съ большею еще силою, тамъ ничто-бы не стѣсняло свободу".

Отъѣздъ великаго князя чуть не убилъ стараго канцлера. Джемсъ Гаррисъ писалъ отъ 5-го октября:

„Графъ Панинъ очень опасно боленъ. Императрица нѣсколько разъ посылала узнавать о его болѣзни и она очень

тронута этимъ случаемъ, такъ какъ природная доброта ея характера ее убѣждаетъ, къ ея большому сожалѣнію, что ея строгость, пожалуй, причина болѣзни канцлера".

Путешествіе великаго князя и великой княгини не могло не занимать вниманія кабинетовъ Европы, тамъ думали, и вполнѣ правильно, что оно имѣло глубокія политическія намѣренія. Въ первыя минуты особая тайна его окружала, но менѣе чѣмъ мѣсяцъ спустя Джемсъ Гаррисъ могъ писать въ своемъ донесеніи отъ 1-го ноября:

„Есть всѣ вѣроятія думать, что это путешествіе внушено императоромъ, когда онъ былъ здѣсь въ прошломъ году и тогда еще оно было рѣшено имъ и императрицею; и я склоненъ думать, что у него нѣтъ другой цѣли, какъ крѣпко основать продолжительный союзъ между дворами Вѣны и Петербурга, укрѣпить продолжительность работы, начатой императрицею, ослабить могущественные связи, привязывающія молодой дворъ къ Прусскому королю, побѣдить партійность и предпочтеніе, которое великій князь и великая княгиня имѣютъ къ этому монарху, и внушить на мѣсто этого совсѣмъ другія чувства. Этотъ проэктъ сохранялся въ глубокой тайнѣ и онъ обнаружился только въ началѣ лѣта этого года. Ея императорское величество, знающая прекрасно характеръ своего наслѣдника и враждебныя чувства лицъ, его окружающихъ, знала хорошо, что если предложеніе пойдетъ отъ нея или отъ какого нибудь изъ лицъ, имѣющихъ ея довѣріе, сомнѣнія и подозрѣнія явятся у массы сами собою и будутъ увеличены и возбуждены тѣми, которые имѣютъ вліяніе на поведеніе и мнѣнія великаго князя. Поэтому по мнѣнію и посредничеству князя Потемкина, она открылась князю Рѣпнину, племяннику графа Панина, который пользовался уваженіемъ великаго князя, и скрывая дѣйствительныя причины и свои намѣренія, сказала, что ей бы очень хотѣлось, чтобы ея сынъ попутешествовалъ, чтобы онъ могъ пріобрѣсти познанія и опытъ и отдѣлаться отъ многихъ предразсудковъ, которые онъ усвоилъ, но что не смѣя ему предложить сама ничто, чтобы не было истолковано въ смыслѣ желанія удалить его отъ себя, она очень желаетъ, чтобы этотъ проэктъ былъ бы предложенъ имъ отъ себя; и она просила князя Рѣпнина, ловкость и заслуги котораго она знала по опыту и въ вѣрности котораго она не сомнѣвалась, привести къ этому результату, увѣря великаго князя и великую княгиню не только въ приличіи, но и въ необходимости для нихъ, лицъ такого высокаго рожденія, видѣть новыя страны и другія формы правленія. Она кончила, обѣщая князю

Рѣпнину, если преуспѣетъ, дать ему какую-нибудь очень высокую степень ея милости.

Князь Рѣпнинъ исполнилъ ея приказанія съ большою ловкостью. Говоря постоянно о чужихъ странахъ и пользѣ, которую получаютъ, посѣщая ихъ, онъ заставилъ появиться въ великомъ князѣ страстное желаніе путешествовать и еще болѣе сильное въ великой княгинѣ. Эта мысль была верхомъ ихъ желаній и они часто жаловались на невозможность ея выполненія. Пока они были въ такомъ состояніи, они получили письма отъ императора, который ихъ усиленно приглашалъ пріѣхать въ Вѣну, говоря, что онъ пригласитъ мать великой княгини и другихъ ея родственниковъ, чтобы тамъ съ нею встрѣтиться и онъ былъ увѣренъ, что императрица, если они захотятъ ее попросить, на это согласится.

У графа Панина спросили совѣта и такъ какъ князь Рѣпнинъ вѣрно держалъ слово, данное императрицѣ, они не нашли у него возраженій, которыхъ ожидали. Въ самомъ дѣлѣ, его уму сейчасъ же представилось, что путешествіе можетъ быть выгодно Прусскому королю и что Берлинъ, а не Вѣна могъ быть его главною цѣлью. Ихъ императорскія высочества отправились около 15-го іюня къ императрицѣ, съ большимъ волненіемъ, такъ они боялись отказа; они представили свою просьбу. Императрица показалась удивленной и обезпокоенной, сказала имъ, что она очень затруднена ихъ просьбой, которая ее ставила въ такое положеніе, что если она согласится на ихъ желаніе, она должна на долго лишиться ихъ общества, а если она воспротивится, то сдѣлаетъ имъ препятствіе ихъ естественному желанію образоваться и увеличить свои познанія. Послѣ долгаго разговора, во время котораго ихъ высочества возобновили свои просьбы съ большею силой, она постепенно уступала. Было рѣшено, что они поѣдутъ путешествовать, но съ условіемъ, что императрица сама назначитъ маршрутъ и выберетъ лицъ для ихъ свиты.

Императрица, которая была уже подготовлена, назвала за нѣсколько дней лицъ свиты, назначила время ихъ отъѣзда, продолжительность путешествія и страны, которыя они проѣдутъ. Ихъ императорскія высочества согласились на все, прося только, чтобы князь Куракинъ ихъ сопровождалъ, и что бы Версаль былъ въ числѣ дворовъ, которые они посѣтятъ. Первая просьба была сейчасъ удовлетворена, и послѣдняя не была сначала отвергнута, но она была дарована только послѣ особенной настойчивости и даже не безъ отвращенія. Великая княгиня сдѣлала упоминаніе о Берлинѣ, но получила рѣши-

тельный отказъ и выраженный гнѣвно со стороны императрицы; и всѣ настоянія, сдѣланныя по этому поводу въ нѣсколько пріемовъ и каждый разъ въ новой формѣ Прусскимъ королемъ, также черезъ посредника ихъ высочествъ, также черезъ ея министровъ и черезъ другихъ агентовъ, не имѣли никакого успѣха.

На столько долго, на сколько графъ Панинъ оставался здѣсь, настроеніе и расположеніе ихъ императорскихъ высочествъ было въ состояніи нерѣшительности. Всякій разъ какъ курьеръ изъ Вѣны приносилъ имъ письма отъ Императора, они были, одинъ и другой, Пруссаками и очарованными въ высшей степени ихъ путешествіемъ. Какъ только графъ Панинъ съ ними говорилъ, ихъ чувства мѣнялись; они еле говорили съ графомъ Кобензель и казались разсерженными, что должны оставить Петербургъ.

Когда графъ Панинъ уѣхалъ на дачу, комедія перемѣнилась: они сдѣлались совершенно пруссаками, не говорили ни съ кѣмъ, кромѣ графа Кобензеля и его жены, были полны Императоромъ и Вѣной и они никогда не были въ такихъ дружескихъ отношеніяхъ съ императрицей, какъ въ это время: они были даже вѣжливы съ Потемкинымъ, и я тоже имѣлъ значительную часть ихъ милости. Это поведеніе, которое ихъ сдѣлало дѣйствительно дорогими императрицѣ, и которое было причиною, что они провели съ нею два мѣсяца въ совершенно новыхъ, дружескихъ и пріятныхъ отношеніяхъ, окончилось вмѣстѣ съ пріѣздомъ графа Панина. Цѣлая буря была задумана во дворцѣ, которая произвела минутное броженіе въ немъ, и которое я думаю можетъ сравниться только съ настоящею революціею. Онъ его велъ со всей ловкостью, которую можно было ожидать отъ стараго человѣка, прослывшаго за художника придворныхъ интригъ, и не позволялъ ему затихнуть до момента, назначеннаго для отъѣзда.

Чтобы освѣтить то, что я написалъ, будетъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о поведеніи этого министра съ начала года. Замѣчая, что его вліяніе уменьшается день ото дня и что средства, которыя онъ часто съ большимъ успѣхомъ примѣнялъ къ дѣлу, чтобы вернуть его, были недѣйствительны, онъ началъ жаловаться на здоровье и мало по малу онъ дѣлался все болѣе и болѣе боленъ, до тѣхъ поръ, какъ у него явился предлогъ не выходить болѣе изъ дому, не лишая себя изъ-за этого общества своихъ друзей и знакомыхъ. Черезъ ихъ посредство, онъ давалъ знать императрицѣ и обществу преувеличенную картину своего состоянія; онъ себя выставлялъ, какъ стараго и вѣрнаго слугу,

который заблуждался отъ избытка старанія и преданность котораго ея величеству была такова, что онъ болѣлъ отъ тяжести ея неудовольствія; неспособный его переносить, онъ рѣшилъ уѣхать на нѣкоторое время въ деревню, какъ для поправленія здоровья, такъ и для того, чтобы удалиться отъ дѣлъ, къ которымъ его больше не допускали и не интересовались даже его мнѣніемъ по ихъ поводу.

Въ то же время, подъ плащемъ огорченія и отреченія отъ участія въ дѣлахъ, онъ интриговалъ и старался создать рычагъ, при помощи котораго можно было бы вернуть довѣріе Государыни, не подчиняясь ея намѣреніямъ, а приведя ее коварными происками къ согласію съ его мнѣніями.

Къ несчастію для него ничего изъ того, что онъ могъ бы сказать или сдѣлать, не было способно вернуть довѣріе къ нему императрицы, подозрѣнія которой были на сторожѣ, и ни одна изъ его хитростей не могла выдержать искуса, которому она ихъ подвергала.

Если бы онъ зналъ намѣренія императрицы, вѣроятно, онъ бы не вернулся, чтобы не подвергать себя неминуемой немилости, и онъ даже никогда бы не рискнулъ отдаться съ веселымъ сердцемъ испытанію, черезъ которое онъ только что прошелъ; слушая единогласные совѣты своихъ друзей, онъ раздѣлилъ бы конецъ своей жизни между пребываніемъ въ Москвѣ и своими имѣніями; и въ самомъ дѣлѣ, я думаю онъ никогда не вышелъ бы изъ своего уединенія, если бы онъ не былъ оттуда вытолкнутъ Прусскимъ королемъ. Этотъ монархъ пріобрѣлъ такое большое вліяніе на него силою привычки, что онъ не могъ устоять противъ его воли и она была еще болѣе непреодолима въ этомъ случаѣ потому, что его величество почти что умолялъ вернуться, говоря, что онъ единственный въ свѣтѣ человѣкъ способный поднять его интересы, и онъ такъ хорошо смѣшалъ ловкость и лесть въ своемъ прошеніи, что и болѣе сильный человѣкъ и болѣе тщеславный, чѣмъ графъ Панинъ, былъ бы поколебленъ. Эти настоянія были ему переданы на дачѣ курьерами прусскаго короля, переодѣтыми торгашами и путешественниками и въ письмѣ навѣрное содержался и планъ дѣйствій, которому онъ долженъ былъ слѣдовать. Графъ Панинъ не имѣлъ однако большихъ надеждъ на успѣхъ. Нѣсколько дней спустя послѣ своего возвращенія, онъ сказалъ графу Гертцу:

„Вашъ государь хочетъ, чтобы я принесъ себя въ жертву; хорошо! я это сдѣлаю"; и событія доказали, что его предсказаніе было близко къ тому, чтобы буквально исполниться.

Вскорѣ послѣ своего возвращенія графъ Панинъ началъ

сѣять безпокойство въ умѣ великой княгини о дурныхъ послѣдствіяхъ, которыя могло имѣть оспоприививаніе для ея дѣтей; и такъ какъ она ихъ нѣжно любитъ, мысль объ опасности для нихъ подняла въ ея сердцѣ тяжелую борьбу, которая наполнила горечью мысль о путешествіи, и боязнь, чтобы эта операція не сдѣлала ихъ больными, заставила ее желать отложить ихъ отъѣздъ. Ихъ докторъ, докторъ Креуссъ, преданный графу Панину, увеличилъ ея опасенія неопредѣленностью своихъ рѣчей. Великій князь всецѣло раздѣлялъ ея безпокойство, но графъ Панинъ постарался повліять на него еще въ болѣе сильной степени.

Онъ съумѣлъ проникнуть въ секретъ князя Рѣпнина и онъ открылъ великому князю, что то, что тотъ считалъ его добровольнымъ дѣйствіемъ, было результатомъ глубокихъ разсчетовъ, серьезно обдуманныхъ другимъ; онъ далъ понять великому князю, что вѣроятно это путешествіе скрывало самыя мрачныя намѣренія, что можетъ быть было рѣшено, чтобъ онъ не вернулся въ Россію и чтобъ его дѣти были отняты отъ него; и хотя онъ опредѣленно и не подтверждалъ ни одно изъ этихъ предположеній, но старался придать имъ вѣсъ своими разсужденіями и самыми коварными намеками. Онъ распространялся о тщеславномъ характерѣ князя Потемкина, объ отсутствіи у него принциповъ; онъ въ тѣхъ же краскахъ нарисовалъ всѣхъ окружающихъ императрицу, и она сама не избѣгла его оцѣнивающихъ ее размышленій, полныхъ лукавства. Онъ распространился потомъ о вѣрныхъ свѣдѣніяхъ объ Императорѣ, имѣющихся у него, и относительно этого онъ наговорилъ столько вещей и такого притомъ характера, что я не рискую написать ихъ вамъ даже шифромъ и отправить при посредствѣ кабинетскаго курьера.

Такой разговоръ скромнаго человѣка, каковъ великій князь, съ лицомъ, которое онъ привыкъ всегда уважать и которому всегда вѣрилъ, не могъ не произвести на него сильнаго впечатлѣнія. Онъ былъ пораженъ, и его огорченіе было такъ сильно, что на другой день утромъ, въ воскресенье 13-го сентября (стараго стиля) великій князь и великая княгиня—такъ какъ его Высочество имѣлъ слабость сообщить своей супругѣ все, что ему говорилъ графъ Панинъ,—объявили, что они не уѣдутъ до тѣхъ поръ, пока ихъ дѣти не поправятся и что ничто не поколеблетъ ихъ рѣшенія. Не могли даже ихъ заставить назначить день для ихъ отъѣзда и императрицѣ не удалось добиться отъ нихъ никакого объясненія. Весь этотъ день и послѣдующіе понедѣльникъ и вторникъ все оставалось въ неопре-

дѣленномъ положенiи; почтовыя лошади были отмѣнены; лица, которыя должны были ѣхать впередъ, чтобы приготовлять гостинницы и т. д., были остановлены; великій князь и великая княгиня были такъ тверды, что императрица не знала, что предпринять. Все, что она имъ говорила, не производило никакого впечатлѣнiя; всѣ ея просьбы и даже строгiя рѣчи были напрасны. Въ такомъ положенiи нашелъ я дворъ въ среду утромъ.

Князь Потемкинъ былъ нерѣшителенъ, смущенъ и даже въ отчаянiи. Когда я заговорилъ въ первый разъ о предметѣ его безпокойства, онъ, казалось, не хотѣлъ начинать разговоръ, но, замѣтивъ, что я хорошо освѣдомленъ обо всемъ, что происходитъ, онъ сдѣлался менѣе сдержаннымъ, и узнавъ отъ меня то, что я зналъ до возвращенiя графа Панина въ Петербургъ и о его намѣренiяхъ и о средствахъ, употребленныхъ прусскимъ королемъ, чтобы заставить его дѣйствовать, онъ открылся мнѣ съ большимъ довѣрiемъ; заставивъ меня дать слово о строжайшей тайнѣ, онъ мнѣ передалъ подробности разговора графа Панина съ великимъ княземъ, онъ не скрылъ отъ меня то затрудненiе, очень непрiятное, въ которомъ находится императрица. Онъ далъ понять, что ее могутъ заставить помириться, и она не только отложитъ путешествiе великихъ князей на мѣсяцъ, но даже позволитъ ихъ высочествамъ проѣхать на возвратномъ пути черезъ Берлинъ, на чемъ настаиваетъ, какъ кажется, великая княжня, желающая повидаться съ родными, находящимися при Берлинскомъ дворѣ. Я ни одной минуты не задумался осудить этотъ любезный со стороны императрицы поступокъ, показывающій слабость, которая могла быть опасной. Я сказалъ князю Потемкину, что лучше совершенно отказаться отъ путешествiя ихъ высочествъ, чѣмъ позволить предпринять его при такихъ условiяхъ; это было бы совершеннымъ согласiемъ со взглядами графа Панина и предоставленiемъ ему самой большой побѣды, какую онъ когда либо имѣлъ; это значило бы убѣдить великаго князя, что хитрыя выдумки этого министра справедливы; это увеличило бы, а не уменьшило его подозрѣнiя и дало бы ея императорскому величеству репутацiю нерѣшительной и не имѣющей силы, что было бы оскорбительно для ея славы; а между тѣмъ обстоятельства кажутся мнѣ настолько критическими, что малѣйшая нерѣшительность, слабость или уклоненiе отъ первоначального плана, будетъ сопровождаться дурными послѣдствiями; что это была рѣшительная борьба, изъ которой будетъ видно, кто будетъ впредь господиномъ и что его, Потемкина, собственное самолюбiе не можетъ получить болѣе сильнаго удара, чѣмъ этотъ, если онъ позволитъ императрицѣ поступить такъ.

Князь Потемкинъ былъ видимо тронутъ тѣмъ, что я ему сказалъ, и послѣ того, пройдя нѣсколько разъ въ волненіи по комнатѣ, какъ онъ имѣетъ привычку дѣлать, когда раздумываетъ, не говоря мнѣ ни слова, отправился къ императрицѣ и часъ спустя объявилъ мнѣ, что все устроено. Отъѣздъ ихъ императорскихъ высочествъ былъ назначенъ на слѣдущее воскресенье, а лица, находившіяся въ Царскомъ Селѣ, должны сейчасъ же проститься съ ними. Онъ мнѣ сказалъ, что, хотя императрица и настаивала на этомъ, она въ то же время говорила съ великимъ княземъ и великою княгинею съ такою ласкою и дружбою, что сильно успокоила ихъ опасенія. Они мнѣ показались очень разстроенными, когда я явился вечеромъ прощаться; оба были очень взволнованы; ихъ глаза были красны и полны слезъ и по пріему, сдѣланному мнѣ, я ясно увидѣлъ, что они повѣрили тому, то имъ говорилъ графъ Панинъ.

Послѣ этой церемоніи я вернулся къ своему другу и ему живо доказалъ всю необходимость поставить этого министра въ невозможностъ возобновить подобныя сцены. Все происшедшее давало мнѣ такія хорошія данныя, что мнѣ было очень легко это исполнить. Князь Потемкинъ вскорѣ сообщилъ мнѣ, что ея императорское величество рѣшила удалить графа Панина изъ совѣта и хотя она еще не обдумала, какъ именно она это сдѣлаетъ, но это непремѣнно произойдетъ, и лишь изъ уваженія къ великому князю она не хочетъ ничего предпринять до отъѣзда его высочества. Несмотря на это, въ понедѣльникъ утромъ 20 сентября (стараго стиля) графъ Панинъ получилъ приказаніе отослать своего секретаря и вернуть свои бумаги; за нимъ было оставлено его мѣсто въ совѣтѣ, но онъ долженъ на него смотрѣть, какъ на только почетное.

Этотъ ударъ, котораго онъ долженъ былъ ожидать, такъ поразилъ графа Панина, что, придя къ себѣ послѣ прощанія съ великимъ княземъ, онъ къ вечеру былъ схваченъ ужаснымъ приступомъ лихорадки и бреда; онъ не узнавалъ лицъ, съ которыми говорилъ, не понималъ того, что онъ говорилъ. Онъ пробылъ въ этомъ состояніи цѣлую ночь, и тогда только ему сдѣлалось лучше, когда медики употребили всѣ средства. Онъ впалъ тогда въ летаргію и навѣрное бы онъ умеръ отъ апоплексіи, если бъ на ногѣ не высыпала рожа. Онъ теперь внѣ близкой опасности, но его умъ еще не оправился и пройдетъ много недѣль, пока онъ встанетъ съ постели. Хотя императрица и была очень огорчена этой внезапной болѣзнью, но она не отмѣнила своего рѣшенія и ничто теперь не можетъ отдать

графу Панину власти, развѣ общая перемѣна системы и преобразованіе министерства.“

Принимая такое большое участіе въ паденіи канцлера и увѣренный, какъ онъ думалъ, въ дружбѣ и довѣріи всесильнаго фаворита, Джемсъ Гаррисъ не сомнѣвался, что насталъ для него часъ пріобрѣсти непреодолимое вліяніе на политику Петербургскаго кабинета и привести къ хорошему концу дѣла, производившіяся въ послѣднее время. Онъ былъ увѣренъ, что вліяніе графа Панина было единственной преградой защитительнаго и наступательнаго союза Россіи съ Великобританіей, и ему казалось, что князь Потемкинъ этого союза желалъ такъ же живо, какъ и онъ самъ. Англійскій посланникъ не замедлилъ замѣтить, что онъ страшно ошибся, разсчитывая на помощь князя Потемкина послѣ освобожденія его отъ соперничества канцлера и что англійскій союзъ не будетъ болѣе для него средствомъ спора. Джемсъ Гаррисъ призналъ самъ свое заблужденіе въ донесеніи лорду Веймуту отъ 1-го декабря 1781 года:

„Я обязанъ сообщить Вашей свѣтлости, что я не имѣю никакой поддержки со стороны князя Потемкина. Онъ не повторяетъ ничего изъ моихъ словъ императрицѣ, онъ не дѣлится со мной своими мыслями, не сообщаетъ мнѣ больше ничего, я даже не могу добиться отъ него, чтобы онъ помѣшалъ ничтожнымъ сплетнямъ, и самыя смѣшныя слухи доходятъ до слуха ея величества и находятъ вѣру у нея. Когда я ему говорю о дѣлахъ, онъ принимаетъ разсѣянный и нетерпѣливый видъ; и несмотря на то, что прежде онъ входилъ съ живостью и интересомъ во все, мною сказанное про наши дѣла, теперь онъ кажется совершенно безразличнымъ и равнодушнымъ къ нимъ.“

Проникнуть въ мотивы перемѣны поведенія Потемкина было не трудно, и сэръ Джемсъ прибавлялъ въ томъ же донесеніи:

„Ваша милость слишкомъ привыкла къ рѣзкимъ перемѣнамъ этого двора, чтобы удивиься чему-нибудь. Тѣмъ не менѣе я увѣренъ, что вы съ такимъ же удивленіемъ, какъ и съ неудовольствіемъ узнаете, что князь Потемкинъ одинъ удержалъ императрицу отъ того, чтобы совершенно уволить со службы графа Панина и приказать ему удалиться изъ Петербурга. Это тѣмъ болѣе необычайно, что именно онъ, насколько мнѣ извѣстно, желалъ больше всего на свѣтѣ избавиться отъ этого министра.

Князь Потемкинъ не только помѣшалъ полной его опалѣ, но находится въ этотъ моментъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ нимъ.

Талызинъ, ставленникъ графа Панина, и фонъ Визинъ, секретарь департамента иностранныхъ дѣлъ, служатъ ихъ посредниками. Все, что происходитъ между ними, покрыто непроницаемой тайной“.

Потемкинъ считалъ графа Панина противовѣсомъ безпрерывно возрастающему вліянію Безбородко. Помирившись со старымъ канцлеромъ, онъ надѣялся получить расположеніе великаго князя, привязанность котораго къ своему прежнему гувернеру была неизмѣнна.

Императрица, напротивъ, была неумолима въ своей злобѣ на прежняго министра и желала устроить противъ графа Панина тѣсный союзъ Орлова съ Потемкинымъ. Сэръ Джемсъ Гаррисъ, несмотря на свою проницательность, заблудился въ этомъ лабиринтѣ интригъ и продолжалъ обманываться самымъ необыкновеннымъ образомъ относительно дружественнаго расположенія всемогущаго фаворита, хотя не могъ удержаться раскрыть корыстные замыслы его поведенія.

Онъ прибавлялъ въ томъ же самомъ донесеніи отъ 1 декабря:

„Изъ этой перемѣны Потемкина не слѣдуетъ дѣлать вывода, что онъ измѣнилъ своимъ политическимъ принципамъ, и я убѣжденъ, что онъ не былъ подкупленъ ни французской, ни прусской партіями. Эта перемѣна должна быть приписана только его положенію, которое заставляетъ его принести въ жертву все иностранное уваженіе тому, что касается его личнаго вліянія. Уже нѣсколько мѣсяцевъ его кредитъ уменьшался и, приписывая ослабленіе своего вліянія участію, которое принялъ въ дѣлахъ внѣшней политики, по моему совершенно напрасно, онъ рѣшился болѣе не вмѣшиваться ни во что, имѣющее къ этому отношеніе.

Я имѣю даже нѣкоторое основаніе думать, что между имъ и императрицей произошло по этому поводу объясненіе, и что онъ обѣщалъ больше не входить въ обсужденіе этихъ вопросовъ. Если бы это былъ человѣкъ другого характера, если бы его честолюбіе было направлено къ предметамъ дѣйствительно высокимъ и похвальнымъ и если бы онъ не былъ такъ нерадивъ къ своей репутаціи,—оставалась бы нѣкоторая надежда снова его возстановить, показавъ ему непостоянство и даже трусливость его поведенія, но по отношенію къ нему всякая попытка этого рода была бы напрасна. Онъ не имѣлъ никакой другой цѣли, какъ управленіе дворомъ, распредѣленіе всѣхъ мѣстъ и всѣхъ фаворовъ, а все остальное онъ приносилъ этому въ жертву“.

Потемкинъ публично помирился съ графомъ Панинымъ; ихъ отношенія со дня на день становились все болѣе тѣсными; но онъ нисколько ни заботился смѣнить своего соперника, ослабить котораго ему стоило такого труда. Онъ удовольствовался тѣмъ, что держалъ этотъ мечъ, висящимъ надъ головой Безбородко, который одинъ съ этихъ поръ былъ способенъ его затмить и который, не имѣя титула канцлера, въ дѣйствительности исполнялъ его обязанности. Что касается до этого послѣдняго, то довѣріе, которымъ онъ пользовался у императрицы, было неизмѣнно, такъ какъ онъ служилъ высшимъ посредникомъ въ удовольствіяхъ и мѣняющихся вкусахъ его повелительницы.

Ланской все время былъ главнымъ фаворитомъ, но онъ пользовался только преимуществомъ, котораго всѣ другіе послѣдовательно вынуждены были лишиться. Сохранитъ ли онъ завидное положеніе?

Вотъ величайшій вопросъ, который безпрестанно занималъ петербургскій дворъ и былъ важенъ совершенно съ другой стороны, чѣмъ паденіе канцлера или внѣшняя политика Россіи. Сэръ Джемсъ Гаррисъ писалъ 19 марта 1782 г.:

„Я съ увѣренностью могу сказать, что въ недалекомъ будущемъ будетъ новый фаворитъ. Это ставленникъ князя Потемкина, который его и выбралъ. Единственнымъ затрудненіемъ остается теперь, — это благопристойно избавиться отъ теперешняго, исправляющаго эту должность, который всегда ведетъ себя съ такою совершенною угодливостью и съ такою осмотрительностью, что невозможно сдѣлать ему ни малѣйшаго упрека. Онъ ни ревнивъ, ни измѣнчивъ, ни заносчивъ; даже въ то время, когда онъ не могъ не знать о приближающейся опалѣ, онъ сохранилъ то же спокойное и безупречное расположеніе духа. Это поведеніе замедлитъ, но не помѣшаетъ открытому введенію въ должность его преемника. Рѣшеніе принято безповоротно, и князь Потемкинъ слишкомъ заинтересованъ въ этой перемѣнѣ, чтобы она не произошла, такъ какъ благодаря ей онъ ожидаетъ возврата всего своего прежняго вліянія и въ теченіе первыхъ шести недѣль онъ будетъ всемогущъ“.

Еще 5 апрѣля слѣдующее:

„Прежній фаворитъ еще не получилъ своей формальной отставки; его крайняя угодливость сильно поддерживаетъ его фаворъ. Онъ не даетъ ни малѣйшаго благовиднаго предлога для своего удаленія. Тѣмъ не менѣе я полагаю, что его участь рѣшена. Ему купили домъ и приготовляли великолѣпные подарки, которые обыкновенно даются разжалованнымъ фаворитамъ. Они

получаютъ значительныя суммы, а такъ какъ такіе случаи представляются довольно часто, то эти расходы необходимо должны вредить казнѣ Имперіи.

Со времени моего пріѣзда на этотъ предметъ тратилось не менѣе милліона рублей въ годъ, не считая безмѣрныхъ содержаній Орлова и Потемкина".

По этому поводу и такъ какъ, можетъ быть, не хватило бы терпѣнія перечислить всѣ случаи расточительности Екатерины по отношенію къ своимъ возлюбленнымъ, перечисленнымъ выше, мы считаемъ своимъ долгомъ воспроизвести записку, написанную по французски, которая была найдена въ бумагахъ сэра Д. Гарриса; вотъ ея буквальное содержаніе:

„Семья Орлова получила съ 1762 г. до сегодняшняго числа 1783 г. 45.000 крестьянъ и 17 милліоновъ драгоцѣнностями, утварью, дворцами и деньгами.

Васильчиковъ, простой лейтенантъ гвардіи, получилъ за 22 мѣсяца, въ теченіе которыхъ находился въ фаворѣ, 100.000 руб. деньгами, 50.000 драгоцѣнностями, меблированный дворецъ въ 100.000 рублей, на 50.000 утвари, 7.000 крестьянъ въ Россіи, содержаніе въ 20.000 рублей, ленту св. Александра Невскаго и камергерскій ключъ. Потемкинъ въ два года своего фавора получилъ 37.000 крестьянъ въ Россіи; въ драгоцѣнностяхъ, дворцахъ, содержаніи, утвари около 9 милліоновъ; всѣ возможныя существующія ленты и былъ сдѣланъ до третьяго поколѣнія княземъ священной Римской Имперіи.

Украинецъ Завадовскій получилъ за 18 мѣсяцевъ фавора 6.000 крестьянъ въ Украйнѣ, 2.000 въ Польшѣ и 1.800 въ Россіи, 80.000 рублей драгоцѣнностями, 15.000 деньгами, на 30.000 утвари и секретное содержаніе изъ кабинета въ 10.000 рублей, голубую ленту Польши *) и камергера Россіи.

Зоричъ, сербъ, въ одинъ годъ своего фавора получилъ землю въ Польшѣ въ 500,000 рублей, въ Ливоніи 50 чекковъ земли, цѣною въ 100,000, наличными деньгами 500,000 рублей, драгоцѣнностями 200,000, командованіе въ Польшѣ съ окладомъ въ 12,000 и изъ простого гусарскаго майора былъ сдѣланъ генераломъ—майоромъ. Отъ короля шведскаго онъ получилъ ленту великаго ордена Меча, а отъ польскаго—ленту Бѣлаго Орла.

Корсаковъ, русскій низшій офицеръ, за 16 мѣсяцевъ фавора получилъ въ видѣ подарковъ 150,000 рублей, а при своей отставкѣ 4,000 крестьянъ въ Польшѣ, 100,000 рублей на уплату домовъ, 100,000 на экипировку, 2,000 въ мѣсяцъ на путешествіе,

*) Бѣлаго Орла.

домъ Васильчикова, ленту Бѣлаго Орла, чинъ генералъ-майора, камергера, адъютанта и т. п.

Ланской, русскій кавалегардъ,—брильянтовыя пуговицы цѣною въ 80,000 рублей, 30,000 на уплату домовъ, его родная и двоюродная сестры сдѣланы фрейлинами. Онъ еще въ фаворѣ.

Было ли трудно Екатеринѣ выбирать среди различныхъ претендентовъ на ея расположеніе, или ея влеченіе къ Ланскому было болѣе постоянно, чѣмъ это казалось,—этотъ фаворитъ не былъ отставленъ. Нѣсколько мѣсяцевъ прошло такимъ образомъ безъ какого-либо значительнаго происшествія во внутренней жизни двора. Наконецъ 15 Ноября 1782 г. сэръ Джемсъ Гаррисъ писалъ:

„Двѣ вещи совершенно различнаго рода очень сильно волнуютъ въ данный моментъ императрицу: во первыхъ отказъ голландскихъ банкировъ дать ей въ займы 6 милліоновъ, отказъ, мотивированный унизительными и обидными сображеніями, а во вторыхъ печальный случай, происшедшей съ графомъ Орловымъ, который вернулся послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отсутствія въ состояніи полнаго умопомѣшательства. Поступокъ амстердамскихъ банкировъ возбуждаетъ негодованіе императрицы, оскорбляетъ ея гордость и вызываетъ справедливое безпокойство, ибо она боится, какъ бы не пострадалъ кредитъ ея Имперіи вслѣдствіе того грубаго образа дѣйствій, съ которымъ они объявили, что ея богатства и средства мнимы и ненадежны. Сумасшествіе графа Орлова причиняетъ ей самое глубокое горе, и говорятъ, что ни въ какое другое время ея жизни чувства ея не были такъ сильно и ужасно разстроены, какъ этимъ печальнымъ происшествіемъ, поразившимъ ея самаго стараго фаворита, человѣка, который все время занималъ первое мѣсто въ ея привязанности, если не въ любви. Ея поведеніе въ данномъ случаѣ обнаружило безграничную привязанность, доходящую до слабости. Она рѣшительно запрещаетъ употреблять для его излѣченія сильныя средства; не хочетъ допустить даже мысли о заключеніе его въ сумасшедшій домъ или о надлежащемъ режимѣ и надѣется, что до сихъ поръ не видано, вылѣчить его кротостью. Она не только позволяетъ ему дѣлать визиты, но принимаетъ его во всякое время, одна ли она или въ обществѣ или занимается самыми важными дѣлами. Умственное состояніе, безсмысленныя и безсвязныя рѣчи графа Орлова трогаютъ до слезъ и до того разстраиваютъ, что весь остатокъ дня она уже не можетъ чѣмъ нибудь заниматься, будь то удовольствія или дѣла. Нѣсколько разъ ей пришлось выслушать самыя непріятныя разговоры, а нѣсколько дней назадъ онъ вдругъ написалъ, что угрызеніе совѣсти лишили его

разсудка и что то участіе, которое онъ принималъ въ одномъ, уже давно прошедшемъ событіи, призвало на его голову возмездіе неба. Ваша милость можетъ легко догадаться, какія тяжелыя воспоминанія вызвали его слова.“

Нѣсколько дней спустя 19 Ноября, сэръ Джемсъ Гаррисъ писалъ еще:

„Возвращеніе и состояніе графа Орлова, кажется, подняло цѣлую бурю въ жизни дворца. Князь Потемкинъ, обѣщавшій придти ко мнѣ вчера, извинился подъ предлогомъ нездоровья, Ланской боленъ и лежитъ въ постели. Таково въ Россіи правило, что куртизаны дѣлаются больными, когда они въ немилости; то же дѣлаютъ и фавориты, когда они не довольны. Несомнѣнно, что нездоровье этихъ двухъ лицъ имѣетъ именно эту причину. У меня достаточныя основанія предполагать, что они хотѣли убѣдить императрицу не видаться съ Орловымъ, удалить его, отправивъ его въ Москву или въ одинъ изъ его деревенскихъ домовъ. Они завидуютъ съ высшей степени тому расположенію, которое оказываетъ ему императрица, и боятся, что въ лоѣтлые промежутки онъ можетъ высказать нѣкоторыя справедливыя замѣчанія, которыя могутъ произвести впечатлѣніе не въ ихъ пользу.

Повидимому Потемкинъ уже 6 мѣсяцевъ, какъ перемѣнился въ характерѣ и поведеніи. Онъ встаетъ рано утромъ, занимается дѣлами. Онъ сталъ особенно привѣтливъ и легко доступенъ всѣмъ и, что еще болѣе необычайно, онъ ищетъ примиренія со своими наиболѣе непримиримыми врагами, Безбородко съ Воронцовымъ, которыхъ онъ напрасно старался въ теченіе трехъ лѣтъ свергнуть и подвергнуть опалѣ. Его кратковременное сношеніе съ графомъ Панинымъ продолжалось не долго, такъ какъ онъ скоро замѣтилъ, что не могъ разсчитывать на искреннее примиреніе съ этимъ министромъ, котораго онъ такъ тяжело оскорбилъ и который тотчасъ, какъ только бы снова поднялся, направилъ бы немедленно свое вліяніе въ сторону, прямо противоположную его цѣлямъ. Князь Потемкинъ представилъ графа Панина собственной участи, и этотъ послѣдній, ободренный близкимъ возвращеніемъ великаго князя и присланнымъ императрицей орденомъ Св. Владиміра, котораго ему нужно было еще долго ждать, готовится, несмотря на свои недуги, одиночество и жестокій урокъ, уже полученный имъ, занять свое прежнее положеніе. Для того, чтобы достичь этого онъ несомнѣнно, пуститъ въ ходъ всѣ средства, которые онъ можетъ найти въ интригахъ и партіяхъ.“

Тѣмъ временемъ великій князь и великая княгиня вернулись въ Петербургъ. Екатерина не была довольна ихъ поведеніемъ во время путешествія. Особенно въ Вѣнѣ они были холодны къ Императору, который обнаружилъ тайные замыслы Екатерины и, очевидно, ихъ нельзя было отвлечь отъ короля Пруссіи. Графъ Панинъ не переставалъ руководить великимъ княземъ и что особенно странно, переписка между ними проходила черезъ руки графа Гольца, министра Пруссіи въ Петербургѣ. Это обстоятельство, которое не было тайной для Екатерины, не могло расположить ее къ графу Панину, котораго она считала отвѣтственнымъ за анти-австрійскія чувства великаго князя и великой княгини; оно не могло также способствовать тому, чтобы она чувствовала особую нѣжность къ сыну и невѣсткѣ, въ которыхъ находила такое враждебное отношеніе къ своимъ политическимъ взглядамъ. Непомѣрные долги, которые они сдѣлали за время своего долгаго пребыванія внѣ Россіи, увеличивали ея дурное настроеніе, а такъ какъ, несмотря на всю высоту своего ума, она не была лишена мелочности, присущей ея полу, она нашла особенное средство показать невѣсткѣ свое неудовольствіе. Сэръ Джемсъ Гаррисъ писалъ 12 ноября 1782 г.:

„Дамскій туалетъ подвергается строгой реформѣ. Вышивки, оборки, блонды и т. п. запрещены. Вышина прически не должна превосходить двухъ съ половиной футовъ и т. д. Безмѣрное увеличеніе ввоза предметовъ моды изъ Франціи было первой причиной этой реформы въ области женскаго костюма, но она, вѣроятно, направлена противъ великой княгини, которая вернулась изъ Франціи страстно влюбленной въ ея моды и ея манеры и которая, не довольствуясь правильной перепиской съ Бертенъ и другими французскими торговыми домами, велѣла привезти 200 ящиковъ газа, мелкихъ вещей и другихъ принадлежностей туалета изъ Парижа; она привезла съ собой новыхъ камердинеровъ и предполагала произвести переворотъ въ области прически. Императрица не могла болѣе чувствительно уязвить ея императорское высочество. Я увѣренъ, что когда та получитъ извѣстіе объ этомъ въ Ригѣ, то разсердится на это сильнѣе, чѣмъ на какое нибудь происшествіе, которое могло бы повліять на славу или благосостояніе Имперіи".

Екатерина въ своемъ неудовольствіи должна была рѣшиться принять это жалкое средство.

Великій князь и великая княгиня были слишкомъ умны, чтобы подать поводъ къ болѣе строгому ихъ наказанію. Сэръ Джемсъ Гаррисъ писалъ 17 декабря:

„Поведеніе великаго князя и великой княгини послѣ ихъ возвращенія болѣе благоразумно, чѣмъ это можно было ожидать. Они живутъ почти совершенно одни, они исключили изъ своего общества прежнихъ своихъ фаворитовъ, и говорятъ, что они желаютъ отнынѣ руководиться только желаніями императрицы. Трудно сказать, чему нужно приписать такую перемѣну ихъ поведенія. Можетъ быть это происходитъ отчасти вслѣдствіе ослабленія умственныхъ способностей графа Панина, который уже не можетъ больше поддерживать ихъ своими совѣтами *).

Можно также приписать это открытію, которое они сдѣлали благодаря всѣмъ почти лицамъ ихъ свиты и распространившимся толкамъ, что императрица имѣла намѣреніе лишить великаго князя права на престолонаслѣдіе и оставить послѣ смерти корону своему внуку. Какъ бы то ни было, ихъ поведеніе въ высшей степени благоразумно и разсудительно, но къ несчастью предубѣжденіе императрицы противъ нихъ такъ сильно, что она не принимаетъ этого въ разсчетъ. Она называетъ ихъ теперь скрытыми, сердитыми и замкнутыми. Она упрекаетъ ихъ въ томъ, что они испортились благодаря своимъ путешествіямъ и что они не могутъ прійтись по нраву этой странѣ. Однимъ словомъ, такъ какъ императрица заранѣе рѣшила сердиться на нихъ, то не въ ихъ силахъ понравиться ей“.

Здѣсь заканчиваются наши выдержки изъ донесеній сэра Джемса Гарриса. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, особенно послѣ того, какъ измѣнился характеръ его отношеній къ Потемкину, переписка его стала лишенной всякаго интереса, а его положеніе при петербургскомъ дворѣ сдѣлалось невыносимымъ. Сентъ-Джемскій кабинетъ понялъ, что настало время отозвать его, и сэръ Д. Гаррисъ покинулъ Россію въ первыхъ мѣсяцахъ 1783 г. На этомъ оканчивается также вся наша работа, такъ какъ переписка его преемника не была намъ сообщена. Съ 1783 года, ознаменованнаго Версальскимъ трактатомъ, въ дѣйствительности начинается новая эпоха общеевропейской политики, и время еще не наступило, чтобы предать гласности тайны, которыя скрываетъ англійскій Государственный Архивъ.

---

*) Сэръ Джемсъ Гаррисъ писалъ 12 апрѣля 1783 г: „Графъ Панинъ сегодня въ 3 часа утра былъ пораженъ страшнымъ ударомъ апоплексіи и, хотя ему немедленно была оказана вся возможная помощь, скончался между 10 и 11 часами. Онъ умеръ въ сильной скорби за семью, къ которой всегда питалъ величайшую нѣжность; его многочисленные друзья долго будутъ вспоминать съ сожалѣніемъ его гостепріимство и его добродѣтели“.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

I. Выдержки изъ дневника Вилляра.

Въ послѣдніе годы своей жизни маршалъ Вилларъ велъ изо дня въ день точную запись всѣхъ событій, которыя его поражали. Этотъ дневникъ мало извѣстенъ, несмотря на то, что онъ былъ три раза напечатанъ и въ послѣдній разъ въ „Собраніи Замѣтокъ, относящихся къ исторіи Франціи“ Петито, а также у Мишо и Пужула. Въ нихъ можно найти драгоцѣнныя указанія, которыя напрасно стали бы искать въ другихъ мѣстахъ, и онъ заслуживаетъ довѣрія, такъ какъ, какъ говоритъ самъ маршалъ, было „его привычкой записывать все то, что заслуживаетъ больше всего вниманія“.

Вотъ мѣста изъ этого журнала относящіяся къ исторіи Россіи въ 1727 г.—1730 г.: это въ нѣкоторомъ родѣ анализъ телеграммъ французскихъ агентовъ.

„Іюнь 1727 г.—Стало извѣстно изъ писемъ изъ Петербурга, что царица (Екатерина) близка къ кончинѣ, и что знать двора сдѣлала и подписала актъ о признаніи царевича царемъ, а въ случаѣ его смерти младшей изъ принцессъ, въ ущербъ старшей, невѣстѣ принца Голштинскаго.

Я думаю, что долженъ сказать здѣсь то, что узналъ въ совѣтѣ изъ писемъ посланниковъ, и самымъ достовѣрнымъ образомъ, о жизни и судьбѣ царицы. Она называлась Матуриной*) была дочерью начальника училища въ Ливоніи и вышла замужъ въ пятнадцать лѣтъ за шведскаго капрала, который былъ вмѣстѣ со своей женой захваченъ русскими. Одинъ изъ генераловъ царя нашелъ ее достаточно красивой и взялъ къ себѣ. Князь Меньшиковъ, увидя ее въ экипажѣ этого генерала, попросилъ его уступить ее. Она показалась ему достаточно мила, чтобъ

---

*) Имя второй жены Петра I до ея брака съ нимъ.

Ред.

захотѣть ее оставить, и онъ приставилъ ее къ княгинѣ Меньшиковой, своей женѣ, у которой царь часто ужиналъ. Царь, пораженный ея красотой, страшно въ нее влюбился; она ему понравилась до такой степени, что онъ заставилъ ее сопровождать его во всѣхъ войнахъ и въ несчастной Прутской компаніи. гдѣ онъ оказался осажденнымъ со своими войсками и разбитымъ оттоманской арміей, она принимала участіе во всѣхъ уловкахъ, которыя были пущены въ ходъ, чтобы подкупить сераскира. Она собрала всѣ свои драгоцѣнные камни, все золото, которое могло находиться въ арміи, и сераскиръ, измѣнивъ султану, выпустилъ царя.

Царь наградилъ свою любовницу по заслугамъ за свое освобожденіе: онъ бросилъ свою жену, приказалъ заточить ее въ монастырь, и женился на Матуринѣ; и власть, которую она имѣла надъ нимъ, увеличивалась съ каждымъ днемъ до такой степени, что въ торжественномъ собраніи онъ объявилъ ее властительницей государства послѣ него и торжественно короновалъ ее. Сердца царя не хватило на его желанія: онъ за три мѣсяца до смерти заподозрилъ интенданта своей жены въ слишкомъ большой близкости съ ней и велѣлъ отрубить ему голову; но его слабость къ ней не уменьшилась и умирая, онъ оставилъ ей такую полную свободу, что не думая о царевичѣ, своемъ внукѣ, онъ далъ ей въ своемъ завѣщаніи полную власть и право распоряжаться государствомъ, которымъ она и управляла съ большою твердостью и умѣньемъ, не забывая и удовольствій.

Она имѣла нѣскольких любовниковъ; и въ то время, какъ она посвящала первые часы дня заботамъ управленія, остальная часть дня проводила за столомъ и то съ однимъ любовникомъ то съ другимъ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ на нее большого вліянія. Такая жизнь разрушаетъ ея здоровье. Говорили, что она больна, вслѣдствіе любовныхъ излишествъ. Она погибла въ три года, не отказывая себѣ въ удовольствіяхъ; и она умерла 17 мая (н. ст.) отъ изнурительной лихорадки, къ которой присоединилось воспаленіе легкихъ.

Царица сдѣлала очень умное завѣщаніе, копію котораго князь Куракинъ принесъ мнѣ 13 іюня. Она въ немъ приказываетъ, чтобъ царевичъ былъ признанъ царемъ, чтобъ принцесса Голштинская имѣла первое мѣсто въ свѣтѣ, затѣмъ княжна Елизавета, ея сестра, князь Голштинскій третье мѣсто, князь Меньшиковъ, графъ Головинъ, адмиралъ Апраксинъ, князь Голицынъ и баронъ Остерманъ.

Немедленно послѣ похоронъ царицы Меньшиковъ отпраздновалъ обрученіе молодого царя со старшей изъ своихъ дочерей.

Принцъ Голштинскій, епископъ Любека, который доженъ былъ жениться на второй дочери царицы, умеръ отъ вѣтренной оспы и князь Меньшиковъ увезъ молодого государя въ свой домъ, въ деревню, подъ предлогомъ избѣжать заразы вѣтренной оспы, которая была въ Петербургѣ, но, повидимому, чтобы быть больше хозяиномъ двора.

Въ государственномъ совѣтѣ 6 августа узнали, что князь Меньшиковъ, который всецѣло управлялъ Москвой, былъ очень опасно боленъ кровохарканьемъ; говорили, что положеніе его пошатнулось, такъ какъ княжна Наталія, сестра царя, которую онъ предназначилъ своему сыну, отвергла эту связь съ высокомѣріемъ, достойнымъ ея происхожденія. Считали, что князья Голицыны, изъ которыхъ одинъ командовалъ войсками при князѣ Меньшиковѣ, а другой управлялъ финансами, пріобрѣтутъ наибольшую власть. Князь Голштинскій долженъ былъ выбыть изъ Москвы; продолжали добиваться посредствомъ пытокъ возможныхъ свѣдѣній о заговорѣ, который былъ открытъ за нѣсколько дней до смерти царицы.

Августъ.— Стало извѣстно, что новый царь выказывалъ мало склонности къ дочери князя Меньшикова, здоровье котораго ослабѣвало, и что князь Голштинскій уѣзжалъ изъ Москвы въ Гамбургъ.

Сентябрь.—Узналъ изъ Петербурга, что здоровье князя Меньшикова улучшилось; что онъ рѣшилъ не думать больше о свадьбѣ своего сына съ сестрой царя; и что онъ предназначилъ его дочери князя Голицына, въ чемъ выказывалось благоразуміе его поведенія, такъ какъ онъ оставилъ связь, которую сестра царя отвергла, и дѣлалъ такую, которая связывала его съ самыми сильными людьми Москвы. Нѣсколько дней спустя эта свадьба совершилась.

Въ государственномъ совѣтѣ 16 октября, стало извѣстно о немилости къ князю Меньшикову, который былъ начальникомъ Москвы. Этому предшествовала смерть графа Рабутина, посланника императора у царя, пользовавшагося большимъ вліяніемъ при этомъ дворѣ. Передавали изъ Петербурга, что когда нѣкоторые города послали согласно обычаю хлѣбъ, начиненный золотыми червонцами, царь отдалъ ихъ сейчасъ же своей сестрѣ; но что князь Меньшиковъ не одобрилъ это и приказалъ ихъ взять обратно. Черезъ нѣсколько дней другой городъ послалъ такимъ же образомъ царю золотыя вещи, онъ хотѣлъ также отдать ихъ своей сестрѣ. Княгиня Форбана, родственница князя Меньшикова, ихъ взяла у княжны по его приказанію. Замѣтили, что царь вышелъ, сжимая кулаки и скрежеща зубами, что два дня

спустя онъ былъ въ домѣ въ деревнѣ у канцлера и выказалъ ему свое неудовольствіе противъ Меньшикова. Канцлеръ, говорятъ, подтвердилъ его неудовольствіе и сказалъ ему: „Если, слѣдуя завѣщанію царицы, ваше несовершеннолѣтіе продолжится еще четыре года, князь Меньшиковъ будетъ имѣть время и средства сдѣлаться хозяиномъ всего“.

Два дня спустя князь желалъ устроить въ одномъ изъ своихъ деревенскихъ домовъ праздникъ царю, но онъ отказался пріѣхать на него. Въ концѣ концовъ, прошло шесть дней между первымъ гнѣвомъ царя и тѣмъ, что произошло потомъ, когда было заявлено, что онъ хочетъ быть самъ хозяиномъ и давать приказанія; и немного часовъ спустя, два капитана сняли караулъ, который былъ у князя, и арестовали его.

19 октября въ государственномъ совѣтѣ узнали, что князь Меньшиковъ уѣхалъ изъ Петербурга, что капитанъ со ста двадцатью человѣками его везъ въ одинъ замокъ за сто верстъ отъ Москвы; что около ста подводъ были арестованы при выѣздѣ изъ Петербурга, что позволяетъ думать, что для него произойдутъ еще другія непріятности. Остерманъ, одинъ изъ главныхъ министровъ, приставленный тогда къ царю въ качествѣ гувернера самимъ княземъ Меньшиковымъ, послалъ за секретаремъ графа Рубетика, посланника императора, чтобъ поручить ему увѣрить своего господина, что событія происшедшія при дворѣ, не произведутъ никакихъ перемѣнъ въ заключенномъ договорѣ. Письма ничего но говорятъ больше о министрѣ царя; но можно предвидѣть, что если онъ не сдѣлаетъ выбора министра сильнаго и знающаго, то деспотичная власть, которую создалъ его дѣдъ, не продержится долго.

25-го изъ писемъ изъ Петербурга видно, что дурное обхожденіе съ княземъ Меньшиковымъ увеличивалось съ каждымъ днемъ, и онъ былъ лишенъ всѣхъ своихъ чиновъ. Было много признаковъ, что начнется его процессъ. Забрали всѣ его бумаги, и взяли все, что онъ имѣлъ изъ драгоцѣнныхъ камней и самыхъ цѣнныхъ вещей.

Донесенія изъ Петербурга, читанныя 12 ноября, указывали на три партіи которыя оспаривали довѣріе молодого царя: первая, во главѣ которой былъ Остерманъ, вторая, князья Голицины и третья—князь Долгорукій, который хотѣлъ присоединиться къ первой, чтобъ разрушить вторую.

19 ноября—стало извѣстно по депешамъ изъ Петербурга, что совѣтъ царя не перемѣнился, что не призывали сосланыхъ и что графъ Остерманъ имѣетъ главное вліяніе.

1729 г.—Письма изъ Москвы, прочитанныя 1 мая, говорятъ о поѣздкѣ царя на нѣсколько недѣль въ имѣніе князей Долгорукихъ, его любимцевъ, и о ссылкѣ въ Сибирь подъ стражей князя Валкина, родственника царя.

Іюнь.—Маньянъ присылаетъ изъ Москвы очень интересное описаніе того, что произошло за послѣдніе дни жизни покойнаго царя (Петра I) и за короткое время царствованія царицы; ея распутства съ Мору, которому царь приказалъ отрубить голову, хорошо описаны. Въ немъ видны интриги молодого графа Сапѣги, графа Трансое, чтобъ объявить одну изъ княженъ императрицей и погубить молодого царя, нынѣ царствующаго; немилость къ Трансое и его сыну, затѣмъ къ Меньшикову, который погубилъ Трансое и котораго сослали въ Сибирь съ его сыномъ. Все это хорошо описано посланникомъ Даніи при дворѣ царя и этотъ посланникъ самъ принималъ большое участіе въ этихъ интригахъ.

1730.—4 января.—Узналъ изъ Москвы, что царь объявилъ о своемъ бракѣ съ княжной Долгорукой, сестрой его любимца, которая на четыре года старше его.

Узналъ въ совѣтѣ 22-го, черезъ курьера, отправленнаго изъ Берлина, о смерти царя отъ вѣтренной оспы. Онъ долженъ былъ жениться 22-го. Въ дорогѣ, съ охоты при чрезвычайномъ холодѣ, отъ котораго онъ получилъ сильный насморкъ, вѣтренная оспа, которая за нимъ послѣдовала, унесла его въ могилу въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Онъ былъ замѣчательно красивъ и хорошо сложенъ, высокаго роста. Въ четырнадцать лѣтъ и четыре мѣсяца онъ былъ больше, чѣмъ другіе люди въ восемнадцать, и многое обѣщалъ, судя по его уму и чувствамъ. Совѣтъ рѣшилъ въ настоящее время дать мѣсто принцессѣ Курляндской, дочери царя Ивана, старшаго брата царя Петра, дѣда покойнаго, дочери котораго казалось должны были наслѣдовать. Старшая имѣетъ сына отъ графа Голштинскаго и младшая дочь графини Голштинской жива.

Повидимому совѣтъ боялся несовершеннолѣтія или родства послѣдней царицы. Князь Долгорукій поѣхалъ немедленно за принцессой Курляндской въ Митаву и думаютъ, что эта семья, очень сильная, постарается выдать замужъ принцессу за князя Долгорукова, любимца послѣдняго царя. Царь за четыре дня до смерти долженъ былъ жениться на сестрѣ Долгорукаго: какова судьба этой княжны, которая должна была выйти замужъ за императора, болѣе красиваго, чѣмъ сама любовь, и котораго она безумно любила.

5-го марта.—Письма изъ Москвы намъ показываютъ, что происходило въ послѣдніе дни жизни царя. Долгорукіе хотѣли заставить княжну, свою сестру невѣсту царя, спать съ нимъ, чтобъ была отпразднована, хотя бы съ виду свадьба, и они бы могли объявить ее царицей; но это не было возможно изъ за свойства болѣзни. Семь министровъ собрались. Остерманъ сказалъ: „какъ иностранецъ я не долженъ присутствовать на совѣщаніи, которое состоится по поводу преемника, но я буду держаться общаго мнѣнія."

Шесть министровъ остались и согласились на принцессѣ Курляндской. Остерманъ вошелъ послѣ принятія рѣшенія, и всѣ семь его одобрили.

Узнали, черезъ курьера графа Лирія, изъ Москвы, что 8 мая новая императрица, собравъ сенатъ, побужденная, говорятъ, однимъ лейтенантомъ —полковникомъ своей гвардіи, разорвала записку, которую подписала, содержащую статьи, которыя предлагали ей измѣнить форму правленія; и объявила, что она сохраняетъ деспотизмъ весь цѣликомъ. Видно, что все это было ведено Остерманомъ, который оказался больнымъ со смерти царя, чтобы не принимать никакого участія въ совѣтахъ, которые происходили. Она освободила Ягужинскаго, который былъ арестованъ тѣми, кто хотѣли измѣнить образъ правленія.

Письма изъ Москвы приносятъ извѣстіе, что новая императрица изгоняетъ всю семью Долгорукихъ, любимцевъ послѣдняго царя, и княжну, ихъ сестру, которая была его невѣстой и что она готовится вернуться въ Петербургъ."

II. Выдержки изъ мемуаровъ Дюкло.

Страницы, которыя Дюкло посвятилъ дѣламъ Россіи въ послѣдней части своихъ мемуаровъ, такъ же, какъ записки изъ журнала Виллара, заимствованы изъ депешъ французскихъ посланниковъ. Въ этомъ смыслѣ они заслуживаютъ быть принятыми во вниманіе, и несмотря на то, что мемуары Дюкло конечно не рѣдкая или не доступная книга, вѣроятно, не будутъ въ обидѣ, если найдутъ здѣсь страницы, относящіяся къ Россіи, которая дополняютъ свѣдѣнія, уже заимствованныя нами изъ французскихъ и англійскйхъ депешъ.

„Въ послѣднія минуты жизни царя (Петра I.) сенаторы собрались, чтобъ совѣщаться насчетъ его преемника. Меньшиковъ окружилъ дворецъ войсками, надъ которыми онъ командовалъ въ качествѣ фельдмаршала, и какъ только царь скончался,

вошелъ въ собраніе и предложилъ передать корону царицѣ. Партія, противная Меньшикову, предвидя вліяніе, которое онъ будетъ имѣть при этой императрицѣ, возразила въ пользу сына царевича Алексѣя и предложила по крайней мѣрѣ спросить народъ, собранный на площади и уже начали открывать окна для этого, когда Меньшиковъ, который зналъ цѣну минутѣ, сказалъ, что слишкомъ холодно, чтобъ открывать окно и закрылъ его.

Въ это время офицеры во главѣ войскъ вошли въ залъ и подтвердили мнѣніе фельдмаршала. Архіепископъ Новгородскій былъ подкупленъ, и епископъ Псковскій утверждалъ, что наканунѣ коронаціи царицы царь объявилъ, что эта церемонія была только для того, чтобъ она царствовала послѣ него. Уваженіе къ архіерею и особенно видъ войскъ помѣшали въ этомъ усомниться. Всѣ поддержали мнѣніе Меньшикова и не смѣли его оспаривать, и Екатерина была объявлена императрицей въ тотъ же день когда умеръ царь, 25-го января 1725 г. (н ст.)

Екатерина въ продолженіи пятнадцати — шестнадцати мѣсяцевъ царствованія доказала, что она достойна наслѣдовать своему мужу. Она продолжала планы управленія и основанія, которые онъ началъ, что ей не мѣшало отдыхать отъ дѣлъ въ удовольствіяхъ. Она взяла сначала въ любовники графа Левенвольда и затѣмъ Сапѣгу, за котораго выдала свою племянницу. Меньшиковъ имѣлъ въ царствованіе Екатерины наибольшее вліяніе. Она была ему обязана, но благодарность мало свойственна царямъ, и онъ это замѣтилъ со стороны царицы, которая вопервыхъ могла умереть, и отдать наслѣдіе въ пользу кого нибудь, кто ничѣмъ не обязанъ министру и могъ предпочесть другого.

Екатерина имѣла на это право въ силу постановленія Петра I, отъ 16-го февраля 1722 г., значеніе котораго было подтвержденно всѣми подданными Россіи и по которому было постановлено, что государи Россіи могли себѣ выбирать преемниковъ, которыхъ они найдутъ подходящими. Меньшиковъ же рѣшилъ, во всякомъ случаѣ предоставить себѣ опору, принимая болѣе дѣятельныя мѣры, чѣмъ тѣ, которыя употребилъ для Екатерины. Онъ затѣялъ секретные переговоры съ вѣнскимъ дворомъ, чтобъ обезпечить корону сыну царевича Алексѣя и племяннику по матери императрицы Нѣмецкой, жены Карла VI. Онъ позаботился выговорить, что будущій царь сдѣлается его зятемъ, женившись на его дочери. Этотъ договоръ не былъ заключенъ и подписанъ раньше, чѣмъ Екатерина умерла, и въ этотъ же моментъ царевичъ былъ провозглашенъ и признанъ царемъ подъ именемъ Петра II. 17 мая 1727 г. (н ст.).

Меньшиковъ не забылъ выслать, удалить или запугать

напередъ всѣхъ тѣхъ, кто могъ дѣйствовать въ пользу князя и княгини Голштинскихъ, старшей дочери Петра I. И тотъ и другая удалились въ свои владѣнія въ Германіи, гдѣ княгиня умерла на слѣдующій годъ.

Смерть Екатерины была такъ кстати въ тотъ моментъ для проэктовъ Меньшикова, что заставила его очень заподозрить, что онъ ее отравилъ, и подозрѣнія были такъ велики, что они все усиливались въ послѣдствіи; но теперь никто, кто бы то онъ ни былъ, не смѣлъ его въ этомъ обвинить, такъ его сила была опасна. Его первой заботой было выпуститъ изъ тюрьмы Евдокію, бабку новаго царя, онъ послалъ ей одежды и свиту, достойную для ея положенія и спросилъ ея согласія на свадьбу ея внука съ княжной Меньшиковой, старшей дочерью этого министра. Онъ сдѣлалъ себя генералъ-намѣстникомъ государства. Его дочь была невѣстой молодого царя, ожидая положеннаго возраста, чтобъ совершить свадьбу. Меньшиковъ, боясь безпокойнаго характера Евдокіи, ея любви къ интригамъ и вліянія, которое она могла имѣть на умъ своего внука, имѣлъ достаточно ловкости и силы, чтобъ заставить ее остаться монахиней и удовлетвориться тѣмъ, чтобы быть игуменьей монастыря благородныхъ дѣвушекъ, съ пенсіей въ шестьдесятъ тысячъ рублей. Онъ царствовалъ одинаково надъ Россіей и надъ своимъ государемъ, съ которымъ обращался даже высокомѣрно, распредѣляя его занятія и его свободное время, не позволяя малѣйшаго уклоненія отъ того, что онъ ему предписывалъ. Что было самымъ опаснымъ и по какому поводу онъ боялся своего господина, это то, что онъ былъ ненавистенъ при дворѣ и его громадныя богатства возбуждали алчность всѣхъ тѣхъ, кто, свергнувъ его, надѣялся тогда раздѣлить его наслѣдство. Во время двухъ послѣднихъ царствованій сумасшедшее тщеславіе его получило удовлетвореніе.

Чтобы заставить позабыть свое низкое происхожденіе, онъ прибѣгъ къ средствамъ, которыя по своему бьющему контрасту напомнили о немъ больше всего. Онъ украсилъ себя кавалерскими орденами всѣхъ князей, которые нуждались въ немъ. Онъ домогался ордена Saint-Esprit; и изъ осторожности, вмѣсто того, чтобъ ему указать на его происхожденіе, отказъ мотивировали различіемъ религіи. Немилость, которую онъ видѣлъ такъ близко въ царствованіе Петра I, его не сдѣлала умнѣе; лишь только онъ увидѣлъ себя внѣ опасности, дикая гордость послѣдовала за тщеславіемъ. Обращаясь съ презрѣніемъ и жестокостью съ боярами и министрами, онъ пригрозилъ казнью Остерману, который смѣлъ въ совѣтѣ быть другого съ нимъ мнѣнія.

Княжна Елизавета, которая впослѣдствіи царствовала, и молодой князь Долгоруковъ, котораго я зналъ въ моей молодости, были единственными, которымъ Меньшиковъ позволилъ раздѣлить свободное время съ царемъ, такъ какъ по своимъ лѣтамъ они могли быть менѣе всего подозрѣваемы въ интригахъ; но они служили орудіемъ партіи, которая ими управляла. Долгорукій спалъ обыкновенно въ комнатѣ царя и возбуждалъ нелюбовь молодого монарха къ его министру. Этотъ послѣдній перевелъ дворъ въ Петергофъ, на дачу не далеко отъ Петербурга. Въ одну ночь царь, уговоренный Долгорукимъ, вырвался съ нимъ черезъ окно, и проходя по саду, незамѣченными стражей, они нашли свиту, приготовленную ихъ принять, съ которой царь и прибылъ въ Петербургъ. Тамъ онъ былъ принятъ радостными криками недовольныхъ, т. е. всѣхъ своихъ подданныхъ. Стража сейчасъ же была перемѣнена и присоединилась къ обывателямъ; и когда Меньшиковъ, увѣдомленный о бѣгствѣ князя, преслѣдуя его, вошелъ въ городъ, то увидѣлъ, что ему не было больше надеждъ. Онъ былъ сейчасъ же арестованъ, съ приказаніемъ удалиться въ Ренненбургъ, одну изъ своихъ земель. „Я дѣлаю большія преступленія, сказалъ онъ, увидя себя арестованнымъ, но развѣ царь долженъ меня наказывать?“. Эти слова подтвердили подозрѣнія, которыя имѣли относительно отравленія Екатерины.

Меньшиковъ выѣхалъ съ семьей изъ Петербурга въ самомъ блестящемъ изъ своихъ экипажей, въ сопровожденіи всѣхъ домашнихъ и увозя самое цѣнное изъ своего имущества; но эта пышность шокировала его враговъ; и не проѣхалъ онъ двухъ верстъ, какъ его нагналъ офицеръ во главѣ отряда, приказалъ ему выйти изъ кареты и сѣсть ему, женѣ и дѣтямъ въ отдѣльныя повозки; а его экипажи были возвращены въ Петербургъ. По мѣрѣ того, какъ Меньшиковъ ѣхалъ дальше, прибавилось новое оскорбленіе къ его опалѣ. Съ нихъ сняли одежды, которыя они носили, и замѣнили ихъ платьемъ изъ грубой шерстяной матеріи. Въ такомъ видѣ онъ, его сынъ и двѣ дочери, изъ которыхъ старшая была обручена съ царемъ, прибыли въ Якутскъ, окраину Сибири. Его жена, которая при его возвышеніи выказала столько же скромности и доброты, сколько въ ея мужѣ было гордости и жестокости, изнемогшая отъ усталости и горя, причиняемаго ей заботами о положеніи дѣтей, умерла въ дорогѣ.

Что касается самого Меньшикова, то онъ сталъ великимъ или казался таковымъ, только въ несчастіи. Онъ выказывалъ самое твердое мужество, на которое бываетъ похоже отчаяніе

сильныхъ натуръ. Отъ него не было слышно ни малѣйшаго ропота. Онъ позналъ, по его мнѣнію, справедливость неба; онъ былъ мягокъ только съ дѣтьми и старался внушить имъ чувства, соотвѣтствующія ихъ настоящему положенію. Въ хижинѣ которую они выстроили въ пустыни, каждый раздѣлялъ трудъ на общую пользу. Отецъ перенесъ новое испытаніе, видя, какъ умерла на его рукахъ одна изъ дочерей та, которая была выбрана быть императрицей. Наконецъ, онъ изнемогъ подъ тяжестью своего несчастія и подъ усиліями, которыя онъ дѣлалъ, чтобы вынести его и которыя истощили его душевныя силы.

Долгорукихъ, которые свергли и замѣстили Меньшикова, постигла та же участь. Сестра молодого фаворита царя была обручена съ монархомъ, но бракъ не состоялся. Петръ II умеръ отъ оспы 30 января 1730 г. (н. с.) на третьемъ году своего царствованія и на пятнадцатомъ жизни. Ему наслѣдовала Анна Ивановна, дочь царя Ивана VI, старшаго брата Петра I, вдова герцога Курляндскаго и двоюродная тетка Петра II. Долгорукіе, отецъ, мать и дѣти, были сосланы въ Сибирь съ такою же строгостью, какъ и Меньшиковъ. Они были огорчены, видя возвращеніе дочери и сына послѣдняго, которые оставались тамъ. Эти послѣдніе, помирившись благодаря несчастію съ Долгорукими, нѣкогда ихъ врагами и виновниками ихъ паденія, предоставили имъ свое жилище въ лучшемъ состояніи, чѣмъ оно было сначала, жалѣли ихъ и обѣщали хлопотать о нихъ, насколько только возможно при дворѣ дѣлать это для несчастныхъ.

Милость, дарованная Меньшикову и его сестрѣ, не была со стороны правительства совершенно безкорыстна. Это было сдѣлано для того, чтобы воспользоваться несмѣтными суммами, которыя Меньшиковъ, ихъ отецъ, помѣстилъ въ венеціанскій и амстердамскій банки, и которыя директора отказались выдать кому-нибудь другому, кромѣ Меньшикова или его свободныхъ дѣтей. Царица оставила этимъ послѣднимъ пятую часть всего.

Царица продолжала оказывать Евдокіи почести, подобающія вдовѣ и бабушкѣ царя, и платила содержаніе въ 60.000 рублей. Но послѣдняя не пережила своихъ внуковъ: изнурительная болѣзнь окончила ея дни 8 сентября 1731 г.

Анна царствовала болѣе 10 лѣтъ и умерла 17 октября 1740 г., оставивъ корону своему двоюродному внуку Ивану, сыну Антона Ульриха, герцога Брауншвейгъ-Бевернскаго и Елизаветы Мекленбургской, которая была дочерью Екатерины Ивановны, старшей сестры царицы Анны. Этотъ ребенокъ,

столь извѣстный подъ именемъ маленькаго князя Ивана и конецъ котораго былъ такъ трагиченъ, родился 22 августа и имѣлъ только 2 мѣсяца отъ роду, когда былъ коронованъ подъ именемъ Ивана VI. За нѣсколько дней передъ этимъ царица, его двоюродная бабка, провозгласила его своимъ преемникомъ въ силу закона Петра I отъ 5 февраля 1722 г., по которому русскіе монархи имѣютъ право по своему произволу назначать себѣ преемниковъ. Вслѣдствіе этого Иванъ былъ провозглашенъ великимъ княземъ Московскимъ, и министры. генералы и высшіе офицеры присягнули ему. Графъ Биронъ, герцогъ Курляндскій, былъ назначенъ регентомъ, но черезъ три недѣли послѣ смерти царицы Анны герцогъ и герцогиня Брауншвейгскіе, отецъ и мать новаго царя, заключили въ тюрьму Бирона и представили именемъ царя управленіе Имперіей великому канцлеру, графу Остерману.

Эта форма правленія продолжалась только 14 мѣсяцевъ. Въ ночь съ 24 на 25 ноября 1741 г. Елизавета, руководимая совѣтами своего врача француза Лестока, явилась во главѣ 8 гренадеровъ въ казармы гвардейцевъ, пригласила ихъ слѣдовать за собой, отправилась во дворецъ и приказала арестовать герцога и герцогиню Брауншвейгскихъ, графовъ Остермана и Миниха. Затѣмъ она вышла въ комнату молодого царя, взяла его на руки, поцѣловала и, передавая его надежнымъ людямъ, просила заботиться о немъ и сказала, что онъ не долженъ подвергаться никакому другому несчастію, кромѣ потери короны; въ 6 часовъ утра переворотъ былъ законченъ и, не проливъ ни капли крови, Елизавета была признана всѣми сословіями государства императрицей.

Ея поступокъ былъ тѣмъ болѣе справедливъ, что Петръ I приказалъ въ своемъ завѣщаніи, что, если царь, его внукъ, умретъ бездѣтнымъ, то ему должна наслѣдовать Елизавета. Графъ Остерманъ, великій канцлеръ, похитилъ это завѣщаніе, но была найдена копія съ него. Остерманъ сознался въ своей винѣ и былъ присужденъ къ казни. Елизавета даровала ему жизнь и удовлетворилась ссылкой его въ Сибирь, гдѣ онъ и умеръ. Если она показала милосердіе по отношенію къ Остерману, то она не выказала благодарности Лестоку, который болѣе, чѣмъ кто другой, принималъ участіе въ переворотѣ. Онъ былъ сосланъ въ Сибирь по проискамъ канцлера Бестужева и предсѣдателя военной коллегіи Апраксина, которые и раздѣлили между собой всѣ дѣла. Захватить все въ свои руки было тѣмъ болѣе легко, что Елизавету побудило вступить на престолъ только желаніе свободно предаваться удовольствіямъ, которыми она и

была исключительно занята въ продолженіи своего болѣе, чѣмъ 21 лѣтняго царствованія *).

Ея фавориты, которыхъ она мѣняла, и которые ей были дороже министровъ, устраивали свою судьбу самымъ счастливымъ образомъ. Такова была карьера двухъ братьевъ Разумовскихъ, казаковъ низкаго происхожденія, но молодыхъ, красивыхъ, хорошо сложенныхъ, качества, служившія сильной рекомендаціей у Елизаветы. По подобнымъ же достоинствамъ Сиверсъ, сынъ истопника герцога Бирона, былъ сдѣланъ графомъ и былъ посланъ въ Вѣну вслѣдствіе толковъ.

Происки Петра Шувалова и лицо его двоюроднаго брата Ивана Шувалова вознесли и того и другого на высшую ступень фавора. Первый началъ выдвигаться, женившись на фавориткѣ императрицы; затѣмъ онъ помѣстилъ къ ней своего двоюроднаго брата въ качествѣ пажа, будучи твердо увѣренъ, что что-нибудь выйдетъ изъ этого. Послѣдній, сдѣлавшись камергеромъ и полнымъ фаворитомъ своей повелительницы, принималъ самъ и содѣйствовалъ своему брату принимать большое участіе въ управленіи. Петръ составлялъ протоколы, а Иванъ заставлялъ ихъ принимать. Эти два новыхъ графа скоро присоединились къ Бестужеву и Апраксину, которые, не рѣшаясь бороться за довѣріе у императрицы, должны были имъ подчиниться. У Ивана Шувалова былъ секретарь, въ которомъ французскій дворъ могъ бы найти сильнаго союзника для отвлеченія Россіи отъ Англіи благодаря довѣрію, которое оказывалъ ему его патронъ, и пользуясь ненавистью жены Петра Шувалова къ Бестужеву, расположенному къ Англіи. Этотъ секретарь былъ французъ, сынъ совѣтника города Метца, по имени Эшуди. Безпутство его поведенія заставило его покинуть родину подъ именемъ кавалера дэ-Люсси. Пропутешествовавъ по Европѣ авантюристомъ, онъ вынужденъ былъ вступить въ труппу французскихъ актеровъ Елизаветы. Онъ написалъ также нѣсколько романовъ и журналъ подъ заглавіемъ „Французскій Парнассъ". Его таланты и легкость, съ которою онъ говорилъ на многихъ языкахъ, способствовали тому, что, познакомившись съ Иваномъ Шуваловымъ,

*) Нужно было употребить почти насиліе, т. е. запугать ее, чтобы возвести ее на тронъ. Лестокъ въ самую ночь переворота не могъ побѣдить опасеній этой княжны за послѣдствія затѣи, которая внушала ей еще большій страхъ. Онъ показалъ ей одинъ рисунокъ, гдѣ видна была Елизавета на тронѣ и Лестокъ, сидящій у ея ногъ; а другой—она на колесѣ. „Вы имѣете еще время для выбора, сказалъ онъ ей, завтра не будетъ болѣе трона, а останется одинъ эшафотъ".

Елизавета имѣла 8 дѣтей, изъ которыхъ ни одного не признала, и которыхъ одна изъ ея фавориток, итальянка Жуанна, приняла на свой счетъ.

онъ былъ взятъ этимъ фаворитомъ изъ труппы, и ему было дано мѣсто секретаря Академіи Наукъ. Въ то же время Шуваловъ взялъ его личнымъ секретаремъ подъ именемъ графа Пютеланжа. Если онъ еще живъ, то ему не болѣе 40 лѣтъ (въ 1764 г.).

Елизавета признала своимъ преемникомъ герцога Голштинъ-Готорпскаго, единственнаго сына ея старшей сестры Анны, женатаго на Екатеринѣ Ангальтъ-Цербстской; но она не предоставила ему никакого участія въ управленіи. Мужъ и жена были подъ строгимъ наблюденіемъ и надзоромъ шпіоновъ: никто посторонній къ нимъ не допускался. По той отдаленности, какую выказывала къ нимъ Елизавета, подозрѣвали, что она намѣрена отдать предпочтеніе ихъ сыну, еще ребенку, а въ случаѣ смерти этого послѣдняго князю Ивану, заключенному въ замкѣ близъ Архангельска. Каковы бы ни были тайныя намѣренія императрицы, она умерла 5 января 1762 г. и герцогъ Голштинскій былъ провозглашонъ въ тотъ же день императоромъ подъ именемъ Петра III.

Его царствованіе было коротко. Ни для кого не тайна, что въ іюлѣ того же года его жена приказала его арестовать, а немного дней спустя онъ умеръ, якобы отъ припадка геморроя и что въ ущербъ сыну мать провозгласила себя подъ именемъ Екатерины II“.

III. Замѣтки посланниковъ, министровъ и пословъ Франціи при русскомъ дворѣ.

1725—1783.

На предшествовавшихъ страницахъ, посвященныхъ исключительно описанію внутренней жизни русскаго двора, нужно бы было отдать много мѣста интереснымъ подробностямъ той роли, какую играли представители Франціи. Не разсердятся, безъ сомненія, если найдутъ ихъ присоединенными здѣсь, такъ какъ они настолько же любопытны, насколько мало извѣстны, хотя между Франціей и Царями съ давнихъ поръ установились дружественныя отношенія и въ различное время Франція имѣла въ Россіи своихъ агентовъ, а 1625 г. даже посла, но только съ царствованія Петра I она стала имѣть тамъ постояннаго представителя. Балюзъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1702 г. съ полномочіями чрезвычайнаго посланника. Послѣ него Левиссонъ въ 1713 г. и Эгигъ въ 1716 г. имѣли какъ одинъ, такъ и

другой только торговыя порученія. Правильныя дипломатическія сношенія между двумя государствами установились окончательно только посольствомъ Кампредона въ 1721 г., аккредитованнаго при Петрѣ I въ качествѣ полномочнаго министра. Преемникомъ его былъ Маньянъ въ 1727 г. и Тантонъ де Летангъ въ 1734 г.; но этотъ послѣдній, не будучи въ состояніи добиться удовлетворенія, котораго требовалъ версальскій кабинетъ за оскорбленіе, нанесенное въ Польшѣ маршаломъ Минихомъ его послу Монти, не долго пробылъ въ Петербургѣ, и послѣдствіемъ его отъѣзда былъ разрывъ между двумя государствами.

Нѣсколько лѣтъ спустя русскій дворъ сдѣлалъ первые шаги къ возстановленію той доброй дружбы, которая такъ долго соединяла Францію съ Россіей, пославъ князя Кантемира засвидѣтельствовать свое уваженіе передъ версальскимъ дворомъ. Французское правительство отвѣтило на этотъ актъ вѣжливости назначеніемъ графа Вольгренана министромъ при царицѣ Аннѣ. Когда же тотъ не принялъ этого отдаленнаго поста, былъ назначенъ маркизъ де Шетарди, министръ Франціи въ Берлинѣ, который прибылъ въ Петербургъ въ декабрѣ 1739 года.

Предшественники Шетарди были безвѣстными, низшими агентами, не оставившими никакого слѣда въ исторіи. Нельзя того же сказать о Шетарди, и выборъ такой замѣчательной личности доказывалъ, какое уваженіе и значеніе пріобрѣла Россія въ глазахъ великихъ державъ.

Шетарди, еще молодой (онъ родился въ 1705 г.) былъ уже нѣсколько лѣтъ полковникомъ и отлично исполнялъ свой постъ въ Берлинѣ. Хорошее мнѣніе, которое имѣли о немъ въ Версалѣ, служило оправданіемъ за его поведеніе въ Россіи. Всѣ видѣли то участіе, которое онъ принялъ въ революціи, возведшей на тронъ Елизавету, и какъ за него отблагодарила его эта княжна. Преемникомъ его былъ Юссонъ д'Айонъ (августъ 1742 г.), который не сумѣлъ сохранить вліяніе, пріобрѣтенное Шетарди при русскомъ дворѣ. Дѣло дошло до того, что версальскій кабинетъ, чтобы помѣшать императрицѣ Елизаветѣ вступить въ союзъ съ Австріей и Англіей, соединившимися противъ Франціи и Пруссіи, былъ вынужденъ въ концѣ 1743 г. снова послать въ Петербургъ Шетарди съ титуломъ посла, не сомнѣваясь, что воспоминаніе объ услугахъ, оказанныхъ имъ Елизаветѣ, доставитъ ему довѣріе, которымъ онъ нѣкогда пользовался. Чтобы облегчить успѣхъ своего порученія, онъ везъ довѣрительныя грамоты, въ которыхъ титулъ Императрицы Всероссійской, чего такъ сильно добивалась Елизавета, былъ въ первый разъ ей

пожалованъ французскимъ дворомъ. Шетарди имѣлъ приказаніе опрокинуть канцлера Бестужева, а всѣ видѣли, какъ этотъ послѣдній сумѣлъ избавиться отъ опаснаго соперника.

Несомнѣнно, что Шетарди не доставало осторожности и хитрости. Версальскій дворъ наказалъ его за неудачу, заключивъ сперва въ крѣпость Монпеллье, а затѣмъ сославъ въ его собственныя имѣнія, откуда на слѣдующій годъ онъ могъ выѣхать только подъ условіемъ идти на службу въ италійскую армію.

Хотя первой миссіей въ Россію Айона не были довольны, но по крайней мѣрѣ онъ заслужилъ хорошій пріемъ у императрицы и у ея всемогущаго канцлера. Такъ какъ версальскій кабинетъ не желалъ порвать сношенія съ петербургскимъ дворомъ, то онъ былъ снова выбранъ представителемъ Франціи.

27 марта 1745 г. Айонъ былъ принятъ императрицей въ торжественной аудіенціи, гдѣ онъ представлялъ свои довѣрительныя грамоты, поднесъ ей титулъ Императрицы Всероссійской, величалъ ее Императорскимъ Величествомъ и заявилъ, „что король съ удовольствіемъ призналъ за ней титулъ, который она носитъ съ такимъ достоинствомъ и которому она придала новый блескъ своими личными добродѣтелями, закрѣпивъ въ умахъ націи должное уваженіе и благоговѣніе къ памяти Петра I, по слѣдамъ котораго она такъ славно идетъ“.

Несмотря на такую снисходительность версальскаго двора,— слово, употребленное въ офиціальномъ актѣ канцлеромъ Бестужевымъ,—доброе согласіе между двумя кабинетами продолжалось недолго. Ссора, происшедшая въ Лондонѣ между Шателэ и русскимъ посланникомъ по вопросу о старшинствѣ, привела къ разрыву.

Айонъ былъ отозванъ, а Сентъ Соверъ, исправлявшій должность консула въ Петербургѣ, также не замедлилъ выѣхать вскорѣ послѣ того.

Однако въ началѣ семилѣтней войны державы, вступившія въ борьбу, желали вовлечь и Россію въ ихъ распрю. Вѣнскій дворъ, заключивъ союзъ съ Франціей, съ каждымъ днемъ становился все болѣе безсильнымъ уравновѣсить вліяніе Пруссіи и Англіи въ Петербургѣ.

Версальскій кабинетъ очень хотѣлъ помочь его усиліямъ и, безъ сомнѣнія, сильно сожалѣлъ о происшедшемъ разрывѣ съ императрицей Елизаветой, когда къ его великому изумленію первые шаги къ примиренію были сдѣланы русскимъ дворомъ. По крайней мѣрѣ Шуазель утверждалъ это въ самыхъ недвусмысленныхъ выраженіяхъ, давая нѣсколько лѣтъ спустя

инструкціи Бретейлю, въ которыхъ онъ выражался слѣдующимъ образомъ:

„Уже нѣсколько лѣтъ, какъ прекращена всякая переписка между Франціей и Россіей; король отозвалъ оттуда министра и консула, которыхъ Его Величество тамъ держалъ. Съ Петербургомъ были порваны даже частныя сношенія, которыя обыкновенно сохраняются въ другихъ странахъ даже тогда, когда политическія соображенія заставляютъ прекратить сношенія общественныя и офиціальныя.

Въ Версалѣ также совершенно не интересовались ничѣмъ, что могло имѣть отношеніе къ русскому правительству, рѣшеніямъ императрицы и видамъ ея министерства, когда въ 1755 г. эта государыня, исходя ли изъ своихъ личныхъ чувствъ къ Его Величеству или по совѣту графа Воронцова, тогдашняго вице-канцлера, велѣла довести до свѣдѣнія короля ея увѣренія въ желаніи возстановить самое полное согласіе между Франціей и Россіей. Слухи объ этомъ были еще въ 1753 г., но имъ нельзя было вѣрить, пока они не шли изъ достаточно авторитетныхъ источниковъ. Когда многія частныя извѣстія одно за другимъ подтверждали искренность этихъ первыхъ шаговъ, король, наконецъ, рѣшилъ послать въ Петербургъ Дугласа провѣрить, имѣютъ ли эти извѣстія достаточное основаніе, чтобы сколько-нибудь заслужить довѣріе Его Величества. Первое путешествіе, которое имѣло видъ только простого любопытства, способствовало выясненію истиннаго положенія тѣхъ намѣреній, которыя были заявлены королю со стороны Россіи. Вслѣдствіе этого Его Величество призналъ нужнымъ снова послать къ этому двору Дугласа съ званіемъ уполномоченнаго въ дѣлахъ, а въ то же время Биктеевъ прибылъ во Францію съ тѣми же полномочіями отъ русской императрицы. Вслѣдъ за этимъ доказательствомъ примиренія обоихъ дворовъ скоро произошло блестящее возстановленіе сношеній обоюднымъ назначеніемъ пословъ въ Парижъ и Петербургъ".

О чемъ не говорилъ герцогъ Шуазель и о чемъ не могъ говорить, ибо не зналъ этого, такъ это о частной и тайной перепискѣ, возникшей съ этого времени между Людовикомъ XV и императрицей Елизаветой. Письма двухъ монарховъ проходили въ Россію черезъ вице-канцлера Воронцова и знаменитаго кавалера Эона, сопровождавшаго въ Россію кавалера Дугласа въ качествѣ секретаря, а во Франціи черезъ руки Терсье, управляющаго канцеляріей иностранныхъ дѣлъ, который завѣдывалъ вмѣстѣ съ графомъ Брогли тайной перепиской Людовика XV съ государями и ихъ министрами иностранныхъ дворовъ.

Хотя кавалеръ Дугласъ съ большой ловкостью преслѣдовалъ главную цѣль своей миссіи—установленіе полнаго согласія между двумя государствами, однако онъ не замедлилъ совершить грубыя ошибки. Кромѣ того Версальскій кабинетъ не былъ намѣренъ имѣть дальше своимъ представителемъ при Петербургскомъ дворѣ иностранца, который былъ лишь авантюристомъ и годился только на исполненіе щекотливаго и тайнаго порученія, отъ котораго можно было получить непріятности. И когда дипломатическія сношенія были прочно установлены, былъ назначенъ посломъ при русской императрицѣ де Л'Опиталь. Онъ прибылъ въ Петербургъ въ первыхъ числахъ іюля 1757 г., а немного мѣсяцевъ спустя, 5 ноября, Елизавета присоединилась къ договору, заключенному 21 марта между Франціей, Австріей и Швеціей.

Несмотря на этотъ успѣхъ и вліяніе, которое онъ получилъ при русскомъ дворѣ благодаря поддержкѣ Ивана Шувалова, кажется, что маркизъ де Л' Опиталь не исполнилъ своихъ обязанностей по желанію Версальского двора; поэтому, оставляя его въ качествѣ посланника и не отзывая его, баронъ де Бретейль, министръ при избранникѣ Кельна, былъ назначенъ въ 1760 году полномочнымъ министромъ въ Петербургъ.

Вотъ самыя важныя выдержки изъ инструкцій, данныхъ Бретейлю. Легко въ нихъ узнать умъ и живость соображенія графа де Шуазеля, который ихъ составилъ:

„Россія счастлива тѣмъ, что у нея были цари, работавшіе съ успѣхомъ для постепеннаго уничтоженія остатковъ варварства, которые тамъ еще были къ концу послѣдняго столѣтія, но здоровая политика не должна позволить, чтобы петербургскій дворъ могъ воспользоваться преимуществами своего настоящаго положенія, чтобы увеличить свое могущество и расширить границы своего владѣнія. Страна такая же обширная, какъ всѣ соединенныя земли Европы, владѣнія всѣхъ монарховъ, и которая нуждается въ небольшомъ количествѣ людей для ея частной безопасности, можетъ имѣть на своихъ границахъ громадныя арміи; страна, торговля которой простирается до Китая, которая на пути къ тому, чтобы обогатиться, доставая изъ Азіи легко и въ короткое время колоніальные товары, которые другія націи могутъ достать только долгими и опасными плаваніями; страна, войска которой теперь пріучены къ войнѣ и правленіе которой неограниченно и почти что деспотично, должна, дѣйствительно, казаться опасной ея настоящимъ сосѣдямъ и постепенно тѣмъ народамъ, которые ими сдѣлаются посредствамъ ея новыхъ побѣдъ.

Можно увѣрять безъ преувеличенія, что могущество русскихъ почти на половину прибавилось со смерти Петра I-го и можно судить по роли, которую она теперь играетъ, о той которую будетъ играть на міровой сценѣ, если новыя пріобрѣтенія вознесутъ ее на высшую ступень величія и могущества. Образованные дворы это замѣтили, когда русскія войска показались въ первый разъ въ Германіи, какъ было опасно вводить ихъ туда и какъ было интересно для всѣхъ государей наблюдать съ вниманіемъ за взглядами и поступками націи, мощь который дѣлалась уже опасной, но вѣнскій дворъ смотрѣлъ только на необходимость даннаго времени, когда онъ позвалъ русскихъ себѣ на помощь въ двухъ послѣднихъ войнахъ, случившихся одна изъ за смерти польскаго короля Августа II и другая послѣ смерти императора Карла IV-го. Царствующая императрица Венгріи и Богеміи руководилась въ настоящую войну тѣмъ же предлогомъ, и кто знаетъ, что она или же ея наслѣдники не будутъ раскаиваться когда нибудь, что прибѣгнули къ такимъ помощникамъ?

Императрица, занимающая теперь русскій тронъ, по видимому, не имѣетъ намѣреній, которыя могутъ и должны быть подозрительными по своему несоразмѣрному тщеславію; но она не будетъ царствовать всегда, и ея личная умѣренность не уничтожаетъ дѣйствительную опасность, болѣе продолжительную чѣмъ жизнь этой царицы.

Жестокости, употребленныя Россіей въ Польшѣ въ 1733 и 1734 годахъ, ея посягательства на городъ Данцигъ, который она осаждала противъ всѣхъ справедливыхъ и существующихъ законовъ и который она потомъ строго наказала за то, что онъ защищалъ свои права и свою свободу; французскій посланникъ и три французскихъ батальона, задержанные въ унизительномъ и суровомъ плѣну за сдержаніе формальныхъ условій сдачи города, но луково изложенныхъ; другой посланникъ короля, съ которымъ поступали самымъ непристойнымъ, грубымъ образомъ; гордость съ которой Россія потребовала императорскаго титула отъ государей, которые еще не имѣли любезности ей его дать, недостатокъ вѣрности, который она показала въ исполненіи своего послѣдняго трактата съ Турціей; власть, на которую она претендуетъ во внутреннемъ управленіи Швеціи, манера съ которой она обращается съ Поляками въ теченіе трехъ лѣтъ; намѣренія, которыя она уже объявила по отношенію къ утвержденію границъ между Русской имперіей и Польшей; наконецъ система и поведеніе Россіи, форма ея правленія и ея военное состояніе,—все это должно заставлять бояться увеличенія этой

державы всѣхъ государей, которые любятъ общественный покой и отдыхъ.

Баронъ де Бретейль легко почувствуетъ, что онъ долженъ имѣть въ виду эти подробности только для того, чтобы слѣдить со вниманіемъ за намѣреніями Россіи, относительно всего и за мѣрами, которыя она можетъ предпринять и приготовлять, чтобы привести ихъ рано или поздно въ исполненіе.

Эта бдительность еще болѣе нужна потому, что уже давно дворъ Петербурга имѣетъ хорошо обдуманный планъ политики, отъ котораго онъ не удаляется и который хорошо разработанъ по всѣхъ своихъ частяхъ, но который онъ развиваетъ постепенно и по мѣрѣ того, какъ событія и обстоятельства даютъ для этого случай. Впрочемъ, ея министры, недовѣрчивые и подозрительные, присоединяютъ къ естественной скрытности ихъ натуры самую методичную хитрость въ ихъ дѣлахъ, въ ихъ письмахъ и въ ихъ поступкахъ.

Въ инструкціяхъ, которыя были вручены маркизу де Л' Опиталь, ему было особенно рекомендовано: „сдѣлаться насколько возможно пріятнымъ великой княгинѣ и великому князю и имъ вселить мысли о постоянномъ союзѣ между двумя государствами; употребить все свое искусство проникнуть вездѣ, чтобы узнать общественное мнѣніе внутри страны о наслѣдникѣ, назначенномъ на тронъ Россіи, и кто были его приверженцы и кто сторонники князя Ивана". Видѣли уже, что маркизъ де Л' Опиталь очень плохо исполнилъ одну часть этого назначенія, такъ какъ бросясь очертя голову въ партію Шувалова, онъ лишился благосклонности великаго князя, а главное великой княгини. Что окончательно удалило отъ него и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ Франціи ея высочество, это было его личное участіе и участіе отъ имени его двора въ партіи противъ призыва Понятовскаго. Эта была очень важная ошибка, особенно въ моментъ, когда послѣ смерти императрицы Елизаветы, здоровье которой было очень шатко, великая княгиня могла быть призвана къ правленію, подъ именемъ своего мужа и имѣть непреодолимое и могущественное вліяніе на политику петербургскаго двора. Такимъ образомъ рекомендовавъ де Бретейлю быть насколько возможно пріятнымъ великому князю и великой княгинѣ, графъ де Шуазель прибавлялъ въ своихъ инструкціяхъ:

„Король особенно повелѣваетъ де Бретейлю стараться узнать съ возможною точностью, каковы симпатіи и взгляды великаго князя и великой княгини и работать, не показывая ни возбужденія, ни слишкомъ большого старанія, для пріобрѣтенія ихъ милости и довѣрія. Маркизъ де Л'Опиталь по причинамъ, кото-

рыя его прямота оправдываетъ, не ухаживалъ за молодымъ дворомъ; онъ особенно расположилъ противъ себя великую княгиню, потому что онъ принималъ участіе въ партіи противъ призванія графа Понятовскаго, къ которому эта прицесса казалось имѣла несомнѣнную склонность и очень живую симпатію. Баронъ де Бретейль, которому она навѣрное не замедлитъ принести нѣсколько жалобъ по этому поводу, воспользуется этимъ случаемъ и другими, которые представятся по отношенію къ тому же самому, чтобы искусно настоять на томъ, что онъ хорошо знаетъ чувство короля къ великой княгинѣ и великому князю, чтобы увѣрить, что его величеству будетъ пріятно способствовать ихъ довольству и что если имъ пріятно видѣть снова въ Петербургѣ графа Понятовскаго, не только его величество не сдѣлаетъ какой нибудь помѣхи, но будетъ даже расположенъ помочь успѣху мѣръ. которыя считаютъ нужными предпринять, чтобы попросить Польскаго короля поручить ему опять его дѣла въ Россіи. Баронъ де Бретейль слишкомъ привыкъ къ свѣту, чтобы не умѣть высказаться по этому поводу съ большою осторожностью, такъ чтобы тонко охранить нѣжность самолюбія великой княгини и т. д.“

Инструкціи, врученныя господину Бретейлю, были помѣчены 17 мартомъ 1760 года. Къ тому времени графъ де Шуазель, получившій прямо отъ великой княгини выраженія ея неудовольствія по поводу ихъ участія противъ призыва Понятовскаго и просьбу не противиться его возвращенію въ Петербургъ, особымъ приказомъ уполномачивалъ французскаго министра въ Варшавѣ Дюрана, послать ноту, которой Версальскій дворъ „переставалъ противиться возвращенію Понятовскаго въ Петербургъ“. Эта декларація не была непріятна польскому королю, совсѣмъ напротивъ, но какъ только она была извѣстна въ Петербургѣ, она возбудила гнѣвъ императрицы Елизаветы или говоря яснѣе партіи, которая ею управляла. По приказанію своей государыни графъ Воронцовъ послалъ Терсье отъ 26 мая 1760 слѣдующее письмо, которое должно было быть показано Людовику XV:

„Ея императорское величество, всемилостиво узнавъ съ неудовольствіемъ и удивленіемъ новость, сообщенную ей, по которой Дюранъ, министръ короля въ Варшавѣ, сообщилъ графу Брюлю, что его величество не будетъ недовольно, если его величество король польскій позволитъ вернуться сюда господину стольнику Литвы, графу Понятовкому, въ качествѣ его министра; я, имѣя точное приказаніе императрицы увѣдомить короля и настаивать въ тоже время отъ ея имени у его величества, что хотя

ей и трудно повѣрить, какъ и какимъ образомъ упомянутому господину Дюрану было приказано сдѣлать это, ея величество желаетъ всетаки разъяснить точно этотъ поступокъ, причиняющій ей столько непріятности, надѣясь на дружбу короля, который вслѣдствіе довѣрія, которое онъ имѣетъ къ ней, навѣрное ей сообщитъ откровенно, что тутъ есть и что онъ прикажетъ этому министру сдѣлать немедленно все необходимое, чтобы исправить этотъ поступокъ, который онъ навѣрное сдѣлалъ безъ разрѣшенія".

Де Бретейль имѣлъ все довѣріе графа Шуазеля, но онъ также имѣлъ довѣріе короля, который его посвятилъ въ кортеспондецію, которую онъ велъ безъ вѣдома своего министра, ръ русскою императрицею, и до отъѣзда изъ Парижа онъ обязался слѣдовать только тогда инструкціямъ Шуазеля, когда они будутъ совпадать съ приказаніями короля. Такимъ образомъ Терсіе отвѣтилъ такъ, какъ видно ниже, на письмо графа Воронцова:

„Де Бретейль доженъ былъ сообщить вашему превосходительству о довѣріи, которымъ его осчастливливаетъ его величество, вводя его въ свою корреспонденцію между нимъ и русскою императрицею черезъ ваше превосходительство. Этотъ министръ не можетъ начать выполнять секретныя приказанія его величества, болѣе соотвѣтствующей манерой этому дѣлу, какъ выражая вашему превосходительству намѣренія короля по отношенію къ Понятовскому. Де Бретейль освѣдомленный до своего отъѣзда о желаніи его величества помогать во всемъ, что можетъ быть пріятно этой принцессѣ, вамъ скажетъ, что дало мѣсто деклараціи Дюрана, и это произведетъ мало впечатлѣнія съ тѣхъ поръ, какъ король хорошо знаетъ, что возвращеніе Понятовскаго въ Петербургъ не понравится императрицѣ. Его величество, по этому случаю мнѣ приказалъ передать его приказаніе де Бретейлю.

Онъ не сомнѣвается, что императрица будетъ удовлетворена, когда ваша свѣтлость сдѣлаетъ ей докладъ о томъ, что этотъ министръ скажетъ". Де Бретейль въ то же время получилъ слѣдующее письмо, написанное на имя короля Людовика XV за числомъ отъ 16 августа 1760 г.:

„Де Бретейль! прилагаемая копія, которую императрица Россіи прислала мнѣ посредствомъ Воронцова, ознакомитъ васъ насколько эта прицесса обезпокойна объявленіемъ, въ которомъ герцогъ де Шуазель отдаетъ приказъ господину Дюранъ какъ поступить въ отношеніи графа Понятовскаго. Правда, всѣ были увѣрены, что пребываніе этого министра въ Петербургѣ было

противно интересамъ союза изъ за его связей съ Англіей, неблагопріятныхъ предубѣжденій, которыя онъ внушалъ великой княгинѣ, интригъ, которыя эта принцесса могла поддерживать своими средствами съ графомъ де Брюль и ревности великаго князя, равно какъ и сплетенъ, которыя должны были отсюда возникнуть.

Ваши секретныя инструкціи предугадали все, чего можно было опасаться отъ его возвращенія въ Петербургъ и вамъ данъ былъ приказъ мѣшать ему настолько, насколько это зависѣло отъ васъ, не шокируя открыто великую княгиню. Герцогъ де Шуазель, не зная моихъ секретныхъ инструкцій, руководствовался другимъ основаніемъ; онъ думалъ, что облегченіе, которое придадутъ возвращенію графа Понятовскаго, ослабитъ любовь великой княгини, возбужденной до сихъ поръ препятствіями; и что потерявъ незамѣтно склонность, которую она испытываетъ къ этому министру, она могла бы даже перейти къ противуположнымъ чувствамъ; что избѣжавъ такого могущественнаго повода, какъ дать ей возможность быть противной общественнымъ взглядамъ, уже нечего было опасаться ея связи съ графомъ Понятовскимъ, котораго негодованіе или ревность могли бы такъ-же открыть истину. Герцогъ до Шуазель думалъ болѣе того, что какъ бы казалось подобало моимъ министрамъ въ Варшавѣ входить въ интимныя интриги графа Брюль; вслѣдствіи этого онъ приказалъ господину Дюрану объявить, что я не буду нисколько противиться возвращенію графа Понятовскаго. Быть можетъ графъ Брюль выхвалилъ это объявленіе передъ своимъ королемъ, чтобы склонить его къ этому назначенію. Императрица Россіи теперь жалуется на это и проситъ, чтобы я приказалъ господину Дюрану просить отставки.

Нѣтъ никакой возможности сказать этой принцессѣ, каковъ былъ образъ мыслей герцога Шуазель, когда онъ отдалъ этотъ приказъ: во всякомъ случаѣ подобаетъ ее удовлетворить. Вы скажете такимъ образомъ Воронцову, что намѣреніе моего министра никогда не было такимъ, чтобы способствовать чему-либо такому, что могло бы быть непріятнымъ для императрицы; что онъ всегда предпологалъ, что если польскій король оказывалъ во второй разъ честь графу Понятовскому быть его министромъ при дворѣ этой принцессы, это не было бы сдѣлано иначе какъ съ увѣренностью, что она на это согласится; что легко было догадаться, что особы, желавшія этого возвращенія графа Понятовскаго, хлопотали за него по невѣдѣнію и безъ взаимнаго одобренія съ императрицей; и что при такомъ вѣроятномъ предположеніи не подобаетъ, чтобы я без-

покоилъ короля Польши изъ за вещи, уже порѣшенной между обоими дворами; такимъ образомъ объявленіе Дюрана не признается дѣйствительнымъ не иначе, какъ только въ случаѣ обоюднаго соглашенія; если таковогo условія не будетъ со стороны императрицы, мои министры далеки отъ этого, чтобы говорить въ пользу графа Понятовскаго, получатъ приказъ освѣдомиться о томъ, что объявитъ эта принцесса по этому поводу.

Послѣ всего выше изложеннаго Воронцовъ долженъ почувствовать, что императрица сама должна объявить о ея намѣреніяхъ. Нельзя сомнѣваться, что польскій король, тотчасъ же, какъ будетъ освѣдомленъ, несмотря на всѣ настоянія, которыя могутъ ему дѣлать, покинетъ всякую мысль снова отправить графа Понятовскаго въ Петербургъ. Тогда никто нисколько не будетъ удивленъ, что мои министры будутъ говорить, если это будетъ необходимо, противъ этого возраженія; и то что они скажутъ, будетъ разсмотрѣно какъ успѣхъ единенія, которое должно царить между вѣрными союзниками. Но всѣ будутъ удивлены, если министры императрицы нисколько не жалуются, а Дюранъ начнетъ вдругъ отпираться отъ своихъ словъ, что покажется неумѣстнымъ, когда никто его объ этомъ не проситъ, т. к. императрица не покажется тамъ, этотъ поступокъ дастъ мѣсто заключеніямъ, за которыми пойдутъ сплетни, котрыхъ надо избѣжать.

Я не сомнѣваюсь, что императрица, когда Воронцовъ доложитъ ей обо всемъ, что вы скажете, будетъ удовлетворена и что она болѣе не будетъ настаивать на этомъ отрицаніи. Къ ея двору хотятъ послать ея министра, который не будетъ ей пріятенъ, и это ея дѣло постараться его услать. Вы не можете слишкомъ настаивать на этомъ доводѣ Воронцову, дабы онъ внушилъ этой принцессѣ твердость, которую она должна имѣть въ этомъ случаѣ; знаніе моихъ секретныхъ поводовъ должно заставить васъ употребить всѣ доводы этому министру, чтобы дать ему также необходимую смѣлость.

Что касается Великой Княгини, какова бы не была ея горячность по этому поводу, вы можете заставить ее понять, если она предоставитъ вамъ случай, что нѣтъ никакой возможности потворствовать ей въ дѣлѣ, которое такъ противно императрицѣ. Вы даже извлечете выгоду изъ объясненія господина Дюрана, чтобы дать понять этой принцессѣ, но тѣмъ не менѣе съ большою предосторожностію, что возвращеніе графа Понятовскаго не встрѣтило бы препятствія съ моей стороны; но что въ настоящее время нельзя взять ея сторону; что это значило бы даже подвергать эту принцессу непріятностямъ,

которыя она должна стараться избѣгать. Видъ, съ которымъ принцесса приметъ все то, что вы ей скажете, дастъ вамъ возможность понять ея намѣренія; и вы воспользуетесь этимъ. чтобы направить ваше поведеніе въ зависимости отъ того, направивъ его по болѣе достойнымъ принципамъ, чѣмъ тѣ, которымъ она обязана самой себѣ и императрицѣ, или же принявъ предосторожность противъ того, что можетъ посовѣтовать ей ея страсть и т. д.".

Людовикъ XV былъ очень опечаленъ смертью императрицы Елизаветы, тѣмъ болѣе, что онъ предвидѣлъ, что тѣсныя сношенія, которыя существовали между нимъ и этой принцессой, не будутъ продолжаться при ея преемникахъ. Вслѣдствіе этого, онъ велѣлъ написать своему министру въ Петербургъ слѣдующее письмо, помѣченное де-Марни отъ 9 февраля 1762:

„Г. де Бретейль! смерть императрицы Россіи доставила мнѣ истинную печаль, благодаря тѣмъ чувствамъ дружбы, которыя соединяли меня съ нею. Этотъ союзъ, основанный столько же на принципахъ, какъ на общихъ интересахъ, при настоящихъ обстоятельствахъ становится для меня все болѣе и болѣе дорогимъ и давалъ мнѣ случай надѣяться, что нашими соединенными усиліями мы достигнемъ мира, который долженъ былъ составить предметъ нашихъ заботъ.

Въ настоящее время безполезно обсуждать то, что было бы нужнымъ сдѣлать, чтобы заставить эту принцессу измѣнить, согласно плану, который у ней предполагали, распоряженія, которыя она сдѣлала относительно своего наслѣдія.

Спокойствіе, съ какимъ императоръ вступилъ на тронъ, оставляетъ намъ только заботу стараться поддерживать его въ тѣхъ же принципахъ, которымъ слѣдовала покойная императрица, и слѣдить за всѣми его поступками, чтобы не быть пораженными, если онъ предпочтетъ другіе, несмотря на то, чѣмъ онъ обязанъ памяти этой принцессы. Но его склонность къ войнѣ и восхищеніе, которое онъ всегда выказывалъ королю Прусскому могутъ внушить опасеніе за перемѣну въ дѣйствіяхъ русской арміи, вы должны быть чрезвычайно внимательны къ этому предмету, такъ же какъ постараться открыть, что можетъ думать этотъ принцъ касательно мира Германіи.

Я чувствую, что на первыхъ порахъ онъ не могъ еще высказаться и поэтому ни во что не могли проникнуть; но когда онъ удовлетворитъ спѣшныя нужды внутри своего государства, онъ займется внѣшними дѣлами.

Знаніе, которое вы имѣете обо всемъ томъ, что можетъ интересовать меня, разрѣшаетъ мнѣ войти въ подробности,

предлагая во первыхъ послать вамъ самые пространныя инструкціи на счетъ того, что составляетъ предметъ тѣхъ распоряженій, которыя были вамъ переданы частнымъ образомъ.

Очень счастливо, что этотъ принцъ сохранилъ на своемъ мѣстѣ канцлера Воронцова. Вы скажите этому министру, что я не сомнѣваюсь что онъ будетъ продолжать давать мнѣ и въ этомъ новомъ царствованіи, тѣ же доказательства привязанности, которыя онъ мнѣ давалъ въ предшествующемъ, и что онъ долженъ быть увѣреннымъ, что не только я буду такъ же ему обязанъ, но что даже во всѣхъ случаяхъ онъ можетъ разсчитывать на хорошія услуги, которыя мои министры могутъ оказывать ему въ Россіи и вездѣ.

Несмотря на то, что императрица не пользуется вліяніемъ, вы должны настолько, насколько это возможно, совѣщаться съ ней объ всемъ томъ, что должно сообщать государю и стараться заслужить продолженіе того довѣрія, которое она вамъ выказывала, будучи еще только великой княгиней.

Я не знаю, осмѣлятся-ли Чарторыйскіе, зная причины, по которымъ великій князь удалилъ Понятовскаго, предложить королю Польши послать его снова въ Петербургъ, чтобы привѣтствовать государя, и увидитъ-ли снова его императрица съ тѣмъ же удовольствіемъ, какъ когда-то. Вы можете сговорится на этотъ счетъ съ моимъ посланникомъ въ Польшѣ, который дастъ почувствовать графу Брюль, что то, что могло оскорблять великаго князя, при жизни императрицы не имѣвшаго никакого авторитета, не можетъ не быть ему такъ же чувствительнымъ теперь, когда онъ государемъ и что это было бы униженіемъ для него посылать кого бы то ни было, который могъ оскорбить его въ такомъ деликатномъ дѣлѣ. Но нужно вести это дѣло съ наивозможной ловкостью, чтобы какъ нибудь не обидѣть императрицу, которая была такъ глубоко огорчена отъѣздомъ Понятовскаго. Несмотря на то, что Чарторыйскіе пошли мнѣ навстрѣчу, я не думаю, чтобы можно было бы разсчитывать на нихъ въ данный моментъ, когда они могутъ возобновить ихъ старый союзъ съ Россіей и Англіей. Такимъ образомъ самое бы лучшее было удалить изъ Петербурга такого опаснаго агента, какъ Понятовскій. На что вы должны, такъ же какъ и де-Польми, употребить все ваше искусство,—это касательно государя, государыни и дома Чарторыйскихъ, и въ частности къ графу Брюль и т. д.“

Людовикъ XV не ошибался, предполагая, что добрыя отношенія, которыя царили между нимъ и Елизаветой, не продлятся при ея преемникѣ. Съ восшествія на тронъ Петра III разразились сильныя распри между Россійскимъ и Французскимъ дво-

рами по поводу титула императоръ, на которое претендовалъ Петръ III и который Людовикъ XV отказывалъ ему дать. Можно прочесть въ исторіи дипломатіи де-Флассона (т. VI ст. 332 и слѣдующ.) подробный разсказъ о этихъ ничтожныхъ ссорахъ этикета. Это послужило однимъ изъ поводовъ плохого положенія де-Бретейля въ Петербургѣ и несмотря на то, что онъ былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ императрицей, онъ просилъ и получилъ свой отзывъ и былъ назначенъ посланникомъ въ Швецію. Онъ покинулъ Петербургъ 25 іюня 1762 (н. ст.) и находился въ Варшавѣ на пути къ Парижу, когда онъ получилъ 14 іюля извѣстіе о революціи, которая возвела на тронъ Екатерину.

Вмѣсто того, чтобы продолжать свое путешествіе или возвратиться въ Петербургъ, гдѣ онъ оставилъ только одного изъ своихъ секретарей, повѣреннаго въ дѣлахъ Франціи, де-Бретейль отправился въ Вѣну, гдѣ онъ получилъ приказъ въ частномъ письмѣ Людовика XV отъ 10 сентября вернуться возможно скорѣе къ своему первому назначенію.

Де-Бретейлю было не безизвѣстно о тайныхъ планахъ Екатерины и надо думать, что онъ удалился изъ Петербурга, чтобы только не быть скомпроментированнымъ въ революціи, въ успѣхъ которой онъ не вѣрилъ. Его отъѣздъ былъ горячо порицаемъ герцогомъ де-Шуазель, и вотъ оправдательное письмо, которое онъ ему адресовалъ по своемъ возвращеніи въ Петербургъ:

„Я уѣхалъ изъ Петербурга 25 іюня, освѣдомленный о проэктѣ заговора, но время его дѣйствія не было опредѣленно и казалось даже отдаленнымъ, судя по подробностямъ мѣръ и тому, что мнѣ сказалъ эмиссаръ царицы. Она мнѣ прислала его наканунѣ моего отъѣзда 24 іюня, не снабдивъ его ни чѣмъ, что могло бы дать силу моему довѣрію.

Не было ли это осторожно и необходимо требовать доказательствъ отъ царицы въ этомъ человѣкѣ, прежде чѣмъ ему довѣриться? Я ему оставляю инструкцію по этому поводу и жду, чтобъ отдать отчетъ объ этомъ открытіи при дворѣ, что онъ передалъ моему секретарю четыре слова царицы, которыя могли меня обезпечить во всѣхъ отношеніяхъ. Между тѣмъ я уѣзжаю 25 іюня. Такъ близко къ моему отъѣзду, объявленному всѣмъ, могъ-ли я отложить его такъ неожиданно, и не могъ-ли я бояться, что это увеличитъ подозрѣнія царя противъ меня до той степени, что заставитъ его сдѣлать мнѣ комплементъ, непріятный для короля? Канцлеръ мнѣ внушилъ черезъ графа Мерси страхъ который онъ имѣлъ, чтобъ царь не взялся за этотъ дикій по-

ступокъ; не могъ-ли бы меня упрекнуть въ томъ, что я подвергалъ опасности достоинство его величества?

Царица у меня проситъ сто тысячъ талеровъ, а я не имѣю ни одного. Я не хочу ей признаться въ своемъ безсиліи. Я спрашиваю, сейчасъ ли она нуждается въ этой помощи; мнѣ говорятъ, что нѣтъ и достаточно, чтобъ быть въ ней увѣренной. Тогда я принимаю предложеніе доставить царицѣ эту сумму золотомъ тотчасъ по моемъ пріѣздѣ въ Варшаву. Чтобы заставить принять это предложеніе, я пользуюсь предлогомъ шума, который могли произвести на мѣстѣ, въ Петербургѣ шестьдесятъ тысячъ рублей, доставленные французскими купцами немедленно. Это разсужденіе кажется справедливымъ и ее удовлетворяетъ. Мнѣ кажется, что я выигрываю этимъ поведеніемъ время, чтобъ быть освѣдомленному о дѣйствительности этой просьбы, извѣстить затѣмъ короля о суммѣ, которую у него просятъ и получить его приказанія, передъ тѣмъ какъ ее дать. Мнѣ кажется еще, что я возбуждаю также благодарность царицы, не рискуя ни однимъ талеромъ. Арестъ одного заговорщика ускоряетъ всѣ мѣры и рѣшенія, и я не имѣю времени ничего сдѣлать. Это обстоятельство печально для меня, но причины моего поведенія, развѣ они менѣе благоразумны?

Я узнаю въ Варшавѣ о исполненіи и успѣхѣ проэкта царицы. Мое первое движеніе и мое единственное желаніе были вернуться обратно, не дожидаясь распоряженій короля. Я былъ совершенно увѣренъ въ чистотѣ моихъ намѣреній, но я боюсь, что они мало освѣщены; вы согласитесь, герцогъ, что это неудобно, брать на себя поступки такого рода. Наконецъ, я уѣхалъ изъ Варшавы, чтобъ отправиться въ Вѣну. Я долженъ былъ бы ждать въ Польшѣ распоряженій короля; но, разсчитавъ все, поѣздка въ Вѣну, задержала мой пріѣздъ сюда только на пять дней, такъ какъ я былъ въ Вѣнѣ, до прибытія курьера, который привезъ мнѣ приказаніе вернуться назадъ. Вотъ, герцогъ, краткое повтореніе моихъ ошибокъ и мое оправданіе. Я къ этому прибавлю одно размышленіе. Чтобы мнѣ сказали, если бы, какъ мало этого нужно было, революція была бы несчастна для Екатерины II и я бы находился въ Петербургѣ, замѣшанный въ этотъ заговоръ безъ приказанія короля, или чтобъ лучше сказать съ старыми противоположными распоряженіями; чтобъ я располагалъ деньгами короля, безъ приказанія на это, на неудавшееся предпріятіе, которое компрометируетъ положеніе его величества? Дѣйствительно, герцогъ, было бы слишкомъ несчастнымъ быть судимымъ въ политикѣ по событію кабинетомъ, и по крайней мѣрѣ, чтобъ имѣть безграничную власть и средства, одинаково обшир-

ныя. Публика, не зная дѣла, руководствуется единственно тѣмъ, что видитъ, чтобы хвалить или порицать: кабинетъ долженъ избавить отъ этой несправедливости тѣхъ, кого таинственность вещей необходимо этому подвергнетъ.

Вотъ письмо Людовика XV отъ 10 сентября (н. ст.). Оно какъ бы исходный пунктъ политики, слѣдуемой въ продолженіи многихъ лѣтъ въ отношеніи Екатерины версальскимъ кабинетомъ:

„Г. Бретейль, я получилъ письмо, которое вы мнѣ писали изъ Вѣны, 7-го сего августа. Если вы не думали такъ скоро быть въ этомъ городѣ, я не долженъ былъ также этого ожидать. Мой министръ иностранныхъ дѣлъ вамъ разсказалъ то, что я рѣшилъ о вашемъ отъѣздѣ изъ Петербурга въ такой интересный моментъ, о которомъ вы знали, а также о вашей поспѣшности удалиться все больше отъ Россіи. Если вы уѣхали несмотря на то, что знали о близкой революціи, исходъ которой вы узнали въ Варшавѣ, было бы нормально тамъ подождать подъ какимъ нибудь предлогомъ распоряженій, которыя вы спрашивали, и которыя я вамъ бы туда прислалъ, вмѣсто того чтобъ поставить себя въ положеніе откладывать ихъ исполненіе, приближаясь къ Франціи. Какъ бы то ни было, признаніе, которое вы дѣлаете моему министру въ своей винѣ въ этомъ случаѣ, меня заставляетъ думать, что вы удвоите усердіе для моей службы и чтобъ исправить все, что ваше поведеніе могло внести вреда.

Поведеніе, пріемы, и дѣйствія Петра III, такъ же какъ молчаніе и терпѣніе, высказываемое императрицей, показывали одинаково, что этотъ князь не останется долго на тронѣ; но не предвидѣли что событіе должно было быть такъ близко. Перемѣна управленія въ Россіи измѣняетъ также поведеніе всѣхъ иностранныхъ державъ съ этимъ государствомъ. Двѣ вещи должны желать возбудить вашу бдительность; это будетъ: 1-ое, внутреннее управленіе Россіи и 2-е, принципы которыя новая императрица создастъ по отношенію къ союзнымъ или враждебнымъ державамъ императрицы Елизаветы.

Скрытность царствующей императрицы и ея храбрость въ моментъ исполненія ея проэкта, указываютъ, что эта княжна способна задумывать и исполнять большія дѣла.

Нѣтъ сомнѣнія, что память Петра III имѣетъ мало сторонниковъ; итакъ, не должны предвидѣть безпорядковъ, замышленныхъ изъ желанія мести. Но императрица, иностранка по происхожденію, которая никакимъ образомъ не относится къ Россіи, и племянница короля Швеціи, должна имѣть неизмѣн-

ную силу, чтобъ удержаться на тронѣ, которымъ она обязана ни любви своихъ подданныхъ, ни ихъ уваженію къ памяти ея отца, какъ это видѣли во время революціи, которая поставила покойную императрицу. Какую бы заботливость она не проявляла, будутъ всегда недовольные. Если эта княжна имѣетъ гордую душу, у нея чувствительное сердце. Она будетъ имѣть любимца и наперстницу; выборъ, который она сдѣлаетъ, насъ мало касается. Дѣло лишь въ томъ, чтобъ знать тѣхъ, кто будутъ имѣть наибольшее ея довѣріе и искать съ ними возможности совѣтоваться.

Княжна Дашкова должна, конечно, пользоваться ея большими милостями; но можно ли отвѣчать, что предпріятіе, руководимое такой молодой особой, не имѣло другихъ мотивовъ, какъ польза государства или привязанность къ своей государынѣ? Страсть царя къ Воронцовой могла возбудить ея ревность. Если эта причина не существуетъ за смертью князя, княжна Дашкова, романтичная и побужденная успѣхомъ, можетъ найти себя недостаточно награжденной, и думать, что ей не выказываютъ достаточно довѣрія; въ концѣ концовъ, по какимъ бы причинамъ это не было, не было ли это изъ желанія интриговать, искать вновь взволновать. Императрица, если она что нибудь откроетъ, можетъ показать, что еще перемѣнитъ видъ двора.

Нужно ожидать еще много заговоровъ. Они еще болѣе вѣроятны, если княжна имѣетъ любимца. Избиретъ русскаго, довѣріе которое онъ будетъ имѣть, возбудитъ безъ сомнѣнія ненависть другихъ; если она выберетъ нѣмца, всѣ русскіе будутъ этимъ обезпокоены, особенно если онъ воспользуется своей властью, чтобы раздавать милости людямъ своей націи. Итакъ, если Понятовскій возвратится въ Петербургъ, блескъ этого путешествія не можетъ повредить славѣ императрицы, и слѣдовательно ея управленію, отстранивъ отъ нея сердце ея подданныхъ. Ваша главная забота, въ эти первые моменты, должна быть въ томъ, чтобъ изучить со вниманіемъ поведеніе княжны, видѣть, кто будутъ тѣ, кого она удостоитъ своими особенными милостями, искать убѣдиться въ ихъ дружбѣ, чтобъ повернуть дѣла русскаго двора въ благопріятную сторону для будущаго.

Вы уже знаете, и я здѣсь повторю ясно, цѣль моей политики съ Россіей, удалить ее на сколько это возможно отъ дѣлъ Европы, не дѣлая ничего лично, что могло бы дать поводъ жаловаться на васъ; предметомъ вашего вниманія должно быть давать прочность всѣмъ партіямъ, которыя неминуемо образуются при этомъ дворѣ. Благодаря смутѣ, которая будетъ

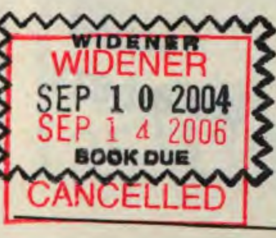
тамъ царить, она будетъ менѣе въ состоянiи отдаться планамъ, которые другiе дворы могли бы ей внушить. Вы должны искать и получить дружбу и довѣрiе людей, сильныхъ при этомъ дворѣ, и тѣхъ, которые могутъ стать таковыми.

Я предоставляю вашей осторожности и знанiю, которое вы имѣете о моихъ интересахъ и намѣренiяхъ, управлять вашими поступками, когда вы не будете имѣть времени испросить прямо приказанiй... Не должно быть вопроса, съ моей стороны, о связи съ Россiей. Будетъ достаточнымъ поддерживать тѣ, которыя выгодны, и ловко отклонить связи, которыя можно взять противъ моихъ намѣренiй".

Бретейль покинулъ Петербургъ 16-го мая 1763 г., оставляя на этотъ разъ уполномоченнаго въ дѣлахъ Беранже. Несмотря на то, что онъ лично подвергался одному расположенiю Екатерины, Беранже сохранилъ этотъ постъ въ продолженiи двухъ лѣтъ.

Въ 1765 г. маркизъ Боссе получилъ довѣрiе въ качествѣ полномочнаго министра, но по своемъ отъѣздѣ онъ не былъ замѣщенъ. Россиньоль, консулъ, остался уполномоченнымъ Францiи. Сабатье де Кастресъ, который прибылъ въ Петербургъ въ 1769 г. не имѣлъ другого титула, и только въ 1772 г. дворъ Версаля былъ снова представленъ въ Петербургѣ полномочнымъ министромъ. Дюранъ въ 1775 г. имѣлъ преемникомъ маркиза Ининье; но этотъ, уѣзжая въ 1777 г., былъ еще замѣщенъ однимъ уполномоченнымъ, дворяниномъ Буре де Корберонъ. Наконецъ, отношенiя между Россiей и Францiей казалось бы улучшились и маркизъ де Веракъ получилъ влiянiе въ Петербургѣ въ качествѣ полномочнаго министра. Ни одинъ изъ этихъ посланниковъ или уполномоченныхъ не имѣлъ ни малѣйшаго влiянiя при дворѣ Россiи, и не больше около Екатерины, чѣмъ около ея любимцевъ и ея министровъ, и поле дѣйствiя было открыто для ловкихъ маневровъ Фридриха II. Этому содѣйствовалъ раздѣлъ Польши и столько другихъ предпрiятiй, несчастныхъ для европейскаго равновѣсiя.

Ленкниготорг
Маг № 53
Р. 25 —
кв. № 1632/58

WIDENER
WIDENER
SEP 1 0 2004
SEP 1 4 2006
BOOK DUE
CANCELLED

